Лин фон Паль

Все тайны Третьего Рейха

«Очень немногое осталось от Берлина, города, где был подписан последний акт капитуляции Германии. И почему должно от него что-то остаться? Союзники, абсолютные хозяева Германии, могут подвергнуть Берлин судьбе Карфагена — как драматический знак конца прусского милитаризма, который, подобно губительной эпидемии, распространился из Берлина на всю Германию, приведя ее в настоящее состояние стыда и разрушения… Германцы поймут, что столица Фридриха Великого будет сметена с лица земли до такой степени, что от нее не останется ни руин, ни развалин… Найдется немного людей, дабы сожалеть об исчезновении этой непопулярной среди европейских столиц „парвеню‟, каковой является Берлин. Без сомнения, нужно наказать индивидуальных военных преступников, но настоящее Зло находится не в индивидуумах, а ведет свое происхождение из германской Истории. Более чем какой-либо другой город, Берлин символизирует Зло. И политика выжженной земли, примененная к Берлину, будет более чем простой акт справедливости. Она станет началом воспитания Германии, необходимого для того, чтобы она сделалась цивилизованной нацией».

Харолд Калдендер, 11 мая 1945 года

Победители будут всегда судьями, а побежденные — обвиняемыми.

Герман Геринг

Вместо предисловия:
Притягательность тайн

Увидев на обложке книги упоминание о тайнах Третьего рейха, читатель, наверно, вправе ожидать, что тут-то его и посвятят в самую черную и самую закулисную кухню немецкой политики. И Гитлер там будет с рожками, и Гиммлер внутри магического круга, и весь генералитет в козлиных масках и с заклинаниями на устах. Тем, кто ждет такого замечательного повествования, могу сказать сразу: захлопните книжку и купите себе что-нибудь из фэнтези, там вам и драконов предложат, и магов, и смертельные схватки с обязательной победой положительного героя, а в этой книге ничего подобного нет. Она не фэнтези. Это совершенно правдивое и документальное повествование об одной из сложных и противоречивых эпох, которые переживали реальные люди, а не какие-то фэнтезийные герои. И у Гитлера нет рожек, и Гиммлер, хоть и мистик, но не псих, а уж генералы-то, те вообще абсолютно рациональные граждане, ни в каком чернокнижии не замеченные.

У Великого Рейха было, конечно, немало тайн. Но такова особенность государственных секретов, что и по истечении долгого времени они так и остаются секретами. И сколько бы ни старались ученые-историки, тайны никак не станут прозрачнее или яснее: когда-то все было сделано для того, чтобы посвященных в тайны людей или же тайных документов не осталось. Иначе, правда ведь, разве можно было бы назвать эти великие тайны тайнами? Самое смешное, что сегодня мы почти не представляем даже, в чем была суть таких тайн. Мы даже не догадаемся, что это-то и были тайны, даже если их узнаем. Нет, я тут не имею в виду тайны военные — этот сорт секретов как раз через полвека вполне может выйти наружу, потому что больше не представляет интереса ни для кого, разве что для упомянутых историков. Не имею я также в виду и тайны психологического порядка, основанные на том, как использовать тех или иных государственных деятелей или чиновников, дабы они приняли верные решения или совершили необходимые ошибки. Эти тайны тоже через годы становятся прозрачными. Нас, конечно, удивляет странная цепочка событий, которая образовалась, оказывается, из-за вовремя данного намека или лживого слова, принятого за истину в последней инстанции, или же просто потому, что на жизненном пути столкнулось несколько людей, которые понравились или не понравились друг другу.

Но это — не тайны.

Это всего лишь то, что называется историей.

Однако настоящие тайны всегда останутся нераскрытыми, и главная их прелесть в том, что мы даже не узнаем, что именно они-то и были настоящими тайнами своего времени.

Увы, эти тайны умерли с теми, кто о них знал.

А то, что сегодня наивно именуют тайнами Третьего рейха, в целом не имеет отношения к тайнам.

Скорее тут можно говорить о новом прочтении истории той эпохи, о неожиданно обнажившихся фактах, о вдруг преданных огласке деяниях, о сказанных на смертном одре словах стариков, которым удалось уцелеть во время Рейха и после великого наказания за то, что они жили в это время и приняли сторону национал-социалистов, то есть оказались попросту фигурками на шахматной доске, которые использовали настоящие игроки — политические деятели их времени. Правда, среди этих вдруг образовавшихся тайн есть тайны особого сорта — мистического. Это забавно, поскольку ничего особо мистического в истории Третьего рейха не было и нет, но так уж получилось, что мистическая компонента намертво «приварена» к стальному Рейху благодаря некоторым особенностям мировоззрения его вождей. В своих книгах на этот предмет мне пришлось даже специально оговаривать, что не стоит искать оккультные тайны, где их не было и быть не может. В этих книгах приведено немало мифов далекого уже от нас времени, но это мифы, то есть измышления людей, а не оккультные тайны.

Беда Третьего рейха как раз и была, наверное, в том, что некоторые мифы или измышления вместо того, чтобы остаться достоянием книжных червей и конспирологов, вдруг достигли неимоверной высоты — были использованы в строительстве немецкого государства. Это так же странно, как если бы ночью вам привиделся некий волшебник, который подарил чудесный аппарат, дарующий победу над всем человечеством, а днем вы ринулись бы на поиски означенного агрегата в полной уверенности, что он существует, все свои действия подчинив родившейся в ночном сознании мечте.

Вы так не поступите?

Наверно, нет.

И ни один здравомыслящий человек тоже не перепутает явь и сон.

Но ведь людей можно использовать, ими так легко управлять, если знать об их маленьких слабостях! Германии в этом плане фатально не повезло. Во главе этого государства встал человек, который искренне верил в свою мечту и был дилетантом. Тем, кто позволил этому человеку достичь политических высот, представлялось, наверно, что эту веру и некоторую расплывчатость в понятиях будет легко использовать, сделав его отличной марионеткой. Но тут-то те, кто стоял за его спиной, ошиблись. Адольф Алоизович Гитлер не желал быть марионеткой. Он стремился лично управлять вверенным ему государством! Это Германию и погубило. Вместо обещанного тысячелетия Великий Рейх просуществовал всего двенадцать лет. Люди, которые могли составить славу немецкой нации, остались лежать бесчувственными телами на полях сражений, став добычей зверей и птиц. Города Германии превратились в развалины. А в головах потомков сложился специфический комплекс вины, который лучше всего выражается фразой: «Мне совестно, что я немец». Печальный комплекс, до сих пор не изжитый. Благодарить немцам за это приобретение стоит союзников, Нюрнбергский процесс и послевоенную пропаганду, а вовсе не Адольфа Гитлера. Тот все двенадцать лет внушал им совершенно другую идею: «Я счастлив, что я немец».

Вместо обещанного Гитлером тысячелетия Великий Рейх просуществовал 12 лет, а города Германии превратились в руины

Но так уж получается: историю действительно пишут победители. А побежденные долго еще изживают «комплексы» и стыдятся собственной истории. Для меня всегда было величайшей загадкой, как этот механизм действует. Ведь история творится не единой волей

народа (что бы там о роли масс не писалось, роль их невелика!), а решениями горстки людей, выбирающих для страны тот путь, по которому она пойдет. В основе этих решений лежат чаще всего экономические подоплеки, а не политические предпочтения. Партии, идеологии, политические лозунги — это всего лишь ширма, прикрывающая экономическую целесообразность и страсть к наживе. Народ в этой схеме занимает неблагодарное положение: он поднимает экономику, идет сражаться за своих лидеров и служит грушей для битья, если война проиграна.

Немцы вкусили горечь поражения в полной мере. До этого, плохо понимая происходящее, они вкушали горечь побед. Это не оговорка: в государстве, построенном дилетантом Гитлером, победы были не лучше поражений — они туго затягивали петлю на шее людей. Впрочем, в стране, похожей на тогдашнюю Германию как отражение в зеркале, был свой «Алоизыч» — Иосиф Виссарионович. И народ «Виссарионыча» шел к своим победам тоже с петлей на шее. Но комплекса вины у этого народа не сложилось.

Почему?

А тут все просто: «Виссарионыч» войну выиграл!

Хотя, по правде, на скамье подсудимых в городе Нюрнберге должны были сидеть рядом как гитлеровские коршуны, так и сталинские соколы. Ничем они не отличались, разве что военной формой. Но «соколы», однако, вели допросы. Они были победителями.

Окажись Гитлер честной марионеткой, выполняй он правильные команды, может быть, история Германии сложилась бы совсем иначе. И Вторая мировая война имела бы иное развитие и иной результат. Но для этого… да, тут нужна была совсем другая марионетка. Без столь выраженных амбиций и без ощущения собственной непогрешимости. Но другая марионетка не смогла бы так быстро и так непостижимо крепко сплотить немцев и подчинить их собственной воле. Гитлеру это удалось. Его вера была неколебимой. Любой другой человек на его месте был обречен на неудачу.

Напрасно о кресле диктатора мечтал Геринг, напрасно о высшей власти грезил Гиммлер — фюрером Великого Рейха мог быть только Адольф Гитлер. Он создал свой Рейх буквально из ничего, из убийственных статей версальского мира, из пепла Первой мировой войны, но он же и погубил свое детище, не умея вовремя остановиться или хотя бы прислушаться к профессионалам. Рейх, которым он управлял, был последним в своем роде государством, претендующим на мировое господство. К этому господству Гитлер думал привести свой народ благодаря армии, то есть надеясь разбить армии противников. Живая сила против живой силы.

После Гитлера такое простое решение стало уже невозможным. Появилась Бомба. Точнее — Бомбы, и в разных руках. А это сильно ограничивает аппетиты, хотя мечта о мировом господстве может появиться то в одной, то в другой сумасшедшей голове. Вряд ли она теперь достигнет полной реализации. Пустить к чертям собачьим какой-нибудь пустынный атолл — это еще куда ни шло. Но разнести боеголовками европейское государство — увольте! Даже дурак и террорист сто раз задумается, прежде чем нажать на красную кнопочку. И вряд ли нажмет. Жить-то и ему, дураку и террористу, тоже очень хочется.

Так что, как это ни парадоксально, успехи научные тут же и ограничили возможности применения «вундервуффе» для завоевательных целей. Адольф Алоизыч в дни своего земного бытия мечтал об этом чудо-оружии, но знай он его особенности — мечта бы тут же увяла на корню.

Во времена Адольфа в этом плане все было куда как проще. Мир можно было завоевать, не разрушив его основы. Но для этого требовалось найти верные слова и верные цели. Непогрешимый фюрер нашел и слова, и цели, и его народ пошел за своим лидером, не зная, что очень скоро окажется на краю пропасти. Почему же народ с воодушевлением двинулся по этому пути в никуда? Наверно, тут-то и заключена самая большая тайна. Ведь среди сторонников нового режима были неглупые и неплохие люди! Но… они верили Гитлеру, они

шли за Гитлером! Они шли даже тогда, когда стало уже ясно, что собой представляет возводимое тем здание нового Рейха! Внешне-то это здание было прекрасным: сильное государство, единство народа, экономическое чудо, возвращение утраченных территорий, неожиданно бурное развитие во всех сферах науки и техники, на горизонте уже маячило создание новой Европы… объединенной Европы, братской, так сказать, семьи народов… арийских народов… Но! Чудо, единство, государство и сам народ — все предназначалось для войны. А война — она для чего? Для победы, извините, сил огня над силами льда, то есть Света над Тьмой. У христиан эта последняя битва именуется Армагеддоном. В ней небесное воинство должно победить воинство Антихриста. Адольф Алоизыч держал за Антихриста Иосифа Виссарионыча. Последний, вероятно, считал ровно наоборот. Впрочем, оба они Священное Писание знали, и оба в него не верили. А уж если рассуждать об Антихристе, то их было двое — немецкий и советский. Оба, как некогда сказала булгаковская Маргарита, хороши.

Второго диктатора той эпохи — Иосифа Сталина — Гитлер держал за Антихриста

Немецкий вождь совершенно искренне ненавидел большевиков, поскольку они уничтожали индивидуальную волю. Ученик Ницше и Шопенгауэра, он ставил волю превыше всего, потому что именно воля формирует мир, только воля позволяет народам достичь гармонии, то есть власти над другими народами. Лев Николаевич Гумилев нарек этот шопенгауэровский индивидуализм пассионарностью. Фюрер в этом плане был настоящим пассионарием. Лучшего пассионария в новейшей истории я не знаю. Созданный Сталиным человечник он не мог оценить по достоинству. Однако сам он создал аналогичный человечник, только под мистически окрашенным знаменем неоязычества. Это было даже не возвращение к Средневековью, как принято считать, а нырок в гораздо более дальнюю эпоху, до христианства, ислама и даже иудаизма. То есть в тот первобытный мир, где только личная

отвага и сила давали право победы. Над этим миром возвышалось древо Иггдрасиль и висел вниз головой вырвавший свой глаз Вотан. Рыжебородые арийцы побеждали неарийские соседние племена и заедали хмельные напитки замечательно прожаренными на первобытных кострах свиньями, истинно немецкой сельхозпродукцией. Синеокие арийские Венеры обихаживали первобытные пещеры и рожали чудесных синеглазых и белокурых детей. Это был мир героев и воинов, хранительниц очага и валькирий — странная смесь немецких эпических поэм и рокочущей музыки любимого фюрером Рихарда Вагнера. В этот невозможно щемящий и прекрасный мир и позвал маленький человечек с лицом Чарли Чаплина свой обуржуазившийся немецкий народ, который — по его мнению — подло обманули, навязав версальские соглашения.

Благовоспитанный, послушный, педантичный немецкий народ, еще совсем недавно честно соблюдавший христианские заповеди и чтивший лютеранские праздники, был разом возведен в ранг народа-воина, несущего свет и — как требовала логика — кару тем, кто держался за свою тьму. Не удивительно, что воины Света шли в бой под лозунгом «За фюрера, за Великую Германию», а им противостояли воины Тьмы со своим лозунгом «За Родину, за Сталина».

А что вы хотите?!

Армагеддон.

Свет против Тьмы или Тьма против Света, Огонь против Льда или Лед против Огня — не суть. Итог один: война на полное уничтожение и своих, и чужих. Так под бравурные марши и факельные шествия началась эта странная эпоха, и так под похоронные марши и взметающие песок и каменную пыль взрывы она закончилась. В кратчайший промежуток земного времени вместилась она — воистину первобытная по жестокости и героическая, в полной мере экзистенциальная. И мы никогда не поймем той эпохи, если будем разбираться только в ходе военных действий и списках потерь. Не поймем, почему обычные немцы, приличные и мирные люди, вдруг сошли с ума и ввязались в мировую войну, почему вдруг они стали сплошь национал-социалистами, почему даже в самом конце многие предпочитали погибнуть за своего фюрера, а не бежать прочь из обреченной страны. Нет, немецкие обыватели вдруг каким-то чудом стали воинами и героями. Они выбирали смерть! Не нацистские вожди, которые отлично понимали, что за будущее им предстоит в случае выживания, а простые бюргеры, простые рабочие, простые крестьяне, которые одним махом были все обращены в солдат Рейха, а их женщины — в жен и матерей этих солдат. Даже дети, и те не остались в стороне: они тоже добровольно шагали в пропасть, умирая за фюрера с улыбкой, как положено хорошим солдатам. Именно об этой тайне — тайне всеобщего помрачения рассудка — и будет наш разговор. Ибо я не знаю большей тайны и большего преступления, чем превращение целого народа в послушный военный механизм!

От немецкого Средневековья дошла до нас одна легенда. Как-то в городке Гаммельне развелось немыслимое количество крыс. Это сильно удручало местных жителей, потому как ни мясные лавки, ни хлебные, ни даже сам магистрат не избежали печальной участи посещения этими несносными животными. Крысы гуляли по Гаммельну стаями, не прячась от жителей. Те пробовали их ловить, топить, ставить ловушки — все оказалось бесполезным. Крысы жировали. Когда же, пожрав все, что можно, крысы сделали набег на магистрат и сожрали писанные на телячьей коже документы, у властей терпение кончилось. Власти объявили о том, что дадут любую награду, только бы нашелся смельчак, который справится с крысиной агрессией. Смельчак нашелся. Прихрамывая, явился он в магистрат и пообещал, что изгонит крысиную стаю. Члены магистрата растеклись в благодарностях. В надежде на избавление пообещали они ловцу немалую плату, на том и сговорились. И вот взял он в руки флейту, поднес к губам, заиграл, да и пошел вон из города. А следом за ним из каждого дома стали тут же выбегать крысы, и взрослые, и подростки, и совсем крысеныши, и вся эта крысиная армия двинулась следом за неспешно шагающим музыкантом. Так они шли и дошли до озера, куда

вся крысиная армия и попрыгала. Расправившись с крысами, музыкант вернулся в Гаммельн за наградой. Тут бюргеры, увидавшие, как легко он справился с их крысами, решили гонорара не платить. Ловец рассердился и ушел, не взяв горсти монет, но пообещал, что свой гонорар он все равно получит. И пошел он прочь из города, поднес флейту к губам и снова заиграл. А из дворов и домов, отовсюду, стали выбегать дети Гаммельна, и богатые дети, и бедные, и все они пошли за музыкантом, и сначала они просто шли, потом вприпрыжку, потом бегом — и так все вдруг исчезли, точно их никогда и не было. Крысолов, конечно, по легенде, был сам дьявол, потому и увел немецких детей…

Очень хорошая, на мой взгляд, легенда, правильная. Достаточно подобрать душевный мотивчик, чтобы и дети, и взрослые ринулись следом за своим вожаком. От качества мотивчика зависит, если хотите, охват широких слоев населения. Национал-социалистам это в свое время удалось. Удалось и нашим большевикам. Но у первых все же получилось масштабнее, да и — скажем — оригинальнее.

Что ж это был за мотивчик?

Что ж это были за музыканты?

Куда и зачем повели они целый народ? Как сумели вести целых двенадцать лет без перерыва? Чем закончилось путешествие, и закончилось ли оно или еще продолжается?

И как правильнее именовать эту расчудесную страну Крысолова — Великий Рейх или Гитлерборея?

Именно об этом и написано в открытой вами книге.

Часть первая

Идеи и идеологи

Особенности немецкого мышления

На Нюрнбергском процессе, когда перед трибуналом предстал идеолог Третьего рейха Альфред Розенберг, его адвокат принес в зал заседаний целую стопку разного рода «расовой» литературы. Адвокат пытался доказать, что Розенберг не придумал ничего нового и что идеология Третьего рейха не была каким-то особым изобретением его вождей, а базировалась на распространенной в начале XX века философии, причем немецкой лишь отчасти. Адвокат пытался убедить высокий суд, что эти идеи были близки каждой немецкой душе! Суд, конечно, не принял во внимание слов адвоката, поименовав их уловками. А ведь адвокат говорил истинную правду! Идеология Рейха вовсе не была откровением национал-социалистов! Она родилась задолго до самого национал-социализма, вожди нового движения просто ее использовали!

Вот и нам с вами не мешает повнимательнее взглянуть на те базисные идеи, которые «были близки каждой немецкой душе». Сделать это не столь сложно, поскольку базовые идеи «вычерпал» для себя еще в юные годы основоположник национал-социалистической партии Адольф Гитлер. А круг его чтения прекрасно известен: Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Гвидо фон Лист и Йорг Ланц фон Либенфельс. В Шопенгауэре Адольфа Гитлера привлекал ироничный и довольно мрачный взгляд на мир, в котором не осталось ничего, кроме человека с его волей и мужеством смотреть правде в глаза. По натуре юный Гитлер был существом восторженным и эмоциональным, едкий Шопенгауэр учил смирять и эти эмоции, и этот восторг: ты человек, говорил философ, и потому должен действовать, только твоя собственная сильная воля и только твоя жажда свершений могут принести плоды. Если ты будешь подчиняться и не приложишь собственных усилий, то проживешь напрасную жизнь. Ты и только ты способен создать мир таким, каким он должен быть. Немецкому характеру свойственны отстраненность и созерцательность, это очень организованное, дисциплинированное сознание, оно следует

правилам и боится их нарушить. Шопенгауэр не мог не покорить мыслей Гитлера: он учил мужеству действия, мужеству быть личностью, совершать ошибки и добиваться побед.

Идеолог Третьего рейха Альфред Розенберг

Другой философ, Ницше, тоже оказался любезен юному читателю: увлеченный иранской Авестой, зороастризмом, он дал Гитлеру образец для подражания — мудреца Заратустру, бесстрашного и поэтичного, насквозь пропитанного романтическим идеалом. Книга Ницше «Так говорил Заратустра» была одной из любимых книг Гитлера. Что же Заратустра, то есть Ницше, говорил своим читателям? А говорил он, что людей можно разделить на две категории: тех, кто ничего не боится и своими руками творит судьбу нации, и тех, кто подчиняется и живет по прописанному образцу. Первые были наследниками богов, героями, сверхлюдьми. Вторые — недостойными настоящего выбора недолюдьми, трусливыми и порочными. Само собой, восторженный немецкий юноша мог выбрать только один образец для подражания — сверхчеловека, белокурую бестию, стоящую по ту сторону добра и зла и имеющую на это право сильного. Ницше писал о своем сверхчеловеке восторженно и такими волшебными словами, что под обаяние этого образа невозможно было не подпасть. Гитлер и подпал. А вместе с Гитлером подпали и все другие читатели, которым совсем не нравилось ни время, в котором им довелось родиться, ни страна, «забывшая» о славной истории и более не творившая никаких подвигов. Вывод был ясен и прост: если мир настолько туп и косен, скучен и мерзок, если все в прошлом, то имеются два пути: покончить с собой и окружающим миром (самоубийство) или изменить сам мир.

Поэтика добровольного ухода из жизни кружила тогда головы многим, это считалось красивым и тоже весьма поэтичным. На этой поэтике построен декаданс. Но это не был путь Гитлера. Убить себя? Да, но только в крайнем случае и при непременном условии, что эта

смерть чему- то послужит. Гитлер был юноша патриотичный, «пустая» смерть была ему противна. И само искусство, смакующее смерть ради смерти, — тоже. Признаки этого смакования, разложения и конца вещей он находил в современной ему поэзии и полотнах живописцев. Ему это было… отвратительно. Конечно, художник может видеть мир по-своему, даже через смерть и грязь, через разложение и натурализм, но Гитлер-то желал видеть прекрасный новый мир, который могут создать настоящие герои Ницше! Может быть, это неприятие искусства как способа отражения сломленных человеческих душ и заставило его искать свой новый мир совсем в другой стороне, далекой, скажем, от реальности. Ибо реальность, в которой жили немцы начала XX столетия, была не самой приятной. Это ощущал не только юноша Адольф Шикльгрубер, но и другие участники исторического процесса, рожденные в немецких семьях в самых разных частях германоязычного мира — как в Пруссии или Баварии, так и в Австро-Венгрии. Именно эта страна дала будущему национал-социализму двух его любимых философов — Листа и Либенфельса.

Но почему именно Австро-Венгрия?

Дело тут в особенностях самой империи Габсбургов.

Австро-Венгрия была, по сути, лоскутной империей. На небольшой территории тут проживало множество европейских народов — германских, романских, славянских и семитских. Это неустойчивое многонациональное образование, готовое распасться на множество мелких государств, сдерживалось только королевской властью. Австро-Венгрия даже на карте выглядела как странный узкий лоскут суши, протянутый от Франции до Балкан. На территории этого лоскута в непонятной связи друг с другом жил с десяток народов, разных по происхождению, верованиям и складу характера. Немцы отнюдь не составляли в этой империи большинства. Более того, немцы не были даже самыми богатыми жителями Австро-Венгрии. Глядя в сторону границы, где жили их кровные братья и сестры под рукой Бисмарка, немцы весьма сожалели, что их страна совсем не Германия.

Юный Гитлер получил первое представление об этой ужасной несправедливости на уроках истории: их вел немецкий патриот, так что не удивительно, что и Гитлер вырос немецким патриотом. Таких юношей немецкого происхождения, получивших патриотическое воспитание в стране, где немцы не были большинством, насчитывалось множество. У каждого из них был свой учитель истории или старший товарищ, вовремя раскрывший им глаза.

Но откуда черпали немецкий патриотизм сами учителя или старшие товарищи? Да из современных им газет, взахлеб от восторга писавших об успехах соседнего германского государства, где немцев как раз подавляющее большинство. Из книг, в которых философы говорили о необычайных достоинствах немецкого национального характера и пресловутого антропологического немецкого типа. Таковых тоже было множество. Учитывая, что жизнь немцев в Австро-Венгрии не была безоблачной, им только и оставалось надеяться на то, что вскоре их чудесный национальный тип будет востребован и жизнь радикально переменится.

К концу XIX — началу XX века эта жизнь становилась все труднее. А ощущение того, что сильный расовый тип вынужден подчиняться слабым расам, вызывало негодование. Так вот и происходило национальное самоосознание немецкого величия в условиях отдельно взятого многонационального государства.

Особенно в плане вавилонского смешения рас и народностей отличалась столица Австро-Венгрии Вена. Сюда устремлялось все ищущее карьеры население из других, нестоличных городков. Вена, которая прежде славилась музыкантами, теперь стала законодательницей идейных исканий. А если припомнить, что происходило в этой области не только в Вене, но и по всему Старому — да и Новому — Свету, вывод ясен: искания шли в самых разных направлениях. Одни были связаны с ухудшением уровня жизни. Этим исканиям отвечали труды марксистов, мечтавших восстановить социальную справедливость, то есть провести хорошую революцию. Центр марксистских исканий как раз находился в самом сердце Европы, сюда, в

спокойную западную жизнь, бежали из уже бурлящей России ее революционеры. Здесь же никто не забывал о французских и немецких событиях середины XIX века — о первых попытках революционного коммунистического движения взять власть и начать строительство своего государства. Это стремление левых заняться экспроприацией и переделать мир волновало людей не столь революционно настроенных, идеалом которых была спокойная сытая жизнь без такого рода приключений.

Но богатые богатели, а нищие нищали. И у нищих по этому поводу были свои мысли, для богатых отвратительные. Другие идеи лежали за пределами социального неравенства. Неравенство эти идеи предлагали искать не в уровне жизни и доходов, а в расовой истории. Способствовало такому ориентированию не на сословное происхождение, а на расовый элемент несколько моментов.

Как раз в эти годы христианская религия стала терпеть настоящий кризис: усилия моралистов Просвещения не пропали даром, и к концу XIX века количество верующих стремительно сокращалось. Эстафету от религии приняла наука, вынужденная заниматься не только прикладными, но и онтологическими вопросами, то есть происхождением жизни и человека. Второй вопрос, благодаря Чарльзу Дарвину, слегка прояснился, но вызвал у многих негодование: те, кто видел в человеке венец творения, явно не желали такой истории человечества, где вместо Адама и Евы возникали два обезьяночеловека, звери по сути, безмозглые создания. Вот если бы человек произошел от человека… но Дарвин здесь был неумолим. От обезьяны! Это возмутило не только клерикалов, но и часть интеллигенции, не желающей иметь ничего общего с подобным происхождением предков.

Зато на дарвиновскую идею сразу откликнулись идеи мистического толка, которые предлагали другой путь человеческой истории, надо сказать, более симпатичный, без обезьян. Рупором этой новой точки зрения на историю человечества стала русская женщина Елена Петровна Блаватская.

Жизнь Елены Петровны можно читать как роман, в ней было все — и странное замужество, и странные отношения с мужчинами, и путешествия в самые неизведанные части мира, и откровения, которыми она охотно делилась со всеми желающими. Откровения были вынесены ею как раз из этих неведомых простому смертному стран — горного массива Центральной Азии.

Елена Петровна очень правильно нашла единственное место, откуда должно было явиться новое знание. Ученые как раз стали помещать в этот азиатский центр прародину человечества. Серьезные ученые, то есть ортодоксальные, искали это место, чтобы понять, каким путем шли миграции древнего населения земли. А мистические — чтобы попробовать вернуться на прародину и найти древние артефакты. Прародина ассоциировалась у них с тем Эдемским садом, откуда Бог христиан и иудеев когда-то их изгнал. Поэтому возвращение на прародину подразумевало и возвращение к лучезарному прошлому, божественному миропорядку.

Елена Петровна серьезным ученым не была, она вообще не была ученым, но место для прародины определила четко: а там, где прародина, там и древние знания. Восток как раз стал входить в моду в культурных кругах. Если от европейской старины ничего путного не сохранилось, то в местах, куда не ступала нога христианского миссионера, можно было найти нужные вещественные доказательства. Правда, Елена Петровна не представила этих «вещдоков», она предпочитала писать книги, а когда заходила речь об источниках ее невероятных познаний, скромно объясняла, что по ночам ей диктует тексты некий махатма Мория. Виртуальный махатма надиктовал много, в том числе два тогдашних бестселлера — «Разоблаченную Изиду» и «Тайную Доктрину».

Первой расой, появившейся на Земле, говорила она, была астральная раса. Это была раса чистого духа, не имеющая физического тела. Сегодня мы сказали бы, что это было что-то вроде образования плазмы. Елена Петровна верила, что это высочайшая форма существования, идеальная.

Вторую расу она назвала гиперборейской. Гипербореи, о которых упоминают античные авторы, жили на ныне исчезнувшем континенте, где-то в районе современного северного полюса.

Третьей расой были лемурийцы, которые заселили континент Му. Блаватская говорила, что причиной падения лемурийской расы было то, что она скрестилась с животными и перестала быть божественной.

Четвертой по счету была раса атлантов. Все древние сооружения, происхождение которых было загадочным, Елена Петровна смело отнесла к материальным остаткам от этой атлантической эпохи. Атланты, по ее сведениям, обладали экстрасенсорным восприятием, умели добывать неизвестную ныне энергию и построили множество гигантских городов, но из-за войн и раздоров между собой стали приходить в упадок, и в конце концов эту феноменальную цивилизацию поглотили воды библейского потопа.

Пятую коренную расу Блаватская назвала расой надежды, именно она когда-то основала культуру древней Греции и принесла народам Европы цивилизацию, а придет время — снова проявит себя и возродит древнее знание, хранителем которого и является. Эту расу Елена Петровна назвала арийской.

Неудивительно, что мистическая доктрина Блаватской, доктрина предназначения арийского человека, тут же распространилась по Германии и Австрии — немецкие ученые недавно как раз отнесли древних германцев к арийцам. Это они выяснили, занявшись систематизацией языковых групп. Оказалось, что все языки можно систематизировать и разделить на группы, которые никоим образом не имеют между собой точек соприкосновения, и эти языковые группы замечательно накладываются на теорию рас. И что самое удивительное, наиболее цивилизованные в XIX веке расы, оказывается, принадлежат и к одной языковой группе — индоевропейской. Отсюда вполне толерантные к конкретным людям ученые сделали вывод, что одни расы лучше других и более склонны к прогрессу.

Они совершенно искренне считали, что белый человек гораздо успешнее представителей черной или желтой расы. Конечно, этот научный вывод, впоследствии оказавшийся ошибочным, подхватили тут же настоящие расисты, которые на физиологическом уровне ненавидели негров, монголов или евреев. Для них ученые слова были что бальзам на душу: приятно и возбуждает.

Австрийские философы не являлись расистами в чистом виде, но евреев недолюбливали. Это была особенность австрийского мировосприятия — неприязнь к евреям, хотя те им ничего дурного не сделали. И это даже не было первоначально связано с особенностями философского взгляда, просто немцы в Австро-Венгрии были антисемитами, от учености или неучености тут зависело немногое.

Чем большим патриотом ощущал себя австрийский немец, тем большим антисемитом он оказывался. Почему — понятно. В евреях они видели конкурентов, и часто евреи оказывались богаче и успешнее честного немца. Так что с появлением научного обоснования различия между расами австрийские немцы патриотично уверовали в арийскую миссию белого человека, который, по Блаватской, некогда владел миром. Кто ж ему запрещает снова владеть?

Кроме того, в те же годы языковые факты подтвердили и гематологические исследования. Оказалось, что у людей всего четыре группы крови, и по этим группам можно выявить, какие народы и где проживали. Тут-то расовая теория пополнилась еще одним замечательным звеном: теорией вырождения. По этой чудесной теории браки между разными расами приводят не к улучшению качества человека, а к его вырождению, то есть закреплению дефектных признаков. Это была отнюдь не немецкая идея, а всеобщая. В России она цвела не менее пышным цветом, чем в немецкой среде. Однако только в Германии она дала превосходный результат — породила национал-социализм. Но прежде она стала научным достоянием — со спорами, можно ли переливать белому человеку кровь негра или еврея, не отразится ли это

на его умственных способностях, здоровье и потомстве, а потом уж одной из составных частей вошла в патриотическую философию Листа и Либенфельса — любимых философов Гитлера.

Гвидо фон Лист

К началу XX века Гвидо фон Лист был уже совсем не молодым человеком. Но он сохранил удивительное качество юности — смотрел на мир широко раскрытыми глазами. Это был искренний и наивный мечтатель, однажды уверовавший в силу и красоту языческих немецких богов (а случилось это с ним еще в далеком и счастливом детстве). С тех пор до конца дней он был верен своему идеалу.

Ученый немало путешествовал, его восхищали пейзажи Австрии и Германии — именно тут, в прекрасных творениях природы он видел торжество космической гармонии, которую мечтал вернуть в современный и для него ненастоящий мир. Прошлое ему всегда казалось важнее настоящего, и его он воспринимал восторженно, хотя и с известной долей сентиментальности.

Даже в молодые годы, когда его странствия проходили в веселых компаниях друзей, он испытывал вовсе не те чувства, что его приятели. Когда после дневного перехода они радовались отдыху и с удовольствием попивали алкогольные напитки, Гвидо фон Лист искал уединения, где всем сердцем открывался совершенному миру природы и обращался с восклицаниями к древним немецким богам. А однажды, путешествуя по реке к развалинам древнего римского города Карнунтума, где некогда германцы одержали победу, он совершил первое ритуальное захоронение восьми бутылок вина, расположив их в виде солнечной свастики под аркой Языческих Ворот.

Эта деталь биографии Листа не осталась без внимания Адольфа Гитлера. Он всегда помнил, что именно Лист первым в новейшей немецкой истории отметил 1500-летнюю годовщину легендарной битвы при Карнунтуме и увековечил священным ритуалом славу немецкого оружия и победу германцев над римлянами.

Гвидо фон Лист и в юные годы, и в старости негативно относился к тому, что принято считать буржуазной моралью и техническим прогрессом, он мечтал о счастливой земле предков — затерянном среди гор и лесов уголке, где жива вера в языческих богов, и народ наделен лучшими чертами древних ариев. Современность ему совсем не нравилась. Так что история и изучение текстов и старинных построек были той отдушиной, без которой он не мог бы и выжить.

Лист воплощал мечты лишь в литературных произведениях и пьесах, и эти книги и постановки, очевидно, были пропитаны такой страстью и целеустремленностью, что вызывали у публики воодушевление и любовь. Во всяком случае, так эти творения воспринимало доброжелательное к Листу окружение. Окружение было специфическим.

Карнунтум, или Языческие Ворота, — остатки древнего римского поселения, в котором некогда немцы одержали победу над римлянами

Увы, успех Листовых творений был связан не столько с литературным даром автора, сколько с тем, что к старости он стал ярым антисемитом. Именно эти настроения все больше и больше охватывали многонациональную Вену, особенно после массового переселения евреев из Галиции. Лист с его пангерманизмом и неприятием чуждого влияния евреев затрагивал в душе толпы отнюдь не самые романтические струны. Сам он вряд ли понимал, что аплодисменты звучат не его таланту, а его позиции.

Лист нападал на евреев и возвеличивал древних германцев. Публике это очень нравилось, ведь публика была не еврейской, зато евреи автора осуждали и относились к нему брезгливо.

В начале XX века старый идеолог ариософии увлекся исследованиями в области лингвистики. Это была популярная тема, в лингвистике тогда искали ответы на вопросы, откуда пришли в Европу ее нынешние жители. Лист написал многостраничный манускрипт об истории языка древних германцев и его связи со знаками рунического письма, причем в научный труд были введены понятия из оккультизма и каббалистики.

Так, например, в качестве знакового отражения стадий творения мира он называл древнейшие известные нам символы — свастику и трискелион. Даже геральдические знаки Лист интерпретировал как рунические древние символы, разобрав и систематизировав немало древних рыцарских гербов. Эти знаки он связывал с древним (утраченным) знанием жрецов Вотана.

Ученые восприняли исследование с усмешкой, зато мистики приняли книгу с восторгом. Самое занятное, что научные изыскания в этом труде соседствовали с мистическими откровениями. Ученые совершенно справедливо считали, что исследование написано дилетантом. Ни один серьезный исследователь не посмел соединить несоединимое — магию и науку. Но для Листа был важен не метод, а результат, цель. Цель всегда была одной: побольше узнать об истории древних ариев. Недаром он затеял хлопотное и трудоемкое дело — стал публиковать в теософских журналах цикл «Ариогерманских исследовательских отчетов», которые с интересом поглощал юный Гитлер.

Если Шлиман искал Трою по Гомеру, то Лист искал ариев по северным мифам — Старшей Эдде, исландским сагам. Наукой, конечно, эти труды Листа не стали, но ему удалось другое — возродить язычество в христианской Австро-Венгрии. Так им было положено начало движению неоязычников.

Главным их богом с легкой руки Листа стал О́дин (Вотан), который считался богом войны древних германцев и покровителем героев Валгаллы. Вотан, как известно, дал германцам оружие и научил их сражаться, он был богом тайного (герметического) знания, создал магию и умел беседовать с миром теней. Свои знания он получил страшной ценой, подвесив себя вниз головой на Мировом Древе Иггдрасиль, пожертвовав своим собственным глазом за право владеть тайнами мира. Вот как пишет об этом древняя Эдда:

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.
Никто не питал,
никто не кормил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стеная их поднял —
и с дерева рухнул.

(Перевод Л. Корсуна)

Девять дней и ночей он провел на Мировом Древе, страдая от боли, голода и жажды, истекая кровью, зато обрел невиданное могущество: понял смысл и значение 18 рунических символов, то есть основы древнего языка, и теперь мог своим словом управлять миром. В результате этой инициации Вотан стал бессмертным, обрел силу, уничтожающую врагов, силу, позволяющую залечивать раны и обольщать красавиц. Казалось бы — легенда, какое она имеет отношение к современности? Но, в силу особенностей того времени, отклик получился неоднозначным и современным.

В древней германской истории добровольно «проживали» и другие современники, в основном молодые. Они основали движение под названием «Лебенсреформ» («Истинные реформы»). Это было движение, направленное на реставрацию естественного образа жизни, аналогичное толстовскому «опрощению».

Множество молодых людей образовали организацию «Перелетные птицы». Они стремились уйти «назад, в природу», то есть прочь из городов с дурной экологией и неправильным бытом, на землю, где жили предки. Чаще всего вылазки в природу были кратковременными, молодежь бродила по полям и лесам, восхищалась красотами немецкой природы, по старинным книгам и рассказам стариков возрождала немецкий фольклор и ритуалы. Науку самые продвинутые «птицы» презирали, медицинскими услугами старались пользоваться только под страхом смерти, зато с удовольствием оседали в сельских местностях, образовывали коммуны, как на нашей памяти это делали хиппи, отказывались от мяса, вместо таблеток пили травки, на природе ходили нагишом и осваивали восточные медитации (все

повторяется, не так ли?). Это были лучшие читатели Листа. К ним-то он и обращался, выводя из мифологии некие «рунические заповеди»:

«Сотвори себе счастье, и будешь счастлив!»;

«Познай себя, и ты познаешь все»;

«Береги свое Я»;

«Сила твоего духа делает тебя свободным»;

«Твоя кровь — высшее из того, что ты имеешь»;

«Используй свою судьбу, а не борись с ней»;

«Добейся власти над собой, тогда все, что противостоит тебе в духовном и физическом мире, будет в твоей власти»;

«Творческий дух должен победить!»;

«Сперва научись править судном, а уж потом берись переплыть море»;

«Будь человеком»;

«Подумай о том, что будет после»;

«Вмести в себя мир, тогда мир подчинится твоему контролю»;

«Не бойся смерти, она не может убить тебя!»;

«Твоя жизнь в руках Бога, доверься ему!»;

«Брак — корень арийской расы!»;

«Человек, будь одним целым с богом!».

Получив историческое обоснование, молодежь с радостью окунулась в воды неовотанизма. Так древний немецкий языческий бог вернулся в XX столетие, чтобы победить иудейского Христа и вернуть дух и бесстрашие погрязшим в суете и мелочных заботах австрийским немцам.

К христианству Лист относился с неприязнью, для него распятый Христос был всего лишь тенью повесившего себя Вотана. Если разобраться, в отличие от единого монументального бога монотеизма северные боги были гораздо более человечны. Как и их греческие товарищи, они рождались, жили, страдали, любили, обманывали, вымаливали прощение, завидовали, ненавидели и в конце концов погибали. Они не были вечными, то есть не были абстрактными. По старинному мифу, уничтожить божественные тела может только время — Хронос, который является в обличье Небесного Волка Фейрира. Тогда волна тени накатывает на Асгард, смывает и сминает его, как карточный домик, разрушает до основания.

Когда пришла пора умирать О́дину (Вотану), он нашел средство спасти свое существование и свою реальность. Один помнил, точнее, его кровь помнила, как придет конец всему сущему. И он позвал к себе гномов и попросил их сковать самые крепкие цепи на земле. Но Небесный Волк шутя разрывал эти цепи. Тогда Один понял: против ирреального Волка поможет только воображаемая цепь, и он велел сковать эту цепь из «шума шагов кошки, птичьей слюны, дыхания рыбы, корня скалы, волос из бороды женщины». Ей дали имя Глейпнир — то есть цепь из несуществующего, запредельная цепь, которая может сковать только то, что не имеет материальной природы. Но эта цепь будет удерживать Небесного волка только до той поры, пока все воспринимают ее как реальную, материальную, то есть способную быть видимой мысленным взором.

Шло время, и боги забыли, что существует невидимая цепь, о которой необходимо помнить. И как только они перестали эту потустороннюю цепь видеть, Небесный Волк обрел свободу, напал на Асгард, стер его с лица земли и сожрал богов, одного за другим. По преданию, Волка можно победить, если обратить вспять его время, вернуться туда, откуда он пришел. Сначала Волк был Лисом, потом он стал Собакой и только в конце утратил миролюбивый нрав и превратился в озлобленного Волка-Убийцу. Если приручить Лиса, пока

он Лис, Лис не станет Волком, Лис станет Собакой — сделайте из Собаки друга, верного друга, и тогда он не обратится Волком.

Считается, что эта тройственность образа — три стадии инициации. Лист видел в легенде отражение вполне реальных магических обрядов, которые совершали древние арии. Жрецы, проходя ступени обучения, подвергались «смерти Вотана», то есть магической смерти с последующим воскрешением. Испытания, которые им надлежало пройти, были тяжелыми, выдерживали их только достойные. Интересно, но практика таких испытаний прочно вошла в быт эсэсовцев Гиммлера, а культ Вотана и его «волка» красной нитью прошел через жизнь Гитлера, который волчьими именами нарекал все свои ставки и штабы и пытался приручить Волка-Убийцу, имея при себе Собаку — любимую овчарку Блонди, которой (единственному животному!) разрешалось находиться в бункере фюрера. Лист, конечно, и не предполагал, какие мистические выводы сделает его читатель Гитлер!

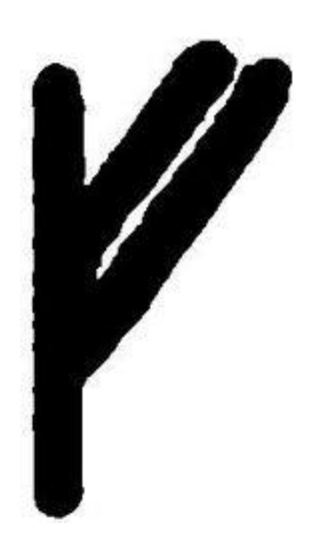
Из идей Ницше с его белокурой бестией и сверхчеловеком, Блаватской с ее ариями и собственных упорных изысканий в сфере исторического и оккультного Лист родил гремучую смесь. Культ Вотана, возвращенный в современность, оказался ближе всего к мироощущению древнего берсерка — человека-зверя, не ощущающего боли в бою, не страшащегося смерти и тяжелых увечий и входящего во время битвы в особый гипнотический транс то ли при помощи специальных ритуальных танцев, то ли при помощи ритуальных напитков.

По всему было понятно, что если юноши вдруг так активно увлекаются неоязычеством и исповедуют культ сильного вождя (своего бога Вотана), то общество с привычным укладом и мещанской моралью ничего не сможет им дать. Но тот, кто знает, как управлять этими молодыми неозычниками, добьется многого. Правда, хозяин этой жаждущей древних знаний молодой поросли должен быть равным Вотану, он обязан хотя бы в малой степени обладать магическими знаниями. Главное условие успеха — он сам должен верить, что ими владеет.

Лист мечтал о таком молодом вожде, способном вернуть ему прекрасный мир древних богов и древних ариев. А один из его читателей, в котором прагматизм удачно соединялся с верой в мистику и предназначение, взял эту идею для дальнейшего углубления. Правда, Лист этого углубления уже не увидел.

Из мятежной поры юношества Гитлер вынес не только мистическое вдохновение, он сохранил веру в то, что древние немецкие руны, если их правильно записать или произнести, помогут одержать победу. Как в нем, человеке трезвом и дальновидном, это сочеталось — вопрос другой. Но к руническим знакам фюрер до конца дней питал некоторую слабость. Вероятно, в те далекие годы до первой войны он вызубрил Листов алфавит наизусть. И не он один. Что же представлял собой этот чудотворный древний алфавит?

Арманический рунный Футарк выглядел по Гвидо фон Листу таким образом (цитируется по книге «Тайна рун» в переводе Л. Колотушкиной).



Fa, feh, feo — Фа: огненное рождение; собственность, имущество, скот; расти, странствовать, разрушать.

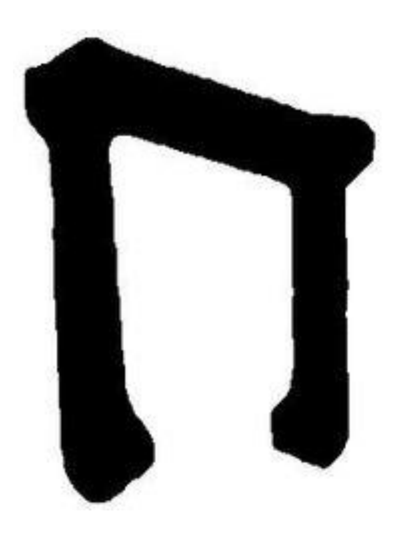
Помощь — такое

первому имя —

помогает в печалях,

в заботах и горестях.

Корневое слово «fa», которое в данной руне есть отображение «примордиального слова» (то есть изначальное. — *Авт.*), — понятийная основа таких слов, как появление, бытие, делание, действие, управление, а также — переход к новому рождению, — и потому оно символизирует мимолетность существования всего живого и стабильность эго в постоянных его трансформациях. Посему, эта руна скрывает утешение скальдов; она гласит, что настоящие мудрецы живут для развития будущего, и только дураки горюют над высказыванием: «Сотвори себе счастье, и будешь счастлив!»

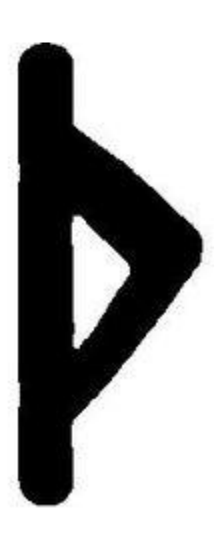


Ur — Ур: вечность, изначальный огонь, изначальный свет, первый бык или зубр; воскресение (жизнь после смерти).

Знаю второе —

оно врачеванью
пользу приносит.

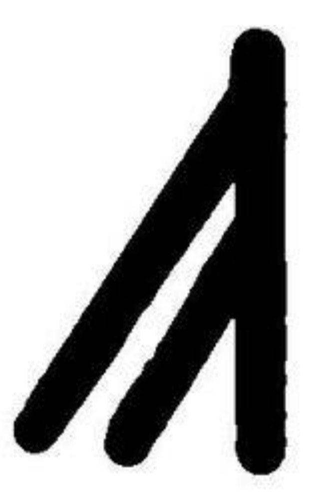
Основа всех проявлений — Ur, Предначальное. Тому, кто осознал первопричину события, само оно уже не кажется неразрешимой загадкой, ставящей в тупик головоломкой, — неважно, было ли это событие удачным или неудачным, — и потому он не только может отогнать несчастья и беды или добиться успеха, он может еще и осознать и обманчивое зло, и фальшивую удачу. И потому: «Познай себя, и ты познаешь все».



Thorn thurs, thorn — Тор: гром, молния; торн, шип, колючка.

Знаю и третье —
оно защитит
в битве с врагами,
клинки их туплю,
их мечи и дубины
в бою бесполезны.

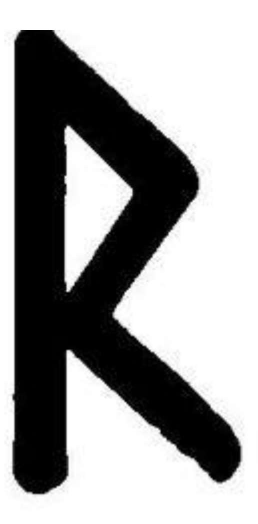
Эта руна символизирует «Шип смерти» — тот, которым Один погрузил в сон-смерть Брюнхильд, непокорную валькирию (сравн. со сказками о Спящей Красавице), но вместе с тем — и «Шип жизни» (фаллос), посредством которого возрождение побеждает смерть. Этот угрожающий знак надежно притупляет оружие противника, желающего чужой гибели, он же побеждает силы смерти вечным возвращением жизни. Потому: «Берегите свое Я».



Os, as, ask, ast — Ас; рот, уста, устье; появление; ясень; прах.

Четвертое знаю —
коль свяжут мне члены
оковами крепкими,
так я спою,
что мигом спадут
узы с запястий
и с ног кандалы.

Духовная сила, несомая Словом, рвет физические оковы и дарует свободу; пред ней склонятся все завоеватели, привыкшие побеждать одной лишь физической силой; она разрушит все тирании. Потому: «Сила твоего духа делает тебя свободным».

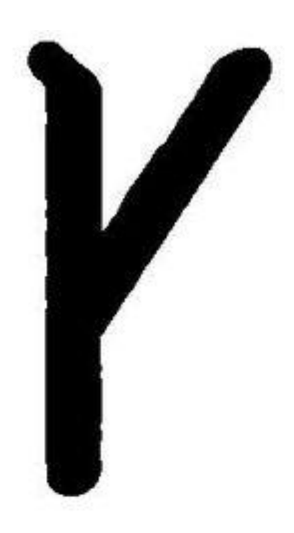


Rit, reith, rath, raoth — Рит: совет, рассказ, разгадка; красный; колесо; прут, жезл; правая сторона, правда, справедливость и т. д.

И пятое знаю —
коль пустит стрелу
враг мой в сраженье,

взгляну — и стрела
не долетит,
взору покорная.

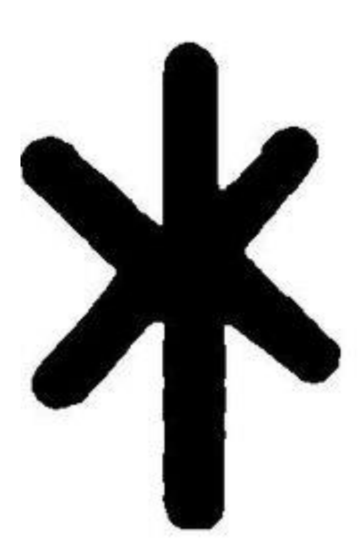
Пока народ сохраняет ненарушенным свое первородное «внутреннее», «внутреннее» естественного народа, у него нет причин поклоняться внешней божественности, ибо внешнее богослужение, ограниченное обрядами и церемониями, становится нужным лишь тогда, когда человек не может найти Бога в своем сокровенном бытии, в своей жизни, и начинает искать его вне своего «эго» и вне мира — «наверху, в звездном небе». Чем поверхностнее человек, чем менее знает он свои сокровенные черты, тем более вовне направлена его жизнь. И чем дальше заходит процесс потери «внутреннего» у народа, тем более напыщенными, официальными и формальными становятся внешние проявления его жизни — формы правления, законы и культ (и эти проявления становятся совершенно обособленными понятиями, никак не связанными между собой). Но они должны сохранить хотя бы остатки вечности в знании: «Я верю в то, что я знаю, и потому я могу жить».



Ka, kaun, кan, кuna, kien, kiel, kon — Ка: смелый, уверенный; никто, ничто.

Знаю шестое —
коль недруг корнями
вздумал вредить мне, —
немедля врага,
разбудившего гнев мой,
несчастье постигнет.

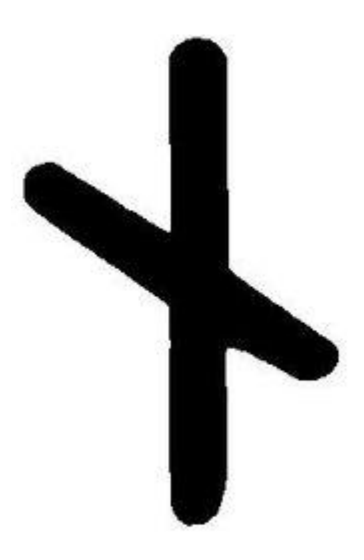
Древо Мира, Иггдрасиль, в узком смысле — родовое древо ариев, рядом с которым родовые деревья других народов рассматриваются как «чужие». Племя должно хранить свою чистоту; племя не должно «зарастать» корнями чужого древа. Если же это и произойдет, то не принесет «чужим деревьям» никакой пользы, ибо «побег от чужого корня» вырастет, чтобы стать яростным и сильным врагом чужого древа. Потому: «Твоя кровь — высшее из того, что ты имеешь».



Hagal — Хагаль: ограда Всего, град; разрушение; приветствие.

Знаю седьмое —
коль дом загорится
с людьми на скамьях,
тотчас я пламя могу погасить,
запев заклинанье.

Hagal — самоуглубленное осознание, решимость ощущать Бога внутри себя, — дает уверенность в силе собственного духа; эта уверенность дарует человеку магическую силу, которая живет во всех людях; силу, подчиняясь которой, сильный дух может отбросить сомнения и поверить в самого себя… Избранный, наделенный этим осознанием- без-сомнений, контролирует и духовную, и физическую составляющие жизни и чувствует себя всемогущим. Потому: «Вмести в себя Всё — тогда Всё подчинится твоему контролю».



Nauth, noth — Нот: необходимость; Норна; принуждение судьбы.

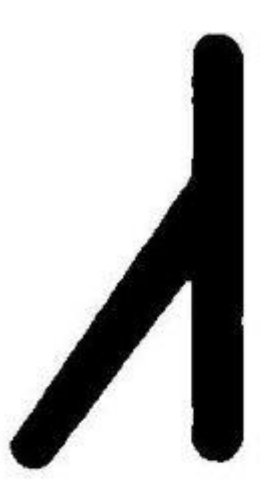
Знаю восьмое —
это бы всем
помнить полезно:
где ссора начнется
средь воинов смелых,
могу помирить их.

«Руна Нужды цветет на ногте Норны». Это не «нужда» в современном значении слова (нищета), но — необходимость, неизбежность судьбы, назначенной Норной согласно первичным законам. Именно так должна пониматься причинная связь всех явлений. Только тот, кто сумел осознать первопричины явления, только тот, кто достиг понимания основных законов эволюции и того, что из этих законов следует, — только тот может оценить и последствия событий, как только они начнут проявляться. Так он и располагает знанием будущего и пониманием, как уладить раздор посредством «следования ясно осознанному пути судьбы». Потому: «Используй свою судьбу, а не борись с ней».

Is — Ис: лед; железо.

Знаю девятое —
если ладья
борется с бурей,
вихрям улечься
и волнам утихнуть
пошлю повеленье.

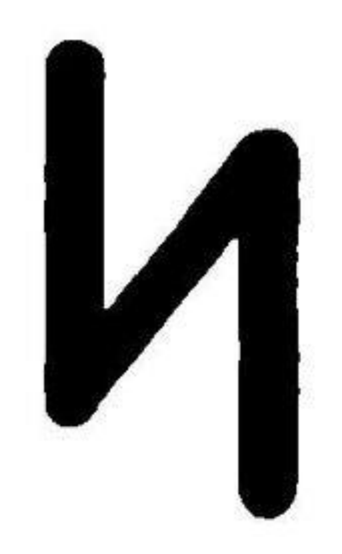
«Не признающее сомнений осознание личной духовной силы» связывает волны — «замораживает» — они становятся твердыми, как лед. Не только волны, но и вся жизнь покорна принуждению воли… Потому: «Добейся власти над собой, тогда все, что противостоит тебе в духовном и физическом мире, будет в твоей власти».



Ar — Ар: Солнце; изначальный огонь; арии, высокородные и т. д.

Знаю десятое —
если замечу,
что ведьмы взлетели,
сделаю так,
что не вернуть им
душ своих старых,
обличий оставленных.

Солнце, свет разрушат как физическую, так и духовную тьму, сомнения и неуверенность. В знаке Ar арии — дети солнца — заложили основу своих законов, основной закон, иероглиф которого — орел (Aar). Он приносит себя в жертву, он предает себя смерти в пламени, чтобы возродиться вновь… Поэтому же, когда в погребальный костер прославленного героя кладут орла, это понимается как символ того, что умерший герой в смерти своей готовит себя к возрождению, стремясь к еще более славной жизни в образе человека, несмотря на все препятствия, создаваемые силами тьмы, — несмотря на все то, что склоняет голову перед Ar: «Чтите изначальный огонь».

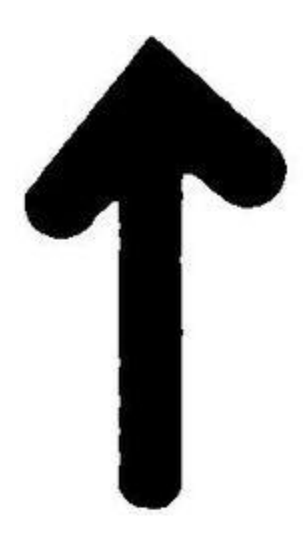


Sol, sal, sul, sig, sigi — Сол: Солнце; победа; спасение; колонна; учение и т. д.

Одиннадцатым
друзей оберечь
в битве берусь я,
в щит я пою, —
побеждают они,
в боях невредимы,
из битв невредимы
прибудут с победой.

«Sal и sig!» — Спасение и победа!

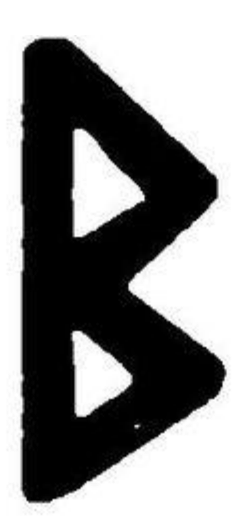
Это древнейшее арийское приветствие и боевой клич можно найти и в иной форме — в виде широко распространенного воодушевляющего призыва: «Alaf sal fena!» Это стало символически изображаться одиннадцатым знаком Футарка, руной Победы: «Творческий дух должен победить!»



Tyr, tar, tur — тюр: зверь; Тюр, бог Солнца и войны; поворачивать, порождать, скрывать.

Двенадцатым я,
увидев на дереве
в петле повисшего,
так руны вырежу,
так их окрашу,
что он оживет
и беседовать будет.

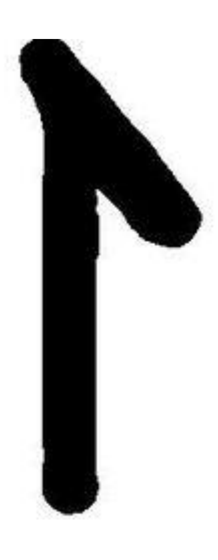
Возрожденный Один, спустившийся с Древа Мира, на котором он принес самого себя в жертву, так же как и возрожденный из пепла Феникс, олицетворяется Тюром, юным богом Солнца и войны… Как Один возродился в обновленном теле после принесения себя в жертву, — которую нужно понимать скорее не как его смерть, но как целую жизнь, — точно так же и каждый человек возвращается после каждой прожитой жизни в человеческий образ посредством возрождения — которое в равной степени и есть принесение себя в жертву… Должно быть сказано: «Не бойся смерти — она не может убить тебя».



Bar, beork, biork — Бар: рождение; песня; смерть, похоронные дроги.

Тринадцатым я
водою младенца
могу освятить, —
не коснутся мечи его,
и невредимым в битвах он будет.

В руне Песни воплощается духовная жизнь Всего, вечная жизнь, в которой человеческая жизнь между рождением и смертью — всего лишь день… Этот день в жизни Все го ограничен рождением и смертью; и даже если судьба ребенка и не указывает на насильственную смерть — он все-таки подвержен и этой, и множеству других опасностей… Германцы не признают «слепой судьбы». Они верят в предопределение человека в самом высоком смысле этого слова, но интуитивно понимают, что на пути реализации предопределения есть множество препятствий (которые назовут случайными происшествиями!), как понимают они и то, что эти препятствия призваны закалить личную силу человека… Потому каждый вновь рожденный должен быть посвящен «водой жизни», чтобы стать защищенным от неминуемых предстоящих случайностей; и потому: «Жизнь наша в руках бога, так вверьте ему ее».



Laf, lagu, logr — Лаф: изначальный закон; море; жизнь; падение, поражение.

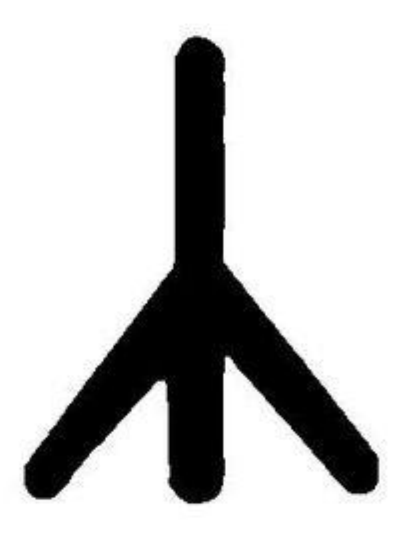
Четырнадцатым
число я открою
асов и альвов,
прозванье богов
поведаю людям, —
то может лишь мудрый.

Интуитивное знание сущности Всего, а потому — и законов природы, — образует основу священных учений ариев, или Wihinei («культ», «религия»). Эти эзотерические знания передавались народу посредством символики мифов, чтобы неискушенный взгляд народа, не привыкший к глубокому видению и восприятию, сумел разглядеть изначальные законы творения не глубже, чем физический взгляд может узреть глубины океана, а неопытный духовный взгляд — бесконечность Всего. Потому четырнадцатая руна гласит: «Сперва научись править судном, а уж потом берись переплыть море».

Man — Ман: человек, мужчина; Луна, мать; пустой или мертвый.

Пятнадцатое
Тьодрерир пел
пред дверью Деллинга;
напел силу асам,
и почести — альвам,
а Одину — дух.

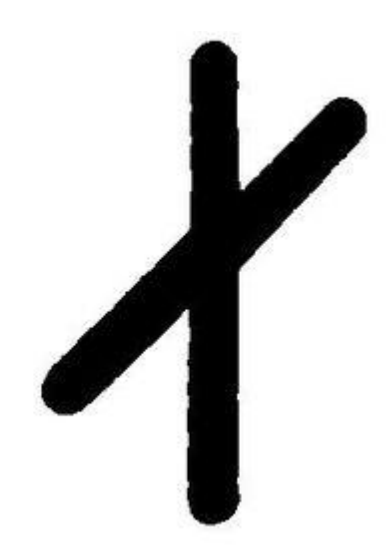
Человек узнает самого себя в пятнадцатой руне — как в знаке, посвященном распространению, размножению человеческой расы… Луна в мифическо-мистическом плане рассматривается как магическое золотое кольцо Драупнир, с которого каждую девятую ночь падают каплями подобные ему самому тяжелые кольца; кольцо, которое было сожжено вместе с Бальдром; и Нанна, мать его детей, была сожжена вместе с ним… Пятнадцатая руна охватывает как экзотерические (общедоступные), так и эзотерические понятия высокого таинства человеческой природы, и достигает своего зенита в предупреждении: «Будь человеком».



Yr, eur, iris — Ир: радуга; гнев, ошибка; арка, поклон, изгиб и т. д.

Шестнадцатым
я дух шевельну
девы достойной,
коль дева мила,
овладею душой,
покорю ее помыслы.

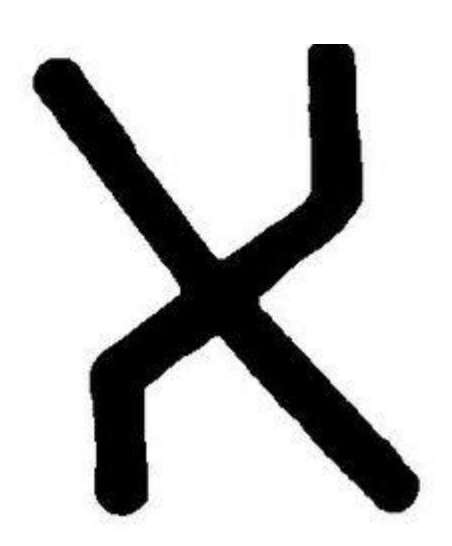
Руна Ошибки, вызывающая смятение, причинами которого могут быть страсть в любви, азарт в игре, или опьянение, или проблемы в общении, или что-то совсем другое, — быть может, она сама способна помочь преодолеть преграды именно посредством самого смятения. Но успех такой победы так же обманчив, как и победа сама по себе, — ибо она приносит гнев, дикую ярость и, в конечном счете, безумие… И потому она учит: «Подумай о том, что будет после».



Eh — Эх: замужество; лошадь; закон, право; суд.

Семнадцатым
я опутать смогу
душу девичью.

Руна Замужества утверждает понятие прочной любви на основе брака как узаконенной связи между мужчиной и женщиной… Замужество — основа народа, и потому Eh — понятие еще и законодательное, ибо, согласно древней германской правовой формулировке, замужество — это «необработанный корень», то есть основной закон продолжения германского могущества. Потому: «Брак — корень ариев».



Ge, gi, gifa, gibor — Ге: дар, даритель; бог; смерть.

Восемнадцатое
ни девам, ни женам
сказать не смогу я, —
один сбережет сокровеннее тайну, —
тут песнь пресеклась —
откроюсь, быть может,
только жене
иль сестре расскажу.

Восемнадцатая руна — это свастика. Вот где стоит искать ее родословную — в алфавите Листа. Если присмотреться, это левосторонняя свастика, которая стала потом эмблемой всего национал-социалистического движения. Что же обозначал этот символ? Как пишет Юрген, «…свастика, лучи которой направлены влево, против часовой стрелки, символизирует темные, или же внешние аспекты мира. Соответственно, лучи, направленные вправо, по часовой стрелке, означают светлые, или же внешние аспекты. Правосторонняя свастика напрямую связана с древним индо-европейским символом солнца, так называемым „солнечным крестом“. Его противоположность — Мьёлльнир, молот громовержца Донара, ассоциируемый с левосторонней свастикой. Солнце несет жизнь в своем чреве, а Мьёлльнир — могучая фаллическая молния — порождает жизнь и в то же самое время забирает ее. Но не стоит сводить это к „борьбе добра и зла“, как в свое время сделали христианские исследователи. Это — вечное единство двух разнонаправленных стихий. Оба вида свастики объединены в одном из древнегерманских символов, в „кресте Одина“ (др. — исл. odinskorset): четыре свастики вокруг „солнечного креста“, две из них направлены влево, две другие — вправо. „Крест Одина“

символизирует год и его четыре этапа — „порождающие" (весна и лето) и „разрушающие" (осень и зима), что, в свою очередь, вызывает ассоциации с четырьмя стихиями (огонь, земля, вода, воздух), четырьмя периодами человеческой жизни (рождение, жизнь, смерть, перерождение), четырьмя видами Ума (духовный, животный, человеческий, божественный), четырьмя видами психической деятельности (восприятие, мышление, чувство, интуиция)… свастика в германской традиции символизировала огненную молнию Донара, воплощенную в его молоте Мьёлльнире, поражающем ледяных великанов-ётунов».

Да, свастика — знак древний и не имеющий отношения к Гитлеру, тот просто этот знак использовал для собственных целей. Впрочем, он с большим удовольствием использовал бы для символа партии пятиконечную звезду — пентаграмму, символ человека и власти над человеком, но — увы! — эта звезда уже нашла себе хозяина. Ее взяли на вооружение большевики. Гитлер слегка опоздал, а не то бы пришлось нам сегодня с ужасом рассуждать о зле, которое несет пятиконечная звезда, и запрещать ее как нацистскую символику.

Восемнадцатая руна Листа стала эмблемой Рейха.

Сам Лист видел в «рассекреченных» рунах много больше, чем просто письменные знаки. Он верил, что они обладают магическим воздействием. Во всяком случае, если древние арии видели в них магию, то и Лист тоже ее там наблюдал. Руны, по Листу, имели особое значение для каждого из трех племен ариев (он считал, что было три племени или, вернее, три касты) и по-разному ими понимались, потому что в рунах была заключена изначальная установка на род деятельности и служение Высшему, то есть Вотану.

Только жреческое племя Гермаионов (Ариман) полностью могло овладеть силой этих магических знаков. Это племя было поставлено управителями над другими людьми, то есть речь идет о древней элите, избранности лучших и мудрых людей, священничестве. Племя воинов было создано, чтобы служить Гермаионам, а племя земледельцев — чтобы подчиняться и создавать материальные ценности.

Лист считал ариев-ариман древними интеллектуалами, их прошлое величие он накладывал на современный ему мир. И получалось, что современным миром должны управлять избранные интеллектуалы, опираясь на силу и мощь великой немецкой армии и труд земледельцев.

«Слишком мало внимания уделялось до сих пор письменным знакам наших германских предков — рунам, — с обидой писал он в свой книге „Тайна рун". — Так происходит потому, что исследователи опираются на ложное и совершенно необоснованное предположение, будто германские народы не имели никакой собственной письменности, а их письменные знаки — руны — представляют собой лишь искаженный вариант латинского унциального алфавита… Не пытаясь доказать здесь древность самих рун, которые находили на бронзовых предметах и осколках гончарных изделий, необходимо все же упомянуть, что Футарк в древние времена состоял из *шестнадцати* символов… Каждая руна имела — подобно буквам греческого алфавита — собственное имя, которое, будучи словом однослоговым, являлось одновременно носителем как корневого слова, так и росткового и первичного слов…

Так как каждая руна имеет свое собственное имя и имена эти — однослоговые, вполне очевидно, что в далеком прошлом руны исполняли функции слогового письма, фактически — иероглифической системы. Ведь и сам древний арийский язык, как и любой другой первобытный язык, был однослоговым и только в более поздние времена был сведен до алфавитного письма. Это произошло, когда структура языка стала такой, что использование иероглифических или слоговых знаков стало слишком громоздким и обременительным… Поскольку в древние времена — да и до сих пор — существует много сотен рунических знаков-символов, их точное число не может быть окончательно определено. Однако только около 30 из этого множества знаков вошло в употребление в качестве букв, то есть в качестве знаков алфавитного письма. Таким образом, к нашему времени из древних символов-знаков

произошли две основные группы — „руны-буквы‟ и „руны-иероглифы‟, каждая из которых развивалась своим собственным путем после того, как было полностью завершено деление на две эти группы. В свое время все эти символы были рунами, но теперь только „руны-буквы‟ сохранили свое название и предназначение, в то время как „руны-иероглифы‟ после формирования алфавитного письма не осознавались уже как знаки письменности… Можно отметить, что само слово „иероглиф‟ уже существовало в раннем арийском языке как „hiroglif‟ и имело уникальное значение уже тогда, когда греческого языка еще и не существовало.

„Руны-буквы‟, которые из соображений краткости я буду называть в дальнейшем просто „рунами‟, остановились в своем развитии и сохранили не только простые линейные формы, но и однослоговые имена. „Священные знаки‟, напротив, постоянно развивались, и в конечном итоге их древняя линейная форма приняла вид изысканного и сложного орнамента. Кроме того, они подвергались и множеству изменений по мере того, как понятия, которые они символизировали — да и символизируют еще и в наши дни, — развивались и совершенствовались вместе с самим языком. В эддическом „Перечислении рун Одином‟ восемнадцать рун используются в роли „письменных знаков‟, хотя и сохраняют отчасти значение „священных знаков‟ — в том же смысле, что и поздние „волшебные знаки‟».

В древности руны, действительно, существовали не сами по себе, а были тесно связаны друг с другом, составляя слова. Древние тексты, записанные рунами, имели магическое значение. «Эти закодированные слова, — писал Лист, — давали сопровождающему тексту совершенно иное толкование, — обычно смысл оказывался прямо противоположным очевидному — именно так можно понять многие средневековые поэмы, которые иначе непонятны. Поэтому можно понять причины тщательного хранения „тайны гильдии‟ Орденом Миннезингеров, Геральдической Гильдией, Германской Гильдией Каменщиков и другими группами, которые из них выросли. Кроме того, нужно рассматривать внешнюю пышность и яркость обрядов посвящения, продвижения и саму внутреннюю жизнь этих обществ именно с этой точки зрения. Однако весьма примечательным образом их тайная символика, которая была основана на священных знаках, таких как „иероглифы‟ и подобные им, согласно *heimliche Acht* или *kala*, имела второе тайное значение. Толкование этих иероглифов тоже двойное, или, если пожелаете, даже тройственное».

На верхнем слое это было обыденное значение, рассчитанное для восприятия простым народом, на втором слое — низшее экзотерическое, рассчитанное на учеников и низшего по рангу жречества, и на третьем слое — высшее магическое значение, которое было доступно только посвященным.

В старинных сагах рассказывается, что руной можно было исцелить или же убить человека. Воткнутый в землю посох, с начертанными на нем рунами заклятия (нюд), служил средством для ликвидации врагов и противников. Древним германцам был известен ритуал творения будущего пением рун (сейд), который проводился впадающими в транс женщинами. Беда только, что людей, знающих, как это делалось, не осталось.

Недаром Лист восклицал: «…обычные современные толкования, все без исключения, относятся ко второй степени — к экзотерическому уровню. Это так, потому что третья степень толкования — на эзотерическом уровне — была полностью утеряна. Но нужно все же отметить, что эта потеря только кажущаяся. Ключ к расшифровке лежит в самом языке, на котором мы говорим и в наши дни, в тройственной природе слов-понятий. В ходе этого исследования было обнаружено, что Гильдия Скальдов (Skaldenschaft) содержит истоки всех искусств и наук, которые еще и в наши дни цветут пышным цветом, что скальды были — уже в отдаленной древности, задолго до христианской эры — поэтами и бардами, герольдами (художниками), строительными мастерами (скульпторами, каменщиками, плотниками), философами и теософами — как, впрочем, и судьями. Они создали и усовершенствовали свой символизм и свои иероглифы в этих областях науки, искусства и ремесла, и, наконец, уже в христианские времена передали свое искусство и тайны ремесла через различные разработки, которые

вносились в heimliche Acht „тайными путями", гильдиям-лигам наук и искусств, выросшим из союзов скальдов. Из-за преследований со стороны церкви (пыток колдунов, гонений и преследования еретиков, переворотов во времена Реформации) и из-за других потрясений в Священной Римской Империи Германской Нации большинство традиций этих образований было утеряно, и только жалкие остатки неверно трактуемых внешних обрядов частично сохранились до наших дней, тогда как дух — внутренняя жизнь — оказался утрачен. То же самое можно сказать и о масонстве, которое корнями уходит в гильдии каменщиков. И только в живых до сих пор древних искусствах и науках, в арийской и местной геральдике, или искусстве гербовых щитов, и сохранились живые арийские иероглифы. Но в наши дни даже герольды знают только экзотерическое их прочтение. Они называют их „тайными изображениями" и „геральдическими средствами", не обращая ни малейшего внимания на их эзотерическое значение».

Однако эти знаки несут целое мировоззрение, в современном мире практически утраченное.

«Основной аспект старого арио-германского мировоззрения, — пояснял Лист, — заложенный в рунах, священных символах и их теософско-метафизическом понимании, покоится на ясном понимании высшего духовного существа — Бога! — сознательно и намеренно породившего или создавшего материю, с которой он неразделимо связан до момента ее исчезновения; с материей, равно неотделимой от жизни — управления внутри материи; эта жизнь управляет ею и развивает ее до тех пор, пока она не выполнит ту конечную задачу, ради которой была создана, после чего она исчезнет, и высшая форма бытия — Бог! — снова дематериализуется до состояния Ur, в котором он был до сотворения мира».

Под Богом Лист понимал, конечно, не христианского Бога, а нечто куда как более древнее. Он указывал девять моментов, образующих суть арийского мира: «…неделимая диада духовное-материальное; неделимая триада прошлое-настоящее-будущее, рождение-бытие-смерть/переход к новому возрождению (Ur-Всё-Ur); неделимая множественность эго во Всём, эго как Всё; божественное „внутреннее"; так как каждое эго есть частица Бога и потому как личность бессмертно, оно идет по пути сквозь материю к вечности посредством смены бесчисленных до-, настоящих- и после-существовании; осознание обязанности способствовать развитию и продолжать работу Бога; воля к выполнению этой обязанности, так как воля Бога должна быть личной волей каждого эго; и наконец сам акт выполнения, посредством пожертвования жизнью».

Эти девять пунктов пути ария к его Богу Лист вывел из изучения одних только рун. Точнее, руны и нюансы языка послужили иллюстративным материалом для описания общества, которое он себе представлял. Жрецы древних ариев, естественно, не оставили никакого описания мира, в котором жили. И рунические заповеди Лист тоже вывел из возможного значения знаков, ни из какой древности они к нам не пришли.

Свое современное общество он считал больным и требующим «ремонта», провести такой ремонт должны были новые люди, то есть люди с новым сознанием, не страшащиеся смерти. Лист писал: «Те, кто умирает „соломенной смертью" (то есть мирной смертью в собственной постели), уходят в Трудхейм, чтобы стать слугами Тора. После всего, что уже было сказано по этому поводу, не требуется дальнейших объяснений. Освобождение ожидает их в следующих воплощениях, они снова вернутся в этот мир, и придет время, когда они осознают свою миссию — то призвание, которое станет смыслом их существования, — и тогда приступят к выполнению возложенного на них. Таким образом, в течение бесчисленных перерождений все люди станут эйнхериями, и будет достигнуто особое состояние, желанное и предопределенное богом, — состояние общей свободы, равенства и братства. Это именно то состояние, к которому страстно стремятся социологи, то состояние, которое социалисты стремятся осуществить ложными методами, ибо они не могут понять эзотерическую идею, скрытую в этой триаде: свобода, равенство, братство; идею, которая должна созреть, чтобы этот желанный

день мог быть снят, как спелый фрукт с Древа Мира». Только люди с бесстрашным мышлением и равнодушные к смерти способны построить прекрасный новый мир, который не способны построить социалисты и коммунисты!

Руны и тут должны были помочь.

Но с этим было сложнее.

Человек очень неохотно меняет стиль жизни, тем более — жизни комфортной и сытой, будь он хоть десять раз арием. Возрождение могло наступить только после масштабного кризиса, то есть после утраты комфорта, вопреки желанию пребывать в безопасности и уюте. Лист пытался вернуть древние идеалы. Единомышленники Листа понимали, они жаждали точно того же. Возрождения. Поэтому рунистика стала в их среде не гипотетическим прочтением древности, а своего рода руководством к действию. Скажем, сам Лист в этом преуспел мало. Трактовки рун в его толковании могли быть верны, а могли быть и не верны — спросить-то не у кого!

Впрочем, читающая публика увидела в книгах Листа чудесно знакомое слово — *магия*. А магия всегда предполагает не только теорию, но и практику. Но когда в Третьем рейхе основательно взялись за рунологию — там целые ученые бригады вчитывались в тексты, пытаясь понять, как же руническая магия действует, а некоторые бедолаги скитались по северным деревням, надеясь, что найдется старик или старуха, которые были посвящены в великую тайну. Нашли они таких посвященных или нет — вопрос открытый, но ритуалы с рунами точно проводили, тому много свидетельств.

Во время наступления русских на Кенигсберг (Калининград) многочисленные жрецы, одетые в черные одежды, собравшись в круг, выпевали руны и совершали ритуальное жертвоприношение, чтобы остановить подходящие к крепости советские войска.

Всего этого будущего, конечно, не знал Гвидо фон Лист. Не знал он, что его труды послужат основой для рождения государства Гитлера.

Философ умер в 1919 году, пережив тяготы Первой мировой войны и не пережив кошмара поражения Германии. О том, в каком виде ей предназначено возродиться, он не предполагал. Однако некоторые прогнозы для будущего он составил. По этим расчетам получалось, что дыхание смерти коснется Европы в 1914 году, возрождение арийской крови случится к 1923 году, а в 1932 году к власти придет «сильнейший из всех». Лист не ошибся: 1914 год принес дыхание смерти, началась мировая бойня; в 1923 году национал-социалисты заставили говорить о себе; а в 1933-м (с ошибкой на год) началась двенадцатилетняя эпоха Третьего рейха, и к власти пришел Адольф Гитлер.

Все точно по Листу.

Но ничего этого философ не увидел.

В начале XX века для пропаганды своих идей он создал общество *Арманеншафт*, которое должно было начать арийское возрождение; его членами могли стать только настоящие арийцы. Название общество получило от наименования высшего жреческого сословия древних ариев, так что понятно, что Лист желал собрать в нем будущую элиту государства, в котором окажутся австрийские немцы, когда нация возродится. Лист верил в это возрождение, поскольку верил в особую судьбу немецкого народа: «В то время как арио-индийские буддисты признавали только духовное и пренебрегали физическим (и потому, сохраняя свою этническую индивидуальность, утеряли политическую свободу); а арийцы средиземноморские (греки и римляне), с другой стороны, признавали только физическое и тем самым быстро достигли высокого уровня культуры и статуса великих мировых держав, но, утеряв моральную силу, потеряли и достигнутый уровень культуры, и сами исчезли без следа; арийцы Центральной Европы — все тевтонские народы, включая немцев, — осознав zweieinig-zweispaltige Zweiheit (духовное-материальное. — *Авт.*), развивали духовное и физическое как неделимые и равные категории — и таким образом сохранили не только этническую индивидуальность, но и

национальную свободу в целом. Владея обеими из указанных категорий, они могли удерживать и сохранить свой подлинный арийский Armanendom как священнический класс, в отличие от других народов земли».

Общество занималось в основном культурной политикой и просвещением, устраивало вечера и концерты, а в мае 1912 года, почти перед самой войной, на его основе родился Германский Орден, с ложами в 10 крупных городах. Орден имел тайный совет — *Арманистическую ассамблею* — из 12 человек, которому принадлежала вся власть. Это был прообраз верховного совета будущей немецкой империи, о которой мечтал Лист.

Сам Орден был построен по тем же принципам, что и прочие тайные общества: с особыми ритуалами, засекреченным членством, тайными знаками, посвящением, инициациями на каждом новом этапе, то есть ровно так же, как любая масонская ложа или рыцарские ордена Средневековья. Единственное, что братьев Германского Ордена отличало, — иная вера, неоязычество, неовотанизм.

Как во всяком ордене, тут была жесткая иерархия, строгое подчинение, что братьям нравилось, а также пышные и красивые церемонии. Огромную нагрузку в этих церемониях нес святой Грааль — к «Парсифалю» и Эшенбаху Лист был неравнодушен.

Сохранилось описание приема нового члена в орденское братство — в самом деле, красивая церемония: «Пока неофиты ждали в примыкающих комнатах, братья собирались в церемониальном зале ложи. Мастер занимал свое место на переднем плане под балдахином, по обе стороны от которого стояли два рыцаря в белых сутанах и шлемах, увенчанных рогами, руки их опирались на шпаги. Перед ними располагались казначей и секретарь в белых масонских поясах, глашатай занимал свое место в центре зала. В конце зала у чаши Грааля находился певец в белой мантии, перед ним Мастер Церемоний в голубой мантии, а вокруг них полукругом стояли братья ложи, на таком же расстоянии, как столы казначея и секретаря. За Граалем находилась музыкальная комната, в которой фисгармония и пиано сопровождались маленьким хором „лесных эльфов‟. Церемония начиналась мягкими звуками фисгармонии, братья исполняли Хор пилигримов из Тангейзера Вагнера. Ритуал начинался в сумерки, когда братья совершали жест, символизирующий свастику, — Мастер отвечал им. Затем Мастер Церемоний вводил в зал неофитов, одетых в мантии странников, с завязанными глазами. Здесь Мастер рассказывал им об Ордене. Певец зажигал священное пламя в Чаше, с послушников снимали мантии и повязки. Мастер приближался к неофиту и совершал магические действия копьем Вотана, рыцари скрещивали над ними свои мечи. Звучали вопросы и ответы, сопровождаемые музыкой Лоэнгрина, затем послушники приносили клятву верности. Посвященных окружали с криками „лесные эльфы‟ и, как новых братьев, вели их к Чаше Грааля, где горело священное пламя певца. В этом ритуале члены ложи должны были олицетворять собой основных персонажей германской мифологии, потому весь церемониал производил сильнейшее впечатление на кандидатов».

Такое описание дано в книге Гудрика-Кларка «Оккультные корни Третьего рейха». Не одна немецкая душа дрогнула, наверно, при таком соединении музыки, зрелища и тайны. Для пущей красочности Лист нашел для Ордена и превосходную эмблему — все ту же столь любезную его сердцу свастику, соединенную с крестом. Впрочем, крест тут имелся вовсе не христианский, а тот, на котором, согласно мифологии Ордена, погиб арманический Крист, связанный с культом Солнца, а вовсе не иудейский Христос.

Так что Гитлер, выбрав свастику, не придумал ничего нового. Он просто использовал эмблему Листа. В свое время Орден был популярен, к началу Первой мировой в него входило около 400 человек. И хотя считалось, что его членами могли становиться только полноценные арийцы и только после френологического исследования у орденского специалиста, полноценных было не так уж и много; Лист же, хотя и считался романтиком, прекрасно понимал, что нельзя отказывать хорошим кандидатам, пусть и не совсем арийского типа. В

конце концов, стали принимать и с дефектами внешности, но к власти в Ордене путь лежал все равно только через френолога.

Только евреям путь в Орден Листа был заказан: еще раньше Лист на свои вечера и театральные постановки их просто не пускал, на билетах так и было написано: «Не для евреев», как в тогдашней Америке: «Места не для негров» или «Неграм вход воспрещен»; теперь же Орден предпринял публикацию еврейских списков. Это были справочники с указанием адресов и фамилий евреев. Их еще не уничтожали, просто не подошло время уничтожать. Не пришло еще время для Гитлера.

Ланц фон Либенфельс

С трудами Ланца фон Либенфельса Гитлер познакомился благодаря журналу «Остара». Был такой венский журнальчик, который печатал мистические статьи с сильным патриотическим уклоном. Издавал его Либенфельс и сам же в нем и печатался. Йорг Ланц фон Либенфельс считался мистиком и оккультистом, его точно так же, как и Гвидо фон Листа, интересовала древняя немецкая история, то есть та самая арийская история. Однако к этому интересу он пришел более сложным путем, нежели фон Лист.

Путь первого был относительно прост: выходец из хорошей семьи, получивший классическое образование, студент, затем свободный человек, занятый любимым делом.

Путь второго начинается с монастыря. В юности Йорг Ланц фон Либенфельс был монахом цистерианского монастыря в Линце, где некогда жил маленький Гитлер и куда он приходил вместе с матерью помолиться. Йорг Ланц фон Либенфельс оказался слишком любознательным монахом с живым и острым умом, так что в недрах официальной религии он удержаться не смог. Как всякому монаху, ему требовалось досконально изучить священное писание, но если для всех прочих это означало просто запомнить множество текстов, чтобы свободно владеть цитатами, то Йорг Ланц фон Либенфельс подошел к изучению Библии очень серьезно. Он ее и на самом деле изучил, а изучив — увидел в Библии не священные тексты, вложенные в уста людей Богом, а просто отражение некой древней истории, превратившейся за века и века в мифы.

Само собой, с таким отношением к основополагающему документу ему было бессмысленно оставаться монахом. Изучать Библию как исторический документ и выискивать в ней неточности и ошибки никто бы ему не позволил.

Йорг Ланц фон Либенфельс с большим пиететом относился к своему старшему товарищу Гвидо фон Листу. Его тоже интересовала история, именно история германцев. И он тоже был австрийским немцем.

А для жителя Австрии XIX века быть немцем — это диагноз. Ведь немцы оказались гражданами Австро-Венгрии без всякого на то желания. Их земли в 1866 году вдруг оказались отрезанными от Германии и включенными в состав империи Габсбургов. Для многих это был шок и кошмар. И Лист, и Либенфельс, как и множество прочих мыслящих немцев, иначе чем исторической несправедливостью такое решение поверх их голов называть не могли. Они мечтали только об одном: жить в немецком национальном государстве, а не среди славян, цыган, евреев, чехов, венгров и прочих, совсем не немцев.

Мирным путем передаться Германии это немецкое население Австро-Венгрии никак не могло, путь был только один — война. Все это хорошо понимали, не понимали лишь — как это сделать, а проще — когда Германия вспомнит о своих немцах и силой заберет их назад. Германия таких попыток не делала. Это было еще обиднее. Германия дольше других европейских стран оставалась не единой страной, а массой мелких феодальных княжеств, и когда стало складываться немецкое государство, часть немецких земель в его состав не попала. Для жителей этих земель вдруг изменилось очень многое: если в своих мелких княжествах они были нацией, то в составе империи стали просто одним из народов.

Изменился очень быстро и сам мир: из феодального и уютного, со сложившимися порядками, он вдруг стал превращаться в капиталистический с совершенно иной системой ценностей. Родовые титулы больше ничего не значили, все решали деньги. Австрийские немцы не были богатыми, многие немецкие курфюрства влачили жалкое существование, так что имперские носители германского языка не могли конкурировать с новыми хозяевами жизни — капиталистами. Большинство австрийских капиталистов были еврейского происхождения.

Неудивительно, что и Гвидо, и Ланц были антисемитами. Для них государственный раздел немцев ничем не отличался от еврейского рассеяния, аналогии вызывали только боль. Прочитав труды Листа, Либенфельс всерьез углубился в тот же самый мучительный вопрос — древнюю германскую историю. Но если Гвидо имел к ней интерес более академический, то у Ланца он приобрел ясный полемический оттенок, направленный на современность. Ему страшно хотелось найти истоки германской государственности в далеких временах и применить этот опыт на практике, вернуть славу и честь немецкому народу, особенно австрийской его диаспоре. Но сначала требовалось понять, что же произошло, почему немцы оказались в таком чудовищном положении, когда они потеряли свою историю.

И он — понял.

Причину несчастья он обнаружил неожиданно для себя, когда изучал древнейшие артефакты — времен Шумера и Вавилона. Как-то он привез из своих путешествий по миру несколько древних барельефов и принялся их описывать и толковать. Монастырь к тому времени он уже оставил, но жил отшельником и вел образ жизни книжного червя, совершенно аскетический. Рассматривая эти барельефы, он обратил внимание, что там изображены высокие и сильные люди в сопровождении каких-то чудовищно непропорциональных карликов. Современные ученые считают, что в виде низкорослых людей древние изображали подвластные народы, величиной фигурок показывая их положение в обществе. Но Ланц имел другое мнение. На вопрос, почему фигурки разительно отличаются размерами, он ответил иначе: высокие люди с гордыми лицами — цари, имевшие арийскую кровь, низкорослые и уродливые — полулюди-полуживотные, которых… арийцы использовали для совокупления.

Очевидно, монашеская жизнь оставила на Либенфельсе неизгладимые следы. Ему сразу же вспомнились строки писания, где повествуется о визите ангелов в Содом и Гоморру. И о том безобразии, которому хотели подвергнуть небесных посланцев местные жители. Ланца вовсе не остановила мысль, что Содом и Гоморра считались вообще-то еврейскими городами и к ариям никакого отношения иметь не могли, а барельефы связаны с Вавилоном и Шумером, местами тоже не слишком арийскими. Но поскольку Библию Ланц изучил, и изучил по-своему, признав ее неправильно понятой древней историей, присвоенной потом евреями, то и вавилонские, и шумерские цари были у него ариями. А библейская история с грехопадением и извращениями, за которые поплатились Содом и Гоморра, обрела отвратительные, но понятные черты: древние жители тех мест практиковали редкую мерзость — они совокуплялись с низшими нечеловеческими расами, от чего произошло загрязнение чистой крови, стали рождаться люди неполноценные, и с каждым поколением арийской крови у древних богов становилось все меньше и меньше. Началось, одним словом, вырождение. То самое, о котором в то время писали в Германии, Англии, России и Америке, и некоторые ученые даже призывали остановить производство неполноценного потомства и начать чудесный опыт по восстановлению человеческой породы, ведь если это возможно у животных, а по Дарвину человек — такое же животное, так почему невозможно у людей? Ланц, конечно, сообразно монашескому прошлому человека животным не считал, но ухудшение «образа и подобия», по которому тот был создан, видел как раз в главном монашеском грехе — похоти, которая может довести и до скотоложества.

Честное слово, такое смелое прочтение артефактов и вывод из прочтения могли прийти в голову только бывшему монаху!

Свое учение Ланц назвал *теозоологией.* Из названия понятно, что в нем он совместил теологию и социальный дарвинизм. Смесь получилась адская. Как монах, Ланц истолковал Библию согласно собственному пониманию. В ней и на самом деле упоминаются интимные связи людей с животными или людьми звероподобного вида, упоминаются там и такие грехи, как скотоложество или содомия.

«Почему вы ищете ада в потустороннем мире, — с яростью вопрошал Ланц, — разве ад, в котором мы живем и который горит внутри нас, недостаточно ужасен? Что же это за ад внутри нас? Это испорченная предками арийцев божественная кровь богов. Некогда арийцы обладали даром ясновидения и телепатии, они знали тайны, которые ценой боли вырвал великий Вотан, но после смешения и растворения крови они потеряли свои волшебные способности. И теперь в жилах арийцев течет испорченная кровь — наказание за страшный грех».

О волшебных способностях древних, утраченных потомками, говорила и Блаватская. Только Елена Петровна относила эти особенности к смене эпох, когда с уходом одной из рас уходила и часть талантов. Либенфельса не слишком интересовали времена начальных рас, сгинувших до ариев, его интересовали сами арии. И получалось, что были они практически равными богам, но все потеряли из-за отвратительного аморального поведения.

Но с какими звероподобными людьми совокуплялись эти «образы и подобия»?

Ответ был убийственным: с предками евреев.

Вот тут на помощь Либенфельсу пришли сведения из современной ему антропологии, расписавшей существующие расовые типы. Некоторые антропологи, изучая строение тела и черепа, приходили к выводу, что лучшие соотношения дают измерения у северных народов, худшие — у южных: словом, далеки евреи от греческого идеала и золотого сечения. Ланц был с ними вполне согласен, но дополнял: ухудшившие внешние данные черты как раз и показывают «звериную» природу. Именно поэтому голубоглазая и белокурая арийская раса через некоторое время приобрела черты вырождения — темные волосы, темные глаза, низкий рост.

Либенфельс в этом плане не одинок. Мигель Серрано так дополнил его изыскания в теозологии: «На Земле живет не одно человечество, а три, может быть, четыре, подобно тому, как существуют четыре касты. Пролог к истории был написан не на этой Земле, а на Другой. Это там началась война, и „побежденные падали как с облаков“ в своих огненных колесницах. Это библейские „нефилим“, гиганты иного мира, ирландские туата де Дананн, асы северных саг, кабиры Гете. Это первое, божественное человечество. Но тогда на Земле уже жили чисто земные люди, может быть, раньше попавшие откуда-то на эту планету и опустившиеся до примитивного состояния под влиянием среды или какой-то катастрофы. Это третье человечество. Результат его инволюции — животные. „Падшие ангелы“, нефилим, „смешались с дочерьми человеческими, научив их краситься и украшаться“. Мужчин „они научили сельскому хозяйству и военному искусству“. Обо всем этом сказано в Книге Еноха. Это было второе падение ангелов, по любви или по необходимости. Так же испанцы в Америке смешались с аборигенами-индейцами. От браков пришельцев и людей родились древние герои, полубоги, вирья. Это — второе человечество. Четвертое человечество — результат смешения земных людей с животными. Это библейские шеидим…

Традиции и легенды многих народов рассказывают о злых и испорченных искусственных существах. Например, согласно легендам арауканцев, черные маги Калкус, существа нечистой крови, изобрели искусственную тварь Уитралалуе, которой они управляют на расстоянии, приказывая ей творить зло…

События во Вселенной вершатся противоположно тому, что еврейская наука, особенно психоанализ, хотела бы сделать с нами. Боги, Архетипы, не являются проекциями человеческого разума, а, наоборот, по Платону: люди — для снабжения энергией нечистого стабильного ядра, особенно раввинов, которые, большей частью, ни с кем не смешивались,

сохраняя, так сказать, „чистоту нечистоты", характерные черты шеидим, вампиров кровососов, благодаря тому, что они телепатически поглощали энергию, которую их народ крал у арийцев. Поэтому ошибочно полагать, что еврей — это человеческое существо. Как фюрер был сверхчеловеком и аватарой божества, так еврей — это недочеловек, противоположный полюс фюреру…

„Изготовление" иудея, этого смертоносного оружия Демиурга, было поручено Иегове и осуществлялось таким же образом, как Демиург наложил воплощение Богов Идей. Поэтому Демиург сначала развратил Кроноса — Сатурна, разрушив Сатья-югу, Золотой век. Он закрыл входную „дверь" и выходное „окно", чакру Сахашрара, и затемнил тем самым Власть Одина, его Грааль, подчинив ее рациональному мышлению, коре мозга, которая подменила собой древний мозг, как континент, возникший, когда утонула полярная Гиперборея (это синхронные события), где только и действовал древний мозг. Он превратил Сатурна и Сатану в Иегову Яхве, родившегося, когда Сатурн и Рея утратили свой Золотой век, оставшись прикованными к отклонившейся оси Северного полюса.

Поскольку Иегова является проекцией Демиурга или Демона, наложенной на Сатурна, он представляет собой подделку под этот Зон. Это двойник, копия, фальсификация. Потом Демиург научил Иегову создать таким же образом иудея „по своему образу и подобию", тоже наложив его на иное, существовавшее ранее, но впоследствии развращенное племя, может быть, „евреев" или „израилитов", которые не были иудеями. Иудей — это робот, одаренный рациональным мышлением, как и его создатель, и смонтированный из разнородных элементов. Это — искаженная копия другого, высшего существа, на которое наложена чудовищная тварь с чертами тотемических животных (библейские Шеидим), — смесь семитских кочевников бедуинов, авраамитов, эдомитов, сирийцев, хеттов и т. д. Чтобы такая клоака народов могла двигаться, необходима была также примесь крови арийцев аморитов, евреев Давида и Соломона (если они когда-либо существовали). Курьезным образом эта кровь была необходима, чтобы спроецировать Иегову Сатану на Сатурна: иудей был наложен на еврея…

Аналогичным образом рабби Лев изобрел в Праге Голема — искусственную, механическую куклу, а чтобы вдохнуть в нее жизнь, использовал формулы иудаизированной Каббалы и управлял ею на расстоянии. Это была машина, первый робот. В той же Праге Карел Чапек потом придумал других. Картина, наложенная на другое полотно. Больше ничего не надо, может быть, только часовой механизм. Таким должен быть еврей. У Иеговы такое же рациональное мышление, как у Демиурга, он может лишь повторять одни и те же схемы без вдохновения и вариаций.

Еврей — это Голем. Он имеет форму человека, но внутри это рептилия, животное, как в еврейских научно-фантастических фильмах о внеземных существах. Он одет в человеческую кожу и имеет внутренности, как творение еврейского доктора Франкенштейна. Кровь он высасывает у живых существ. Это кибернетическая машина, механический робот, подключенный к огромной батарее, энергетическому источнику, который сам нуждается в питании и который называется Иеговой. Это еще один кибернетический монстр, еще одна машина…

Какой же энергией питается еврей? Что позволяет ему существовать дольше тех пределов, которые биологическая энтропия ставит перед остальными смертными в ускоренном темпе по мере смешения, присущего Кали-юге? Как мы уже указали, он подключен к мощному энергетическому центру: Иегове Сатурну, господину Времени. А чем питается Иегова? Продуктами ферментации, пеплом человеческих жертв. Таким же образом Демиург питается за счет разрушений и преступлений во Вселенной, где более сильный пожирает более слабого; за счет циклов, Сумерек богов, когда он, как волк Фенрир, пожирает все и засыпает, переваривая пищу. В этой Вселенной действует закон Вечного возвращения, поскольку бессмертны Боги, которых он сделал своими пленниками. Все пожирает самое себя.

Евреи запрограммированы на то, чтобы периодически приносить в жертву Иегове человеческие существа, причем предпочтение отдается полубожественным Вирам. В вознаграждение за это Иегова питает их нечеловеческой энергией, которая черпается из недочеловеческой Вселенной. Но даже этого недостаточно для того, чтобы механизм еврея функционировал. Необходимо питаться кровью неевреев таким же образом, как необходим творческий гений арийцев и их труд, чтобы поддерживать и совершенствовать среду обитания евреев на земле. А завтра, во внеземных колониях, евреи будут искать выход для своих притязаний на господство в материальном и видимом космосе».

Таким образом, через Серрано, становится понятнее, что имел в виду Ланц фон Либенфельс, говоря о смешении ариев со звероподобными монстрами. Это совершенно мистическая и метафизическая часть его труда. Либенфельс и не скрывал, что говорит о вещах сокрытых, эзотерических, и что знание, которым он оперирует, к науке — в привычном понимании — отношения не имеет.

За своим знанием он после создания теозологии, то есть первого шага по дороге мистики, обратился к наследникам потаенных текстов — масонам. Именно у них он и собирался обзавестись сведениями, которые в реальном мире как бы не существуют. Он считал, что, хотя у масонов не сохранилось тайных книг, они обладают знаниями, которые заключены в самих ритуалах, передающихся без изменений на протяжении веков. Именно в ритуалах нужно искать тайный смысл и следы истории, некогда реальной.

Скитаясь по масонским ложам, он понял, что некогда секретные документы такого плана вывезли тамплиеры из Святой Земли, а туда эти документы попали из центральной Азии, из Тибета. В Германии он нашел наследников тамплиеров — Новый Орден Тамплиеров (Орден Строгого Повиновения) Готтхельфа фон Хунда, правда, какие тайны ему открыл последний — никому не известно. Зато вскоре Ланц решил и сам основать Орден.

Орден был создан в 1907 году и получил название Орден Нового Храма, то есть Орден Новых Тамплиеров. Великое открытие случилось на Рождество. В этот день над башней замка, где жил «магистр» и куда собрались «тамплиеры», взметнулся флаг с алой свастикой на золотом поле, свастику окружали четыре синих цветка. Так еще раз взошла свастика, теперь в виде флага. Либенфельс выдвинул те же условия для вступления в Орден, что и Лист: его членами могли стать лишь полноценные арийцы. Правила приема в это элитное сообщество были строгими: нужно было пройти процедуру антропологического отбора, то есть принимались лишь светловолосые, желательно синеглазые и хорошо сложенные мужчины. Орден Нового Храма был словно бы продолжением традиции Ордена Храма, то есть тамплиеров.

О последних Ланц имел потрясающие сведения: по его мнению, тамплиеры создали свой храм Чаши, где проводили… первые евгенические опыты, чтобы вернуть арийской расе ее достоинство и силу. Потомки ничего не поняли о тамплиерском Граале, на самом деле — это «духовная» или, как говорил Ланц, «панпсихическая» чаша, в которой содержится «духовная» кровь, несущая черты прежней, не подверженной извращениям арийской расы. И если следовать законам отбора производителей (мужчин и женщин), то можно вернуть утраченные черты и возродить священный немецкий Грааль, то есть чистую расу ариев. Беда лишь, что, как это сделать по магическому образцу, Ланц не знал. Зато он знал, как получить достойное потомство. Условием членам Ордена он поставил женитьбу только по расовому принципу — на настоящих арийках. Пусть не магическое, но возрождение хорошей крови.

Секретных книг, кроме теозологии, новый Орден не имел, так что Ланц собирал по крупицам все, что каким-то образом можно было назвать секретным, — древние тексты, древние артефакты, любые сведения о каких-то древних практиках. Все это осмысливалось и тут же включалось в философию Ланца. На первых порах Гвидо фон Лист сотрудничал с Либенфельсом, он даже предложил идею, что тамплиерский Бафомет был не головой, а магическим знаком, образующимся при наложении двух свастик (правосторонней и

левосторонней), и этот знак дает сумевшему его понять власть над миром, а для прочих в виде мальтийского креста служит напоминанием о мученической смерти героев.

Лист писал: «Одно из наиболее важных „зашифрованных" изображений свастики — это вариант „Мальтийского креста", который и сам, по всей вероятности, является соединением двух противоположно загнутых крестов, нарисованных линиями. Вариант, о котором идет речь, представляет собой восьмиугольную фигуру, которая рисуется другим цветом на наружной от фона стороне, она имеет вид совершенно самостоятельного изображения, однако, без всякого сомнения, была придумана, чтобы скрыть изображение изогнутого креста. Этот знак получил название Baphomet (или „Говорящая Голова") и использовался как доказательство ереси тамплиеров на судебном процессе над ними, став одним из оснований для вынесения решения о виновности и конфискации в 1313 году владений Ордена».

В этом плане и сам процесс над тамплиерами рассматривался и Ланцем, и Листом как наступление расы рабов на древнюю немецкую религию и древнее знание, и иначе чем заговором против арийцев этот процесс именовать они не желали. Арийцы тут рассматривались как раз как хранители древнего знания, наследники солнечного бога. Такими наследниками были объявлены знаменитые философы Средневековья Тритхейм Неттенсгеймский, Корнелиус Агриппа, Пико де Мирандола, Иохани Рейхлин. А их тексты — герметическими. Причем, магические формулы и ритуалы, описанные Агриппой, были тут же поименованы обычными древними арийскими практиками. Так что не удивительно, что и Гитлер, и Гиммлер интересовались магией. В кругу Либенфельса она и признавалась единственной правильной наукой. А поскольку Гитлер «питался» журналами Либенфельса все время пребывания в Вене, до начала Первой мировой войны, то из них он почерпнул немало интересной информации, не только антисемитской, но и совершенно мистической. Стоит ли удивляться, что интерес к мистике он сохранил на всю жизнь, даже тогда, когда уже окончательно повзрослел и добился власти?

Есть вещи, которые нельзя забыть.

В той мере, что Либенфельс, Гитлер вряд ли верил в магию и тайные знания, но сама идея казалась ему красивой. А в этом плане он был большой ценитель прекрасного.

Либенфельс же при помощи магических практик желал переустроить плохой современный мир. Эта магия должна была вернуть арийцам власть, честь и родину.

Будущий мир он видел таким: арийцы создадут свое государство. В этом новом справедливом (для арийцев) государстве власть будет принадлежать только им и все высшие должности — тоже. При назначении на такую должность нужно будет пройти простой обмер черепа. Соответствуешь параметрам — хорошо, не соответствуешь — извини. Никакого снисхождения!

Жизнь арийца будет отличной: ему запретят заниматься наемным трудом или другим унизительным занятием ради денег, ариец будет господином, а работать на него станут рабы, то есть те, кто расового теста не прошел. Соответственно, жениться ариец-господин сможет только на полноценной арийке, никаких побочных связей, дети арийца должны быть полноценными и чистыми по крови. Женщина в мире арийцев будет уважаема и любима, но лишена права голоса, ее роль — вынашивание и воспитание новых арийцев. В этом государстве будет настоящая простота и чистота нравов, как в далекие времена, граждане ее будут соблюдать законы и больше всего заботиться о процветании отечества. Они будут здоровыми, сильными, отважными, красивыми, счастливыми. Управляться государство будет королем-магом, власть будет построена по вертикали, и, по сути, — это государство орденского типа, ориентированное на священные войны со странами низшего сорта, не арийскими. Цель — понемногу занять новые земли, навести надлежащий порядок, указать рабам их место и править долго и счастливо.

Такая вот идеальная картинка.

Понятно, что для австрийского немца Либенфельса картинка имела самодостаточную ценность. Он мечтал дожить до воплощения своей мечты. Увы, он не только дожил, он ее даже пережил. Ланц фон Либенфельс умер в 1954 году, через 9 лет после самоубийства Гитлера, через 21 год после его прихода к власти, через 31 год после появления национал-социалистов на политической сцене Германии и через 40 лет после начала Первой мировой войны.

Великая Война

Идеи Либенфельса не могли не найти в дальнейшем отклика в сердцах немцев — для них, считавших себя неправо ущемленными, вопрос крови стал вопросом чести. К этому мы еще вернемся. Но пока что важнейшим казалось определение политической самостоятельности немецкого государства, то есть присоединения к истинно немецкому обществу всех тех немцев, которые невольно оказались вне его границ. Эти немцы за пределами немецкого мира и «помогли» образоваться кризису 1914 года, который завершился кровопролитной мировой войной. Эта война сразу определила противостоящие стороны: Германия оказалась в одной связке с Австро-Венгрией и Италией, а противной стороной выступил блок Антанты — Англия, Франция, США и Россия. Позиции мелких стран определялись согласно их зависимости от крупных. Страны Антанты имели больше возможностей победить, хотя бы потому, что немцам и их союзникам пришлось вести войну на два фронта — западный (Франция, Англия, США) и восточный (Россия). Страны центра были зажаты в смыкающееся кольцо: таким образом союзники собирались «додавить» Германию и вынудить ее к сдаче с последующим земельным переделом.

Если до войны родилась философия, которая ориентировалась на воина-героя, то война как раз и стала тем горнилом, где родились сами герои. Именно эти люди, прошедшие четыре года ада, смогли развить свое духовное-материальное как нечто неделимое, они научились преодолевать страх смерти. Так что секрет успешности «древней арийской» модели осознания мира лежал как раз в четырех годах войны. Начало этой мировой бойни очень многие немцы восприняли как момент очищения, как благую весть. Гитлер, который был тогда патриотически настроенным молодым человеком, тоже воспринял войну как лучшую из возможных новостей: для него воздух вдруг запах озоном, как после грозы.

«Помилуй Бог, — писал он потом, — разве не ясно, что война 1914 г. отнюдь не была навязана массам, что массы, напротив, жаждали этой борьбы! Массы хотели, наконец, какой-либо развязки. Только это настроение и объясняет тот факт, что два миллиона людей — взрослых и молодежи — поспешили добровольно явиться под знамена в полной готовности отдать свою последнюю каплю крови на защиту родины. Я и сам испытал в эти дни необычайный подъем. Тяжелых настроений как не бывало. Я нисколько не стыжусь сознаться, что, увлеченный волной могучего энтузиазма, я упал на колени и от глубины сердца благодарил Господа Бога за то, что он дал мне счастье жить в такое время».

25-летний Адольф Гитлер среди толпы, собравшейся на Одеонплац в Мюнхене 1 августа 1914 года, радуется объявлению войны

В те дни Гитлер уже перебрался в Мюнхен. Там, на Одеонплац, главной площади города Мюнхена, он стоял в массе других немцев и бурно аплодировал началу войны. Он рвался на фронт, хотя тут возникали некоторые сложности: слабое здоровье и австрийское гражданство. Однако ему удалось-таки добиться определения в баварский полк. Для него наступили лучшие дни, незабываемый период земного существования; душа его пела. Позже он так вспоминал это начало пути: «Дело шло о том, быть или не быть германской нации; дело шло о нашей свободе и нашем будущем. Государству, созданному Бисмарком, теперь приходилось обнажить меч. Молодой Германии приходилось заново доказать, что она достойна тех завоеваний, которые были куплены в геройской борьбе нашими отцами в эпоху битв при Вейсенбурге, Седане и Париже. Если в предстоящих битвах народ наш окажется на высоте положения, тогда Германия окончательно займет самое выдающееся место среди великих держав. Тогда и только тогда Германия сделается несокрушимым оплотом мира, а нашим детям не придется недоедать из-за фантома „вечного мира“».

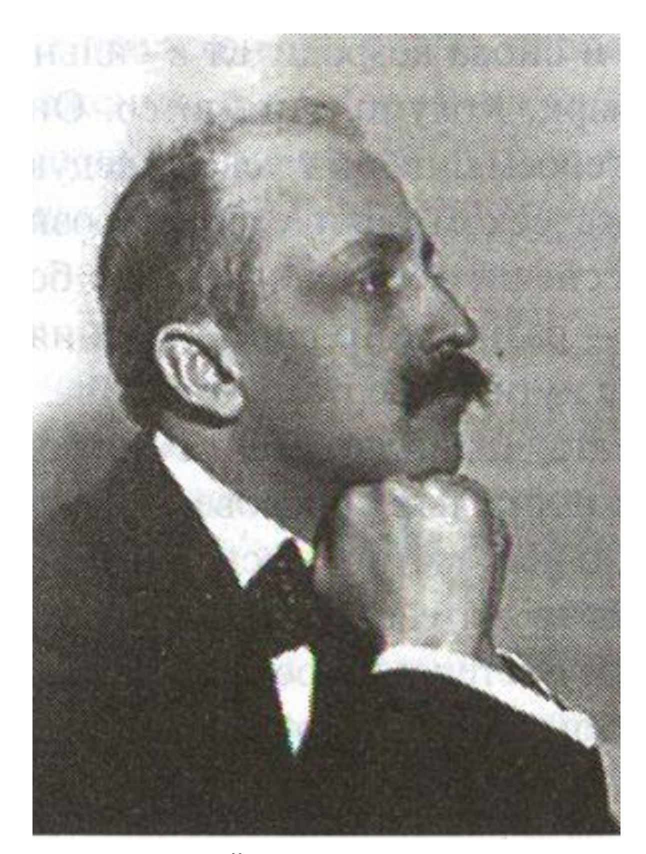
Эти слова написаны были в ландсбергской тюрьме, после пивного путча, так что упоминание недоедающих детей — позднейшее дополнение. В те дни Гитлер не думал ни о каких детях и их безработных отцах. Тогда он шел по велению сердца путем воина — славный солдат на славную войну ради славы Германии и ее единства. Ученик Листа и Либенфельса желал победить или умереть. Смерти, стоит признать, он вовсе не боялся. Среди других новобранцев, наспех (как и он) обученных в тренировочном лагере, Гитлер разительно выделялся: он точно знал, зачем пошел на войну. Ничего личного или сентиментального не было в его мыслях. Как вспоминали его сослуживцы, Гитлер своими мыслями был очень далеко — наверно, на войнах древних ариев, иногда, точно пробудившись, он вскакивал и начинал говорить о справедливости этой войны и о скорой победе. Тогда в этом он был совершенно уверен. Он не пригибался под обстрелом, он вообще не замечал таких мелочей. Удивительно, но ему везло, пули его боялись. Все, что он раньше читал только в книгах и о чем говорили ему философы, нашло теперь адресата: он почувствовал, что такое война. Тяготы переходов, пот и грязь, кровь — его ничего не могло смутить. Близость смерти сделала его ощущения насыщенными. Это вряд ли могли понять солдаты, призванные на фронт без их желания. Это вряд ли могли понять и командиры, выполняющие свою работу. Для Гитлера эта война была

свершением сокровенных надежд. Что будет дальше? Единая сильная Германия. А если смерть? Тогда — по Листу — он умрет и снова возродится в сильной личности, такой как Бисмарк, Колумб или Лютер. Он-то знал, что «будет рожден героем»; начнет «свое следующее существование в человеческом облике более сознательно, чем остальные», обеспечит «себе рождение в более подходящих условиях» — ради такого перерождения смерть всего лишь ступень на пути к высотам.

Не стоит думать, что «приживание» на войне пришло к нему сразу. Как нормальный человек, он не мог не страшиться смерти, о чем честно рассказывал позже: «Ужасы повседневных битв вытеснили романтику первых дней. Первые восторги постепенно остыли. Радостный подъем сменился чувством страха смерти. Наступила пора, когда каждому приходилось колебаться между велениями долга и инстинктом самосохранения. Через эти настроения пришлось пройти и мне. Всегда, когда смерть бродила очень близко, во мне начинало что-то протестовать. Это „что-то" пыталось внушить слабому телу, будто „разум" требует бросить борьбу. На деле же это был не разум, а, увы, это была только — трусость. Она-то под разными предлогами и смущала каждого из нас. Иногда колебания были чрезвычайно мучительны, и только с трудом побеждали последние остатки совести. Чем громче становился голос, звавший к осторожности, чем соблазнительнее нашептывал он в уши мысли об отдыхе и покое, тем решительнее приходилось бороться с самим собою, пока наконец голос долга брал верх. Зимою 1915/16 г. мне лично удалось окончательно победить в себе эти настроения. Воля победила. В первые дни я шел в атаку в восторженном настроении, с шутками и смехом. Теперь же я шел в бой со спокойной решимостью. Но именно это последнее настроение только и могло быть прочным. Теперь я в состоянии был идти навстречу самым суровым испытаниям судьбы, не боясь за то, что голова или нервы откажутся служить».

Гитлер научился просто не обращать внимания на этот естественный страх смерти. Он страх преодолел, потому и выжил.

Подобных Гитлеру людей было на самом деле немало. Эти молодые люди исповедовали другую, не общепринятую эстетику. По сути они были футуристами или вышли из футуристов. Эта молодая поросль с упоением внимала сверкающим и острым как клинок строфам и ритмам новой поэзии, сумевшей преодолеть тягомотину старого стихосложения. Строгость, напор, стремительный ритм, отстранение от эмоций и любого сентиментального жеста, видимая холодность и отточенность формы — вот были признаки нового явления. Все, что слабо и мягко, лениво и пустословно, — мусор.



Филипп Маринетти — поэт, давший начало итальянскому фашизму

Недаром, обращаясь к Маринетти, давшему рождение итальянскому фашизму, прекрасному поэту, Бенн некогда сказал: «В эпоху притупившихся, трусливых и перегруженных инстинктов вы основали искусство, которое отражает пламя битв и порыв героя… Вы призываете „полюбить опасность“ и „привыкнуть к отваге“, требуете „мужества“, „бесстрашия“, „бунта“, „точки атаки“, „стремительного шага“, „смертельного прыжка“. Всё это вы называете „прекрасными идеями, за которые умирают“».

Для Маринетти, как и для Гитлера, идеи, за которые умирают, вовсе не были фигурой речи. Гитлер и на самом деле умирал за них — каждый день все дни его мировой войны. Так что дополнением к кабинетной философии, которую он штудировал в мирные довоенные дни, тем самым необходимым толчком, искрой в мозгу, как раз и была не книжная, а реальная война. Одни вынесли из солдатской жизни полное отрицание таковой, кровь и грязь заслонили им лицо бога войны. Другие — и Гитлер в том числе — увидели в войне красоту и обновление души. Они шли через смерть, и это была настоящая жизнь. Если этого не признавать, то вам никогда не понять ни поколения той войны, ни мироощущения Гитлера. А без этого невозможно понять и особенностей того государства, которое он потом создал.

Война никогда не была для него трагедией, трагедией был вечный мир и зажравшийся буржуа, у которого случается инфаркт от падения курса акций. С годами, конечно, он стал спокойнее, получив власть, он рассматривал войны как политик, но если приходилось выбирать между войной и миром, он выбирал войну, даже не потому, что его государство было отлично отлаженной военной машиной и ничего иного не умело, а просто потому, что мир — худшее из зол. Мир не дает движения. Только жизнь на грани, когда перед глазами всегда стоит смерть, дает духовный рост. Этого он требовал от своих сограждан. Этому он научился на Первой мировой. Война для него — не удивляйтесь — была творческим процессом. Его бог,

создавший подлунный мир, был воином, и образ и подобие его, богоподобный человек — тоже был воином, иначе он просто не был человеком.

Поколение, которое потом будет жадно внимать Гитлеру, прошло через войну. Это об этом поколении Эрнст Юнгер говорил: «В мире о нас ходит молва, что мы в состоянии разрушить храмы. И это уже кое-что значит во время, когда осознание бесплодности приводит к возникновению одного музея за другим… Мы славно потрудились на ниве нигилизма. Отказавшись от фигового листа сомнений, мы сравняли с землей XIX век (и нас самих!). Лишь в самом конце смутно обозначились лица и вещи XX… Мы, немцы, не дали Европе шанса проиграть».

Это было поколение проигравших войну немцев. То, что начиналось так счастливо и так упоительно, обернулось настоящим кошмаром: немцы подписали тяжелый для страны Версальский договор, по которому лишались своих территорий — Восточной Пруссии, Судет, Эльзаса, Лотарингии. Не то что Австрия не стала частью Германии, даже немецкий Данциг превратился в польский Гданьск. Кроме территориальных потерь были и экономические — на Германию была наложена огромная контрибуция. Но самым обидным и горьким было запрещение содержать армию и флот и иметь в стране военную промышленность. Совершенно справедливо немцы восприняли этот договор как национальный позор. Недаром Юнгер восклицал, что европейцы скорее увидят человека в бушмене, нежели в немце: «Отсюда наш страх (поскольку и насколько мы европейцы) перед самими собою, который нет-нет да и проявится, — и добавлял желчно: — Прекрасно! И не надо нас жалеть. Ведь это превосходная позиция для работы. Снятие мерки с тайного, хранящегося в Париже эталона метра (читай: цивилизации) означает для нас до конца проиграть проигранную войну, означает последовательное доведение нигилистического действия до необходимого пункта. Мы уже давно маршируем по направлению к магическому нулевому пункту, переступить через который сможет лишь тот, кто обладает другими, невидимыми источниками силы… Мы возлагаем наши надежды на молодых, которые страдают от жара потому, что в их душах — зелёный гной отвращения. Мы видим, что носители этих душ, как больные, плетутся вдоль рядов кормушек. Мы возлагаем свои надежды на бунт против господства уюта, для чего требуется оружие разрушения, направленное против мира форм, чтобы жизненное пространство для новой иерархии было выметено подчистую».

На поколение выброшенных из мира в войну и вернувшихся с войны в никуда и оказалось обращенным внимание Гитлера. Сам он был точно таким же — выброшенный в никуда. Война дала ему источник сильных (и чистых, между прочим) чувств, едва не сделала слепым, наградила только железными крестами за храбрость, но не положением в обществе или достатком, то есть получилось, что жертва, которую он собирался принести Германии (себя, жизнь), не принята, даже хуже — отвергнута. Победители всегда судят побежденных. Гитлер (и целое поколение немцев вместе с ним) оказался осужденным. Но все по тому же Листу поражение нужно использовать для победы. Война позволила почувствовать вкус истинной жизни, вкус свободы, который невозможно забыть (но невозможно и применить в мирной жизни).

Прошедшие через смерть образовали негласное тайное братство, они имели нечто общее, что навсегда объединяет, — дни войны. Юнгер назвал это странное чувство, вынесенное фронтовиками из Первой мировой, духовным хлебом жертвы. Национал-социалистическое движение, которое Гитлер собрал в партийную структуру, напрочь отметало мир лавочников и бюргеров, оно было ориентировано на юных, готовых в дни мира приносить свои жертвы, то есть сражаться. Это желание не быть буржуа, идти путем воина, выражено у Юнгера такой фразой: «В часы, когда шевелятся внутренние крылья юности, пока её взгляд скользит по крышам домов лавочников, юность должна смутно осознавать, что где-то в дальней дали, на границе неизведанного, на ничьей земле охраняется каждый сторожевой пост». Для молодого

Гитлера этот отказ быть тем, чем должно, потому что так положено, можно обозначить одним словом — борьба. Недаром свою книгу он так и назвал — «Моя борьба».

Борьба предполагала продолжение военного духовного опыта — бесстрашие перед выбором жить или умереть. Смерть в этом контексте стоит усилить эпитетом «красивая». Красивыми, то есть цельными и полными силы, представлялись ему и дни будущего. Он занимался укреплением своей партии, но одновременно не забывал изначального увлечения. Он рисовал. Он рисовал будущее. Будущие дома. Будущих людей. Будущую Германию. Это была свободная страна свободных людей, победившая, хотя ее назвали побежденной. Мы совершенно напрасно считаем, что молодые люди, прошедшие окопы мировой войны, вышли оттуда циниками и психопатами: они, кажется, стали еще большими романтиками и в то же время обрели здоровый прагматизм. Гитлер в этом плане ничем от них не отличался. Просто до войны он успел начитаться Ницше, Шопенгауэра, Листа и Либенфельса. Армин Меллер приводит характерную особенность этого порожденного войной сознания.

Алькасар, крепость испанских фашистов, осажденная «красными»

Когда в 1936 году, 23 июля, во время осады коммунистами испанских фашистов в крепости Алькасара (Толедо) первые позвонили коменданту Алькасара полковнику Москардо и потребовали немедленной сдачи, аргументируя это тем, что расстреляют захваченного ими сына коменданта, между отцом и сыном состоялся такой вот разговор:

«Сын: „Папа!"

Москардо: „Да, сын, в чем дело?"

Сын: „Они говорят, что расстреляют меня, если ты не сдашь крепость".

Москардо: „Тогда вручи свою душу Господу, крикни: „Да здравствует Испания!" и умри как патриот".

Сын: „Я обнимаю тебя, папа".

Москардо: „И я обнимаю тебя, сын"».

Командир красных, ожидавший иного результата, опешил. Ему Москардо сказал: «Ваш срок ничего не значит. Алькасар не будет сдан». Мальчика, естественно, расстреляли. У красных и испанских фашистов эстетика и принципы были разными. Меллер добавляет: «Героями действия являются две отдельные, четко обозначенные фигуры: полковник и его юный сын (а не подвергшееся военной угрозе население провинции). Все разыгрывается в „холодном стиле" и с приглушенными эмоциями. Каждый стремится сыграть свою роль (а не

выполнить миссию). Все пронизано напряжением юности (сын, говорящий: „Папа") и смерти (угроза расстрела). И все это происходит на фоне так мало знакомой туристам „черной Испании" с тусклой, как дождь, глиной, закрытыми лицами и, конечно же, смертью». Таковы были герои тех лет, что нормальному мирному сознанию современного человека их понять трудно. Для него — это сцена из театральной трагедии, для него — живые люди так поступать не могут. В этом-то и весь фокус. Иначе не было смысла задаваться вопросом, а почему вдруг за Гитлером пошло столько людей?

Из-за программы партии?

Из-за того, что было обещано экономическое чудо и социальное равенство?

Из-за обычной модели поведения масс выбирать сторону сильного?

Из-за националистических лозунгов?

Из-за антисемитизма?

Из-за чувства мести союзникам?

Ведь первые успехи партии произошли во вполне демократической стране. Ведь Гитлер пришел к власти тоже демократическим путем. Нельзя насильно выгнать людей на улицы и заставить их кричать от радости, нельзя такое число нормальных людей заставить маршировать по улицам городов и славить своего фюрера. Нельзя, если еще власть не захвачена и люди не стали ходить на подобные мероприятия из-за одного только страха. В этом-то и сложность времени до основания Рейха.

Важно даже не только то, что обещал Гитлер, а то, как он это обещал, как выглядели он и его сторонники, какие слова говорились, какой образ творился, какие действия осуществлялись. Важны мелочи. Именно мелочи создают историю. Простота. Подтянутость. Строгость. Экспрессивность. Справедливость. Ореол мученичества. Отличие от прочих — простоватых или интеллигентных, тощих или лоснящихся от жира, но вялых, произносящих слишком много пустых слов (и не тех), ищущих компромиссов, буржуазных до отвращения или же гегемонистых до такого же — вот лучший способ привлечь внимание и — потом — симпатии. Быть непохожим. Быть напористым до агрессивности. Быть деятельным. Опережать остальных на несколько шагов. Ничего не бояться. Никому не уступать. Знать, о чем говоришь. Последнее труднее всего. Чтобы знать, нужно пережить встречу со смертью. Видите, тут пока нет ни единого слова о мистике или магии или прочей чепухе. Но для того, чтобы образ закрепился и принес успех, нужно верить в свой успех. Только вера дает победу.

Гитлер верил. Его личное дело, что вера эта была окрашена мистически, по Листу и Либенфельсу. Способ веры значения не имеет. Нужно ничего не бояться, даже смерти. И он ничего не боялся. По крайней мере, таким он был в первое послевоенное десятилетие. Такими — верящими в Германию и бесстрашными — он тогда желал видеть и других. С этим оказалось сложнее. Юношеский максимализм, который он сохранил в уже вполне сознательном возрасте, не всем казался нормальным явлением. От лидера партии ожидали несколько иного. Очевидно, он это отлично знал. С годами он научился быть адекватным и в такой среде. Или выглядеть адекватным. Но проще ему было разговаривать с молодыми людьми, еще не утратившими жажды борьбы. Это им он доказывал, что Бог живет только в гордых сердцах.

«Писатель нашего времени, чьи произведения были высоко оценены нацией, выразил свои убеждения следующими безжалостными словами: „Лишь тот, кто нуждается в Боге, ищет Бога. Тот, кто не нуждается в Нем, не ищет Его, — наставлял он юношей. — Только те люди, которые нуждаются в Боге, ищут Бога…"

Так ли это? Разве могут в истинном свете увидать Божий Образ те, чья жизнь наполнена мраком и для кого она является тяжким бременем? Не является ли Он для них лишь предусмотрительной выдумкой, необходимой для того, чтобы справиться с миром, который не удовлетворяет их в своей истинной форме, таким, как он есть в действительности? Всегда ли молитва должна быть лишь просьбой, актом утешения или нашей слабостью? Когда мы

утверждаем принцип „Бог живет только в гордых сердцах", мы имеем в виду другого Бога, нежели те, кто нуждается в Боге лишь как в утешении или, по крайней мере, другой путь обращения к Нему. Поскольку мы верим, что Бог, мужество и сила взаимосвязаны между собой, и что те, кто нуждаются в Нем не из страха, также способны искать Его. Возможно ли, чтобы молодой человек, оказав помощь своим товарищам в героической битве с вражьей силой, проведя многие горькие часы, балансируя на грани между жизнью и смертью, возможно ли, чтобы такой человек, после того как опасность прошла, разразится слезами! Гораздо вероятнее, что он обратится с молитвой к Всевышнему, и молитва его будет страстной и горячей.

Нас не особенно волнует, что именно говорит человек в таком состоянии, — нам важно то, что человек в наиболее важные моменты своей жизни продолжает с благоговением взывать к высшему, к непостижимому единству, тем самым утверждая всемогущественную веру. Человек поднимается над видимым, постижимым, утилитарным. Он возносится над всем индивидуальным и обретает знание о мире, о таинственном законе непостижимости мира, в который мы приходим и из которого смерть забирает нас в назначенный час, не спрашивая нас. Но сила и величие человека состоят в том, что хотя он рождается и не по собственной воле, но все же живет самостоятельной жизнью. Начиная с ранних лет, сила его духа постоянно возрастает, поскольку он взирает на существование как ищущий, вопрошая, что же в действительности означают 30, 60 или 90 лет прожитой им жизни. А ответ таков: верность, любовь, дружба и мужество. Одновременно и благословение, и проклятие человечества состоит в том, что до сих пор никто не смог найти легкого ответа на этот вопрос.

Бог — это не абстрактное число „икс", которое может быть вычислено при помощи определенных математических операций. Для нас, людей, Он представляет собой не столько факт, сколько вопрос. И способность вновь и вновь ставить перед собой этот вопрос, осознавать свое существование, условия нашего существования, не будучи разрушенными этими мыслями или изнуренными ими… это представляется нам наиболее прекрасным и плодотворным проявлением духовного мужества, которое мы только можем вообразить себе.

Все рожденное проходит короткое время до смерти и борется за пищу и жилье. Гордостью человечества является умение совершить шаг за пределы жизненного круга, чтобы свободно утвердить или отвергнуть мир. Мы становимся настоящими людьми благодаря этой способности. Не существует точки, в которой умирает мысль. Тот, кто имеет мужество так чисто и радостно воспринимать в своем сердце мир и Бога, ведет простую и суровую жизнь, сохраняя постоянную бдительность. Как может превратиться он в буржуа, крупного или мелкого? Существует уровень вещей, к которому он должен подниматься вновь и вновь, пробивая свой путь к небесам: но это не уровень человека, но весь сотворенный мир, во всей его широте и глубине, открывающейся ему. Мы нуждаемся в таком торжестве и откровенно признаем, что оно нам необходимо, мы стремимся возвыситься над всем низменным и робким. Мы не желаем удобной жизни, мы стремимся постичь тайну жизни с ее сотнями тысяч и миллионами проявлений. Мы вопрошаем звезды, чья воля заставляет их чередовать свои восходы и закаты. И мы вопрошаем воды, в какую даль и глубину устремляют они свой бег.

Мы достаточно сильны сердцем, чтобы не убегать от вечных вопросов „откуда" и „куда", и мы не можем согласиться с тем, что научное познание законов природы может дать законченное объяснение этих причин. Наше благоговение перед глубиной мира не исчезает перед лицом необходимости вести борьбу за существование. Но мы не желаем превратиться в бездеятельных фантазеров или людей, которые, снедаемые постоянными сомнениями, не способны вести активную жизнь. Скорее мы стремимся принять жизнь такой, как она есть в повседневности, со всеми ее горестями, которые так же, как и радость, ведут нас к постижению смысла бытия. Бог, в которого мы верим, соответствует нашим сердцам. Он пребывает в наших сердцах тогда, когда они открыты и находятся в гармонии с миром. Бог живет в нас, потому что мы постоянно ищем свидетельства Его Силы в мире и стремимся приобщиться к ним. Разве

это не требует гордости и благородного мужества, чтобы обрести Бога в себе? Разве это не требует благородной стойкости и способности — утвердить себя как человека перед Всемогущим Богом?

Мы возносим мольбу к Богу и Его мировому творению с тем большей верой, чем более гордыми и уверенными мы ощущаем себя. Смеющийся глаз, легкий шаг, дух, который воистину способен радоваться и возвышаться, искренняя юность, неподдельная стойкость, любовь, дружба — вот заповеди, данные нам Богом. И вновь мы соглашаемся с мыслями автора, которого мы упоминали в начале и который завершает утверждение своего поэтического кредо словами, представляющими символ Веры для всех нас: „Сила Божия творится руками человеческими. Всемогущий есть наш Судья. Наша задача — исполнить наш долг так, чтобы мы смогли предстать перед Ним как Творцом всего мироздания в соответствии с данным Им законом, законом борьбы за существование"».

Видите, о чем речь?

Идеи Листа и Либенфельса плюс военный опыт, все та же эстетика военного братства и возрождение через смерть. После этого вы будете говорить, что Рейх задумывался как бездуховное государство? Нет, именно как духовное. Даже как экзистенциальное. Только вот получилось нечто иное, совсем иное. Воплощение идей оказалось на практике не тем, чем казалось в воображении. Некоторые идеи, сами по себе не плохие и не хорошие (в научной среде нет плохого или хорошего), точнее, кажущиеся отличными на бумаге, показали себя с другой, обратной стороны. А некоторые заведомо были дурными.

Ганс Гюнтер

Наследников идей Либенфельса в научной немецкой среде оказалось немало. Но благодаря трудам двоих из них идеология Рейха получила особые отличительные черты. Хотя Йорг Ланц и писал об арийской крови, а Гвидо фон Лист ввел панпсихический немецкий Грааль в обряд инициации братьев своего Ордена, научными изысканиями по вопросу крови они не занимались. Тут нужны были скорее не гуманитарии, а естественники. Вопрос крови следовало решить, используя все современное знание из области биологии, генетики и медицины.

Так вот и появились на горизонте новоарийской эры Вальтер Дарре и Ганс Гюнтер. Лист и Либенфельс только сказали, что арийская кровь лучше всех прочих, Дарре и Гюнтеру предстояло это обосновать. Из ростка, посеянного довоенными ариософами, родилось послевоенное движение, которое получило наименование «Кровь и Почва» — речь шла об арийской крови и арийских землях (сюда разом включались все территории, где проживают или проживали некогда истинные арийцы, носители нордического типа) и выделившийся из «Перелетных птиц» Орден Артаманов — тоже молодежная организация, но сугубо городская, то есть состоявшая из городской молодежи, решившей вдруг осесть на селе. Если «Кровь и почва» была относительно мирным образованием, то Орден Артаманов строился как военизированный союз, такие современные рыцари с крестьянским уклоном.

Вальтер Дарре как раз и был членом этого Ордена. Прежде Вальтер Дарре работал в прусском министерстве сельского хозяйства, так что его вклад в складывающуюся идеологию новой Германии был связан с оставленной им чиновничьей должностью: Дарре ввел в партийный обиход чудесную идею, что кровь арийца будет полноценной только тогда, когда ее будет питать родная земля. Такой вот сельскохозяйственный взгляд на генетику. Нет почвы — нет крови. Эта идея национал-социалистам сразу пришлась по душе, потому что открывала широкое поле для деятельности. Если кровь связана с землей (последняя рассматривалась как фермерское владение), то это прекрасный пункт в программе партии: дать каждому арийцу земельные владения, чтобы их кровь не оскудела и улучшилась в потомках. Вполне возможно, что движение Артаманов и «Кровь и Почва» прошли бы не замеченными нацистами, но из Артаманов в партию влился незаметный и застенчивый молодой человек по имени Генрих.

Вальтер Дарре, рейхслейтер, руководитель Центрального управления сельскохозяйственной политики НСДАП

Фамилия этого Генриха позже вызывала слабость в членах у всякого непартийного немца. Фамилия его была **Гиммлер**. И Гиммлер полностью разделял почвенные помыслы Дарре. Вступив в партию и начав в ней медленный карьерный рост, этот молодой человек сделал достоянием партийцев идеи Дарре. И они сразу пришлись всем по сердцу. К тому же нельзя было не обратить внимания, что эти идеи разделяло множество молодых немцев. А национал-социалисты быстро реагировали на молодежные идеалы, они стремились их взять на вооружение. Идеал этой молодежи в мозгах Гиммлера оформился в эстетическую формулу: крепкая крестьянская семья, отец-воин с белокурыми волосами и ростом выше метра семьдесят, с узким нордическим лицом и светлыми глазами, воин, готовый с радостью обрабатывать свою землю и выращивать на ней свой урожай, но если грянет беда — смело идущий с обнаженным мечом против всех сил тьмы, и жена — нежная и прекрасная, как Валькирия, с милым лицом, настоящая арийская женщина, рожающая своему воину и повелителю прекрасных голубоглазых детей.

На своем собственном маленьком поле Гиммлер не вырастил ни пшеницы, ни капусты, ни морковки: он мечтал о земле, считал, что знает, как правильно ею распоряжаться, имел образование агронома, но в смысле сельского хозяйства оказался редкой бездарностью — на семейном поле росли только сорняки. Точно так же дело обстояло у Генриха и с птицеводством и животноводством. Да и в смысле крепкой семьи тоже сразу обозначилась проблема. Жена была умная и красивая, но совершенно нордическая, то есть Генриха, как стало ясно, она любила возвышенно, но не в постели. В этой постели он и так появлялся лишь изредка: все его время съедали партийные разъезды. Генрих был партийным агитатором, а это занятие хлопотное.

Генрих Гиммлер — партийный агитатор, одно имя которого вызывало дрожь у непартийных немцев

Генрих, казалось, больше был женат на партии, чем на своей супруге. В качестве приданого этой партии он и принес постулат о связи крови с землей и даже расширил этот тезис в географическом смысле: бедному немецкому крестьянству он собирался отдать во владение все земли, где на тот час имелись другие хозяева — поляки, чехи, русские. Дарре тут был полностью с Гиммлером солидарен: эти земли когда-то принадлежали немцам и должны принадлежать им по праву. И ничего, что эта почва на востоке пропиталась давно польским, чешским или русским крестьянским потом, все равно она в историческом плане арийская. Провозглашение движения немцев на восток было, конечно, продолжением идей Листа и Либенфельса, но, скажем честно, без всякого научного обоснования. Это более историко-политический экзерсис на тему о прошлой арийской славе и восстановлении справедливости. Дарре в научном плане был таким же дилетантом, что и Гиммлер. Для обоснования требовался все же ученый ум. И такой ум долго искать не пришлось. Среди обратившей взоры на землю молодежи оказался Ганс Гюнтер. Его интересы лежали как в области истории и антропологии, так и генетики и медицины. Ганс Гюнтер был увлечен новым веянием времени — наукой евгеникой. Он был не первым, кто бросился этой новой науке в объятья. Сама евгеника тоже родилась не на пустом месте. В ее родоначальники можно честно записать брата Чарльза Дарвина Роберта Дальтона, создавшего на основе дарвинизма теорию социального дарвинизма.

В евгенике, собственно говоря, не было ровным счетом ничего дурного. Как наука она оформилась благодаря простому факту, что качество человеческого материала к началу XX века заметно ухудшилось. Конечно, никто не имел дела с тем человеческим материалом, что существовал в XIV–XVIII веках, может, и тогда он был несколько нехорош, но уже в конце XIX века многие медики стали бить тревогу: если общество будет и далее развиваться в избранном

направлении, то скоро человек окончательно выродится. Отчасти это было совершенно справедливое утверждение: с одной стороны — люди удивительно быстро умеют портить экологию среды обитания, а с другой — успехи медицины сводят на нет те старания, которые прикладывает природа, чтобы истребить нежизнеспособное потомство.

Еще в середине XIX столетия природа быстро и неотвратимо отправляла в гроб массу недоношенных или рожденных с отклонениями детей, то есть слабое потомство, то в начале XX века эти заморыши выживали и даже вполне оправлялись. Генетики честно признавали тот факт, что эти выжившие смертники могли передать своим детям уродства, психические болезни и другие невидимые глазом дефекты.

Тут-то и появилась евгеника как мечта о восстановлении справедливости. Ведь по подсчетам немецких докторов начала века, если медики будут и дальше помогать младенцам выживать, то число генетических нарушений достигнет у немцев в 1980 году 60 процентов. Более половины населения окажется нездоровым! А уж еще через столетие — даже думать не хочется. Кроме такого неправильного выживания обреченных еще Дальтон обозначил другой нехороший аспект нашего времени: плодятся, как правило, те, кому бы это лучше вовсе запретить, — бедные, психически неуравновешенные, порочные и слабые, а самые умные и имеющие ценность для общества и для будущего человечества люди, вступая в брак, имеют мало детей, у них как бы исчезает инстинкт продолжения рода. Вместо этого они занимаются расширением личного кругозора, карьерой или совершенствованием духовного мира. Если эта тенденция сохранится, то потомки легко проделают обратный путь — не от обезьяны к человеку, а от человека к обезьяне.

Конец человечества замаячил на горизонте вполне обозримо, не через миллионы лет и не из-за стихийных бедствий. Евгеника желала этот грядущий кошмар остановить. Для этого ученые предложили пойти тем же путем, что и селекционеры, — начать разумно отбирать брачующиеся пары. Иными словами, любовь любовью, но если в результате любви родится младенец с лишней ручкой и глазом циклопа, то уж лучше брак по расчету или дитя из пробирки. Немецкая идея о полноценной и неполноценной крови замечательно вписалась в изыскания медиков. Производство уродов, психов и калек нужно было прекратить. Может, по отношению к потомству с отклонениями это было и не весьма гуманно, а с церковной точки зрения и вовсе безнравственно, но по большому счету эта идея в ее бумажном варианте была ничем не хуже иных.

Но как заранее понять, будет потомство здоровым или нездоровым? Генетика в то время была еще в зачаточном состоянии, не только о расшифровке генома, даже о самом геноме ученые еще ничего не ведали. О дородовой диагностике плода никто еще и не задумывался. О ДНК и РНК никто и слыхом не слыхивал. Так что упор делался на сдерживании нежелательных браков и отбор носителей здоровой крови. По этому пути уже пошла Америка. Именно США были первой страной, где приняты евгенические законы о стерилизации. В 1907 году такой закон принимает штат Северная Дакота, в этом штате были запрещены браки для душевнобольных, алкоголиков и больных туберкулезом, а к середине 30-х годов законы о принудительной стерилизации введены в 29 американских штатах. В 1929 году практика ограничения бесконтрольного воспроизведения себе подобных была обобщена в работе американского врача Гесслера «Стерилизация для улучшения человеческой расы (на примере Калифорнии, 1909–1929)». Более 7500 человек было стерилизовано только в одном штате Вирджиния — самом передовом в США. К 1939 году через такую обработку прошло около 30 000 человек по всей стране. Работы проводились в клиниках для душевнобольных и тюрьмах. Кто же подлежал принудительной стерилизации? Алкоголики, психически неполноценные люди, люди с генетическими заболеваниями, люди с преступными наклонностями. Стерилизация, конечно, вещь совсем не гуманная, но американских врачей никто не обвинял в преступлениях против человечества.

В Германии расцвет евгеники пришелся на годы массового увлечения арийской идеей. Не только немцы, но и вообще сторонники евгеники задумывались о методах распознавания здоровой, неиспорченной дефектами крови. Эта здоровая кровь у многих ученых ассоциировалась со здоровой сильной расой. Сами понимаете, тут-то идея о чудесной арийской крови и нашла для себя прибежище. Она рано или поздно была бы высказана, но первым словосочетание «расовый отбор» изрек Ганс Гюнтер.

К своим выводам Ганс Гюнтер пришел, изучая древние эпические тексты. Читая индийскую «Ригведу» и «Махабхарату», он с удивлением отмечал, что «Бог Индра имеет такие же черты крестьянина-воина, какими германские саги наделяют бога Тора», а «в живописи раджпутов в XVIII веке бог Шива изображался со светлой кожей и золотистыми волосами, а его смертная возлюбленная Пар- вати — с темной кожей и черными волосами». И вообще «…впервые арии упоминаются в надписях в Богазкее в Малой Азии (около 1400 г. до н. э.) как „хари‟ („светловолосые‟) — позже это слово стало эпитетом богов и героев. Высший бог Индра изображался с рыжей бородой, как германский Тор, и именовался „хари-кеша‟ (светловолосый) или просто „хари‟. Это название — ценное свидетельство для расологии, оно явно подчеркивало расовое отличие Ариев от темноволосого населения Малой Азии. Но оно не удивит тех, кто убежден, что каждый индоевропейский народ имеет нордическое ядро».

Заметьте, Гюнтер не говорит именно о немцах, он говорит, что каждый индоевропейский народ несет в себе нордическое, божественное начало. Ганс Гюнтер не первый отметил, что в индоевропейской мифологии дается описание светловолосых арийцев и темноволосых народов иного этнического происхождения, делалось это и до него теми же ариософами. На самом деле довольно сложно проводить параллель между «хари» и арийцами, поскольку мы не знаем точного антропологического типа наших «хари». Но совершенно точно, что в мифологии всех народов прослеживаются упоминания двух типов людей. Одни из них имеют более высокий рост и светлую кожу, глаза и волосы, другие — низкий рост, бóльшую волосатость тел, темную кожу, глаза, волосы, и светловолосые почему-то стоят на более высокой ступени развития. Если признать, что древние тексты не просто рассказывают сказки, а содержат информацию, стоит об этом подумать. Выводы, которые сегодня делаются, весьма разнообразны.

Захария Ситчин, современный исследователь, например, убежден, что многие тысячи лет назад нашу планету посетили пришельцы с Нибуру, планеты, не найденной пока астрономами, которая имеет обратное Солнечной системе обращение, эклиптика ее находится под прямым углом к эклиптике известных планет, и период обращения вокруг Солнца — 3600 лет. Пришельцы с Нибиру — аннунаки — высадились на примитивной земле, чтобы добывать необходимое для поддержания собственной атмосферы земное золото, распыляя которое в воздухе Нибиру, можно сохранить планету от переохлаждения (учитывая предлагаемый им путь Нибиру вокруг Солнца по очень вытянутой орбите — это актуально). После какого-то времени работы в тяжелых земных условиях рабочие с Нибиру взбунтовались, поэтому один из правителей космического десанта вынужден был приступить к созданию земной расы рабочих — достаточно умных, чтобы пользоваться инструментами, таким образом, для генетического вмешательства они выбрали наиболее пригодное древнее прачеловечество, добавив в его геном собственную небесную кровь, то есть создав генетически-модифицированных людей Земли, стоящих на несколько ступеней выше других примитивных землян. Полученная новая «небесная» раса была светловолосой, белокожей, синеглазой, сильной и высокой. Их-то создатели с Нибиру и использовали для своих нужд. А параллельное, то есть не улучшенное генетиками Нибиру человечество тем временем самостоятельно развивалось, и оно было низкорослым, звероподобным и темноволосым. Далее, по Ситчину, происходили разные события межпланетного масштаба, а в конце концов когда золотодобыча потеряла актуальность, аннунаки решили уничтожить свое слишком божественное создание, тем более что климатическая катастрофа на Земле сама подготовила для этого почву. Однако часть божественных потомков уцелела. В их жилах текла кровь астронавтов Нибиру, правда,

со временем эта кровь была разбавлена смешанными браками с полудиким земным человечеством.

Так что, как видите, теория Ситчина повествует о том же делении на две расы, что и арийская теория Ганса Гюнтера. Учитывая пристальное изучение шумерских табличек Йоргом Ланцем, придется сделать и еще один вывод: идея смешения рас основывается на древних текстах. Она сама по себе ни плоха и ни хороша и как теория имеет право на существование. Беда в другом: это если для возрождения человечества ищется путь сегрегации рас. И если в одной из существующих ныне рас ученый видит потомков дикого человечества, которое необходимо изолировать.

Ганс Гюнтер считал, что нужно, и что путь сегрегации был избран в самые отдаленные от нас времена «настоящим» человечеством, поэтому общество было разделено на касты, которые всячески избегали смешения между собой: «Первоначально не было каст, а было лишь два расовых слоя. Сначала высший слой разделился на три слоя, а четвертое составляли неарии, шудры. Это разделение возникло к концу II тысячелетия до н. э. Касты появились лишь 300–400 лет спустя. Они не выросли из сословий, а были с самого начала объявлены элементами божественного порядка. Слово „варна" обозначает „цвет". Сначала было лишь два цвета — арийский и неарийский. В эпоху Брахманов их число увеличилось, что отражало разные степени расового смешения. Кастовое законодательство было попыткой предотвратить это смешение. „Законы Ману", записанные в первые века нашей эры, содержат гораздо более древние, частично неверно понятые предписания на этот счет… Они советуют не заключать браки с представительницами семей, в которых нет мужских потомков, с мужчинами с очень волосатым телом (признак переднеазиатской расы), а также с лицами, склонными к различным болезням. Слабоумные не имели права вступать в брак. Дети от связи ария с женщиной-шудрой записывались в касту шудр. В индийской книге „Законов Ману" сохранилось представление о порядке зачатий: „Царство, в котором происходят беспорядочные зачатия, быстро гибнет вместе со своими обитателями". Отсюда индогерманское освящение половой жизни, почитание хозяйки дома как хранительницы расового наследия; отсюда культ божественных предков. Поэтому индогерманская религиозность выражалась в человеческом отборе, в тщательном выборе супружеских пар, в „эвгенейе", в стремлении родов к получению здорового потомства».

Эта «эвгенейе» и есть наука евгеника. Для древних народов, по Гюнтеру, это был единственный путь развития, иначе бы все вымерли. А для современных? Особенно учитывая будущие 60 процентов бракованных детей — кто с тремя руками, кто с одной, кто слепой, кто хромой, а кто всю жизнь на капельнице. Перспектива-то устрашающая. О каком строительстве и какого немецкого государства можно говорить, если потомки окажутся кто на койке, кто в инвалидном кресле?

Ганс Гюнтер был человеком своего времени и хорошим немцем, он думал о будущем. Будущее его пугало. Вот почему он считал, что возрождение расы ариев возможно только при условии, если мы снова станем применять жесткий расовый отбор и запретим любые смешанные браки. Здесь Ганс нового не открыл: еще его предшественник Йорг Ланц рекомендовал для улучшения арийского потомства использовать жесткий расовый отбор и… полигамию, чтобы наиболее продвинутый в расовом отношении самец мог оплодотворить как можно больше истинно арийских самок. Первоначально призыв к полигамии вызвал даже у его сторонников некоторое отвращение. Но принцип не нов. Именно таким путем пошли в XIX веке мормоны для выведения своего нового человечества.

Поскольку они считали, что являются дальними потомками потерянного колена Давидова, то полигамия была выбрана как наиболее быстрый и простой способ увеличить количество детей в общинах. Впрочем, мормоны опирались на ветхозаветную практику, где, как бы сторонники христианства ни пытались этот момент смягчить, как раз и торжествовала полигамия. Хорошо еще, что мормоны не использовали наследие Лота — то есть инцест.

Ганс Гюнтер инцест и полигамию не одобрял, зато в вопросах брака и семьи был строг и безжалостен. «При выборе супружеской пары, — рекомендовал Гюнтер, — следует избегать не только людей, о наследственной неполноценности которых говорит уже их внешность, но в определенных случаях также их братьев и сестер, которые внешне кажутся здоровыми. Это, например, братья и сестры слабоумных, братья, сестры и дети эпилептиков, шизофреников и лиц, страдающих маниакально-депрессивным психозом. Избегать нужно также психопатов всех типов, истериков, кретинов, слепых и глухих от рождения (но не тех, кто стал слепым или глухим из-за заразной болезни или несчастного случая). Внешне здоровые братья, сестры и дети наследственно неполноценных людей могут вступать лишь в такие браки, которые будут бездетными. Какие наследственные болезни исключают брак, зависит от требований к будущему потомству. Желателен обмен свидетельствами не только о здоровье обрученных, но и о наследственных качествах их семей. Было бы большим прогрессом, если бы до государственного постановления о таком обмене в уважающих себя и заботящихся о своем потомстве семьях распространился такой обычай. Попноу даже считает, что обычай был бы лучше, чем закон».

Обычай, конечно, лучше, поскольку закон предполагает наказание в случае нарушения, а обычай — традицию, которую стараются не нарушать, то есть естественный ход вещей. Тут Гюнтер был совершенно прав: в качестве обычая такая сегрегация имела бы смысл, в качестве закона мы имеем историю нарушений прав человека в Третьем рейхе.

Но каковы же признаки полноценной арийской крови, чтобы можно было визуально отобрать хороший генетический материал?

«*Фигура.* Люди нордической расы высокие и стройные. Средний рост взрослых мужчин — 1,75–1,76 м, нередко он достигает 1,90 м… Высота седалища равна примерно 52–53 % высоты тела. Рост у людей нордической расы продолжается дольше всего, он может быть значительным и в период между 20 и 25 годами…Установлена взаимосвязь между достижением половой зрелости и завершением роста. Поскольку у людей нордической расы дольше период роста, половое созревание наступает позже. Мужчины нордической расы кроме высокого роста отличаются широкими плечами и узкими бедрами. Стройность мужских бедер подчеркивается очень характерным для нордической расы признаком, т. н. античной тазовой складкой, мышечным утолщением, идущим от спинного хребта через бедро вперед и вниз. Эту расовую особенность любили подчеркивать древнегреческие скульпторы. Особое утолщение верхней части коленной чашки также представлено в Европе, главным образом, у нордической расы. Расовой стройностью отличаются и нордические женщины, несмотря на женственные формы тела. Здесь наблюдается эффект т. н. ложной худобы: нордические женщины в одежде кажутся худыми несмотря на развитые женские формы. Стройность проявляется в формах всех частей тела: шеи, рук, ног, бедер. Отношение длины рук к длине тела такое же, как в случае с длиной ног: руки у людей нордической расы не такие короткие, как у монголоидов, и не такие длинные, как у негроидов. Размах рук у людей нордической расы равен 94–97 % длины тела…Художнику у людей нордической расы бросается в глаза свобода, присущая каждой части тела, каждому мускулу, будто они подчиняются своим особым законам формообразования при сохранении гармоничного целого.

Череп. Такой же стройностью, как и тело, отличаются формы черепа. У людей нордической расы длинный череп и узкое лицо. Средний черепной указатель около 74 (на голове живого человека это соответствует цифре 75–75,5). Ширина нордической головы относится к ее длине как 3:4… Ширина нордического лица относится к длине как 10:9, но частым бывает и соотношение 10: 10. Можно сказать, что лицевой указатель нордической расы выше 90. Длинноголовость в сочетании с узколицестью делают форму головы такой, что ее можно заключить в прямоугольник. Эта форма бросается в глаза у нордических людей с

короткими волосами или лысых, особенно при поворотах головы. Если круглая голова при повороте не меняет форму — шар выглядит одинаково со всех сторон — то при повороте нордической головы особенно бросаются в глаза две длинные боковые плоскости. Если разделить голову при виде сбоку на два участка, один перед, другой за ушами, мы увидим, что нордическая голова развивается в длину, в основном, за ушами. Затылок, как уже говорилось, выпуклый. Если длинноголового человека поставить у стены, его затылок соприкоснется с ней, а у круглоголовых между его затылком и стеной останется промежуток. Нордический череп отличается сравнительно небольшой высотой участка за ушами, так что можно говорить о плоской форме этого черепа (у детей, однако, этот признак не выражен). Для нордической (и динарской) расы характерен сильно выступающий затылочный бугор. Сугубо нордическая черта — отросток височной кости. Если область за ушами у других европейских рас сравнительно плоская, у нордической расы там прощупывается заметное возвышение. Черты нордического лица в профиль ярко выражены. Лоб с наклоном назад, глаза глубоко посажены, нос более или менее выступает. Челюсти и зубы расположены почти вертикально. Особенно резко выступает подбородок. Наличие трех выступающих частей производит впечатление агрессивности. Когда художник хочет выразить в чертах лица качества вождя, смелость, силу воли, он всегда рисует более или менее нордическую (или нордически-динарскую, или нордически-фальскую) голову. Анфас обращают на себя внимание узкий лоб, мало изогнутые брови, узкая спинка носа, узкий, угловатый подбородок. Голова в области висков сужена, будто ее с двух сторон сжимали в тисках. Такому общему впечатлению способствуют и формы отдельных костей черепа и мягких частей лица. Убегающий назад лоб сочетается с заметными надбровными дугами и глабеллой (утолщением над переносицей). Эти признаки меньше выражены у женщин и у молодых людей. Глазницы имеют форму продолговатого эллипса или четырехугольника.

Очень важная черта лица — скулы. У нордической расы они не очень заметны, потому что повернуты вбок и расположены почти вертикально.

Отдельные расы различаются по форме носа. У нордической расы нос узкий, начинающийся с переносицы, так что часто нет видимой границы между ним и лбом („греческий нос"). В профиль он иногда прямой, иногда изогнутый наружу. Встречаются также вогнутые носы и носы, немного изогнутые наружу в нижней трети (частая форма в Швеции). Если нордический нос изогнут, он обычно описывает плавную дугу. Это скорее крючковатый или ястребиный нос, чем орлиный (изогнутый в верхней части), как у динарской расы. Отношение длины (высоты) носа по сравнению с другими участками лица у нордической (и динарской) рас больше всего, у западной расы оно меньше, а у восточной и восточно-балтийской рас меньше всего. Ноздри расположены под острым углом. Нордический нос развивается из детского курносого носа к 25 годам. Носы женщин у всех рас шире. У нордической расы встречается и форма носа, которая в профиль выглядит прямой, но слегка волнистой. Сильно выступающий вперед нос у людей нордической расы, как, например, у норвежского полярника Амундсена, бывает обычно и особенно узким.

Узостью нордического лица обусловлены и больший изгиб роговицы глаз, и узость челюстей, и тесное расположение зубов, причем клыки располагаются под углом. Сугубо нордическая черта — большие и длинные верхние передние резцы.

Мягкие части лица. Эти части не смазывают впечатление узкого лица. Кожный покров лица имеет равномерную толщину, веки не толстые, прорезь между ними горизонтальная, у наружных углов глаз немного скошена вниз. Кожа на скулах тонкая, круглые щеки не делают круглым лицо. Кайма губ очерчена нечетко. Сами губы обычно узкие, но не кажутся сжатыми, верхняя губа часто меньше выступает, чем нижняя. У нордических англичан часто встречается очень высокая вертикальная верхняя губа. Бороздка под носом четко выраженная и узкая. Уши сравнительно маленькие, хотя у всех рас величина ушей сильно варьирует, и уши у всех людей растут до старости.

Кожа. …Нордический цвет кожи — розовато-белый, цвет кожи восточно-балтийской расы — светлый с серо-желтым отливом. Только нордическую расу можно называть „белой“ в собственном смысле слова, да и то это будет не совсем правильно — совершенно белая кожа бывает только у трупа. Даже самая белая кожа всегда имеет желтоватый оттенок. Розовато-белой делает кожу просвечивающая сквозь нее кровь. Там, где просвечивают вены, видна „голубая кровь“. Но такая светлая кожа даже в северо-западной Европе встречается реже, чем думают. К тому же цвет кожи одетого европейца — недостаточное свидетельство его расовых свойств. Многие европейцы, загорев, становятся похожими на египтян или индусов. Только кожа нордической расы устойчива к солнечным лучам: она сильно краснеет, как при ожогах, но через несколько дней покраснение исчезает… Даже соски у мужчин и женщин нордической расы розовые, а у других европейских рас — коричневые. Только у нордической расы действительно красные губы…

Связано ли появление веснушек с нордической кровью, неизвестно. Веснушки часто появляются у рыжеволосых людей, но у них, в отличие от нордической расы, жирная кожа. Но я часто наблюдал веснушки и у людей нордической расы. Более темные участки кожи, в отличие от других рас, у чистой нордической расы не встречаются.

Волосы. По сравнения с другими расами Земли, нордическую (а также западную и, прежде всего, динарскую) расу следует причислить к более волосатым. У людей нордической расы хорошо растут волосы на голове, у мужчин — борода, но волосяной покров тела более слабый. Цвет и форма волос на голове — признаки, по которым различаются расы. В Германии наблюдается феномен, который до сих пор не получил удовлетворительного объяснения, — потемнение волос у взрослых в возрасте около 30 лет. Так что только по цвету волос взрослых можно судить о расовой принадлежности. Захождение волос на лоб я часто наблюдал у евреев. Нередко оно и у динарской расы. У нордической расы это явление не встречается. Цвет волос нордической расы светлый, с вариациями от белобрысых волос до желтоватых и золотистых, обычно с более или менее явным красноватым оттенком. Пепельные волосы, чаще встречающиеся на востоке Германии и в северо-восточной Европе, скорее признак восточно-балтийской расы. Светлый цвет волос повлиял на европейский идеал красоты. По описанию римлян, германские дети имели такой же цвет волос, как и седые старики. Раньше спорили, можно ли считать рыжие волосы нордическим признаком. Они часто сочетаются с очень белой и нежной кожей. В рыжеволосых видели реликт особой расы. Часто отмечали их особый запах, сравнимый с козьим. Но особой расой их считать нельзя, рыжие волосы особенно распространены в ареале нордической расы. В восточной Германии и восточной Европе вообще рыжих меньше, чем в северо-западной Европе, т. е. для восточно-балтийской расы это явление не характерно…Волосы нордической расы менее жирные, чем у других европейских рас. Они гладкие или волнистые, тонкие, часто „как шелк“. Кудрявыми волосы чаще бывают у детей нордической расы, чем у взрослых. Особенности нордических волос хорошо показывают изображения женщин на многих картинах Рубенса. Нордические волосы можно распознать по той легкости, с которой они развеваются на ветру. Тонкие нордические волосы менее прочны, они легче отрываются.

Цвет глаз. Речь идет о цвете радужной оболочки, зрачок у всех рас черный. Конъюнктива у нордической расы совершенно бесцветная и кажется белой. У более темных европейских рас она более мутная или желтоватая. Радужная оболочка у нордической расы очень светлая, голубая или серая. Дети обычно рождаются с темно-синими или темно- серыми глазами. Есть мнение, что серые глаза „не нордические“, что это признак скрещивания или признак восточно- балтийской расы. Я не считаю, что нордической расе свойственны только голубые глаза, хотя среди нее действительно больше голубых глаз, а среди восточно-балтийской расы — серых. Можно считать серые глаза признаком скрещивания нордической расы с темными европейскими расами, так как, по данным Вирхова, число серых глаз увеличивается в Центральной Европе не только к востоку, но и к югу. Серые глаза чаще сочетаются с

каштановыми волосами, чем со светлыми. При скрещиваниях бывает, что цвет глаз наследуется от темной расы, а яркость глаз — от светлой. Так получаются светло-карие и зеленые глаза. У нордических людей цвет глаз часто меняется в зависимости от освещения и настроения. Когда свет падает спереди, глаза кажутся голубыми, а когда сбоку — серыми. Их цвет — нечто среднее между голубым и серым. Но, поскольку серый цвет — доминантный, можно считать голубые глаза „более нордическими". Темно-синие глаза, как у евреев или еврейских полукровок, или непрозрачные матово-синие глаза — это всегда глаза гибридов. Они нередко встречаются при скрещивании с восточной расой. Нордическим глазам присущ светящийся цвет. На картинах часто видно преломление света темным кольцом, окружающим радужную оболочку. С этими свойствами нордических глаз связано то особое впечатление, которое они производят. Темные глаза осматриваются, нордические — присматриваются…

Общее впечатление от черт нордического лица Гобино удачно называет „несколько суховатым". Особенно у мужчин среднего возраста бросается в глаза эта холодность, жесткость и деловитость нордических черт лица».

Прочли?

Посмотрели на себя в зеркало?

Если у вас нет примеси азиатской или африканской крови, то вы более или менее соответствуете описанию.

Это-то и сыграло с Гансом Гюнтером очень злую шутку! Гюнтер вовсе не считал германцев единственными наследниками арийской крови. Он распределял эту кровь на всех северных европейцев. И чем дольше он расовым вопросом занимался, тем больше арийских аналогий находил у немцев и русских. Так что слава его была бурной, стремительной, но очень недолгой. Чем более Рейх уходил в свой *дранг нах ост*, тем горячее было желание вождей Рейха признать русских не-арийцами, то есть людьми второго сорта, унтерменшами. И если расовые евгенические идеи взяли на вооружение, минуя обычай и превратив их в закон с наказанием против неисполнения, то со славянским вопросом возникла огромная проблема.

Накануне запланированной войны с Советами Гюнтер разразился новой книгой. В ней он доказывал (на основе измерений и тщательного расового анализа), что славяне столь же арийцы, что и немцы. Сами понимаете, что сказать такое в момент обострения расовой доктрины было попросту неразумно. Гюнтера в концлагерь не отправили, но книгу к изданию запретили. Гюнтер лишился всех постов и во время затянувшейся восточной войны голодал и…продолжал писать об арийском вопросе. Интернированные в Германию славяне давали богатый материал. Чем больше он их изучал, тем больше убеждался в своей правоте. В этом убеждался и Гиммлер, но предпочитал говорить, что все сходство с арийцами у славян — от сильного притока немецкой крови в период средневекового продвижения немцев на восток. Убеждался в этом и Гитлер, но предпочитал не верить собственным глазам. Бедолага Гюнтер, лишенный работы и званий, ничего уже не мог им доказать. Славяне-арийцы явно пришлись не ко времени и противоречили основной доктрине.

Впрочем, не только славяне «помогли» Гюнтеру стать неугодным Рейху. Он имел несчастье исследовать родословные древа лидеров Рейха (надеясь найти там расовую чистоту), а также обмолвился о неполноценности внебрачных детей, и лучше б он этого не делал! Арийское родословие лидеров оказалось сомнительным, а упоминание о внебрачных детях рассердило бывшего друга Гиммлера — он как раз проводил активную политику внебрачного воспроизводства белокурых бестий от настоящих арийских самцов настоящими арийскими самками. После этих оплошностей имя Ганса Гюнтера было прочно забыто в Рейхе, а его евгенические и расовые идеи взял на вооружение Гиммлер — теперь это были **его** собственные идеи, без упоминания автора. Расовый отбор Гиммлер понимал не только как сегрегацию, но и как очищение арийской крови от еврейской примеси. Генрих

Гиммлер был антисемитом. Гюнтер был выкинут из жизни Рейха, зато Дарре и Розенберг сделали прекрасную карьеру.

Альфред Розенберг

Именно Альфреду Розенбергу идеология Рейха обязана тщательно проработанным еврейским вопросом. Даже сам фюрер до знакомства с Альфредом стеснялся признаваться в своем антисемитизме. Однако после тесного общения в начале 20-х годов Гитлер изжил этот недостаток. Теперь он легко обещал единомышленникам выжечь евреев по всей немецкой земле, пройтись по ней огнем и мечом. Рассуждая о светлом немецком будущем, он обещал: «Тогда жидов будут вешать одного за другим, и они будут болтаться на перекладинах до тех пор, пока не провоняют, — сулил он жителям Мюнхена, но перспектива была шире, — аналогичная процедура последует и в других городах, пока Германия не очистится от последнего еврея».

А ведь до дружбы с Альфредом Адольф старался заменить слово «жид» каким-нибудь более пристойным эвфемизмом! Кто ж этот Альфред Розенберг, откуда он взялся и чем так привлек национал-социалиста Гитлера? Альфред Розенберг был русским немцем, то есть выходцем из остзейской провинции, пережившим кошмар русской революции и чудом спасшимся из большевистской России. Одним словом — наш земляк. Этот земляк по некоторым сведениям и привез из красной России чудесный документ — *Протоколы Сионских мудрецов.* История создания этого антисемитского сочинения покрыта мраком.

Впервые эти «Протоколы» опубликовал еще до первой русской революции Сергей Нилус в качестве приложения к сочинению о масонах «Великое в малом». Он был твердо убежден, что протоколы подлинные и являются стенограммой первого конгресса сионистов, состоявшегося в 1897 году в Базеле. Иными словами, что это программа для завоевания мирового господства, разработанная евреями и задокументированная с их слов. «Протокольные» сионисты говорили следующее: «Каждый человек стремится к власти, каждому хотелось бы сделаться диктатором, если бы только он мог, но при этом редкий не был бы готов жертвовать благами всех ради достижения благ своих. Что сдерживало хищных животных, которых зовут людьми? Что ими руководило до сего времени? В начале общественного строя они подчинились грубой и слепой силе, потом закону, который есть та же сила, только замаскированная».

Отсюда делался такой вывод: право в силе, а политическая свобода всего лишь идея, но не факт. И давался такой совет: «Эту идею надо уметь применять, когда является нужным идейной приманкой привлечь народные массы к своей партии, если таковая задумала сломить другую, у власти находящуюся. Задача эта облегчается, если противник сам заразится идеей свободы, так называемым либерализмом, и ради идеи поступится своей мощью».

Если политическая свобода — иллюзия, то в чем же настоящая сила?

Что прокладывает дорогу к власти над другими людьми?

Ответ не заставлял ожидать: золото. «Было время, — гласил текст, — правила вера. Идея свободы неосуществима, потому что никто не умеет пользоваться ею в меру. Стоит только народ на некоторое время предоставить самоуправлению, как оно превращается в распущенность. С этого момента возникают междоусобицы, скоро переходящие в социальные битвы, в которых государства горят, и значение их превращается в пепел. Истощается ли государство в собственных конвульсиях, или же внутренние распри отдают его во власть внешним врагам, во всяком случае, оно может считаться безвозвратно погибшим: оно в нашей власти. Деспотизм капитала, который весь в наших руках, протягивает ему соломинку, за которую государству приходится держаться поневоле, в противном случае оно катится в пропасть».

Предложив эту соломку, мировое еврейство получит реальную власть, которая «при современном шатании всех властей будет необоримее всякой другой, потому что она будет

незримой до тех пор, пока не укрепится настолько, что ее уже никакая хитрость не подточит. Из временного зла, которое мы вынуждены теперь совершать, произойдет добро непоколебимого правления, которое восстановит правильный ход механизма народного бытия, нарушенного либерализмом. Результат оправдывает средства».

Однако эта хорошая власть на деле окажется хорошей только для самих евреев: они прекратят войны между государствами и создадут своего рода диктатуру, заменив «…ужасы войны менее заметными и более целесообразными казнями, которыми надобно поддерживать террор, располагающий к слепому послушанию. Справедливая, но неумолимая строгость есть величайший фактор государственной силы: не только ради выгоды, но и во имя долга, ради победы, нам надо держаться программ насилия и лицемерия. Доктрина расчета настолько же сильна, насколько средства, ею употребляемые». И на самом деле этот путь к власти уже давным-давно начался, на него человечество встало, впервые произнеся лозунг великой французской революции — свобода, равенство, братство. «Между тем эти слова были червяками, которые подтачивали благосостояние гоев, уничтожая всюду мир, спокойствие, солидарность, разрушая все основы их государств… Абстракция свободы дала возможность убедить толпу, что правительство не что иное, как управляющий собственника страны — народа, и что его можно сменять, как изношенные перчатки. Сменяемость представителей народа отдавала их в наше распоряжение и как бы нашему назначению», — сообщали «Протоколы». А сами войны, которые в истории были средством регулирования интересов государств, перейдут из области открытого конфликта в экономическую. Тайное еврейское правительство будет помогать развивать экономику стран и выступать золотом на чьей-то стороне, таким образом сами евреи в войнах выступать не будут, а за их интересы станут сражаться связанные экономической поддержкой другие народы, «…тогда наши международные права сотрут народные в собственном смысле права и будут править народами так же, как гражданское право государств правит отношениями своих подданных между собою».

Особую роль в формировании общественного мнения будет играть пресса. «Роль прессы — указывать якобы необходимые требования, передавать жалобы народного голоса, выражать и создавать неудовольствия. В прессе выражается торжество свободоговорения». Однако пресса будет в руках того самого мирового еврейства, что уже на самом деле произошло. Еврейство не станет запрещать свободу слова, оно просто изменит финансовое положение печати, тогда выражающие недовольство издания вынуждены будут закрываться, поскольку деньги-то в руках евреев, а широкое распространение получат те газеты и журналы, которые будут уводить интересы народов от политики, давать им не стимул к размышлению, а стимул к развлечению. Так масса людей окажется выведенной из политики, это позволит легко удерживать власть. В парламентах, где должны обсуждаться законы и приниматься решения, будут действовать купленные деньгами говоруны, которые будут показывать, что существующая нееврейская власть — плохая и требует изменения. Эта роль «Протоколами» отводится, конечно, социалистам и коммунистам. Само собой начнутся суды, возрастет недовольство властью среди народа, и откроется легкий способ власть в государствах перехватить. Сама толпа сделает революцию и вверит власть в руки тех, кто станет ее правильно эксплуатировать. Для того чтобы эксплуатация выглядела как добытое кровью право распоряжаться своей судьбой, будет введена конституция: «Народы прикованы к тяжелому труду бедностью сильнее, чем их приковывало рабство и крепостное право: от них так или иначе могли освободиться, могли с ними считаться, а от нужды они не оторвутся. Мы включили в конституции такие права, которые для масс являются фиктивными, а не действительными правами. Все эти так называемые „права народа“ могут существовать только в идее, никогда на практике не осуществимой… Народ под нашим руководством уничтожил аристократию, которая была его естественной защитой и кормилицей ради собственных выгод, неразрывно связанных с народным благосостоянием. Теперь же, с уничтожением

аристократии, он попал под гнет кулачества разжившихся пройдох, насевших на рабочих безжалостным ярмом». Конституция только закрепит единственное право народа — подчиняться тем, у кого есть капитал. «Мы явимся якобы спасителями рабочего от этого гнета, когда предложим ему вступать в ряды нашего войска — социалистов, анархистов, коммунаров, которым мы всегда оказываем поддержку из якобы братского правила общечеловеческой солидарности нашего социального масонства. Аристократия, пользовавшаяся по праву трудом рабочих, была заинтересована в том, чтобы рабочие были сыты, здоровы и крепки. Мы же заинтересованы в обратном — в вырождении гоев. Наша власть — в хроническом недоедании и слабости рабочего, потому что он не найдет ни сил, ни энергии для противодействия ей. Голод создает права капитала на рабочего вернее, чем аристократии давала это право законная Царская власть».

Оболваниванию народов и воспитанию нации рабов будет помогать и система образования: «…В народных школах надо преподавать единую истинную науку, первую из всех — науку о строе человеческой жизни, социального быта, требующего разделения труда, а, следовательно, разделения на классы и сословия. Необходимо, чтобы знали все, что равенства быть не может вследствие различия назначения деятельности, что не могут одинаково отвечать перед законом тот, который своим поступком компрометирует целое сословие, и тот, который не затрагивает им никого, кроме своей чести. Правильная наука социального строя, в тайны которой мы не допускаем гоев, показала бы всем, что место и труд должны сохраняться в определенном кругу, чтобы не быть источником человеческих мук от несоответствия воспитания с работой».

Золото будет править миром: «Напряженная борьба за превосходство, толчки в экономической жизни создадут, да и создали уже, разочарованные, холодные и бессердечные общества. Эти общества получат полное отвращение к высшей политике и к религии. Руководителем их будет только расчет, то есть золото, к которому они будут иметь настоящий культ за те материальные наслаждения, которые оно может дать. Тогда-то не для служения добру, даже не ради общества, а из одной ненависти к привилегированным низшие классы гоев пойдут за нами против наших конкурентов на власть интеллигентов-гоев… Капитал для действий без стеснений должен добиться свободы для монополии промышленности и торговли, что уже и приводится в исполнение незримой рукой во всех частях света. Такая свобода даст политическую силу промышленникам, а это послужит к стеснению народа. Ныне важнее обезоруживать народы, чем их вести на войну, важнее пользоваться разгоревшимися страстями в нашу пользу, чем их заливать, важнее захватить и толковать чужие мысли по-своему, чем их изгонять. Главная задача нашего правления состоит в том, чтобы ослабить общественный ум критикой, отучить от размышлений, вызывающих отпор, отвлечь силы ума на перестрелку пустого красноречия… Мы присвоим себе либеральную физиономию всех партий, всех направлений и снабдим ею же ораторов, которые бы столько говорили, что привели бы людей к переутомлению от речей, к отвращению от ораторов. Чтобы взять общественное мнение в руки, надо его поставить в недоумение, вызывая с разных сторон столько противоречивых мнений и до тех пор, пока гои не затеряются в лабиринте их и не поймут, что лучше всего не иметь никакого мнения в вопросах политики, которых обществу не дано ведать, потому что ведает их лишь тот, кто руководит обществом. Это первая тайна. Вторая тайна, потребная для успеха управления, заключается в том, чтобы настолько размножить народные недостатки — привычки, страсти, правила общежития, чтобы никто в этом хаосе не мог разобраться и люди вследствие этого перестали бы понимать друг друга. Эта мера нам еще послужит к тому, чтобы посеять раздор во всех партиях, разобщить все коллективные силы, которые еще не хотят нам покориться, обескуражить всякую личную инициативу, могущую сколько-нибудь мешать нашему делу… На место современных правителей мы поставим страшилище, которое будет называться Сверхправительственной

Администрацией. Руки его будут протянуты во все стороны, как клещи, при такой колоссальной организации, что она не может не покорить все народы…

Скоро мы начнем учреждать громадные монополии — резервуары колоссальных богатств, от которых будут зависеть даже крупные гоевские состояния настолько, что они потонут вместе с кредитом государств на другой день после политической катастрофы… В то же самое время надо усиленно покровительствовать торговле, промышленности, а главное — спекуляции, роль которой заключается в противовесе промышленности: без спекуляции промышленность умножит частные капиталы и послужит к поднятию земледелия, освободив землю от задолженности, установленной ссудами земельных банков. Надо, чтобы промышленность высосала из земли и руки, и капиталы, и через спекуляцию передала бы в наши руки все мировые деньги и тем самым выбросила бы всех гоев в ряды пролетариев. Тогда гои преклонятся перед нами, чтобы только получить право на существование».

Еще одна задача — разорить богатых гоев, уничтожить их гойскую промышленность, взвинтить цены и создать экономическую нестабильность, чтобы у народов была одна надежда — на еврейское золото. Народы должны покориться. А если не захотят этого сделать, всегда есть способ развязать большую мировую войну, которая принесет этим народам страдания и голод, а контролирующим рынок капиталистам-евреям — обогащение и власть. Постепенно к власти везде придут еврейские правительства. «Когда мы завершим наш государственный переворот, мы скажем тогда народам: „Все шло ужасно плохо, все исстрадались. Конечно, вы свободны произнести над нами приговор, но разве он может быть справедливым, если он будет вами утвержден прежде, чем испытаете то, что мы вам дадим“… Тогда они нас вознесут и на руках понесут в единодушном восторге надежд и упований. Голосование, которое мы сделали орудием нашего воцарения, приучив к нему даже самые мелкие единицы из числа членов человечества составлением групповых собраний и соглашений, отслужит свою службу и сыграет на этот раз свою последнюю роль единогласием, в желании ознакомиться с нами поближе, прежде чем осудить…

В близком будущем мы утвердим ответственность президентов. Тогда мы уже не станем церемониться в проведении того, за что будет отвечать наша безличная креатура… Палата депутатов будет прикрывать, защищать, избирать президентов, но мы у нее отнимем право предложения законов, их изменения, ибо это право будет нами предоставлено ответственному президенту, куле в руках наших… Кроме того, мы отнимем у Палаты с введением новой республиканской конституции право запроса о правительственных мероприятиях под предлогом сохранения политической тайны, да, помимо того, новой конституцией мы сократим число народных представителей до минимума, чем сократим настолько же политические страсти и страсть к политике… От президента будет зависеть назначение президентов и вице-президентов Палаты и Сената. Вместо постоянных сессий Парламентов мы сократим их заседания до нескольких месяцев. Кроме того, президент как начальник исполнительной власти будет иметь право собрать и распустить Парламент и в случае роспуска протянуть время до назначения нового парламентского собрания…

Президент будет, по нашему усмотрению, толковать смысл тех из существующих законов, которые можно истолковать различно; к тому же он будет аннулировать их, когда ему нами будет указана в том надобность; кроме того, он будет иметь право предлагать временные законы и даже новое изменение правительственной конституционной работы, мотивируя как то, так и другое требованиями высшего блага государства. Такими мерами мы получим возможность уничтожить мало-помалу, шаг за шагом все то, что первоначально при вступлении нашем в наши права мы будем вынуждены ввести в государственные конституции для перехода к незаметному изъятию всякой конституции, когда наступит время превратить всякое правление в наше самодержавие».

Успех этого плана захвата власти зависит больше всего от правильного мнения большинства, поэтому при его реализации «Протоколы» советуют обращать основное

внимание не на столицы, а на провинции, не на просвещенные слои, а на непросвещенное большинство. Поскольку это непросвещенное большинство сдерживает от кровопролитий и неповиновения законной власти только вера в бога, то «Протоколы» советуют, прежде всего, искоренить религию. Точнее — все религии кроме иудаизма, который оправдывает богоизбранность евреев. Религии будут названы опиумом и заблуждением. Но иудаизм будет для гоев закрытой религией, его нельзя будет осуждать или даже обсуждать. В конце концов, при столь усиленной работе падут все правительства гоев по всему миру. Наступит светлое будущее.

«Когда наступит время нашего открытого правления, время проявлять его благотворность, мы переделаем все законодательство: наши законы будут кратки, ясны, незыблемы, без всяких толкований, так что их всякий будет в состоянии твердо знать. Главная черта, которая будет в них проведена, — это послушание начальству, доведенное до грандиозной степени. Тогда всякие злоупотребления иссякнут вследствие ответственности всех до единого перед высшей властью представителя власти… Мы искореним либерализм из всех важных стратегических постов нашего управления, от которых зависит воспитание подчиненных нашему общественному строю. На эти посты попадут только те, которые будут воспитаны нами для административного управления… Мы упраздним кассационное право, которое перейдет в исключительное наше распоряжение — в ведение правящего, ибо мы не должны допустить возникновения у народа, чтобы могло состояться неправильное решение нами поставленных судей…

Наше правление будет иметь вид патриархальный, отеческой опеки со стороны нашего правителя. Народ наш и подданные увидят в его лице отца, заботящегося о каждой нужде, о каждом действии, о каждом взаимоотношении как подданных друг к другу, так и их к правителю… Когда царь Израильский наденет на свою священную голову корону, поднесенную ему Европой, он сделается патриархом мира…

Наша власть будет славною потому, что она будет могущественна, будет править и руководить, а не плестись за лидерами и ораторами, выкрикивающими безумные слова, которые они называют великими принципами и которые не что иное, говоря по совести, как утопия… Наша власть будет вершителем порядка, в котором и заключается все счастье людей. Ореол этой власти внушит мистическое поклонение ей и благоговение перед ней народов».

Нилус, осуществивший публикацию этих «Протоколов», не сомневался в их истинной принадлежности сионистам. Текст достался ему в виде тетрадки, исписанной разными почерками, происхождение тетрадки он держал в тайне (а может быть — не знал). Евреев он боялся и всюду видел масонские заговоры.

Один из его современников вспоминал такой эпизод: как-то Нилус пригласил его к себе домой, дабы осмотреть лично музей Антихриста и ознакомиться с тайными масонскими (то есть для Нилуса — еврейскими) знаками. И вот что тот увидел. «В неописуемом беспорядке перемешались в нем воротнички, галоши, домашняя утварь, значки технических школ, даже вензель императрицы Александры Федоровны и орден Почетного Легиона. На всех этих предметах ему мерещилась „печать Антихриста“ в виде либо одного треугольника, либо двух скрещенных. Не говоря про галоши фирмы „Треугольника“, но соединение стилизованных начальных букв „А“ и „О“, образующих вензель царствовавшей императрицы, как и Пятиконечный Крест Почетного Легиона, отражались в его воспаленном воображении, как два скрещенных треугольника, являющихся, по его убеждению, знаком Антихриста и печатью Сионских мудрецов. Достаточно было, чтобы какая-нибудь вещь носила фабричное клеймо, вызывающее даже отдаленное представление о треугольнике, чтобы она попала в его музей. С возрастающим волнением и беспокойством, под влиянием мистического страха, С.А. Нилус объяснил, что знак „грядущего Сына Беззакония“ уже осквернил все, сияя в рисунках церковных облачений и даже в орнаментике на запрестольном образе новой Церкви в скиту. Мне самому стало жутко. Было около полуночи. Взгляд, голос, сходные с рефлексами движения

С. А., — все это создавало ощущение, что ходим мы на краю какой-то бездны, что еще немного, и разум его растворится в безумии».

Свой эпохальный труд Нилус стремился донести до сердца русского народа. И публикация, действительно, наделала шума. Правда, в определенных кругах русского дореволюционного общества. В Думе. И все потому, что стала известна позиция самого государя. Тот на полях нилусовской книжки записал: «Какая ясность мысли! Всюду видна направляющая и разрушающая рука еврейства». Черносотенные думцы тут же воспользовались благим расположением к «документу» Николая и попытались провести в оном учреждении распоряжение, чтобы этот труд получил широкое распространение. Правда, Столыпин такой радости им не дал. Он подозревал (и справедливо), что нилусовский бестселлер родился в недрах охранки, так что повелел изучить вопрос и выяснить происхождение текста. В стенографистку, тайком скопировавшую «Протоколы», чтобы предупредить гоев о еврейском заговоре, он не верил. Приказ был исполнен. Автора нашли.

Оказалось, что «Протоколы» родились не в 1897 году и не на базельском конгрессе, а в 1864 году и в Бельгии. И текст представляет собой сжатый конспект оппозиционного Наполеону Третьему труда Мориса Жоли «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или же Политика Макиавелли в XIX веке глазами современника». На том дело и успокоилось: к евреям памфлет Жоли никакого отношения не имел. Но, тем не менее, многих это вовсе не убедило. Нилус, правда, жаловался, что не может «найти аудиторию, которая бы отнеслась к „Протоколам" с пристальным вниманием, которого они заслуживают. Их читают, критикуют, часто высмеивают, но очень мало таких, которые придают им действительно важное значение, видят в них реальную угрозу христианству, программу разрушения христианского порядка, программу завоевания всего мира евреями. Этому никто не верит».

Но поверивших было немало. Со временем о книжке стали забывать, но тут вот и случилась Февральская революция, а следом — Октябрьский переворот. В советском правительстве было множество евреев — не удивительно, что «Протоколы» всплыли во враждебном большевикам лагере — в белом движении. Бывший думский жидомор Пуришкевич даже «дописал» канонический текст. Теперь «Протоколы» начинались призывом ко всем сынам Израилевым: «Секретно. Представителям всех отделений Международной израильской лиги. Сыны Израиля! Час нашей окончательной победы близок! Мы находимся на пороге завоевания мира. То, о чем раньше мы только мечтали, становится явью. Еще недавно слабые и бессильные, мы теперь можем благодаря мировой катастрофе высоко и гордо поднять головы. Но мы, однако, должны проявлять осторожность. Можно с уверенностью предсказать, что, после того как мы промаршируем по рухнувшим и разбитым алтарям и тронам, мы продолжим наш марш по предначертанному пути». Пуришкевич лично раздавал горячие, как пирожки, экземпляры разоблачительного труда. Шел 1919 год.

В Германии было тоже неспокойно. Немецкие коммунисты мечтали о революции. Они хотели повторить удачный опыт русских товарищей. Так родилась Баварская республика. С этой коммунистической угрозой удалось справиться. В борьбе с республикой участвовали и Гитлер, и недавно эмигрировавший в Германию Альфред Розенберг. Вполне возможно, что он и привез проклятые «Протоколы». На немецкий язык этот бессмертный труд переложил Людвиг Мюллер. Публикация имела шумный успех, ею зачитывались в националистических кругах. После проигранной войны, выступления «красных» в самой Германии и создания республики Советов фальшивка была более чем похожа на правду.

Появилось и немецкое дополнение в тексте. Оно касалось именно Германии. Якобы эти слова сказал один еврейский журналист все в том же 1897 году, то ли под впечатлением чтения «Протоколов», то ли под впечатлением от еврейского конгресса. Теодор Фриче не преминул добавить их в текст: «Примерно через тридцать лет Германия будет вовлечена в большую войну, которую она будет вынуждена проиграть. Тогда на руинах Германской империи мы построим нашу империю, как нам и обещал Иегова, а царем ее станет второй Соломон».

Розенберг, переживший немало ужасного на своей русской родине, считал «Протоколы» самой правдивой книгой на свете. Евреев он ненавидел. Впрочем, не только евреев. К поддавшемуся на пропаганду комиссаров русскому народу он относился столь же неприязненно. Для него русская родина прекратила свое существование. На этой обиде, собственно, и сложилось все мировоззрение будущего идеолога национал-социалистической партии. Коммунистическую власть в бывшей России, мировое еврейство он сознательно противопоставил чистокровному немецкому народу, наследникам древних ариев, с которыми теперь себя и отождествлял. Мессианство немецкого народа он выводил из всей предыдущей истории человечества: «Если мы заглянем в самое далекое прошлое и в самое последнее настоящее, перед нашим взором развернется следующее многообразие: арийская Индия подарила миру метафизику, глубина которой не достигнута и сегодня; арийская Персия сочинила нам религиозный миф, сила которого подпитывает нас и сегодня; дорическая Эллада грезила о красоте в этом мире, и эта мечта так и не была воплощена в своем, известном нам, завершении; италийский Рим показал нам формальное государственное воспитание как пример формирования и защиты общности людей, находящихся под угрозой. И германская Европа подарила миру самый светлый идеал человечества: учение о ценности характера, как основе всякой цивилизации, с одой высочайшим ценностям нордической сущности, идее свободы, совести и чести. За него шла борьба на всех полях сражения и в кабинетах ученых. И если эта идея не победит в грядущих больших сражениях, то Запад и его кровь пропадут подобно Индии и Элладе, которые когда-то раз и навсегда исчезли в хаосе».

«Альфред Розенберг, — писал Эвола, — идеолог движения, провозгласил миф Крови, в котором говорил о „тайне“ нордической крови и приписывал ей сакральную ценность; одновременно он нападал на все обряды и таинства католицизма, как на заблуждения, точно так же как и люди эпохи Просвещения. Он выступал против „темных людей нашего времени“, в то же время приписывая Арийскому человеку честь создания современной науки».

Будущий новый мир виделся ему таким: «В центре находится лучезарный народ — Германия, — могучее возрождение которого раздвигает клыки еврейского всемирного окружения, и он рвет сеть, в которую его поймали талмудические охотники, он, словно Феникс, восстает из пепла сожженной материалистической философии. Германский Рейх стоит в центре мира, и очистившаяся нация открывается тем, кто способен видеть, ярко сияя, словно новая заря творения. Духи подземной бездны отступают перед этим подъемом».

В «Мифе XX века» он описывал то положение, в котором страна оказалась после Первой мировой войны, и намечал путь возможного движения: «Великая мировая революция, которая началась в августе 1914 года и на всех территориях сокрушила старых богов и кумиров, перемешала не только духовную и внутриполитическую жизнь каждого народа, но и перепутала раз и навсегда линии границ довоенного времени. Временное урегулирование в Версале, которое в июне 1919 года было признано представителями ненемецкой теории покорности в качестве связывающего закона Веймарской республики, не сковывает, а ускоряет органичное течение заново формирующегося мира. Насильственное сокращение германского жизненного пространства, подобно силе судьбы, вынуждает всех немцев окончательно решить их древнюю жизненную проблему. В либерализующей трусости до 1914 года ее не хотели видеть и с трогательной близорукостью превратили всю Германию в сплошную машину.

В результате к небу поднялось больше труб, чем выросло деревьев. И все это для того, чтобы накормить растущие миллионы голодных, но без серьезного намерения завоевать для них землю, на которой они могли бы посеять свой собственный хлеб. Судьбоносный вопрос, касающийся жизненного пространства и хлеба, Нижняя Саксония решила мечом, размахивая им перед плугом, но интернационализирующие потомки этих рыцарей и крестьян забыли благодаря проповеди о „завоевании“ мира „мирным экономическим путем“, что их не было бы, не будь германского меча. Сегодня не поможет больше никакая игра в прятки, никакое хилое указание на внутреннее заселение как на единственное спасение, потому что это мало что

изменит в общей судьбе нации. Сегодня поможет только преобразуемая в целенаправленную деятельность, воля добыть пространство для миллионов подрастающих немцев».

Иными словами, внешний враг — это неарийское население окрестных стран: поляков и чехов на востоке, далее на восток — русских с их большевистской территорией, Франции — на западе. К Франции Розенберг имел особые счеты. Это она украла целый кусок Германии, захватив западные земли. Обосновывая притязания на родные поля и леса, Альфред Розенберг смело именовал современных французов не автохтонным населением Франции. Прежде, считал он, там жили долихоцефалы, а теперь сплошь брахицефалы, и хуже всего — эти брахицефалы, по своей круглоголовости уже неполноценные, стоят у власти. Так что французские земли — это украденные немецкие земли. И точка.

Вывод был прозрачен: «Все европейские государства основаны и сохранены нордическим человеком. Этот нордический человек при помощи алкоголя, мировой войны и марксизма частично деморализован, а частично истреблен. Ясно, что белая раса не сможет удержать свои позиции в мире, не наведя порядок в Европе. Отсюда следует только одно требование, которое миллион раз воспринималось как необходимое и которое объясняет таким образом некоторые успехи „панъевропейской" пропаганды — это внешнеполитическая защита европейского континента. Но из этой органично верной идеи вытекает вывод прямо противоположный тому, который сделали „панъевропейцы" с Курфюрстендамм и из бов лож в разных государствах. Чтобы сохранить Европу, необходимо в первую очередь снова оживить нордические источники силы Европы, укрепить их: то есть Германию, Скандинавию с Финляндией и Англию. Напротив, влияние Франции, которая на юге уже полностью заселена мулатами, следует сориентировать таким образом, чтобы она прекратила быть территорией нашествия африканцев, что при сегодняшних обстоятельствах имеет место во все возрастающей степени.

Необходимо, чтобы перечисленные нордические империи — а также еще США — признали эту предпосылку для своего собственного энергичного существования». Победить должна коалиция долихоцефалов. Именно Германии дана миссия вести эту коалицию за собой, поскольку немцы несут в себе настоящую арийскую кровь. Тут он добавлял, что «…немецкий народ существует не для того, чтобы защищать своей кровью абстрактную схему, а наоборот, все схемы, системы идей и ценности являются в наших глазах лишь средствами для укрепления жизненной борьбы нашей нации извне и увеличения внутренней силы при помощи справедливой и целесообразной организации. Развивать и приветствовать национализм как расцвет определенных ценностей мы должны поэтому только у тех народов, о которых мы знаем, что силы их личной судьбы никогда не вступят во враждебное противоречие с влиянием немецкого народа».

Что же касается немецкого государства — оно должно расширить границы. «Поэтому призыв к собственному пространству, к собственному хлебу является также предпосылкой к победе духовных ценностей, к формированию немецкого характера. В этой великой борьбе за существование, в борьбе за честь, свободу и хлеб такой творческой нации, как германская, ее народ вправе ожидать того уважения, которое безоговорочно оказывали менее значительным нациям. Земля должна быть свободна для обработки руками немецких крестьян. Только это одно даст возможность немецкому народу, сжатому в тесном пространстве, вздохнуть свободно. Но в результате этого произойдет и возникновение новой культурной эпохи — эпохи белого человека». Для торжества этой эпохи в мир вернулся даже забытый, но самый действенный символ — древняя свастика, солярный знак. Именно под свастикой ариев начнется возрождение справедливого мира, не под крестом (время его прошло), не под красным знаменем (оно несет только порабощение и смерть), а именно под свастикой — ради будущего белых людей и освобождения от власти евреев. Немцы уже потеряли в этой борьбе (имелась в виду Первая мировая война) два миллиона героев, и нужно, чтобы эта жертва не была напрасной.

«Вокруг центра народной и расовой чести, — объяснял Розенберг, — должны сплотиться личности, вокруг того таинственного центра, который издавна оплодотворял ритм германского бытия и становления, когда Германия обращалась к нему. Это то благородство, та свобода мистической души, сознающей честь, невиданно широким потоком принесшей себя в жертву, перейдя границы Германии и не требуя никакого „заместительства". Отдельная душа умирала за свободу и честь своего собственного возвышения, за свою народность. Эта жертва одна может определять ритм будущей жизни немецкого народа, культивировать новый тип немца. При строгом сознательном отборе теми, кто его изучил и жил им… Бога, которого мы почитаем, не было бы, если бы не было нашей души и нашей крови, — так звучало бы признание мастера Эккехарта для нашего времени. Поэтому делом нашей религии, нашего права, нашего государства является то, что защищает, укрепляет, облагораживает, осуществляет честь и свободу этой души и этой крови. Поэтому святыми местами являются все те, на которых немецкие герои умирали за эти идеи. Святыми являются те места, где надгробия и памятники напоминают о них. А святые дни — это те, в которые они когда-то боролись за нашу честь и свободу.

Святой час для немца наступит тогда, когда символ пробуждения и знамя со знаком возникающей жизни станет единственной господствующей верой в империи».

Евреям в этой империи будущего места он не находил. В 20-е годы, правда, он еще не призывал применять к ним полное уничтожение. Нет, он больше копался в метафизическом еврейском вопросе. «Еврейская религия, — отмечал Розенберг, — целиком ориентирована на земное. В мире она стоит особняком. Это чрезвычайно важный факт, о котором необходимо помнить постоянно. Ибо именно это исключительное положение объясняет, почему такая сомнительная нация, как евреи, пережила величайшие и знаменитейшие нации и будет существовать до самого конца света, когда час спасения пробьет для всего человечества… Среди евреев утверждение мира абсолютно свободно от всякой примеси его отрицания. Все другие народы, существовавшие ранее или существующие сейчас, имели в своих религиях эту примесь, для которой характерна идея иного бытия. Там, где жива вера в бессмертие, снова и снова возникает стремление к вечному и уход от временного, а вместе с этим и новое отрицание мира. В этом смысл нееврейских народов: они хранители мироотрицания, идеи грядущего, даже если они выражают ее самым неудачным способом. Поэтому тот или иной народ может незаметно исчезнуть, но суть его будет продолжена в потомках. Однако, если исчезнут евреи, то не останется больше ни одного народа, который будет с таким же высочайшим почтением хранить идею мироутверждения. Тогда наступит конец всему…

Еврею Вейнингеру его собственная нация кажется невидимой липкой паутиной из слизи, существующей с незапамятных времен и покрывающей всю землю. Этот экспансионизм, как он верно отмечает (но, конечно, не доказывает), есть главный компонент идеи и природы иудаизма. Это сразу становится очевидным, если рассматривать еврейский народ как воплощение идеи мироутверждения. Без этой идеи невозможна ни одна нация. Поэтому евреи как наиболее последовательные и жизнеспособные носители мироутверждения всегда находятся там, где другие народы несут в себе хотя бы крошечное стремление преодолеть мир.

Мир не мог бы существовать, если бы евреи жили сами по себе. Вот почему древнее пророчество утверждает, что конец мира наступит в тот день, когда евреи создадут свое государство в Палестине. Из всего вышесказанного следует, что иудаизм — это неотъемлемая часть организма человека, и евреи так же необходимы, как и бактерии. Тело человека включает в себя множество крошечных микроорганизмов, без которых он погиб бы, хотя они и паразитируют на нем. Аналогично, человечество нуждается в евреях для сохранения своей жизнеспособности до тех пор, пока не будет выполнена его земная миссия. Другими словами, мироутверждение, воплощенное в чистейшем виде в иудаизме, разрушительное само по себе, составляет одно из условий существования человека на земле. Таким образом, мы вынуждены терпеть евреев среди нас как необходимое зло на протяжении неизвестно скольких грядущих

тысячелетий. Но подобно тому, как у тела может наступить задержка в росте, если бактерии размножатся сверх определенного полезного количества, так и наша нация постепенно поддастся духовной болезни, если в ней окажется слишком много евреев. Если они покинут нас совершенно (это цель сионизма, по крайней мере, по его утверждениям), то это будет для нас столь же губительно, как если бы они властвовали над нами. Миссия немецкого народа придет к своему концу, по моему глубокому убеждению, вместе с последним часом человечества. Но мы не сможем выполнить ее, если потеряем жизнеутверждение, которое несут евреи и без которого невозможна никакая жизнь. С другой стороны, если евреи и дальше будут продолжать душить нас, то мы никогда не сможем исполнить свою миссию — спасти человечество, — а скорее впадем в безумие, ибо мироутверждение в чистом виде, ничем не ограниченное стремление к праздному существованию, не служит никакой цели. Оно буквально ведет в пустоту, служит причиной краха не только иллюзорного земного мира, но и истинного духовного».

Вот ведь дилемма! И жить с евреями паскудно, бациллы они, и уничтожить нельзя — мир рухнет! Но это Розенберг писал в 1928 году. К началу Второй мировой войны он уже метафизически определился и определил судьбу для всех этих евреев: «Еврейский вопрос будет разрешен только тогда, когда на европейском континенте не останется ни одного еврея». Просто и со вкусом.

«Протоколы» отложили в его остзейской душе такой глубокий след, что позже, уже во время Второй мировой войны, Розенберг издал немало приказов именно по еврейскому вопросу, стремясь, очевидно, избавить европейский континент от этого вредного народа. В период оккупации Франции, когда началось движение «Сопротивления», он распорядился по еврейскому вопросу так: «В связи с приказом фюрера о захвате еврейских культурных ценностей докладываю, что большое количество еврейских домов никем не контролируется. В результате большое количество мебели исчезло потому, что не были выставлены часовые. На всем Востоке администрация обнаружила жуткие условия в жилых квартирах, а возможность улучшения их столь ограниченна, что не стоит об этом говорить. Поэтому я прошу фюрера разрешить изъять все оборудование и всю мебель в домах евреев в Париже, всех тех евреев, которые убежали или которые собираются уехать, а также во всех домах евреев, которые живут в оккупированных районах Запада, для того чтобы восполнить недостаток мебели в восточных районах. Большое количество занимавших высокое положение евреев после короткого допроса в Париже было выпущено. Покушения на жизнь наших солдат не прекратились. Напротив, они продолжаются. Это показывает, что существует определенный план нарушить германо-французское сотрудничество, вынудить Германию отомстить и, таким образом, вызвать новую волну сопротивления во Франции против Германии. Я предлагаю фюреру вместо того, чтобы казнить сто французов, заменить их сотней еврейских банкиров, адвокатов и т. д. Именно евреи в Лондоне и Нью-Йорке подстрекают французских коммунистов совершать акты насилия, и было бы чрезвычайно справедливо, чтобы члены этой расы расплатились за это. Не рядовые евреи, а ведущие евреи во Франции должны за это ответить. Это приведет к тому, что начнутся антисемитские настроения».

Что же касается родины, лишившей его семьи и юности, о ее судьбе он всегда имел особое представление. «Имеются две противостоящие друг другу концепции германской политики на Востоке, — говорил он за день до начала войны с Советским Союзом, — традиционная и другая, выразителями которой мы, по моему мнению, должны быть, и в зависимости от решения, утвердительного или отрицательного, в отношении этой концепции будет определяться ход событий на ближайшие столетия. Одна точка зрения — Германия вступила в последний бой с большевизмом, и этот последний бой в области военной и политической нужно довести до конца; после этого наступит эпоха строительства заново всего русского хозяйства и союз с возрождающейся национальной Россией. Этот союз будет означать образование на все будущие времена континентального блока и будет неуязвим. Это было бы

особенно удачным сочетанием потому, что Россия аграрная, а Германия — индустриальная страна, и поэтому они успешно могут противостоять капиталистическому миру. Это было обычным взглядом многих кругов до сих пор. Мне думается, я уже на протяжении 20 лет не скрываю, что являюсь противником этой идеологии… Сегодня же мы ищем не „крестового похода" против большевизма только для того, чтобы освободить „бедных русских" на все времена от этого большевизма, а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить Германскую империю. Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления, как первоначальная сущность европейских исторических сил. Сообразно с этим, мы должны сегодня систематически сознавать наше будущее положение. Война с целью образования неделимой России поэтому исключена. Замена Сталина новым царем или выдвижение на этой территории какого-либо другого национального вождя — все это еще более мобилизовало бы все силы против нас.

Вместо этой, имеющей, правда, до сих пор распространение идеи единой России, выступает совершенно иная концепция восточного вопроса… Задачи нашей политики, как мне кажется, должны поэтому идти в том направлении, чтобы подхватить в умной и целеустремленной форме стремление к свободе всех этих народов и придать им определенные государственные формы, то есть органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы… Нет, однако, оснований к тому, чтобы это порабощение могло быть вечным божественным законом. Целью германской восточной политики по отношению к русским является то, чтобы эту первобытную Московию вернуть к старым традициям и повернуть лицом снова на восток. Сибирские пространства огромны и в центральной части плодородны. Многие революционеры, которые были сосланы русским царским правительством в Сибирь, были превосходными людьми.

Сибирские полки считались в русском государстве особенно хорошими. Даже если русских оттеснить от тех пространств, которые не принадлежат им, у них останется большее пространство, чем когда-либо было у любого европейского народа. Обеспечение продовольствием германского народа в течение этих лет несомненно будет главнейшим германским требованием на Востоке, южные области и Северный Кавказ должны будут послужить компенсацией в деле обеспечения продовольствием германского народа. Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств. Несомненно, будет необходима весьма широкая эвакуация, и русским, определенно, предстоит пережить очень тяжелые годы. Насколько нами еще должна быть оставлена промышленность (вагоностроительные заводы и т. д.), это будет решено позднее. Для германского государства и его будущего трактовка и проведение этой политики на собственной русской территории представляют собой огромные политические и отнюдь не негативные задачи, какими они, возможно, могут казаться, когда в них будут видеть только жестокую необходимость эвакуации.

Поворот русской динамики на восток является задачей, которая требует сильных характеров. Возможно, будущая Россия одобрит когда-нибудь это решение, конечно, не в ближайшие 30 лет, а лет 100 спустя, так как ведущаяся до настоящего времени борьба в течение последних 200 лет разрывала русскую душу… Если русские теперь будут изолированы от Запада, тогда они, возможно, вспомнят о своих первоначальных силах и о том пространстве, к которому они принадлежат. Возможно, по истечении столетий какой-либо историк будет трактовать это решение иначе, чем сегодня это кажется возможным для русского».

Для русского ли?

В «Мифах» Розенберг признавался: «В 1917 году с „русским человеком" было покончено. Он распался на две части. Нордическая русская кровь проиграла войну, восточно-монгольская

мощно поднялась, собрала китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству, и калмыко-татарин Ленин стал правителем. Демонизм этой крови инстинктивно направлен против всего, что еще внешне действовало смело, выглядело по-мужски нордически, как живой укор по отношению к человеку, которого Лотроп Штоддард правильно назвал „недочеловеком". Из самоуверенной от беспомощности, любви прошлых лет получился эпилептический припадок, проведенный в политическом плане с энергией умалишенного. Смердяков управляет Россией. Русский эксперимент закончился, как всегда: большевизм у власти мог оказаться в качестве следствия только внутри народного тела, больного в расовом и душевном плане, которое не могло решиться на честь, а только на бескровную „любовь". Тот, кто хочет обновления Германии, отвергнет и русское искушение вместе с его еврейским использованием. Отступление уже имело место и здесь. Результаты покажет будущее».

Что же касается еврейского населения России, то его судьба ввиду всего вышесказанного тоже была очевидной: «Первой основной целью немецких мер, проводимых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения. При проведении этой меры, прежде всего, нужно проводить регистрацию еврейского населения путем введения приказа о принудительной регистрации и аналогичных мер. Все права на свободу должны быть отняты у евреев, они должны помещаться в гетто, и в то же самое время они должны быть разделены согласно полу.

Наличие целых еврейских общин и поселений в Белоруссии и на Украине делает это особенно простым. Более того, следует избрать места, где будет удобнее применять еврейскую рабочую силу в ходе осуществления в настоящее время трудовых программ. Эти гетто могут быть созданы под руководством еврейского самоуправления, с еврейскими чиновниками. Однако охрана этих гетто и отделение их от остальной местности должны быть поручены полиции. В тех случаях, где еще нельзя устроить гетто, следует проследить, чтобы были введены суровые меры, которые запрещали бы продолжение смешения крови между евреями и остальным населением».

Ничего личного, как говорится.

От вдумчивого читателя «Протоколов» иного и ожидать было нельзя. Только арийская кровь достойна править миром. Совсем не евреи. А русские? Тех — за Урал. Впрочем, не все в Германии думали, как Розенберг. Карл Хаусхофер, к которому на первых порах прислушивался сам фюрер, считал иначе.

Карл Хаусхофер

«Сегодня в центре и на севере Европы та душа расы, которая жила в Заратустре, пробуждается с мифической силой, начиная лучше осознавать себя. Нордическое чувство, нордическая дисциплина расы — таковы сегодня лозунги перед лицом сирийского Востока, который под личиной иудаизма пробрался в Европу, разлагая ее», — писал Розенберг, имея в виду создание нового жизненного пространства европейцев с арийской кровью. Саму идею жизненного пространства как раз и предложил Карл Хаусхофер.

В 20-е годы прошлого века, когда на политической сцене появился молодой Гитлер, Хаусхофер был уже весьма почтенного возраста: родился он в 1869 году, вот и считайте сами. Хаусхофер был личностью замечательной, не только потому, что за свою долгую жизнь написал более 400 книг и статей, но и потому, что жизнь его тоже точно вышла из приключенческого романа. О нем рассказывали разные замечательные вещи: будто он состоит в самых закрытых тайных обществах и даже владеет магией! В армии, где во время Первой мировой войны он командовал дивизией, о Карле Хаусхофере ходили легенды: он предсказывал не только погоду или исход сражения, но и указывал точное место падения снарядов. Среди оккультистов у него было немало друзей и знакомых, он поддерживал связи с известным «черным магом» Алистером Кроули и нередко бывал у него в гостях. Интересы этого немолодого человека были разнообразны — история, культура, экономика, политика. С

1897 года он выполнял для немецкого генерального штаба разведывательные миссии. Побывал в Японии, Китае, Тибете, где тоже обрел друзей и знакомых. Говорили, что он вступил в Общество Черного Дракона, Общество Зеленого Дракона, Общество Реки Амур, Общество Черного Океана, тайные восточные мистические союзы. В Японии он сдружился с наследным принцем Коноэ Фумимаро, и принцу так глубоко запали в душу идеи, высказанные приветливым немцем, что Япония руководствовалась ими еще многие годы спустя.

Вернувшись в Европу, он оказался в гуще событий, которые привели к мировой бойне. Он так и не принял подписанный немецкой делегацией несправедливый для Германии мир. Это оказалось для него мучительным испытанием, и до конца дней он не мог признать законности этого акта. Напротив, перенося на бумагу свои мысли о созданной им новой дисциплине — геополитике — он пытался показать, что притязания союзников по отношению к Германии были неприкрыто агрессивными, хотя именно Германию обвиняли в развязывании войны. С одной стороны, он выглядел респектабельным немецким ученым, с другой — чудаковатым мистиком. Последнее было связано с тем, что он полностью разделял идею Алистера Кроули, что обновление мира происходит только в результате катастроф.

Кроули представлял историю как череду «эонов», то есть стабильных периодов, во время которых происходит развитие общества, как в природе, сменяя четыре сезона своего развития — детство, юность, зрелость и старость. Последний период чреват уничтожением существующего мира, что случается как некое бедствие и разрушает этот мир. На смену уничтоженному обществу приходит новое, и все повторяется по кругу. Кроули в этом плане не был одинок.

В 1923 году аналогичную идею высказал Освальд Шпенглер в своей книге «Закат Европы». Шпенглер предрекал, что Европа в том виде, в каком она существует, доживает последние десятилетия. И она падет так же, как пали прежде Греция и Рим. Для Хаусхофера тоже было понятно, что существование европейских границ в тех границах, которые установились после Версаля, невозможно. И рано или поздно искусственные ограничители рухнут и могут погрести под собой весь европейский мир. Этого он не хотел для своей Германии. Ведь Германии в концепции Хаусхофера отводилась очень важная роль. Она была ядром настоящей Европы.

Хаусхофер сразу после неприятного Версаля стал искать понимания у озабоченных будущим соотечественников. Лучше всего его идеи воспринимались в мистически настроенных немецких тайных обществах. Хаусхофер установил связи с Германенорденом, британским Орденом Золотой Зари, а также основал и собственные организации — общества Вриль и Туле. Оба тайные и оба совершенно мистические. В эти общества кроме него вошло немало достойных людей, уважаемых и серьезных, страдающих, однако, некоторым пунктиком — все они верили в магию и пробовали освоить ее технологию.

Поскольку Хаусхофер был ученым человеком, он рассматривал некоторые магические штудии как одно из средств проникновения сквозь пространство и время. Что ж, у каждого свои иллюзии. Но в немецкую историю он вошел не как маг, а как основоположник геополитики. Его детище оказалось настолько востребованным послевоенной Германией, что в 1921 году ему удалось открыть в Мюнхене Институт геополитики. Набралось немало благожелательных слушателей и студентов. Одним из них оказался юноша из хорошей семьи по имени Рудольф Гесс. После окончания курса в институте он остался у Хаусхофера ассистентом. Рудольф Гесс был весьма мистически настроенным молодым человеком, что не мешало ему вступить в ряды национал-социалистов. Когда же партия была практически разогнана, а ее вожди после путча 1923 года осуждены и посажены в ландсбергскую тюрьму, Гесс делил заключение вместе с другим арестантом Адольфом Гитлером. Само собой, что идеи своего профессора он донес до нужных ушей. Гитлеру идеи понравились.

Но что же Хаусхофер говорил такого, что могло возбудить любопытство Гитлера? Нет, в этих идеях не было ни на гран мистики. Геополитика — это действительно наука, и наука

весьма точная. Она позволяет определить приоритеты стран, исходя из их расположения. Не страны выбирают ту политику, которая им нравится, и затевают или не затевают войны с соседями, а сама земля, на которой они расположены, вынуждает их действовать так, как они действуют. Если политик неудачно выбирает для себя цель, то его страна проигрывает в борьбе и отстает от других стран в развитии, перестает играть ведущую роль. Все определяется самой землей, хотя политики об этом и не подозревают.

«Давление границ и тесность пространства тяготеют над задыхающейся в тисках Внутренней Европой (Innereuropa), — писал он. — Это касается в первую очередь Внутренней Европы, потому что ни в каком другом месте Земли так остро не проявляется в проведении границ противоречие между научно мыслящим веком и антинаучными, алчными и пристрастными действиями. Разве кто-нибудь мог бы посчитать возможным еще на рубеже столетия, когда на всех языках было написано так много светлого о будущем человечества, что всего два десятилетия спустя государственные мужи, члены ученых академий и обществ, якобы мыслящие категориями крупного пространства народные лидеры окажутся готовыми провести границы государств и народов через большие города и их водонапорные башни и газовые фабрики, соорудить рубежи между рабочими и их каменноугольными шахтами, воздвигнуть там и сям барьеры между одинаково думающими, чувствующими и говорящими людьми. Именно мрачное предсказание заката изувеченной в таком ослеплении Европы (Abendland) должно вдвойне заставить нас со всей суровостью объяснить, что сделали сами ее жители для его возможного ускорения из-за бессмысленных границ и демаркационных линий. „Кто не сознает темноты, тот не станет искать света". Но если мы поднимем факел знания, то истинно происходящее, с которого снят покров, сотканный из фразеологии, предстает во всей своей гротескной бессмысленности. Внутренняя Европа с ее географическим и политическим урезанием и увечьем жизненно необходимых структур, с невыносимыми границами жизненной формы в удушающе тесном жизненном пространстве — в каком разительном противоречии находится это [состояние] с представлением века и культурного круга, которому Шпенглер придал отпечаток фаустовского стремления к жизни в безмерном, безграничном как лейтмотив.

Понятно, почему такое обвинение в зреющем закате [Европы] вышло именно из духовной среды стомиллионного народа, который, к счастью или к сожалению, пожалуй, наиболее четко отразил эту фаустовскую черту характера, распространяя ее среди народов Земли в то время, когда он в том пространстве, где дышал, был невыносимо стеснен до минимальных пределов и поэтому первым в XX столетии глубоко в душе пережил возникающую у человечества нужду в границах на перенаселенной Земле. Были ли необходимы именно немецкому народу для воспитания у него чувства границы это страшное переживание, эта напряженность, побуждающая к восстановлению границ мирным путем при их добровольной либерализации или же к взрыву, — напряженность между идеалом беспредельности Вселенной, идеалом погруженного в самосозерцание „наднационального", безразличного к пространству человека, и реальной жизнью великого народа Земли, больше всех сдавленного пространством в своем свободном развитии? Не была ли эта напряженность возможной только потому, что этот проникнутый духом Фауста народ достиг всех осуществимых духовных целей, подарил человечеству понятия и определения понятий, — только не в той правильной мере и в надежной форме разумной границы, ибо сам не знал, как ее найти? Но такую судьбу он разделил с двумя самыми гениальными народами планеты: с эллинами — носителями сухопутной и морской культуры бассейна Эгейского моря, и теми, кто населял индийское жизненное пространство между Гималаями и Индийским океаном, которые — как и немцы, были, видимо, духовно слишком мягкотелы, слишком аморфны, чтобы защитить и сохранить свою земную жизненную форму. Именно в этом они не преуспели: границы действительного, которые они полагали выдвинуть все дальше вовне, пока те не совпадут с границами человечества в метафизическом [то есть философском] смысле, затем — ибо сами не знали,

как найти для этого меру, — проводились другими, причем весьма болезненно, ценой потери миллионов соплеменников и даже облика свободных, определяющих свое место в жизни народов…

Никто не знает сегодня, идет ли дело к новой, третьей империи, столь горячо и страстно желаемой и ожидаемой многими. Во всяком случае, тот хаос руин и мук, в котором мы ныне живем, не заслуживает названия империи: ведь от нее сохраняется лишь тень и апелляция о спасении права на жизнь. Ибо империя должна иметь границы, которые она способна защищать собственными силами!..Однако, чтобы третья империя стала когда-нибудь реальной в пространстве и во времени в Центральной Европе, необходимо постоянно поддерживать представление, идею о ней в убедительной форме и в наглядных установленных границах. Необходимы также, насколько возможно, обоснованное признание тех границ, которые были привнесены извне ее жизненной форме, будь то заимствованные у природы, будь то установленные в результате человеческой деятельности, расовой воли и силового произвола, и ясное осознание их изменяемости или постоянства. Ведь любая полезная и стабильная граница — это не только политическая граница, но и граница многих жизненных явлений, и она сама по себе становится еще одной жизненной формой, своим собственным ландшафтом со своими собственными условиями существования, более или менее широкой зоной боевых действий, предпольем; крайне редко граница является линией, как ее легко мог бы провести юрист, человек, имеющий дело с документами, однако ее отвергают природа и жизнь, в которых нет ничего более постоянного, чем борьба за существование в вечно меняющихся, непрерывно перемещающихся в пространстве формах. Арена этой борьбы — прежде всего граница, которая лишь цепенеет, будучи на самом деле мертвой и давно испытывающей действие сил, стремящихся устранить отмершее, а то, что еще полезно, использовать в новой жизни».

Версальский мир, следовательно, изменивший границы Германии, сделавший их мертвыми, посягнул также и на само существование и развитие этой страны. Да, такая идея Гитлеру не могла не понравиться.

Но, описывая европейские страны и их границы, Хаусхофер пришел к выводу, что на материке существуют два типа народов и два типа сознания, которые сложились из-за географического положения их земель: первые он назвал атлантическими, то есть прибрежными, вторые — континентальными. Пока существует равновесие между землями этих народов, существует мир. Стоит атлантическим странам присвоить себе куски континентальных земель или же наоборот — возникает напряженность, которая не может не завершиться войной.

«Провести четкую линию между *анэйкуменой* и *эйкуменой на суше* удается лишь в отдельных местах, — пояснял он, — и убедительно не всегда здесь, так как и считающиеся незаселенными пространства почти повсюду проницаемы при огромной воле к жизни. Обозначенная линия для признаваемых незаселенными зон пунктирна, произвольна, и при этом все равно, будет ли такая попытка предпринята по отношению к подземной среде *(chtonisch),* то есть определяемой почвой, или по отношению к климатической *(klimatisch),* то есть определяемой осадками, нехваткой воды или ее избытком. Каждая раса, каждый народ, каждый путешественник и ученый проведут эту линию по-разному: русский, китаец, японец, малаец, тибетец; каждый по-своему нанесет ее, к примеру, на карту Северной, Центральной или Юго-Восточной Азии…

Необычайно убедительное предостережение политической географии состоит в том, чтобы, принимая во внимание все отличительные особенности, искать компромиссы и, прежде всего, помогать находить их в практической политике — само собой разумеется, при самом благоприятном руководстве, обеспечивающем долговечность защищаемой этой границей собственной жизненной формы. При этом большая трудность в том, что как статика и динамика границы, так и ее *психологическая и механическая констатация* находятся в постоянном

столкновении. Эмпирика границы раскрывает более безжалостно, чем теория, и „относительную ценность языковой границы как границы культуры", ее необыкновенное различие — к примеру, между подобной валу языковой границей на Западе нашей собственной народной земли с „камнями, выпавшими из великой стены", и взаимопроникновением германцев, славян и жителей Промежуточной Европы (Zwischeneurope) с их тремя большими, соприкасающимися языковыми образованиями на Востоке. Мы часто обнаруживаем, что общественные науки, поощряемые естественно лингвистикой, переоценивают языковую границу, и это, к нашему большому сожалению, привело, например, к насильственной эвакуации или вытеснению в чужеземные области дружественные малые народы, близкие по своей культурной воле к нашей культурной почве и нашему государству (вопрос о мазурах, родственно-дружественные немцам словенцы в Каринтии, навязывание польского литературного языка в Силезии; вопрос о венедах; фризах — как угнетенном меньшинстве и т. д.). Стало быть, единое стремление к жизненной форме, к реализации своей культурной силы и хозяйственных возможностей, своей личности в растущем жизненном пространстве показывает нам *эмпирику* как решающий фактор для нации, охваченной желанием защищать границу».

К XX веку, утверждал Хаусхофер, «пустых» территорий больше не осталось. Поэтому «абсолютных границ больше нет ни на земле, ни на море, ни в ледяных пустынях полярных ландшафтов. Как раз в наше время взялись за раздел границ Арктики и Антарктики под нажимом англосаксов и Советского Союза. На планете больше нет „no man's land" — „ничейной земли". В этой констатации сразу обнаруживается *масштаб проблемы* противоречия между границей и анэйкуменой, значение признания того, что с быстро растущим оттеснением анэйкумены эйкуменой, с расширением пригодной для жизни земли и с увеличением плотности населения усиливается значение идеи о границе как плацдарме борьбы, как о непрерывно наступающем или отступающем замкнутом, но не сохраняющемся застывшим образовании! Пограничная борьба между жизненными формами на поверхности Земли становится при ее перенаселенности не мирной, а все более безжалостной, хотя и в более гладких формах».

Каким же образом, задавал он вопрос, России удалось за незначительный промежуток времени занять огромное пространство до Тихого океана и даже перейти на другую сторону океана, в Северную Америку, до самой бухты Сан-Франциско, откуда они были только позже вытеснены англосаксами?

«Решающим был все же тот факт, что продвигавшийся в Северную Азию русский не считал эти пространства незаселенными и поэтому проникал туда, в то время как другие крупные народы мира, в том числе восточноазиатские, с чьим жизненным пространством он скоро соприкоснулся, считали их непригодным для жизни, не имеющим ценности пространственным владением или даже придатком, примыкающим к враждебной для жизни северной полярной области. Таким образом русская экспансия в 1643 году приблизилась к последнему крупному резервату культурного пространства Земли — восточноазиатскому, который до этого из всех видов анэйкумены сохранялся как основательная область защиты: между полярной, пустынной, океанской, альпийской и тропической…

Лишь в конце XVIII века японцы ощутили приближающийся натиск и встретили его благодаря спешным северным экспедициям на Сахалин и в богатые рыбой участки в устье Амура под руководством Мамиа Ринзо и Могами Токунаи, которые впервые описал Западу Зибольд. Но затем инстинкт безопасности быстро подтолкнул их собраться с силами для ответного удара: в начале по договорам о совместном управлении с проницаемой северной анэйкуменой через Сахалин и Курилы, затем к разделу, при котором океанские Курильские острова отошли Японии, а близкий к континенту Сахалин — России. Наконец, дело дошло до военного столкновения, в результате которого прежде всего Южный Сахалин вновь оказался в восточноазиатских руках и русские были выброшены из коренных земель Маньчжурии. Прибрежная полоса у Тихого океана и земли севернее Амура остались в руках русских; тем

самым Восточная Азия была вытеснена из северной анэйкумены, которую она с тех пор без устали стремится возвратить посредством переселения и экономической экспансии… Таково на сегодняшний день состояние еще находящегося sub judice вопроса об обеспечении линии защиты в североазиатской анэйкумене. Оно указывает, с учетом рассмотрения, по меньшей мере, всей предыстории вопроса, какой широкий процесс происходит в людях и народах в результате борьбы за расширение обжитого пространства Земли вокруг полюса, моря, степи, высокогорья, за раздвижение границ человечества, которая ведется одновременно с продвижением державного мышления в считавшиеся незаселенными области».

На границах всегда возникает борьба. Но нельзя их делить на хорошие и плохие. Хорошие потому лишь хорошие, что либо идут по морю, либо лежат на стыке с незаселенными и непригодными для проживания областями (на них просто нет претендентов). Но проходят века, и даже прежде негодные земли входят в обиход, то есть граница перестает быть хорошей границей: «Это касается и страдания нашей нации, чье жизненное пространство в меньшей степени, чем почти у всех других великих народов Земли, было защищено такими границами, что чем больше отсекались географические переходные зоны, чем больше отдельные естественно разделяющие линии включались в силовой, культурный и хозяйственный организм внутри-европейского перехода, тем дальше отдалялось оно от основ своего расового образования…

Практика проведения границ сталкивается прежде всего с многочисленными остаточными состояниями (рудиментами), с которыми ей приходится разбираться. „Подвластные", тесно связанные малые пространства, картографически доступные пониманию, и незафиксированные, традиционные состояния пограничного общества нематериального и материального типов, транзитные права, права выпаса, религиозные территориальные притязания, проистекающие из древнеримского разделения на провинции, культурные структуры, берущие свои истоки из давно исчезнувших имперских образований, политическая зависть, экономически важные доступы к реке, права водопоя, заявки на разработку полезных ископаемых должны быть подвергнуты девальвации. Сказываются признаки былой утраты инстинкта, следы юридического своенравия; но, разумеется, и упорное удержание претензий и прав, как, скажем, в случае с благоприобретенными сервитутами в частных владениях, — причины, которые часто сильнее вновь возникших границ… В целом же мы находим гораздо большую свободу и надгосударственного движения земельных владений на планете, больший обмен пространством, чем полагает оперирующее малым пространством центрально-европейское представление о делании границ на длительный срок. „Безопасность" не есть правило, а исключение… Несомненно, мы стоим вообще перед ухудшением пограничных состояний, вызванным цивилизационным заблуждением стареющего жизненного и культурного круга, — все более растущей опасностью механизации, разрушения истинных культурных ценностей все тем же цивилизационным заблуждением».

Вся беда в том, что европейские границы не отличаются стабильностью, поскольку не раз были искусственно перенесены и не всегда удачно, то есть без научного обоснования, из-за чего эти границы разрезали нации и языки, становились тормозом для развития народов и становления наций. Границы Германии в этом плане, конечно, должны быть пересмотрены. Но для Германии важную цель представляют не только правильно проведенные границы. Но и выбор правильной политики, поскольку для создания естественного равновесия в Европе ей нужно правильно выбрать себе союзников.

«Там, где люди живут в уплотненном до предела, слишком тесном жизненном пространстве, вынужденные терпеть перегруженность земли, которая их кормит, — как с начала века в Центральной Европе и Италии, издревле в Китае, Индии, Японии, — там быстро крепнет понимание необходимости беспрестанной „вспашки", включения всех пригодных к севу и жатве земель ради всех тружеников. По-иному там, где дерзкое насильственное действие и умное предвидение подготовили в минувшие эпохи большие резервы пространств,

которые сам владелец, вероятно, никогда не сможет использовать, но и не позволит это сделать другим прилежным, работающим в поте лица… Державы с наибольшими пространствами метрополии — Советский Союз и США — в силу своей государственной идеологии уже давно испытывают колебания: к какой из двух групп им следовало бы примкнуть.

Россия тем временем сделала выбор, вступив в Лигу Наций, и своим выбором, столь сурово порицавшимся маршалом Фошем, встала рядом с традиционными колониальными державами, чьи жизненные основы она одновременно стремится подорвать с помощью Коминтерна… Однако ради этого стражам сохранения существующего положения следовало бы переступить или перепрыгнуть зияющую бездну и не цепляться за статус-кво. Прокладка коридора для Красной Армии к сердцу Центральной Европы — отнюдь не подходящий для этого путь. Скорее всего, такие шаги подтолкнут к центрально-европейскому оборонительному блоку, к чему не стремятся ни Италия, ни Великая Германия, ни Венгрия и чего, как утверждают, хочет избежать каждый благоразумный британец. Однако невозможно подготовить поле к возделыванию, если по нему вдоль и поперек проходят борозды. Линия Киев — Буковина — Прага обусловливает оборонительный рубеж Рим — Будапешт — Варшава — Кёнигсберг, который рассекает Чехословакию в узком месте. Такой представляется самая новая „вспашка" в Центральной Европе — с точки зрения пахаря-практика, действующего на международно-политическом силовом поле. 1938 год принес доказательства этому».

В то же время Хаусхофер не видел для Германии лучшего выбора, чем союз с Россией и Японией, поскольку таким образом формировалась естественная геополитическая структура — страны оси. Если Гитлер мог согласиться со всеми вышеприведенными мыслями Хаусхофера, то его стремление опереться на Россию против стран атлантического союза вызывало у него негодование.

На Россию Сталина?

На Россию еврейских комиссаров?

Да лучше удавиться!

Можно использовать Россию, чтобы ослабить и затем разгромить… но опираться?

Нет!

Геополитик твердил, что в историческом смысле Россия не враг, а друг. Он продолжал отстаивать эту точку зрения, даже когда на столе фюрера лежал план завоевания России путем блицкрига. Естественно, из уважаемых людей, гордости нации, Хаусхофер тут же переместился в лица неблагонадежные и нежелательные! Гитлер наотрез отказался от оси Берлин — Москва — Токио. Он создал другую ось: Берлин — Рим — Токио. Эта ось стоила ему жизни, как и его детищу — Рейху. Расовый и идеологический принципы восторжествовали. А по Хаусхоферу должен был торжествовать один только принцип — географический.

Хаусхофер, как показывал Гесс, пытался бороться с недальновидностью фюрера. На свой страх и риск он внушил Гессу единственно спасительную идею: если Гитлер собирается воевать с судьбой, то есть с Россией, то пусть хотя бы договорится с Англией. Войну на два фронта Германии не выдержать. Из этой затеи ничего не получилось. Гесс улетел в Англию на своем маленьком самолете, вместо стола переговоров получил в Англии содержание под стражей. Он, по Падфильду, должен был переманить англичан на сторону Рейха. Соглашение могло выглядеть так: «Учитывая тот факт, что для Великобритании путь в Индию должен быть, безусловно, сохранен, необходимо признать особую заинтересованность Англии в восточной части Средиземноморья и Ближнем Востоке. С другой стороны, Германия должна сохранить свои особые интересы в юго-восточном европейском пространстве. Урегулирование восточной границы будет рассматриваться Германией как чрезвычайная проблема, которую необходимо решить прямо заинтересованными государствами, без участия других наций. Не должно быть

никаких сомнений, что следует использовать возможность мирной конференции о реорганизации Европы…

России в этом соглашении предназначалась такая участь: эта страна должна быть расчленена и поставлена под руководство Германии, а также Великобритании и США после того, как эти нации объединятся с Гитлером. Германия тогда будет контролировать районы до Оби. Англия должна получить район между Обью и Леной. Американцы — области восточнее Лены, включая Камчатку и Охотское море».

Как говорил Гиммлер Керстену, «…Германия не собирается лишать Англию статуса великой державы. Англия должна быть одним из краеугольных камней новой германской Европы». В согласии с немецкой расовой теорией англичане больше всего подходили на роль носителей арийской крови.

Однако сделка не состоялась. А спустя четыре года Германия проиграла войну и сама была разделена на зоны влияния союзников — русскую, английскую, французскую и американскую. Гесс попал в заключение на 46 лет и накануне освобождения покончил с собой (или был убит). Судьба Карла Хаусхофера тоже завершилась трагически: один из его сыновей участвовал в покушении на Гитлера и был уничтожен в концлагере, сам Хаусхофер в 1946 году должен был давать показания на Нюрнбергском процессе. Вместо этого он по японскому обычаю убил свою жену, а затем покончил с собой.

Хьюстон Стюарт Чемберлен

Пока что мы с вами говорили только о немцах и порождениях немецкой мысли. Однако о первостепенном значении арийской расы для развития европейской цивилизации говорили отнюдь не только немцы. Защитником арийской культуры мог оказаться неожиданно и француз, и голландец, и русский. Но, пожалуй, самой яркой звездой на арийском небосклоне оказался англичанин — Хьюстон Стюарт Чемберлен. Нет, не тот Чемберлен, благодаря которому не в последнюю очередь Германия заключила очень выгодное мюнхенское соглашение 1938 года, больше известное как мюнхенский сговор, но его прямой родственник, так сказать — предок. Хьюстон Стюарт Чемберлен так высоко ценил немецкую культуру и немецкую историю, что даже перебрался жить в Германию. Англия хоть и имела легендарного короля Артура, но никак не могла соперничать с героями немецкого эпоса, введенного в мировую культуру в XIX столетии великим Вагнером.

Хьюстон Стюарт Чемберлен имел двух любимых немецких деятелей — Бисмарка, коему приписывал истинное возрождение немецкой политики, и Вагнера.

Последнего он обожал до потери пульса, даже женился в уже преклонные годы на дочке композитора. Трудно сказать, чего в этой женитьбе было больше — любви к Вагнеру или к его красавице-жене, но Чемберлен взял в жены дочь композитора, которая красотой вовсе не отличалась. Такова была сила его страсти.

Однако прославился он не этим всепоглощающим чувством, а своими размышлениями, преданными бумаге. Хьюстон Стюарт Чемберлен свою веру в Германию воплотил в эпохальном труде — озаглавил он этот труд просто: «Арийское миросозерцание». Арийцы в понимании Чемберлена были истинной расой господ.

Англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен высоко ценил немцев и поддерживал идею их арийского происхождения

«Когда несколько столетий тому назад, — писал он в начале своей книги, — весь заживо погребенный мир древнеэллинской мысли и поэзии снова восстал из пепла, то казалось, как будто мы сами — мы, homines europaei Линнея — вдруг вышли из подземного мрака к яркому дневному свету. Тогда только стали мы мало-помалу достигать необходимой зрелости и в нашей собственной, не эллинской задаче. Столь же могучего, хотя и совершенно иного рода влияния нужно ожидать и от точного знакомства с индоарийскою мудростью, и мы должны стремиться к ней со всей силой глубоко осознанной необходимости».

Одним таким предисловием он отстранял эллинское наследство от рассмотрения, поскольку считал, что истинное наследство — скрытое, задавленное веками сперва греко-римского, затем христианского гнета — вновь явилось на свет и готово дать миру истинного хозяина и героя — немца. По Чемберлену современные ему немцы совершенно не осознавали, с какой великой миссией явились в мир, только некоторым из них — более в процессе творчества — открывалась эта сверхзадача. Только художник мог заглянуть в глубины прошлого и понять, к какому великому народу принадлежит. Одним из таковых он и считал Вагнера — своего рода мессию, явившегося, чтобы воскресить спящую немецкую душу.

А греки и римляне?

Неужели они ничего не дали немцам, ничему их не научили?

Нет, Чемберлен не отрицал значения эллинской культуры, он только немного переставлял акценты: «Знакомство с духовной стороной эллинской жизни подействовало на нас в то время подобно благотворной перемене климата; мы оставались те же и, однако, стали иными, так как силы, до того времени в нас дремавшие, вышли из своего оцепенения. Наше ухо, воспитанное в мире идей, которые никогда не могли быть нашими и которые мы пытались,

однако, по мере сил своих усвоить, с тою „глупой робостью", что в нас прославил Мартин Лютер, вдруг уловило звуки родного индоевропейского голоса. Это было призывом. То, что предшествовало, жизнь XII и XIII веков, полная возбуждения и страстных порывов, — более походило на какое-то бесцельное возникновение во мраке материнского чрева. Тут же настал день, мы стали господами нашей собственной воли и сознательно шагнули в будущее… В XIV веке все ученые владели латинским языком в совершенстве, греческому же они учились у современных им греков; так что, если их знания и не были филологически столь точны, зато несравненно более жизненны, чем в наше время. Они и стремились главным образом к жизненному или жизнетворческому. В 1450 году началось применение книгопечатания Гуттенберга, и уже в конце столетия в печати появились все известные тогда латинские авторы, а несколько лет спустя и все греческие. Это было пламенным порывом порабощенных людей к красоте и свободе — по явленному примеру!»

Прах Средневековья был сметен, но латинское прошлое, которое усвоили европейские народы, красота, которую они вдруг увидели, — это было чужим прошлым и чужой красотой. Арийское наследие сохранилось, но его язык для Европы казался чужим. До недавнего времени никто не умел ни читать, ни писать на санскрите. А арийские тексты были составлены именно на этом языке. Только после того как Индия стала английской колонией (тут Чемберлен отдавал дань родимой державе), эти тексты стали доступны и их стали изучать. Так открылась дверка в тайну — в тайну великой истории германцев, прежних жителей далекой Индии. Белых людей, которые некогда властвовали над ней.

Но что же пленяло в этом древнем наследии Хьюстона Чемберлена? Эллинская мысль, отвечал он самому себе, основана на поэтике, индусская (древнеарийская) — на философии. «Эта индусская мудрость никому не вдалбливается, как моисеева космогония, и не демонстрируется, как при рационалистической логолатрии, на абаке мыслительной машины. Здесь дело идет о том, что должно быть рождено, чтобы жить; а для зарождения необходимы двое. Чтобы воспринять тот мир, который навстречу мне несет индусский мыслитель, я должен ему, в свою очередь, принести мой собственный мир, и к тому же вполне определенный. Индусская философия вся насквозь аристократична. Она с негодованием отвергает всякую пропаганду; она знает, что высшее познание доступно только избранным, и знает, что только при определенных физических расовых условиях, да еще и при известном систематическом воспитании возможно путем подбора вырастить избранное».

Иными словами, понять и освоить это наследство дано лишь тем, кто несет в себе древнюю арийскую кровь. Только такой наследник за внешним движением событий, за сюжетом в этих текстах увидит иное — индивидуальную природу вещей. «А кому недоступна индивидуальность, тому, по существу говоря, ничего недоступно. Потому что все остальное и есть то, что я назвал абаком мыслительной машины, который, конечно, всюду построен по одним и тем же началам, подобно тому, как все имеют глаза и уши. Хотя только одной до конца индивидуальной породе людей дано было узреть Олимп, населенный богами, а другой, столь же единственной, — слухом постигнуть Любовь и Смерть Изольды». Последние и есть наследники древних ариев. «„Наилучшее не уясняется словами", — говорит где-то Гете, — пояснял Чемберлен, — и, однако же, мысли могут быть выражены только словами. Так в конце концов слова — несовершенные сами, но призванные выражать совершенное — медленно и постепенно насыщаются необычайной, неописуемой, магической сущностью ни с чем несравнимой индивидуальности; и вдруг, как молния на черном небе, сверкнет какое-нибудь одно слово! Мы в тайниках чужой души. Теперь слова — те самые слова, что принадлежат всему миру и, в определенном смысле, бывают покорны только одному — становятся вегикулом для того, что выше всяких слов, что в Таиттирийе-Упанишаде так прекрасно названо „миром" (в значении общество, космос), от которого удаляются слова, бессильные его достигнуть. Такого действия, к которому, в сущности, все и сводится, не сможет достигнуть никакой, даже проникновеннейший пересказ. Мировоззрение — это точно такой же гениальный продукт

творчества, как и произведение искусства: оно несет в себе самом свою тайну, принцип невыразимой планомерности своих законов». Этот продукт творчества, основанный на тайном древнем знании, может произвести на свет только избранный, расово чистый человек.

Но все воспитание этого даже избранного европейца затмевают старая культура и старая религия — вещи, по сути, совершенно ему чужие. «Наше освобождение от порабощающих чужих представлений, — сетовал он, — оставалось неполным. Именно в религиозном отношении мы еще и поныне остаемся вассалами — чтобы не сказать слугами — чужих идеалов. И через это глубочайший родник нашей сущности настолько замутился, что все наши вместе взятые научные и философские мировоззрения, даже в самых независимых умах, почти никогда не достигают истинной ясности, достоверности и творческой силы. В нас нет настоящего мужества убеждений, мы не только не смеем довести до конца нашу мысль открыто, но даже наедине сами с собой, in foro conscientiae, не дерзаем. Если Кант, единственный из всех, с беспощадною ясностью указывал нам, что, пока мы верим в иудейского Иегову, невозможна никакая наука, и нашим естествоиспытателям остается одна только „торжественная молитва об отпущении‟ („Естественная История Неба‟). Если тот же Кант доказывал, что у нас не может быть не только науки, но и никакой истинной религии, пока „deus ex machina будет производить мировые перевороты‟ — это ни к чему, или почти ни к чему, не привело: потому что совершенно изъять семитическое представление о мире из того духа, которому оно было привито в раннюю пору, так же трудно, как устранить металлы из кровообращения, и хотя бы нам даже удалось преодолеть моисееву космогонию, все равно в чем-нибудь другом сейчас же вынырнет та же самая мысль о мире как о сплетении причин и следствий, то есть как о чем-то исторически постижимом. Нас ведь искусственно выращивали материалистами и огромное большинство так и остаются материалистами, все равно, посещают ли они набожно обедню, или, в качестве свободных мыслителей, сидят себе дома. Между Фомою Аквинским и Людвигом Бюхнером, по существу, нет почти никакой разницы. И это свидетельствует только о внутреннем разладе и раздвоенности в нас самих. Отсюда недостаток гармонии в нашей душевной жизни. Среди нас каждый мыслящий, благородно настроенный человек неизбежно мечется между порывом к стройному, руководящему, просветляющему жизнь религиозному миросозерцанию и полной неспособностью решительно порвать со всем этим миром церковных представлений, оставляющим человека глубоко неудовлетворенным. В индо-арийском же мышлении есть все необходимое для того, чтобы возбудить нашу энергию в этом направлении и указать нам пути».

Именно это мышление всегда было свободно от разлагающего влияния еврейской культуры (Чемберлен был тоже антисемитом, хотя и не на животном уровне, его антисемитизм происходил из другой эстетики). Ему было неловко признаваться в нелюбви к еврейской культуре, так что пришлось объяснять читателям, что имеет в виду он не бытовой антисемитизм, а нечто иное: «Говорю это вовсе не из каких-либо кровожадных антисемитских побуждений, а только потому, что мне известно, насколько эта удивительная порода — семит, — распространяющаяся по всему миру и обладающая такою изумительною способностью все в себе ассимилировать — глубоко и внутренне изменяет все, к чему прикасается. Величайшие признанные авторитеты, притом вполне либеральные — как Вебер, Лассен, Ренан, Робертсон Смит — единогласно заявляют, что семит лишен настоящей творческой силы, но зато наделен совершенно исключительной способностью все усваивать. Но что такое это усвоение? Ведь, чтобы понять какую-нибудь мысль, я должен быть в состоянии как бы вторично сам ее породить, следовательно, она должна быть заложена во мне в скрытом виде, ибо творческое требует сотворца, чтобы жить. Наши индоевропейские гении ничем специфически не отличаются от той массы, из которой они вышли; напротив того, Шекспир более англичанин, чем кто-либо из его соотечественников; Шанкара — индус, со всеми его недостатками; Гомер — характерное сочетание истинно-эллинской расточительной силы созидания и самой беззастенчивой хвастливости; Гете — гениальный и добросовестный

педант, представляет собою настоящий компендий немецкого характера. Только благодаря большому развитию жизненной энергии и внутреннего огня, излучающего больше тепла и света, благодаря этой activite de l'ame, как говорит Дидро в своем эссе о гении, — они творят нечто неслыханное и не существовавшее ранее. Мы же, этим гениям единокровные, как бы вновь творим это в себе и после того храним, как свое исконное и постоянное владение. Каким же образом можно ожидать такого процесса усвоения от человека совершенно чуждой расы, да еще лишенного всякой творческой способности? Я считаю это просто невозможным».

Арийцы — творцы, семиты только копиисты. Вот в чем различие. По Чемберлену евреи легко внедряются в чужую культуру, перерабатывают ее до неузнаваемости и… убивают. А наследники арийцев, как всякий живой творческий дух, творят, но делают это так легко, что не считают чем-то важным и смыслоопределяющим, они щедро делятся своими открытиями и теряют их, потому что единственное, чего не умеют, — вцепляться в плоды своего ума или своих рук. Так что созданное ими достается евреям — и в смысле культурном, и в смысле политическом. Гениальными находками, ничего в них не понимая, пользуются копиисты, способные только дорабатывать не ими созданное, но выдавать за собственные открытия. Впрочем, Чемберлен признавал, что «…антисемитизм упускает из виду два обстоятельства: во-первых, еврей никогда не был чистым семитом и не стал таковым; он имеет в крови некоторые посредствующие элементы; а из этого следует, что необходимо делать различие между тем или иным евреем и не упускать из виду, что многие евреи, так же как и мы, жаждут освобождения от семитических представлений; во-вторых, если иудейские полусемиты, благодаря мощи своей воли и объединению в замкнутую интернациональную нацию, и представляют собою наиболее поражающий „чуждый" элемент в нашей среде, то, во всяком случае, не единственный. Я назвал семита лишь потому, что он один сыграл известную роль в мире идей, подобную по своему значению роли индоарийцев и родственных им духом — а может быть и телом — европейцев. Но среди нас есть другие посторонние элементы, которые тем опаснее, что остаются безымянными. Люди, которые имеют с нами большое внешнее сходство, внутренне же отличаются от нас специфически иною душою, которые не переиначивают, как семиты, до основания всего того, что от нас получают и в чем вместе с нами принимают участие, но все внутренне отравляют и портят, обращая благословение в проклятие».

Кто же эти, не семиты, но хуже? Он называет остатки коренных, неарийских европейских народов, которые — к его недовольству — не отличаясь умом, отличаются высокой сексуальностью и потому быстро размножаются, внедряясь в истинно германский жизненный ствол, а кроме них — люди с примесью монгольской крови, обладающие пониженным (так он считал) интеллектом. Евреи в его системе ценностей стояли не на последнем месте. Басков он считал куда хуже евреев и куда как опаснее. И только глупостью, говорит он, можно объяснить, что европейцы изобрели толерантность, которая не позволяет им очистить свою землю от таких вредных расовых примесей: «Целым столетием пожертвовали мы ради какой-то до нелепости неограниченной терпимости; мы почти утратили чувство невозместимой важности границ, важности того индивидуального, что безвозвратно уходит и из чего единственно исходит творчество и великие дела. Мы мчимся прямо к хаосу. Пора, давно пора опомниться! И вовсе не для того, чтобы ограничить чью-нибудь духовную свободу, а чтобы самим стать господами в своем собственном доме, чего у нас все еще нет».

Пора настала, считал Чемберлен, отделить истинное от ложного, чистое от нечистого. Нужно вернуть арийские ценности и арийский дух. О последнем он сообщал, что индийский буддизм к арийскому духу вообще отношения не имеет. Будду он называет отступником, хотя тот и происходил из истинных арийцев. И его учение было подхвачено и распространено совсем не арийцами, а чуждыми им народами: «Буддизм возник в местности Индостана, наименее населенной арийцами; замечательный сам по себе, этот факт привел к установлению еще и того, что люди всех слоев населения, ранее других примкнувшие к этому движению и в

качестве миссионеров разносившие по всему миру это пресловутое душеспасительное вероучение, — в большинстве случаев не могли быть арийцами. Как чума, распространялось по всей Индии это учение, враждебное всем религиозным традициям народа. Но в конце концов выпрямился согбенный ариец и вышвырнул врага вон. И теперь, вот уже много столетий, в Индии нет буддизма». Но этим буддизмом, пояснял Чемберлен, творческая сила Индии была подорвана навсегда, и некогда великая страна стала отсталой и практически ушла от цивилизации, поскольку «…основная мысль буддизма в корне враждебна всякой высшей жизни духа».

«Наша европейская философия, — говорил он, — движется только параллельно с нашим миром, — она может завтра же исчезнуть без малейшего ущерба для нашей государственности; в противоположность чему индусское миросозерцание было душою индусского народа, оно определяло внешние формы его жизни, составляя содержание его мышления, его стремлений, поступков и надежд. Эпоха высшего могущества индусского народа была также временем расцвета его метафизики; а когда философия утратила свое господствующее значение, — погиб и народ».

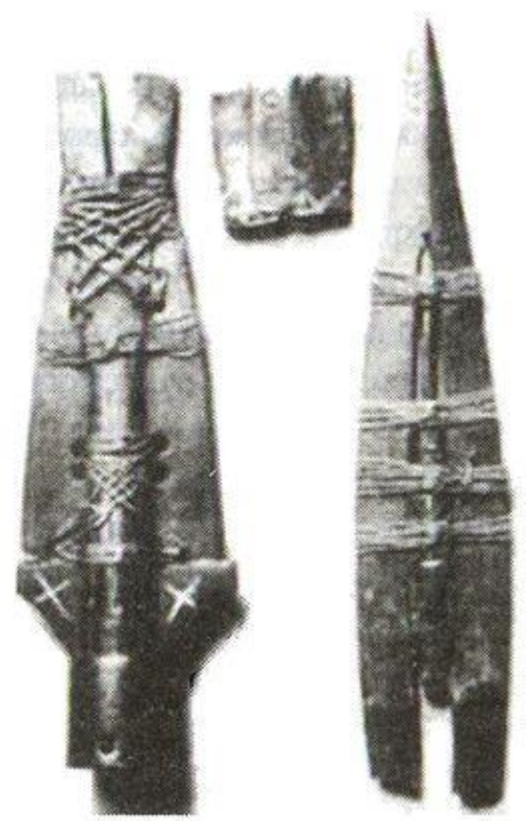
Но это для Чемберлена вовсе не означало, что погибло арийское наследие. Оно имеет тенденции иногда возрождаться, нужен только чистый расовый тип, что он, собственно, увидел в Германии, выделив как одну из немногих стран, где такое возрождение возможно. Тогда от спекулятивной философии и отсеченной от веры науки (как познания мира) избранные перейдут к истинно арийскому способу мышления, отрекутся от всего чужого их расе, и наступит новый золотой век. «Культура не имеет ничего общего ни с техникой, ни с нагромождением знаний; она есть внутреннее состояние души, известное направление мысли и воли. Надорванные души, лишенные целостной соразмерности воззрений и уверенной окрыленности образа мыслей, всегда будут нищими в том, что единственно дает цену жизни. Но разве в наши дни, блуждая „в росистой ночи“, мы не видели, как снова, в лице лучших людей Германии, блеснули „вершины человечества“. Кто хоть один раз поднял взор свой к небу тот уже познал надежду. И так как гений льет свой свет и на прошедшее, и на будущее, собирая почти погасшие лучи с отдаленных вершин и воспламеняя их снова в фокусе своего духа, то я считаю себя вправе утверждать, что, по крайней мере, те из нас, которые не пренебрегли возможностью быть учениками настоящих учителей нашего поколения, очень „скоро“ сживутся со своеобразием арийского миросозерцания и тогда почувствуют себя так, как будто вступили во владение своей собственностью, в которой им до этого времени неправомерно отказывали». Таким образом, возрождение возможно.

В другом фундаментальном труде «Основы XIX века» Чемберлен пояснял, каким образом может произойти это возрождение. Именно ему пришла на ум идея связать ницшеанского сверхчеловека с избранностью арийской расы на мировое господство. Особенно много надежд ему внушало объединение немцев вокруг железного канцлера Бисмарка и эпоха Второго рейха. Недаром эти «Основы» были настольной книгой кайзера Вильгельма Второго, а самого Чемберлена кайзер принимал в своем дворце и предавался с ним философским беседам или даже спрашивал совета, какую политическую стратегию избрать. Вполне понятно, почему кайзер относился к этому чудаковатому англичанину с таким пиететом: Чемберлен в своем труде называл прусскую военную машину идеальной, а самого кайзера едва ли не Богом. Зато эта высочайшая любовь сделала Чемберлена врагом другому царедворцу — фон Мольтке, прославленному кайзеровскому генералу. Тот считал англичанина мистиком и «беседующим с адскими духами», сам же он с антропософом Рудольфом Штайнером беседовал только с небесами. Была у Чемберлена одна идея, каким способом немецкий кайзер может достичь мирового господства: нужно, чтобы в Германии появилась «новая раса» (то есть сверхлюди Ницше, белокурые бестии), и нужно, чтобы кайзер завладел знаменитым копьем Лонгина, хранившимся в венском музее Габсбургов. Это копье по легенде обладало чудодейственной силой и имело другое наименование — копье всевластия.

История копья была такова.

По существующей легенде римский легионер проткнул этим копьем подреберье Христа на кресте, и копье, соединившись на краткое мгновение с божественной плотью, обрело все ее свойства, то есть стало воплощением божественной воли. В Средневековье всяческие реликвии высоко ценились, именно поэтому копье Лонгина переходило из рук в руки как некая божественная святыня. Проткнув тело Иисуса и омыв глаза его кровью, легионер Лонгин, страдающий расстройством зрения, исцелился, а исцелившись — уверовал в Христа, так гласит предание. Он до конца дней не расставался с предметом, которому был обязан зрением. После смерти Лонгина копье начинает длительное путешествие по странам и владельцам. Сначала оно попало в руки другого римского легионера Маврикия, впоследствии святого Маврикия. Тот, прошедший крещение и ставший основателем христианской церкви в Африке, был послан на завоевание Галлии. К несчастью для римского двора, те, кого Маврикию было предписано умертвить, оказались христианами. Это побудило Маврикия отказаться повиноваться приказу, за что он и был казнен, и в результате чего был затем возведен в первые христианские святые.

Считается, что ветхое копье Лонгина Маврикий оправил в серебро. В таком виде оно после его смерти досталось Риму и позже, после распада империи, оказалось у константинопольского императора Константина Багрянородного. Первого римского императора-христианина. Именно император Константин принял бой под христианским знаменем. И именно с него идет отсчет христианской истории в Европе. Благодаря ему и его матери Елене были выстроены первые христианские церкви. Умный и расчетливый, он быстро понял, что введение единобожия гораздо привлекательнее, чем поклонение римлян множеству своих и чужих богов, пантеон которых со временем стал бесконечно большим. Поэтому крест как символ стал своего рода логотипом константинопольского двора, а копье Лонгина — священным символом.



Этим копьем легионер Лонгин проткнул тело распятого Иисуса. По легенде, оно обладает чудодейственной силой

Это вообще было время реликвий. Зуб святого Ионы, щепка от Ноева ковчега, бедренная кость Марии Магдалины, волосы святого Климента, ноготь святого Лазаря — христианский мир обрастал реликвиями, как модница аксессуарами к своим нарядам. А поскольку сообщение между разными частями Европы было максимально затруднено, то общего количества святых реликвий хватило бы на сотню Иисусов, Магдалин, Лазарей, Ион и Климентов. Но никто не выверял, сколько реликвий существует, все верили в их подлинность. Таково было то время. Копье Лонгина считалось священным. Великая империя Константина так и называлась — Великая Римская Священная империя. Но время Константинополя миновало, и на смену ему пришли потомки Оттона, одного из германских королей. К ним перешла власть в Священной римской империи. Теперь главной страной стала Германия. И наиболее знаменитым владельцем копья — Карл Великий. Победы этого императора общеизвестны.

Во все свои походы — а он провел их за свою жизнь 53 — император брал копье. Оно приносило ему победу. Его наследники во время коронации получали не только корону на голову, но и священное копье в свои руки. Это была символическая власть над христианским миром. А в 1414 году это священное копье попало в Прагу, где в то время находился двор другого Карла — Карла Четвертого. Копье Карл поместил в сокровищницу под Прагой, в свой замок Карлсштайн. Берег как зеницу ока. Считается, что именно благодаря его заботам копье было убрано в золотые ножны. Никто не проводил анализа золота, из которого сделаны эти ножны, но есть мнение, что золото было алхимическим. А еще спустя 20 лет эта реликвия была выкуплена нюрнбергскими купцами.

Королевский двор в Праге пришел в упадок. Купцы были гораздо богаче королей. Они могли позволить себе такую роскошь, как приобретение самой важной священной реликвии императоров. И они с воодушевлением перевезли его в свой город и поместили в церкви Святого Духа рядом с бедренной костью Марии Магдалины, щепкой от Ноева ковчега и прочими чудесными реликвиями. О том, какое место среди этих реликвий занимало копье Лонгина, ярко говорит тот факт, что был даже учрежден специальный церковный праздник — на второй день Пасхи нюрнбергцы отмечали Праздник Священного копья. Для горожан обладание этим копьем тоже значило очень много. Как утверждают современные историки, горожане считали копье не столько реликвией, сколько священным оружием, самым сильным и мощным, которое может остановить врага и не дать пасть вольному городу Нюрнбергу. И праздновали этот день очень долго, вплоть до реформации.

Благодаря неистовому Лютеру, метавшему в черта чернильницу, все священные реликвии были упразднены. И о копье надолго забыли. Только в XIX веке, когда армия Наполеона вторглась на территорию Германии, о нем вспомнили. Тем более что Наполеон, питавший некоторые мистические чувства, очень интересовался священными реликвиями и мечтал стать обладателем Копья Императоров. Он считал, что это копье поможет ему завоевать весь мир. Но Наполеон копья так никогда и не увидел и в руках не держал. От греха подальше его срочно вывезли в Вену, а потом императору стало уже не до охоты за священными реликвиями. Сначала затяжная испанская кампания, затем разгром в России, ссылка на Эльбу, а потом и Ватерлоо и смерть на острове Святой Елены.

Копье так и осталось в Венском музее, теперь оно принадлежало Габсбургам. Чемберлен считал это величайшей несправедливостью, копье следовало вернуть в Нюрнберг, настоящим хозяевам.

Чемберлен верил, что мощь Германии станет беспредельной, если копье снова окажется в городе Нюрнберге. Зондируя почву копья, Чемберлен не раз выезжал в Вену, где вел переговоры о демонстрации этого славного экспоната в Берлине, одновременно он внушал Вильгельму, что было бы неплохо получить копье в личную собственность. Но копье так и не перекочевало из Вены в Берлин, австрийский император не согласился. Потом были Первая

мировая война, крушение идеалов, разруха, репарации, Баварская республика… И вдруг неожиданно Чемберлен увидел, что труды его были не напрасны. Случайно посетив родину Вагнера, он увидел там Гитлера. Этот светлый образ запечатлелся в памяти парализованного старика, и буквально на следующий день он написал будущему диктатору такие проникновенные слова: «Одним касанием вы преобразили состояние моей души. То, что в час глубочайшей необходимости Германия способна порождать таких, как Гитлер, доказывает ее жизнеспособность».

Скоро Чемберлена не стало. Случилась эта знаменательная встреча в 1923 году, предсказанном Гвидо фон Листом как год начала великого возрождения.

Часть вторая

Действующие лица и деяния

Идеалист Адольф Гитлер

Никакого Рейха, никакого немецкого возрождения, обратившегося в немецкое поражение, не было бы без Гитлера, который аккумулировал все вышеизложенные идеи и создал собственную идеологию — идеологию немецкого национал-социализма. Философом, конечно, Гитлер был никаким. Он замечательно увлекался чужими идеями, которые становились для него такими родными, точно он сам их выносил и родил, но — увы! — он был способен только достраивать и улучшать, что уже существовало, пусть высказанное нестройно и не доведенное до полного блеска. Да и не ставил он такой цели — создавать идеи, цель была проще — использовать чужие как собственные ради будущей великой Германии. Имелись у этого молодого лидера качества, которые не могли не выдвинуть его из круга единомышленников, — Гитлер искренне верил в такое возрождение нации и ради этого был готов заплатить своей жизнью. Как на фронте он был мужественным солдатом и честно исполнял свой долг, так и после войны продолжал свою великую войну. Другие смирились с поражением, успокоились, стали возвращаться в мирную жизнь, но этот путь не был путем Гитлера. Радости мирной жизни казались ему лишенными смысла. Вот уж действительно, как говорил Некрасов, «не может сын смотреть спокойно на горе матери родной, не будет гражданин достойный к отчизне холоден душой». Он и не был холоден.

Еще до войны эта любовь к немецкой родине вела его в стены Академии изящных искусств. Юный Гитлер собирался стать художником. Но эта мечта так и осталась мечтой. Венские профессора не нашли в нем искры таланта. Один из них, поглядев на работы Гитлера, сказал, что тому стоит учиться на архитектурном факультете, для будущего живописца это были слишком сухие работы. Он тяжело переживал крушение надежд. Правда, с мечтой о живописи покончено не было — будущий фюрер поселился в Вене и зарабатывал рисованием вывесок и объявлений. С деньгами у него было очень плохо, но он старался не быть в стороне от культурной жизни, так что покупал книги, ходил в театры, посещал музеи. Так однажды он и набрел на музей в Хоффбурге, где хранилось то самое копье, что безуспешно пытался вернуть Германии Чемберлен. Эта встреча произвела неизгладимое впечатление. Гитлер, скорее всего, уже знал его историю, так что, созерцая копье, способное полностью изменить судьбу, он застыл у витрины.

Рассказывают, что он пережил мистическое откровение, видел свет и слышал голос, обещавший ему великое будущее. Голос также требовал, чтобы он послужил своей немецкой родине. Гитлер мечтал обладать этим копьем, он желал получить власть и вернуть Германии ее славу. Но потом была война, которая завершилась совсем не так счастливо, как начиналась. Конец этой войны он встретил в госпитале, куда попал после газовой атаки союзников под маленьким городком Ипр. Газ, которые применили противники, так и вошел в историю под названием иприта. Это было на редкость паршивое отравляющее вещество. Солдат Гитлер попал в госпиталь с поражением легких и глаз. Если легкие оправились довольно быстро, то с глазами было хуже. Врачи даже думали, что Гитлер останется слепым. Но он пошел на

поправку. Он ждал выписки, чтобы снова отправиться на войну. Однако война вдруг завершилась.

«10 ноября, — рассказывал Гитлер в „Моей борьбе“ (книге, которую нужно не запрещать, а рекомендовать для прочтения, поскольку иначе не понять, что из себя представлял Гитлер, как формировалось его мировоззрение и что вело его к власти и созданию Рейха), — нас посетил пастор лазарета и устроил маленькую беседу с нами. Теперь мы узнали все.

Я тоже присутствовал при этой беседе, хотя находился в страшно возбужденном состоянии. Почтенный старик весь дрожал, когда он говорил нам, что дом Гогенцоллернов должен был сложить с себя корону, что отечество наше стало „республикой“ и что теперь нам остается только молить всевышнего, чтобы он ниспослал благословение на все эти перемены и чтобы он на будущие времена не оставил наш народ.

В конце речи он счел своей обязанностью — по-видимому, это была его внутренняя потребность, которую он не в силах был превозмочь, — сказать хоть несколько слов о заслугах императорского дома в Пруссии, Померании — да и во всей Германии. Тут он не смог удержаться и тихо заплакал.

В маленькой аудитории воцарилась глубокая тишина. Все были страшно огорчены и тронуты. Плакали, думается мне, все до единого человека. Оправившись, почтенный пастор продолжал. Теперь он должен нам сообщить, что войну мы вынуждены кончать, что мы потерпели окончательное поражение, что отечество наше вынуждено сдаться на милость победителей, что результат перемирия целиком будет зависеть от великодушия наших бывших противников, что мир не может быть иным как очень тяжелым и что, стало быть, и после заключения мира дорогому отечеству придется пройти через ряд самых тяжких испытаний. Тут я не выдержал. Я не мог оставаться в зале собрания ни одной минуты больше. В глазах опять потемнело, и я только ощупью смог пробраться в спальню и бросился на постель. Голова горела в огне. Я зарылся с головою в подушки и одеяла. Со дня смерти своей матери я не плакал до сих пор ни разу».

Именно в эти тяжелые для него дни Гитлер и понял, что если есть сила, способная спасти Германию, то эта сила находится внутри каждого немецкого сердца, это арийская воля к победе. Если эта воля вела Гитлера на протяжении четырех военных лет и уберегла от неприятельских пуль и снарядов, если она сохранила ему зрение, то, скорее всего, это все было ради какой-то высшей цели.

Какой?

Гитлер теперь это знал и видел совершенно ясно: он рожден в этом мире для того, чтобы принести Германии будущее и славу. Он должен спасти страну, которую уничтожают ее ненавистники. Гитлер почувствовал себя германским мессией.

Но куда он поведет народ?

Как?

Против чего?

Мысль была подобна озарению: «Теперь я только горько смеялся, вспоминая, как еще недавно я был озабочен своим собственным будущим. Да разве не смешно было теперь и думать о том, что я буду строить красивые здания на этой обесчещенной земле. В конце концов, я понял, что совершилось именно то, чего я так давно боялся, и поверить чему мешало только чувство. Император Вильгельм II, первый из немецких государей, протянул руку примирения вождям марксизма, не подозревая, что у негодяев не может быть чести. Уже держа руку императора в своей руке, они другой рукой нащупывали кинжал. Никакое примирение с евреями невозможно. С ними возможен только иной язык: либо — либо! Мое решение созрело. Я пришел к окончательному выводу, что должен заняться политикой».

Иными словами, если прежде (при победе Германии) солдат Гитлер мог вернуться к мирному занятию — рисованию и снова пытаться добиться признания, то теперь эта его страсть к живописи отошла на второй план. Ни творческая, ни военная карьера ему больше не грозили. Первая — потому как перестала быть делом жизни, вторая — потому как никакой армии в Германии не будет, оставался только один путь — бороться с обрушившимися на немецкую землю несчастьями. А это и был путь политика, точнее — революционера.

Этот путь начался все в той же казарме, куда Гитлер вернулся после Версальского мира, — он еще считался солдатом, и больше ему некуда было идти. Так начался мюнхенский период его жизни.

Первоначально его «выступления» ограничивались тем же самым солдатским кругом, в котором он пребывал. Оратором Гитлер оказался отличным. Он чувствовал нерв речи, он нуждался в публике, только тогда в нем точно зажигался огонь. В обыденной жизни Гитлер был угрюм, неразговорчив и углублен в себя. Он думал. Мыслей было много, и это изобилие рано или поздно свело бы его с ума. Так что высказывать свои мысли стало необходимостью. Только так, находя отклик в душах других, таких же преданных в Версале, можно было не спятить. Способности Гитлера заметили его командиры. И его стали использовать. Обычным местом для выступлений стали пивные бары, где собиралась стремившаяся к разговорам публика самого разного толка. В присутствии командиров Гитлер робел, тянулся в струнку, соблюдал субординацию, но стоило ему выйти перед слушателями, он изменятся — говорил страстно и четко формулировал мысли. Его слушали внимательно, и во многих сердцах он находил отклик — ведь слушатели прошли те же испытания, что и этот ефрейтор. Стало ясно, что у Адольфа есть дар, и этот дар стали использовать.

Много позже Гудериан так охарактеризовал ораторский талант Гитлера: «Гитлер обладал необыкновенным ораторским талантом; он умел убеждать не только народные массы, но и образованных людей. В своих речах он исключительно умело подделывался под образ мышления своих слушателей. Перед промышленниками он говорил иначе, чем перед солдатами, перед последовательными национал-социалистами по-другому, чем перед скептиками, перед гауляйтерами иначе, чем перед мелкими чиновниками».

Это умение проникнуться духом аудитории дорогого стоило, и не случайно на безвестного ефрейтора, пусть и героя войны, обратили столь пристальное внимание. Он был несколько неуклюж, но обладал достоинством, которым не могли похвастаться сами командиры: люди его слушали и слушали внимательно. Поняв, что в лице этого Гитлера они имеют не только оратора, но и хорошего спорщика, его стали засылать в размножившиеся в Мюнхене оппозиционные политические образования — командиры надеялись, что Гитлер, быстро схватывающий противоречия в доводах, сумеет разложить эти партии изнутри.

Однажды он был послан на «разведку» в какую-то крошечную рабочую партию. Тогда он не знал, что партия создана на базе мистического общества «Туле». Он не знал, что создатель «Туле» Карл Хаусхофер, но разговоры в этой партии пришлись ему по душе. Хоть она и была рабочей, что наводило на мысли о коммунистах и пролетариях всех стран, но тут Марксом и не пахло. Напротив, разговоры шли по приятному гитлеровскому уху руслу — о миссии немецкого народа, об арийской расе, то есть точно по программе журнала «Остара» и книгам Гвидо фон Листа. От самой партии Гитлер многого не ждал, однако однажды ему пришла по почте открытка, которая и извещала, что Адольф Гитлер принят в ее ряды. Гитлер долго раздумывал, стоит ли вообще вступать в столь незначительную партию, уж очень невелика она была, но потом все же решился.

Партия была симпатичная, пусть не имела ни программы, ни членских билетов, ни печати, ни денег, ни даже хоть какого-то собственного печатного издания. Гитлер справедливо подумал, что все эго можно ввести, были бы люди. Ему уже приходила в голову мысль о создании собственной партии, отчего бы не использовать уже существующую? Он и использовал.

Первое, что он сделал, — разработал приличную программу и ввел членские билеты. Партийным товарищам это очень понравилось. Гитлер получил билет под номером семь. Билет номер один был у создателя НСДАП Антона Дрекслера — именно ему дал полномочия на создание партии руководитель Баварского общества «Туле» Зебботендорф, прославленный герой минувшей войны. Почему рабочая партия получилась с мистическим уклоном — заслуга как раз этого человека.

По сообщению Эволы, этот человек, имевший настоящую фамилию Глауэр, в юности немало поездил по миру, особенно арабскому, там, в Турции, он занимался розыском старинных текстов и много общался с турецкими мистиками. Результатом поездки стала книга «Практические ритуалы древнего турецкого масонства». По словам Эволы, «…практики, описанные в ней, включали в себя повторение звуков, жестов и шагов, чьей целью, как и в алхимии, было инициатическое преобразование человека; неясно, с какой турецкой масонской организацией Зебботендорф состоял в контакте, а также занимался ли он сам рассматриваемыми практиками или просто описал их». Источник своего масонского знания сам автор сохранил в тайне. Некоторые даже считали, что турецкое масонство — иное название ордена ассасинов, а то, что Зебботендорф изучал, — старинная техника ассасинов. Кроме турецких практик он живо интересовался немецкой историей и рунами, как раз тем, что очень волновало сердце создателя Германенордена.

В Ордене этот человек оказался исключительно из-за газетного объявления: как раз тогда Орден решился дать рекламу в газете, честно поясняя, кто может стать его членом — высокий, светловолосый, синеглазый — то есть ариец. Зебботендорф на призыв откликнулся и успешно прошел собеседование со специалистом по руническому письму Германом Полем. Прошел собеседование — слабо сказано, с Полем кандидат проговорил несколько часов. Оказалось, обоих интересует одна область знания, так что они сидели и беседовали о рунах, о книгах Листа, о миссии арийца и прочих замечательно любопытных вещах.

С благословения Германа Поля неофита поставили сразу руководить баварским отделением Ордена. И эффект от назначения получился потрясающим. Зебботендорф развил такую бурную деятельность, что за год с 200 человек общество выросло до 1,5 тысяч членов! Культурная программа была насыщенной — множество лекций, концертов, заседаний, издание собственного журнала и — что самое важное — мгновенный отклик на все происходящие события. Свое отделение новый руководитель тут же переименовал так, как ему казалось благозвучнее, теперь оно носило имя «Туле» — легендарной земли, найденной некогда и снова потерянной. В качестве эмблемы для своей организации Зебботендорф выбрал свастику и длинный кинжал, свастика, очевидно, была взята под влиянием ариософии, а кинжал напоминал о тех самых «Практических ритуалах древнего турецкого масонства». Расшифровать эту эмблему можно и как знак воинов Света.

Этому обществу выпала миссия сплотить баварцев против наступления немецких коммунистов. Бавария в 1918 году стала республикой, короля изгнали, к власти пришло социалистическое правительство с коммунистом Куртом Эйснером во главе. Это вызывало ужас, поскольку на востоке уже существовала страна, взявшая название социалистической, бывшая Россия, и многим немцам никак не хотелось получить го, о чем со слезами рассказывали русские эмигранты. А они имели все шансы начать строительство баварского светлого будущего: новая власть сформировала свою, немецкую, Красную армию, закрыла оппозиционные газеты и журналы, начались первые экспроприации, то есть грабежи, так что население ожидало зеркального повторения того, что происходит на востоке. Тем более что в новое правительство вошли три импортированных русских коммуниста — Аксельрод, Левин и Ниссен.

Перспектива была удручающая. Было ясно, с чего начнут красные товарищи, было страшно — чем кончат. «Туле» никак не могло остаться в стороне! Особенно с учетом того, что немецкие красные в значительном количестве оказались евреями. Учитывая особенное

отношение ариософов к этому народу, можно было сразу понять, что для членов «Туле» началась война с мировым еврейством.

Зебботендорф, отличавшийся кипучей энергией, тут же стал стягивать все оппозиционные силы вокруг своего общества. И силы стянулись. Поскольку в общество входило очень много военных, они смогли создать военное сопротивление красной диктатуре. И Баварская республика была уничтожена. Хотя цена, которую за это заплатило само общество, была велика — многие члены «Туле» были ранены, а некоторые погибли. Девять человек были захвачены в заложники и расстреляны баварскими красными. В «Туле» воспринимали происшедшее с мистической стороны — будущее арийского народа было окроплено арийской кровью. Враг не прошел. Гитлеру не могло не импонировать такое родоначалие рабочей партии, членом которой он стал. Но сама партия до прихода Гитлера ничего интересного собой не представляла.

Лицо партии — ее эмблема, так справедливо рассудил новый партиец. Выбрать эмблему — выбрать будущее. Тут Гитлеру помогло чутье художника. Сам он рассказывал о творческих муках такими словами: «Удачный партийный значок может послужить первым толчком, который пробудит интерес к новому движению у сотен тысяч людей.

С разных сторон нам предлагали белый цвет. Это было неприемлемо для нас, ибо мы ни в какой мере не хотели отождествлять наше движение со старой империей или, вернее сказать, с теми трусливыми партиями, которые видят свою единственную политическую цель в восстановлении старого режима. К тому же белый цвет вообще не является цветом, увлекающим массу. Он подходит для добродетельных старых дев и для всевозможных постных союзов, но не для великого революционного движения нашего времени, ставящего себе целью совершить величайший переворот.

Другие предлагали нам черный цвет. Черные краски недурно символизируют современное положение вещей, но зато они совершенно не выражают внутренних тенденций, заложенных в нашем движении. Затем черный цвет тоже не увлекает массы.

Бело-синие цвета, сами по себе с эстетической точки зрения очень недурные, исключались уже потому, что эти цвета являются официальным символом одного из отдельных германских государств, к тому же не пользующегося особой популярностью ввиду партикуляристских тенденций. Да и это сочетание цветов не давало сколько-нибудь ясного представления о целях нашего движения. То же самое относилось и к черно-белым цветам. О черно-красно-золотом флаге не могло быть и речи.

Черно-бело-красные цвета были неприемлемы по соображениям, указанным уже раньше, по крайней мере, в их прежнем виде. Это сочетание красок, вообще говоря, безусловно лучше всех остальных. Это самый могущественный аккорд красок, который вообще только возможен. Я лично все время выступал за то, чтобы так или иначе сохранить старые цвета, ибо они для меня как для солдата не только были святыней, но и казались мне с эстетической точки зрения наиболее художественными. Тем не менее, я вынужден был отклонить все бесчисленные проекты, присылавшиеся мне со всех концов молодыми сторонниками движения, поскольку все эти проекты сводились только к одной теме: брали старые цвета и на этом фоне в разных вариациях рисовали мотыгообразный крест.

В качестве вождя я не хотел с самого же начала опубликовать свой собственный проект, ибо допускал, что кто-нибудь другой предложит столь же хороший, а может быть и лучший проект, чем мой. И действительно один зубной врач из Штарнберга предложил совсем не плохой проект, близкий к моему проекту. Его проект имел только тот единственный недостаток, что крест на белом круге имел лишний сгиб.

После ряда опытов и переделок я сам составил законченный проект: основной фон знамени красный; белый круг внутри, а в центре этого круга — черный мотыгообразный крест. После долгих переделок я нашел, наконец, необходимое соотношение между величиной

знамени и величиной белого круга, а также остановился окончательно на величине и форме креста. Удачный партийный значок может послужить первым толчком, который пробудит интерес к новому движению у сотен тысяч людей.

Поздним летом 1920 г. наш партийный флаг впервые увидел свет. Он превосходно подходил к молодому нашему движению. Он был нов и молод, как само наше национал-социалистическое движение. Новое невиданное дотоле знамя производило могучее агитационное влияние. Это был действительно достойный символ! Перед нами не только сочетание всех красок, которые мы так горячо любили в свое время. Перед нами также яркое олицетворение идеалов и стремлений нашего нового движения. Красный цвет олицетворяет социальные идеи, заложенные в нашем движении. Белый цвет — идею национализма. Мотыгообразный крест — миссию борьбы за победу арийцев и вместе с тем за победу творческого труда, который испокон веков был антисемитским и антисемитским и останется. Спустя два года, когда наши дружины разрослись и охватывали уже много тысяч штурмовиков, возникла необходимость выработать для этой молодой организации еще один новый символ победы: специальный штандарт. Проект штандарта я тоже выработал сам, а затем передал его одному золотых дел мастеру Тару для исполнения. С тех пор штандарт тоже принадлежит к числу победоносных символов нашего движения».

Эту оду свастике Гитлер написал в ландсбергской тюрьме. Спустя 20 лет свастика из отвлеченных древних символов превратилась для большинства людей в своего рода отметину национал-социализма. Знак, который у прошедших Вторую мировую войну вызывал только воспоминания о годах кошмара. Хотя — по сути — Гитлер не изобрел ничего нового. Он просто выбрал правильный символ.

В первые годы членства в партии Гитлер еще не претендовал на власть в ней. Он вел себя скромно и корректно. Он очень старался понравиться. Подружившийся с ним журналист Дитрих Экхарг не видел в Гитлере никакой угрозы. Напротив, он находил Гитлера забавным, называл его «маленьким смешным человеком». Потом он очень сблизился с более молодым товарищем по партии. От этого времени сохранились его записи, которые озаглавлены «Диалоги с Адольфом Гитлером».

О чем беседовали эти двое?

Наверно, о многом.

Но в «Диалогах» речь идет не о судьбе партии, они обсуждают опасности, которые исходят от мирового еврейства. Насколько точно передает Экхарт слова Гитлера, вопрос открытый, вполне вероятно, он вкладывает в уста своего друга собственные мысли — вряд ли Гитлер был столь начитан в религиозной литературе, что цитировал Библию, Талмуд и исторические сочинения на эту тему дословно. Но то, что эти разговоры велись о евреях, — факт показательный. Гитлера весьма волновал этот вопрос. Собственно, его позиция с 20-х годов мало изменилась, она только стала более непримиримой. Но характерно, что уже в те годы Гитлер видел в евреях только зло, которое необходимо искоренить, причем для обоснования этой позиции он приводил разные нелестные для евреев примеры из истории: «…мы можем прочесть у Страбона, что уже в его время, около рождения Христа, на обитаемой земле уже не было места, где бы не преобладали евреи. И Страбон пишет четко, что не просто жили, а именно преобладали! За несколько десятков лет до этого Цицерон, который был в это время очень большим человеком, внезапно сорвался в своей широко известной защитительной речи в Капитолии, когда он вдруг указал на огромное влияние и всепроникновение евреев: „Тише! Тише! Я хочу, чтобы меня слышали только судьи. Иначе евреи вовлекут меня в такую переделку, какую они сотворили со многими другими уважаемыми людьми. У меня нет никакого желания служить им дальнейшей пищей‟.

Подобным же образом влияние евреев при императоре Августе было настолько большим, что они так запугали Понтия Пилата, посланника римского императора, который олицетворял

его власть, что Понтий Пилат сказал: „Ради всего святого, давайте закончим с этим тухлым еврейским делом!“ Это было тогда, когда он подошел к тазу, чтобы омыть руки и приговорить к смерти Христа, которого сам он, заметьте, считал полностью невиновным! Он достал и пролистал Ветхий Завет. „Вот! — воскликнул он. — Вот рецепт, по которому евреи всегда варят свое дьявольское пойло! Мы, антисемиты, тупые на редкость! Мы всегда находим всё, кроме самого главного“. И он выразительно прочитал, выделяя каждое Слово Ветхого Завета: „И я настрою египтянина против египтянина, и они будут драться — брат против брата, и каждый — против своего соседа, город против города, царство против царства. И дух Египта не выдержит против этого, и я расстрою Совет, и они обратятся к своим идолам и предсказателям, и к тем, кто знакомы с духами и гадают по ящерицам“. Действительно, — горько усмехнулся он, — и сейчас люди обращаются к доктору Куно, доктору Швейеру, доктору Хайму или еще к каким-то деятелям, которые и сейчас в наличии со своими ящерицами. Если их спросить, почему Германия опустилась до свинарника, эти господа ответят осуждающе: „Вы сами должны себя винить. У вас нет породы, нет веры, только эгоизм и обман. Сейчас вы во всем вините евреев. Люди всегда нуждались в козле отпущения. Тогда все вдруг накидываются на евреев и преследуют их как могут. И это только потому, что евреи при деньгах и беззащитны. Чего выпячивать, если некоторые евреи ведут себя отвратительно мерзко? Черную овцу можно найти в любом стаде, как будто нет приличных евреев. Вот вы их и должны приводить в своих примерах. Посмотрите на их набожность, на их чувство семьи, их трезвый образ жизни, их готовность идти на жертвы и более всего — на их способность к коллективизму. А вы? Вы как кошки с собаками — чистое безумие“. И вот наши политические деятели будут продолжать в том же духе, а потом однажды ночью на всех еврейских домах появится пасхальный знак кровью (чтобы их не трогать, то есть пасхать, обойти), и обезумевшие массы, подстрекаемые евреями, вырежут всех перворожденных младенцев, как это уже было однажды в Египте».

О чем речь?

О мировом еврейском заговоре против остальных народов, о чем читателю уже известно из процитированных ранее «Протоколов Сионских мудрецов». Очевидно, оба партийца недавно ознакомились с этой нилусовской фальшивкой, и она основательно «прочистила» им головы.

Националист еврей или интернационалист, задается вопросом Экхарт.

Ни тот и ни другой, отвечает ему Гитлер: «Те, кто по-настоящему интернациональны, выражают уважение ко всему миру, так же как и к своей собственной нации. Если бы наши так называемые интернационалисты действительно собирались бы по этому поводу, тогда бы хорошо. Однако я боюсь, что они втайне более озабочены тем, как остальной мир к ним относится, а не как они сами относятся к этому остальному миру. Интернационализм требует основных положительных инстинктов. Но еврей их не имеет фундаментально и полностью. Еврей не имеет ни малейшего желания рассматривать себя в совокупности с остальным человечеством. Его цель — преобладать над другими и шантажировать всех к своей выгоде. Если бы еврей думал о международном содружестве — у него было достаточно времени и удобных случаев среди тысячелетий, чтобы продемонстрировать свою добрую волю. Его Бог, Иегова, приказывает ему не кооперировать с другими людьми, а, наоборот, пожирать их одного за другим, бросаться сразу к горлу.

Еврея сначала приветствовали повсюду: в древнем Египте, в Персии, в Вавилонии, в Европе. Раздвоенное копыто появилось везде. Ранние германские завоеватели нашли еврея с кучей высокомерных прав, но не сделали ничего, чтобы уравнять их хотя бы с остальными. Еврею было разрешено заниматься его бизнесом, где он хочет и как он хочет, даже работорговлей, к которой у него всегда было предпочтение. Как и все остальные в Европе, еврею было разрешено занимать публичные должности, включая и руководящие, и его так называемая религия, иудаизм, была защищена государством…

В древнем мире их часто можно найти со специальными привилегиями и освобожденных от определенных повинностей, например от военной службы. Они старались никогда не подвергать себя риску войны…Одинаково, как они сделали в Первую мировую войну. Будь моя воля, я бы на каждом углу повесил плакаты с изречением Шопенгауэра о евреях: „Великое жулье‟! Лучше описания нет. И это относится буквально к каждому еврею: высокого или низкого положения, денежному магнату или раввину, обрезанному или крещеному. „Наш угнетённый народ!‟ Бла-бла-бла. „Тысячи лет преследований‟. Бла-бла-бла. И снова и снова доверчивые народы развешивают свои уши и становятся обманутыми. Потом они начинают понемногу соображать и меняют своё отношение к евреям, но для этого везде надо, чтобы евреи их раздели до нитки и пустили по миру. И это везде: в Древней Римской Империи, в Египте, в Азии, позднее в Англии, в Италии, Франции, Польше, Голландии, Германии и даже, как указывает Зомбарт, „на Иберийском полуострове, в Испании и Португалии, где евреи вообще жили как в раю‟. И игра, в которую евреи играют сегодня, — это та же игра, которую они играют в течение тысячелетий…»

Евреи, по Гитлеру, мимикрируют, проживая среди других народов, но свято блюдут собственную выгоду. И это дело евреев, их способ обогащения, сталкивать лбами другие народы и ввязывать их в войны (тут оба друга согласно кивнули головами — так вот и Германию заставили начать войну, и Америку заставили в нее вступить).

И что же евреи теперь задумали?

Создать свое государство в Палестине.

«„Богоизбранный народец‟ снова хочет иметь свою собственную, только их „божескую страну‟. Поняли? „Снова‟ „люди бога‟, „страна бога‟ — ничего этого на самом деле никогда не существовало. Все исторические описания высмеивают ужасающее положение вещей в их государстве, которое продолжалось 600 с лишним лет, пока ассирийцы не положили конец этому безобразию. Разве можно называть это государством? Разве свидетельства Ветхого Завета недостаточно? Сначала мы узнаём оттуда о бесконечных убийствах и мародерствах других народов Палестины, которые продолжались долгое время. Со всей ужасающей жестокостью одно состояние анархии сменялось другим. Расцвет еврейского государства, его слава, царь Давид был таким отъявленным мерзавцем, что для него было недостаточно убийства Урии и женитьбы на его жене, даже на своем смертном одре он приказывает своему сыну убить своего старого друга Иоаба… Когда царь Кир дал евреям разрешение возвратиться в Палестину (из Вавилона), подавляющее большинство проигнорировало призыв и осталось в богатом Вавилоне. Они там отлично устроились и продолжали свои валютные спекуляции и обычные свои махинации».

«Интересно, как они собираются устраивать такое огромное количество евреев на таком маленьком участке земли — Палестине?» — вопрошает Экхарт. «Это абсолютно неважно, — восклицает Гитлер. — Суть в том, что Израиль возродился. Его оковы сброшены. Солнце нового божьего государства восходит над Сионом. Вот это да! Наконец-то освободиться от вечного проклятия! У всех рты пооткрываются, а еврей, довольный, будет щериться… Здесь-то кот и выпрыгивает из мешка! Резолюция Всеобщей еврейской конференции 1919 года в городе Филадельфия: „Все евреи являются гражданами нового еврейского государства в Палестине, но в то же время они сохраняют все права гражданства тех государств, в которых они проживают‟».

Так ядовито прокомментировал Гитлер много позднее включенную в конституцию Израиля статью о двойном гражданстве. «Я думаю, что из этого мы можем догадываться о настоящем духе еврейского национализма…»

Но если евреи и не интернационалисты, и не националисты — то кто они, удивляется Экхарт.

«Это раковый рост на поверхности целой планеты — иногда медленный, а иногда взрывной. Но везде он отнимает жизнь у планеты. Всё, что однажды начинается изобилием, неизбежно кончается пепелищем. Сионизм — это видимое, поверхностное явление. Но он связан с внутренним демоническим ростом. И нигде нельзя обнаружить противодействия этому росту», — говорит Гитлер. От определения понятия «еврей» разговор переходит на Церковь и Христа. Тут Гитлер и говорит Экхарту, что точно знает, что Христос никогда не был евреем: «Евреи настолько были уверены в нееврейском происхождении Иисуса, что считали его ненавистным им самаритянином».

Напротив, Христос евреев не любил.

«Каждый раз, когда появляется что-либо новое и плодоносное, еврей тут как тут, готовый это сожрать, — сказал Гитлер. — Он демонстрирует прямо собачий нюх на все, что может ему хоть чуть-чуть угрожать. Найдя это, он использует всю свою хитрость, чтобы достать это, извратить, изменить природу, суть или, по крайней мере, отвлечь от цели…

Большинство революций, вне зависимости от их начальных целей, развивались под еврейским руководством. Это они инспирируют и ставят все низменные наклонности на службу дьяволу. Вот начало зарождаться молодое христианство, а еврей уже тут как тут. Посмотрите на апостола Павла, который на самом деле Саул (Савл), который учился на раввина. Этот Савл сначала выбрал имя, звучащее по-римски, — Саулус, а затем быстренько переменил имя на Паулус. И это должно наводить на размышления! Кроме того, ведь именно он преследовал молодую христианскую общину с ужасающей жестокостью. Я не знаю — массовый убийца впоследствии, перевоплощающийся в святого… — не слишком ли много чудес для одного человека?..

Много времени должно было пройти, чтобы христианство оправилось от апостола Павла. Какие же мы все-таки доверчивые души! Еврей убивает огромное количество христиан. Затем видит, что остальные от этого становятся только более ревностными христианами. Затем всем известный свет его озаряет, он прикидывается, что перевоплотился, становится в позу, и смотрите: несмотря на то, что он извращает учение остальных апостолов, мы напряженно слушаем его во время проповедей. Простое учение Христа, которое может понять любой ребенок, должно обязательно быть объяснено нам евреем и должно быть добавлено евреями к Евангелиям как пояснение. Сами мы, без пояснений еврея, читать слово Христа не можем!»

Только чистым душам открыта истина, которую нес Христос, добавил Гитлер, «…эти чистые души, их одних надо благодарить за то, что, по крайней мере, часть нашего христианского наследия избавлена от еврейского влияния. Где они сейчас? Где они были раньше? Они и среди высших, и среди низших классов: среди королей и солдат, среди римских пап и среди монахов, среди грамотных и неграмотных, везде. Но не среди только богатых или только умных, не среди жадных и завистливых — здесь царствует еврей. Еврей манипулирует исключительно в духовной сфере, это его вотчина. И так же как всё, до чего он ни касался, обращалось в золото королем Мидасом, так же и каждое прекрасное и значимое слово обращается евреем в грязь и погань. Но для других».

А христианство как Церковь — это извращение евреев, только еврей — по Гитлеру — мог на словах Христа построить Церковь, ввести индульгенции, провозгласить крестовые походы, включая один детский. И Церковь снова станет святой лишь тогда, когда в порядок приведет себя нация, то есть когда она избавится от своего еврейства и уничтожит еврейство в себе. Иначе и внутри Церкви будут войны, которые скрытые евреи (их Экхарт именует криптоевреями) заставят вести между собой верующих людей, христиан. Лютер, например, только перед смертью понял, что его использовали евреи для разделения народов.

«За эти 400 лет, — говорит Гитлер, — много воды утекло. Но нужно отдавать себе отчет: тогда здоровый людской инстинкт был гораздо более выражен, чем в наше время. Тогда

недоверие к евреям было у людей в крови. Лютер был такой же, как и все, сын простых людей. Его предрасположение к евреям ничего ему не подсказывало.

Но необходимо учитывать определенную степень наивности, отсутствие мирского опыта, каковые были результатом длительного пребывания в монастыре. Здесь, так же как и везде, справедливо золотое правило: чересчур много учения лишает людей чувства реальности.

Тем не менее, Лютер был великим человеком — гигантом. Как молнией его озарило, и он сразу же стал видеть евреев такими, какими мы видим их сегодня. Но, к несчастью, слишком поздно — они уже нанесли смертельный удар по христианству. Если бы он видел евреев тогда! Если бы он видел их в юности! Тогда он не напал бы на католичество, но напал бы на евреев, которые стояли за католичеством и извращали его… Вместо огульного осуждения всей церкви Лютер в своих зажигательных речах напал бы тогда на истинных виновников зла. Вместо воспевания Ветхого Завета он заклеймил бы его как инструмент Антихриста! И еврей — еврей тогда был бы выставлен во всей его отвратительной наготе, как вечное предупреждение. Еврея бы тогда вышвырнули из Церкви, из общества, из дворцов принцев, из замков рыцарей и из домов граждан. Потому что Лютер имел силу, мужество и преобладающую волю. Тогда Церковь никогда бы не раскололась, и никогда бы не началась ужасная Тридцатилетняя война, в которой пролились реки крови миллионов христиан, в соответствии с желанием евреев».

Правда, соглашаются оба, хуже Ветхого Завета только Талмуд, потому евреи и не любят открывать эту книгу для гоев. Там все расписано, как следует с гоями поступать. Самое печальное, что гои толерантны к иудаистам, а иудаисты гоев ненавидят. Они живут среди них, но гои для них всегда остаются гоями. Последние революции это показали. Еще Достоевский спрашивал, что будет с Россией, когда евреи возьмут в ней власть. И теперь ясно, что сделали евреи, взяв власть. Затем они попробовали сделать то же самое в Германии, только не получилось. И самое забавное, добавил Гитлер, что наивные немецкие рабочие «пытаются с помощью еврея избавиться от тех зол, источником которых является сам же еврей».

Вывод, который сделали оба из столь продуктивной беседы, был таков: «Если еврея не остановить, то он уничтожит всех людей». Экхарт не успел дожить до прихода к власти партии НСДАП, он попал в короткое заключение после мюнхенского «пивного путча» (пивным он был назван потому, что сторонники Гитлера собирались в пивной), там заболел и умер в 1923 году. Но беседа эта не прошла бесследно для Гитлера. В том же 1923 году он уже четко представлял себе, чего его партия должна добиваться и как будет выглядеть государство, которое он построит.

«Задача государства заключается в том, чтобы, начиная с крохотного муниципалитета и кончая высшими органами страны, создать такую организацию, которая полностью обеспечивает торжество принципа личности.

У нас не будет никаких решений по большинству голосов, а будут только ответственные личности. Слову „совет" мы опять вернем его старое значение. Конечно, у каждого деятеля должны быть свои советчики, но решать он должен сам один.

Мы должны перенести в сферу государственной жизни тот основной принцип, на котором в свое время была построена вся прусская армия и благодаря которому эта армия сумела стать изумительным инструментом всего немецкого народа: власть каждого вождя сверху вниз и ответственность перед вождем снизу вверх.

Это не значит, что тогда мы сможем совершенно обойтись без тех корпораций, которые ныне называются парламентами. Но члены этих корпораций станут действительно советчиками. Пусть они дают советы, ответственность же будет нести только одно определенное лицо, и вместе с тем только оно будет иметь власть и право приказывать.

Сами по себе парламенты необходимы, ибо, прежде всего, здесь люди будут постепенно расти, и таким образом будет создаваться круг деятелей, на которых впоследствии можно будет возлагать особенно ответственные задачи.

Таким образом, наше государство будет выглядеть так. Начиная с общины и кончая главными руководящими органами государства, нигде не будет представительных органов, которые что бы то ни было решали бы по принципу большинства. Будут только совещательные органы, имеющие задачей помогать данному избранному вождю, который и ставит людей на соответствующие посты. В соответствующей области каждый данный деятель несет определенную ответственность совершенно так же, как за свои действия отвечает вождь более крупного масштаба или председатель соответствующей корпорации. Наше государство принципиально не будет допускать того, чтобы по специальным вопросам, скажем по вопросам хозяйственным, испрашивалось мнение людей, которые по роду своей деятельности и образования ничего в этом деле не могут понимать. Вот почему мы свои представительные органы с самого начала разделим на 1) политические палаты и 2) профессиональные сословные палаты.

Чтобы сделать возможным плодотворное сотрудничество обоих учреждений, над нами будет поставлен специальный сенат людей избранных.

Ни в палатах, ни в сенате никогда не будет никаких голосований. У нас будут только работающие учреждения, но не голосующие машины. Каждый член учреждения имеет только совещательный голос, но не решающий. Решает только соответствующий председатель, несущий и ответственность.

Только при неуклонном применении в жизнь этого сочетания абсолютной ответственности с абсолютной властью мы постепенно создадим такую отборную корпорацию вождей, о которой сейчас в эпоху безответственного парламентаризма не приходится и мечтать».

Это совершенно четкий план создания тоталитарного государства. Правда, есть один нюанс, который стремятся не замечать. Принцип абсолютной власти в целом не исключает плюрализма. Гитлер, имея полное право запретить обмен мнениями, этого не сделал. Напротив, хотя его Рейх жил согласно партийной идеологии, внутри самой партии имелись весьма разные течения. Такого единомыслия, как в ВКП(б), не было. Сталин все свел к партийной диктатуре, Гитлер — будучи диктатором не меньше Сталина — принцип личности поставил на первый план. Меньшинство имело возможность высказываться. Конечно, если оно не высказывалось в коммунистическом духе или не подозревалось в еврейском заговоре. Тут речь о принципе личности среди арийского народа. Но до 1933 года план государственного устройства был далеким проектом, перед НСДАП стояли задачи первоочередные.

Какое там государство! Сначала нужно было нарастить силы, обрести сторонников, смять коммунистическую оппозицию и добиться того, чтобы партию поддержала вся Германия. Гитлер знал, что путь это долгий и трудный. И пока что перед ним стояла простая задача: организовать внутри партии отряды, способные защищать национал-социалистов на их собраниях. Уже много раз было, что на собрания приходят провокаторы из коммунистов и начинают потасовки. Тут Гитлер выбрал самый простой и радикальный путь. Из числа физически развитых партийцев он создал боевые отрады. «Чтобы наши штурмовые отряды не превращались в тайные организации, мы сразу же ввели определенную форму одежды, по которой каждый мог узнать члена нашего отряда. А затем и сами размеры отрядов должны были указывать каждому и всякому на то, что дело идет отнюдь не о тайных организациях. Наши штурмовые отряды не должны были прятаться в подполье, а должны были маршировать под открытым небом. Уже одно это должно было сразу положить конец всяким легендам о „тайной организации‟. Членов наших штурмовых отрядов мы, прежде всего, воспитывали в полной идейной преданности великим целям движения. Мы ставили себе задачей расширить горизонт каждого штурмовика настолько, чтобы любой из них понимал ту великую миссию, которая лежит на нем. Каждому рядовому штурмовику мы помогали усвоить понимание того, что нашей задачей является создание нового национал-социалистического государства. Поняв все это, наш штурмовик конечно уже не мог видеть свою задачу в том, чтобы убрать с дороги того или другого мелкого или даже более крупного мошенника. И таким образом отпадала

опасность, что наши штурмовики станут соблазняться мелкой конспирацией и искать удовлетворения своему активизму в отдельных покушениях».

Гитлеру нравились его штурмовые отряды, он говорил о них с восхищением: «На каждого нарушителя порядка на наших собраниях наши отряды налетали как стая хищных птиц. Они совершенно не считались с количеством противников. Пусть врагов в зале было в десять раз больше, пусть их ранили, пусть убивали — все равно, каждый из этих молодых людей знал, что он выполняет великую священную миссию, что на нем лежит дело защиты нашего великого движения. Уже к концу лета 1920 г. организация этих наших отрядов приняла определенные формы. Весною 1921 г. мы стали формировать из них сотни, которые в свою очередь подразделялись на более мелкие единицы. Это стало совершенно необходимо, ибо тем временем собрания наши стали все больше и больше разрастаться. Все чаще и чаще приходилось нам прибегать к самым большим залам в Мюнхене. В течение осени и зимы 1920–1921 гг. в самых больших помещениях в Мюнхене сплошь и рядом собиралась именно наша аудитория.

Массовые собрания, устраиваемые германской национал-социалистической рабочей партией, все время были настолько переполнены, что каждый раз полиция закрывала двери и объявляла, что зал больше не может вместить ни одного человека».

В том же 1923 году из среды штурмовиков были сформированы и особые отряды — назывались они *штабсвахе,* или в переводе на русский — охрана штаба. Эти гвардейцы, чтобы отличаться от большинства штурмовиков, разработали для себя особую форму одежды — серо-зеленые мундиры (которые у всех остались после пребывания на фронтах Первой мировой войны), ветровки защитного цвета и черные лыжные кепки. На кепках была изображена особая эмблема — мертвая голова из серебристого металла. На рукаве они тоже носили повязку, только свастика в белом круге на алом фоне была обшита вокруг черной каймой. Правда, штабсвахе просуществовали недолго. Их руководитель, Эрхардт, с Гитлером рассорился и своих людей отозвал. Гитлер создал на месте этих охранных отрядов свою структуру — *штросструпп* — ударный отряд, который носил его имя «Адольф Гитлер».

Гитлер понимал, что для достижения власти и контроля за соблюдением всех правил внутри партии нужна особая сила: «Я сказал себе тогда, что мне необходима такая личная охрана, которая, будь она даже и немногочисленной, должна быть мне безоговорочно преданной, чтобы охранники, если потребуется, были готовы пойти за меня даже против собственных братьев. Лучше иметь всего 20 человек, при условии, разумеется, что на них можно полностью положиться, чем бесполезную толпу», — вспоминал он спустя годы.

Гитлер в камере крепости Ландсберг после неудавшегося «пивного путча» в 1923 году. Здесь он писал «Mein Kampf»

Эти штурмовые отряды принимали участие и в очень неудачной попытке взять власть в 1923 году. Попытка провалилась, а Гитлер и Гесс после открытого суда оказались в тюрьме. Если до этого времени имя Гитлера мало кому было известно, то суд сделал свое дело. Противники национал-социалистов собирались устроить показательный процесс, чтобы навсегда свести партию с политической сцены. Однако все оказалось намного сложнее. Гитлер сумел использовать суд для распространения идей своей партии! Себя на этом суде он защищал собственными силами. Само собой, журналисты печатали материалы суда, и высказывания Гитлера пс тому или иному вопросу стали известны всем, кто не поленился купить очередную газету. В отличие от малотиражного собственного издания «Фелькишер беобахтер» газеты имели многотысячную аудиторию.

Гитлер хорошо понимал, что с помощью свободы прессы ему удастся гораздо быстрее ознакомить массы со своими мыслями, чем если бы он оставался на воле. Суд стал той самой, долгожданной, трибуной, с которой будущий фюрер наконец-то смог обратиться к немецкой нации. Организаторы этого суда не понимали, что собственными руками дают Гитлеру тот счастливый шанс, о котором он прежде не мог и помыслить! И Гитлер свой шанс использовал полностью. Он не только расширил аудиторию, он еще и обрел нимб мученика. Ведь для простых граждан Веймарской республики судили патриота, а в покалеченной версальским договором Германии каждый немец, прошедший войну, считал себя патриотом.

«Тот факт, что немцы послушно следовали за Гитлером, — объяснял этот казус Гудериан много лет спустя, — имел тоже свои причины; эти причины были созданы в первую очередь ошибочной политикой, которую проводили державы-победительницы после Первой мировой войны. Эта политика и создавала предпосылки, питательную среду, на которой смогло взойти семя национал-социализма, приведшее к безработице, тяжелым налогам, унизительным передачам части территорий страны другим государствам, потере свободы, отсутствию равенства и военной беспомощности. Пренебрежение четырнадцатью пунктами президента Вильсона во время заключения Версальского договора со стороны стран-победительниц в Первой мировой войне подорвало у немцев доверие к великим державам. Стало быть, человек, который обещал народу освободить его от цепей Версаля, играл в сравнительно легкую игру,

тем более что формально существовавшая Веймарская демократия, несмотря на честные стремления, не могла добиться каких-либо крупных внешнеполитических успехов и не в состоянии была преодолеть внутренние трудности в стране».

Человек, посмевший публично заявить о своем отношении к версальским соглашениям и сесть за это (так было для немецкого народа) в тюрьму, не мог не вызвать хотя бы интереса. Очевидно, настроения в поддержку «пострадавшего за Версаль» были так велики, что в заключении Гитлер пребывал совсем недолго, да и заключение было использовано им тоже во благо: Гитлер учился. Благо у него оказался достойный сотоварищ — Рудольф Гесс. Тот открывал книги, о которых Гитлер и представления не имел. И из тюрьмы Гитлер вышел несколько иным человеком, нежели тот, что в нее попал. Он это прекрасно и сам понимал.

Сделал ли Гитлер сам себя, или за этим стояли какие-то силы? Силы, в плане людей, решивших использовать бывшего фронтовика, конечно, хватало. Многие, с кем ему приходилось в эти первые годы сталкиваться, так или иначе желали его использовать. Одни — для развала оппозиции, другие — для достижения собственного благополучия. Умерший от болезни Дитрих Экхарт, специально заводивший с Гитлером беседы по поводу еврейства и прочим актуальным вопросам, надеялся, что оттачивает убеждения Гитлера. Недаром за пару дней до смерти он записал в своем дневнике: «Следуйте за Гитлером! Он будет танцевать, но это я, кто нашел для него музыку. Я посвятил его в „Тайную Доктрину‟, дал средства общаться с Высшими Силами. Мы снабдили его средствами связи с Ними. Не скорбите по мне: я повлиял на историю больше, чем любой другой немец».

Конечно, Экхарт вполне мог верить, что дал Гитлеру тайное знание (он был тоже другом Гесса и Хаусхофера), даже и Гитлер мог думать, что Экхарт приобщил его к тайнам. Алистер Кроули, тот и вообще был убежден, что «…они взяли его с улицы, обучили ораторскому искусству, риторике, стратегии и благодаря действию тщательно выверенных доз мескалина вывели его на личного демона», а «…до этого он был неотесанным, заикающимся австрийским идиотом, дешевым богемным художником и извращенцем». Откуда Кроули взял последнее, по поводу извращенца, никому не ведомо. Впрочем, про мескалин — это навряд ли правда. Остается только верное направление мыслей, обучение. Тюрьма как раз и была тем местом, где много времени для чтения и бесед, много времени для обдумывания своей будущей жизни.

По большому счету, все эти люди, говорившие, будто они сделали Гитлера, ошибались. Гитлер, конечно, с удовольствием открывал для себя новое, но единственное, что они сделали, — они убедили Гитлера, что тот способен достичь задуманного. До этого партийца одолевали сомнения. Теперь сомнения исчезли. Он твердо знал, что будет делать, как будет делать и самое главное — что никто не сможет преградить ему дорогу.

Мистически настроенные соратники, породившее их общество «Туле», играя на вере Гитлера в то, что он избранный, мессия немецкого народа, дали ему ощущение непобедимости. Конечно, среди этих мистиков были вполне разумные люди, которые желали использовать убежденность молодого вождя в непогрешимости, чтобы на его убежденности самим достичь власти. Они-то понимали, что многим фигура этого нового вождя кажется смешной. Но «маленький смешной человечек», похожий на Чарли Чаплина, персонаж комедии, вовсе оказался не таким смешным и не таким доверчивым. Он позволял этим мистикам «управлять» собой, и это было несложно — всех их, и будущего фюрера в том числе, влекли одинаковые идеи. Но управлять Гитлером — это все равно что управлять ветром. Гитлер только делал вид, что им управляют, он был упрям и своеволен, но пока власть только маячила на горизонте, он не рисковал открыто проявлять это своеволие. Да и особых поводов к тому не было: мистики и сами поверили, что нашли подходящего мессию. Относительно будущего государства у них были собственные планы, и в отличие от самого Гитлера эти захребетники фюрера желали его власти не только ради великой Германии. Власть давала положение и деньги.

Гитлер думал иначе. Богатство никогда его не интересовало, напротив, богатство он еще в юности связал с одним нехорошим народом. Гитлер, конечно, не был сторонником равенства,

относя эту идею к еврейским, точнее, он стоял за достойную жизнь для одного только народа — для людей с арийской кровью, для немецкой нации, и его партия была рабочей более по наименованию, первые ее члены чаще происходили не из рабочей, а из мелкобуржуазной среды. Эго была весьма разношерстная компания. Как писал Гудериан, искать особенности характера Гитлера нужно в его происхождении: «Перед нами — человек из народа, выходец из мелкобуржуазной семьи, получивший небольшое школьное образование и недостаточное домашнее воспитание, человек, который со своим грубым языком и грубыми нравами чувствует себя на месте лишь в узком кругу своих земляков. Вначале он без предубеждения относился к высшим, культурным кругам общества, особенно во время бесед об искусстве, музыке и на другие подобные темы. Только позднее некоторые лица, составлявшие ближайшее окружение Гитлера и сами не отличавшиеся высокой культурой, сознательно вызывали у фюрера чувство глубокой антипатии к этим кругам. Эти люди стремились противопоставить Гитлера интеллигентным людям и людям высокого происхождения и исключить возможность их влияния на фюрера».

Не стоит все сваливать на неотесанных соратников. Антипатия Гитлера к «высоколобым» или кичащимся своим происхождением была больше связана с его подозрением, что кровь этих граждан разбавлена иной, неарийской, потому как идеи, которые они высказывали, были слишком «общечеловеческими», а знатность и богатство ассоциировались у вождя нации с примесью жидовства. Да и не было у них личных заслуг, то есть того, что ценил Гитлер, — безоглядной веры в будущее страны, храбрости, готовности умереть за Германию и расовую идею, они были для этого либо слишком прагматичны, либо слишком опасливы — то есть готовы идти на компромиссы. Это слово Гитлер ненавидел, сам он никогда не соглашался на компромиссы, а если на словах на них и шел, то это был всего лишь обманный маневр, чтобы потом, получив желаемое, уничтожить тех, кто заставил его это сделать. Гудериан в таком неприятии трезвых немецких голов видел только последствия трудного детства и столь же трудной юности: это и породило якобы «его все увеличивающуюся неприязнь к князьям и дворянам, ученым и юнкерам, чиновникам и офицерам».

На самом деле Гитлер считал себя мессией, который должен восстановить справедливость, а в первую очередь ее можно восстановить, если дать обездоленным право на достойную жизнь. Среди этих обездоленных он как раз и видел всех тех, кто не был князьями и дворянами, учеными и юнкерами, чиновниками и офицерами. Это были простые немцы, ничего, по сути, не имеющие и все отдающие для величия Германии, их-то он и называл чистыми сердцем. Ведь и Христос, которого он считал арийским революционером, искал понимания не у высшего слоя (пусть — еврейского), а у тех, кто был нищим и угнетенным этим слоем, только им он отводил чистоту помыслов и сравнивал их с детьми, чистыми душами, еще не обученными лжи и лицемерию. Не удивительно, что и поверили ему первыми не высшие слои, а «чистые души», то есть выходцы из низов общества. Он желал вести их к победе, и именно им он собирался дать государство, в котором невозможен еврейский паразитизм. Постепенно сторонников у Гитлера становилось все больше, а партия, которая номинировала себя как рабочая, все больше становилась национал-социалистической. Вокруг Гитлера образовалось ядро единомышленников, которые никогда не стали его близкими друзьями, но они искренне любили своего Гитлера. Для него они были необходимыми исполнителями, для них он был тем вождем, за которым они желали идти.

Они за ним и пошли.

Секретарь Гитлера Рудольф Гесс

Одним из первых рядом с Гитлером оказался Рудольф Гесс.

Гесс был странным и мистически настроенным молодым человеком. Гесс не просто любил Гитлера, он Гитлера боготворил. Говоря о характере этой всепоглощающей страсти, исследователь жизни Гесса Падфельд нашел такие слова: «Какие бы недостатки он в нем ни видел и как бы здравомыслящая, чувствительная и нежная сторона его души ни страдала от

мерзостей, приписываемых его идолу, он, как женщина, знающая, что ее мужчина виновен, все же, несмотря на все это, продолжает любить его, так и Гесс любил Гитлера». Недаром практически до своего странного полета к англичанам Гесс исполнял при Гитлере функции секретаря и его называли не иначе чем «совесть нации». Гесс оберегал своего Гитлера от травмирующих и ненужных тому контактов, заботился о нем нежно и преданно, именно он старался свести Гитлера с нужными людьми и убедил, что брать деньги от богатых на нужды партии хорошо и в этом нет никакого предательства простого народа.

Гитлер в плане финансовых поисков был консервативен, в больших деньгах он сразу видел скрягу-еврея, перебирающего хищными скрюченными лапками золотые монеты. Сам бы он и пальцем о палец не ударил, чтобы вести дипломатические переговоры или хуже того — унижаться перед сильными мира сего. Гитлер умел только сражаться. Гесс умел договариваться.

Благодаря Рудольфу Гессу созданная Гитлером партия впервые получила внушительный взнос и начала развиваться

Как пишет Падфельд, «…до сих пор окружена тайной точная сумма денежных средств, пожертвованных партии. Лишь несколько моментов не вызывают сомнений: пробные шаги сделал Гесс, считавший, что его первостепенный долг состоит в том, чтобы служить связующим звеном между образованными кругами и движением масс.

Осенью 1928 года он обратился к Эмилю Кирдорфу с просьбой оказать партии финансовую помощь, чтобы сменить тесные помещения на Шеллингсштрассе, которые она делила с „Фолькишер Беобахтер", на более подобающую для националистического движения штаб-квартиру в центре. Кирдорф познакомил его с Фрицем Тиссеном, председателем крупнейшего в Германии стального треста и одним из богатейших людей страны.

Революционный террор, развязанный в стране после войны, Тиссен испытал на собственной шкуре. Признанный „капиталистической свиньей‟ и предателем, он был арестован „красным отрядом‟ и едва не погиб. Память о тех днях и серии мятежей, вспыхивавших после подавления путча Каппа и французской оккупации Рура, оставила неизгладимый след; Гитлер со своим антибольшевистским призывом затрагивал глубоко личные переживания. Должно быть, Гесс искусно преподнес дело, так как Тиссен согласился на изрядную ссуду; о размере долга и об условиях его возврата (которые все равно не были соблюдены) секретарь фюрера не обмолвился ни словом. На партийный счет легла сумма более 1 000 000 марок, а Гесс из своих крошечных апартаментов вскоре переехал в просторную девятикомнатную квартиру в модном районе на Принцрегентштрассе. Одновременно для партии он приобрел дворец на не менее престижной Бриннерштрассе.

О величине пожертвования, добытого Гессом, можно судить по трансформации этого элегантного трехэтажного особняка в современное пышное здание, ставшее штаб-квартирой партии и символом национал-социализма. Переоборудование проходило под непосредственным руководством Гитлера. Все, начиная с бронзовых штандартов партии снаружи и кончая „пивным подвалом‟ — столовой, облицованной деревянными панелями, носило печать дорогих материалов, ручной работы и богатства.

Прозванный по цвету партийной униформы „Коричневым домом‟, дворец стал материальным свидетельством невиданной веры Гитлера в свою судьбу; особенно ярко это было видно на примере большого „сенаторского‟ зала, расположенного на втором этаже. Попасть туда можно было по большой парадной лестнице, поднимавшейся из вестибюля. По бокам входа висели мраморные дощечки с именами нацистов, павших во имя дела движения. Рядом располагалась собственная комната Гитлера. Внутри стены зала были отделаны панелями из орехового дерева с завитыми прожилками; пол устилал высоковорсный ковер с вытканными свастиками, но главное внимание привлекали кресла, обтянутые ярко-красной кожей, для „лидеров‟, окруженные еще 42 — для „сенаторов‟.

Такое сочетание не могло не напомнить содержание письма Гесса из Ландсберга, где он описывал план Гитлера о совместном рассмотрении законопроектов сенатом и главой государства. Над занимавшим центральное место красным креслом фюрера красовалось мозаичное изображение золотого орла на ярко-красном фоне с важными для партийной истории датами, помещенными ниже.

„Приемные залы, включая комнату фюрера, настолько восхитительны, — писал Гесс родителям, — что там не грех принимать представителей иностранных государств‟. Его собственная комната, „очень милая, светлая и просторная‟ с окном, выходящим на Бриннерштрассе, находилась рядом с кабинетом Гитлера; напротив размещался его офис, где работали „начальник конторы‟ и две машинистки, правда, слово „офис‟ он официально не использовал; даже в тесном помещении старой штаб-квартиры на Шеллингсштрассе его бумаги адресовались в канцелярию Адольфа Гитлера. По совпадению или по пророческому предвидению Тиссена и других промышленников, способствовавших созданию Коричневого дома в не меньшей степени, чем Гесс и Гитлер, оборудование штаб-квартиры нацистов было завершено как раз к тому моменту, когда партия начала выходить из политического небытия. Но если уж быть совсем точным, то днем официального открытия здания считается 1 января 1931 года».

Так что, сами понимаете, без Гесса партия прозябала бы в нищете и это стало бы тормозом для привлечения в нее новых членов. Все годы рядом с Гитлером Гесс делал все, чтобы Гитлеру и партии было хорошо. Он твердо знал, чего достоин Гитлер. По сути, это был вернейший среди верных. Преданность его не знала границ.

Эта преданность Гитлеру на Нюрнбергском процессе вылилась в такие строки обвинительного приговора: «Обвиняемый Гесс в период с 1921 по 1941 год был членом нацистской партии, заместителем фюрера, имперским министром без портфеля, членом

рейхстага, членом совета министров по обороне государства, членом тайного совета, назначенным преемником фюрера после обвиняемого Геринга, генералом войск СС и генералом войск СА. Обвиняемый Гесс использовал вышеуказанные посты, свое личное влияние и тесную связь с фюрером таким образом, что он способствовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией, он содействовал военной, экономической и психологической подготовке к войне, он участвовал в политическом планировании и подготовке к агрессивным войнам и войнам, нарушающим международные договоры, соглашения и заверения, он участвовал в подготовке и составлении планов нацистских заговорщиков по вопросам внешней политики, он санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях и в преступлениях против человечности, включая многочисленные преступления против отдельных лиц и собственности».

На этом процессе на вопрос, признает ли Гесс себя виновным в предъявленных обвинениях, Гесс ответил «нет» и добавил, что признает себя виновным только перед лицом Бога. Гесс совершенно искренне верил, что фюрер «был послан божественным Провидением, чтобы вернуть Германии духовное и материальное величие. Кроме того, он безоговорочно верил в победу партии над международным заговором евреев, масонов, католической Церкви, имеющим цель разрушить мир посредством большевизма, демократии и либерализма, и в превосходство нордической расы». Именно Гессу принадлежит честь привлечения в партию новых и важных членов. Благодаря Гессу среди таковых оказался и Генрих Гиммлер, собственно говоря, именно Гесс порекомендовал фюреру этого тоже странного и весьма мистически настроенного молодого человека. И первое время Гиммлер «ходил под рукой» Гесса. «С Гессом его роднил пылкий идеализм и преданность фюреру, — пишет Падфельд, — но, в отличие от Гесса, Гиммлер был более практичным и коварным политическим зверем с более хорошо подвешенным языком и стремлением проталкиваться к вершине власти, в то время как Гессу это претило». Да, Гесс был неподкупен и совершенно предан своему вождю!

Все это время, до прихода Гитлера к власти, Гесс занимался своего рода подбором кадров. «Гесс и Гиммлер, — поясняет Падфельд, — выступали скорее как фанатичные приверженцы Гитлера, чем агенты той или иной финансово-промышленной группировки, и могли любую из них заверить в том, что при поддержке СС восторжествует не воля Штрассера или Рема, а воля фюрера. Это дает ключ к пониманию того, почему именно Гесс и Гиммлер, а не Геринг, Штрассер, Рем, Геббельс или другие ведущие фигуры нацизма сыграли главную роль в поисках компромисса между влиятельными группировками.

…Для решения внутренних проблем Гесс создал отделы: государственного права, искусства и культуры, печати под руководством своего адъютанта, Альфреда Лейтгена, образования, еще один для высших учебных заведений, по занятости, финансам и налоговой политике, по „всем вопросам технологии и организации‟ под началом доктора Фрица Тодта в Берлине так называемую организацию Тодта, прославившуюся строительством автострад и монументальных оборонных комплексов и протянувшую щупальца во все сферы германской промышленности. Еще один отдел „по практическому решению технических вопросов‟ был создан под руководством Тео Кронейсса, директора самолетостроительной компании „Мессершмитт‟, которого Гесс знал со времен службы в летных частях в годы Первой мировой войны; а еще он открыл важный департамент народного здравоохранения с двумя вспомогательными службами „по расовой политике‟ и „по исследованию родства‟, функция которой состояла в выявлении еврейской крови. К 1939 году подобных отделов насчитывалось более 20, наиболее важным из которых был Verbindungsstab, Центр связи и разведки, на Вильгельмштрассе, 64, в Берлине. На должность начальника по кадрам для управления всей этой огромной империей он назначил наиболее работоспособного и делового „мастера‟, Мартина Бормана.

С другой стороны, в партии у него тоже имелись соперники с собственными империями, мечтавшие распространить свое влияние на эти же сферы. Главным среди них был Роберт Лей,

глава таких двух образований, как „Трудовой фронт", после роспуска профсоюзов якобы представлявший интересы трудового немецкого пролетариата, и „Политическая организация", поглотившая и расширившая административную структуру Грегора Штрассера. Еще одним, хотя менее серьезным, конкурентом был партийный идеолог Альфред Розенберг. Его влияние за это время заметно ослабло, однако он отвечал за „все интеллектуальное развитие и идеологическое образование и подготовку партии и всех дочерних структур". Кроме того, в его подчинении находилась еще одна внешнеполитическая организация, называвшаяся отделом внешней политики, напрямую конкурировавшая с „бюро Риббентропа" и „Иностранной организацией" Боля, и цель у него была похожей — культивировать отношения с Великобританией. Другие крупные партийные фигуры тоже имели государственные портфели: Геринг, Геббельс и собственный протеже Гесса, Гиммлер, ставший теперь рейхсфюрером СС и главой политической разведки и начавший возведение в государстве собственного секретного государства».

Естественно, Гесс разделял все идеи национал-социализма — и ведущую идею арийского господства, и идею создания великого Рейха, и решение еврейского вопроса. Тут не стоит рисовать Гесса защитником евреев и предполагать, что Гесс был противником уничтожения евреев. Нет, он так же, как и фюрер, видел в них мировое зло, которое должно быть уничтожено. Но для него было не менее важным уничтожить вредоносные еврейские идеи, поскольку он воспринимал миссию Гитлера как миссию лидера сил Света против сил Тьмы. Тьма — это не только Советский Союз, но и вообще все, что мешает арийской расе достичь своей божественной цели — создания справедливого государства, где больше не останется ни одного еврея. Конечно, Гесс замечал, что зацикленность Гитлера на борьбе с еврейством становится своего рода манией, приводит к психосоматическим расстройствам, но тут уж он ничего поделать не мог — только бережно относиться к своему кумиру и всячески оберегать.

Сам Гесс безудержно увлекался, по словам того же Падфельда, «…астрологией и всевозможными формами парамедицины, народными целителями, гипнотизерами, чародеями и диетологами. По словам Ханфштенгля, доходило до того, что он не мог отправиться в постель, не проверив с помощью лозы направление подземных вод. Несомненно, он преувеличивал, но Гесс и в самом деле страдал от бессонницы; он упоминал о ней, по меньшей мере, в одной речи, и его секретарша, Хильдегард Фат, рассказывала, как Гесс опробовал рекомендованное ему средство: лечь спать в пять часов вечера и встать для прогулки ранним утром.

Его интерес к народной медицине имел и положительную сторону. Германия традиционно славилась своими целителями, ратовавшими за жизнь на природе, естественные продукты и полный отход от городских привычек, что было созвучно положениям нацистского мировоззрения, призывавшим к возврату к простой жизни в непосредственной близости от природы, какой жили их германские предки. Гиммлер разделял увлечение Гесса народной медициной, собирал старинные народные рецепты и выращивал травы на обширных плантациях, обрабатываемых заключенными концентрационных лагерей; Гитлер принимал таблетки, приготовленные из фекалий болгарских крестьян.

„Естественная" медицина не противоречила мистической биологической сути нацистского мировоззрения, в свете которого история предопределялась течением естественных биологических и расовых законов. Партийный отдел Гесса по народному здравоохранению, руководимый Герхардом Вагнером и занимавшийся сохранением генетического здоровья народа с помощью законов стерилизации, также стремился найти применение „естественной" медицине отдельно или в сочетании с традиционными методами и создать на этой основе действительно национал-социалистическую форму медицины. Вагнер был таким же энтузиастом, как и Гесс, но в борьбе против организованной оппозиции врачей, воспитанных в духе традиционной медицины, он вынужден был признать свое поражение».

Гесс был постоянен в своих привязанностях, трудно открывался навстречу людям, предпочитал только хорошо знакомое общество, друзей, которых у него было мало, не умел вести беседу, был очень скрытным, ранимым и осторожным человеком. Он редко смеялся, не курил, презирал алкоголь и просто не мог понять, как после поражения в войне молодые люди могут танцевать и веселиться, — вспоминала фрау Ильза Гесс. — Только в небе, где много света и все пространство открыто глазам, он становился другим человеком — сильным, смелым, уверенным в себе и бесконечно счастливым. Он был мечтателем и романтиком, поэтому на него откровения национал-социалистов подействовали очень серьезно, и это, конечно же, подтолкнуло его к занятиям магией. Ведь то, что говорилось в «Туле», не могло не возбудить любви и любопытства, и понемногу Гесс стал заниматься изучением тайных текстов, магической практикой.

Но каковы бы ни были мистические настроения Рудольфа Гесса, к Гитлеру он относился как к хрустальной вазе. Когда в 1941 году ему стало понятно, что политика Гитлера может обратиться против него, Гесс ужаснулся. Его кумир будет повержен. Это было невыносимо. Как хороший ученик Хаусхофера, Гесс знал, что только континентальная ось Берлин — Москва — Токио может дать его стране будущее. Он тоже не терпел большевиков, но последние события на востоке показывали, что вроде бы диктатор Сталин несколько одумался и стал уничтожать своих евреев. Война с улучшающимся Союзом ему не нравилась. Правда, тут Гесс, совершенно не посвященный в военные планы Гитлера, не возмущался, он верил, что Гитлер может знать нечто такое, что ему неизвестно, почему война станет неизбежностью. Его попытки убедить Гитлера в опасности такой войны успеха не дали. Гесс меньше, чем кто-либо вообще, желал войны. Он знал, что альтернативой войны всегда могут стать правильные дипломатические переговоры. Гесс совершенно не был кровожаден, даже напротив — кровь он ненавидел. Он насмотрелся немало кровавых сцен во время Первой мировой войны, поэтому насилие вызывало у него отвращение. Кровь вызывала у него физиологическое отвращение. А любая война — кровь. И самое печальное — в ней прольется не еврейская, а арийская кровь.

Хаусхофер радовался, когда Гитлер заключил пакт с Советским Союзом. Гесс Хаусхофера обожал. «Человек с интеллектуальной жилкой, генерал работал над созданием нового в университете факультета геополитики, на котором предполагалось изучать взаимосвязи между людьми и страной их проживания. Хаусхофера отличало необыкновенное обаяние; писал один из последних адъютантов Гесса, он обладал обворожительной манерой общения с людьми и незаурядным, доскональным пониманием человеческих отношений. Гесс был просто очарован этим человеком. Кроме широкого кругозора, феноменальной начитанности, эрудиции и высокоразвитой интуиции, столь отличавшей генерала от отца Гесса…»

Но Гитлер разом перечеркнул все надежды Хаусхофера: когда тому стали известны планы Гитлера, старый мистик был в ужасе. Гесс тоже испытывал это неприятное чувство. Он разрывался между верностью своему фюреру и любовью к своему учителю. В то же время он видел, что Гитлер от плана не отступится, хотя тоже понимает опасность ведения войны на два фронта. Он видел, что Гитлер безуспешно пытается достучаться до арийского духа англичан, но из этого тоже ничего не выходит. Гесс верил, видимо, что сможет стать вестником мира. Иначе его поступок — этот полет в никуда — объяснить никак невозможно.

Тем не менее, факт остается фактом: каковы бы ни были мысли Гесса, полет в Англию он совершил. На этом его связь с Германией навсегда прервалась. Он не участвовал ни в одном из злодеяний, в которых обвиняли военную машину, созданную фюрером. Однако на Нюрнбергском процессе этого странного миротворца обвинили во всех грехах Рейха. А ранее Гитлер обвинил его в предательстве (чего, конечно, Гесс по своей великой любви совершить не мог). Для него это было огромной неожиданностью. Подчиненные Гесса ровным счетом ничего не понимали. После известия, что Гесс исчез, в Бергхофе собрались все высшие чины Рейха.

«Сначала Борман зачитал им письма и бумаги, оставленные Гессом, — пишет Падфельд, — потом Гитлер прокомментировал их. Ганс Франк, не видевший его некоторое время, был шокирован его убитым видом. „Он говорил с нами очень тихим, запинающимся голосом, лучше всяких слов выражавшим овладевшую им депрессию". Полет он назвал безумием чистой воды. „Гесс, в первую очередь, дезертир, и если он когда-нибудь попадется мне в руки, я поступлю с ним как с обычным предателем. В остальном мне кажется, что этот шаг он совершил под влиянием астрологической клики, которой окружил себя. Таким образом, настало время провести радикальную чистку и освободиться от этого астрологического мусора"». Думается, это высказывание Гитлера должно показать, насколько сам он верил в «астрологический мусор», то есть насколько был мистиком.

Вера в предназначение и мессианство — да.

А вот полный уезд в мистику — нет.

Но Гесс — верил.

Даже дата его необъяснимой эскапады в Англию была неслучайной.

«Знаменательно то, — пишет Падфельд, — что 10 мая луна находилась в почти полной фазе (что давало явные преимущества для ночной навигации), к тому же в созвездии Тельца находилось шесть планет. Какое значение это могло иметь для Гесса, невозможно сказать без писем, оставленных им для Гитлера, Ильзе и Карла Хаусхофера». Впрочем, Падфельд тут же противоречит самому себе: «Но в последующих его записях ничто не говорит об астрологической подоплеке выбора даты полета. Только подпорченные страницы дневников Геббельса и основанные на слухах показания тех, кто присутствовал в Бергхофе и слушал чтение Борманом писем Гесса и опустошительные комментарии Гитлера. В партии Гесса знали как чудака, помешанного на астрологии, гомеопатии и прочих методах нетрадиционной медицины. Не исключена возможность, что, основываясь на этом, Гитлер, Геббельс и Борман представили его чокнутым и возложили ответственность за случившееся на астрологов, якобы отправивших его в Британию. Под влиянием этого многие астрологи и ясновидцы были арестованы, но сколько времени содержались они в заключении или концентрационных лагерях, неизвестно. В Бергхоф одновременно с Альбрехтом Хаусхофером был доставлен лишь один из них — швейцарский астролог Карл Краффт. Официальное объяснение, данное рейхсляйтерам и гауляйтерам в Бергхофе и несколько позже Генеральному штабу, сводилось к тому, что из-за британских устремлений Гесс находился в состоянии стресса. Он очень переживал из-за того, что два нордических народа рвут друг друга на части; он хотел быть боевым летчиком, но вторично получил отказ».

Очевидно, что объяснение Генеральному штабу гораздо разумнее «астрологического мусора»: Гесс, действительно, переживал из-за нарушения законов геополитики своего учителя и из-за несогласия между немцами и англичанами, и — зная воззрения Гесса — он мог видеть в этом несогласии только одну причину — тайные козни мирового еврейства. Ведь говорил же его любимый фюрер, что английская кровь из-за особенностей английской истории оказалась сильно разбавлена еврейским элементом!

Гитлер боялся только одного: что Гесс проболтается о немецких тайнах. Единственное, что внушало Гитлеру оптимизм: Гесс просто не знал важных тайн, он по роду своих занятий был привлечен к другой деятельности — доносил идеи Гитлера до масс. Эти идеи Гитлер никогда ни от кого и не скрывал, а реальные тайны для Гесса были такими же секретами, как и для всех непосвященных. До конца жизни он, видимо, считал, что Гитлер не имеет отношения ни к развязыванию войны, ни к убийствам людей — все это придумали союзники, чтобы провести показательный процесс, ничем не отличающийся от советских показательных процессов 1936–1938 годов.

Для себя весь ход процесса он предсказал заранее, о чем не забыл упомянуть в заключительной речи: «Некоторые из моих товарищей, присутствующих здесь, могут

подтвердить, что в начале судебного разбирательства я предсказал следующее: первое, что появятся свидетели, которые под присягой дадут ложные показания, создав при этом наиблагоприятнейшее впечатление и сохранив честнейшую из репутаций. Второе, что следует принять во внимание, что суд получит показания, данные под присягой, содержащие ложные сведения. Третье, что некоторые из немецких свидетелей вызовут у подзащитных удивление и недоумение. Четвертое, что некоторые из подзащитных будут вести себя весьма странно; делать бесстыдные заявления в адрес фюрера; обвинять в преступлениях собственный народ; обвинять друг друга…»

Своих обвинителей он прямо обвинил в использовании запрещенных методов ведения следствия, применении специальных препаратов, которые и вынудили людей себя оклеветать: «Последний момент имеет огромное значение в связи с деятельностью персонала немецких концентрационных лагерей, не поддающейся иначе никакому иному объяснению. Сюда же следует отнести ученых и врачей, выполнявших на заключенных эти ужасные и жестокие эксперименты. На такие действия нормальные люди не способны, тем более врачи и ученые…»

Нет, он так и не поверил, что с живых людей можно сдирать кожу, делать из нее абажуры и топить евреями крематорские печи. Гесс провел слишком много времени в английской тюрьме. Пожалуй, больше чем все, кто оказался рядом с ним на одной скамейке подсудимых, он был оторван от реальности. Вся практически мировая война прошла мимо Гесса. В виновность Гитлера он отказывался верить, впрочем — как и в виновность многих людей из его окружения. В конце дозволенной ему речи (которую пришлось союзникам прерывать, ибо Гесс никак не желал ее прекратить) он был предельно честен с судьями и тверд духом: «Много лет своей жизни я проработал под началом величайшего сына моего народа, рожденного впервые за тысячи лет его истории. Даже если бы это было в моей власти, я бы не захотел вычеркнуть этот период из своей памяти. Я счастлив, что выполнил свой долг перед народом — свой долг немца, национал-социалиста, верного последователя фюрера. Я ни о чем не сожалею. Если бы мне пришлось начинать все сначала, я бы сделал все то же самое. Даже если бы я знал, что в конце меня ждет смерть на погребальном костре. Что бы люди ни делали, в один прекрасный день я предстану перед судом Вечности и буду держать ответ перед Ним, и я знаю, что Он сочтет меня невинным». Очевидно, Гесс предполагал, что первая веревка на этом процессе сломает его шею. Гесс заблуждался. Суд приговорил его к пожизненному заключению. Из живых сподвижников фюрера, из его ближайших соратников на Нюрнбергском процессе был представлен только Геринг. Гиммлер и Геббельс к тому времени были уже мертвы. Один из них оказался предателем, второй продемонстрировал необычайную степень верности.

Предатель Генрих Гиммлер

Как уже упоминалось, Гиммлера ввел в круг будущего фюрера Рудольф Гесс. Его протеже был мистически настроенным молодым человеком из вполне интеллигентной семьи. Эта мистическая окраска его ума никого ничуть не тревожила — казалось, Гиммлер ничем от прочих не отличается, разве что исполнительнее прочих. Он вполне разделял все ведущие идеи партии, только вот верил в магию. Никому эта его вера не мешала. Гитлера так даже забавляло, насколько Генрих суеверен. Фюрер любил над ним подшучивать, впрочем, совершенно беззлобно.

Гесс сначала пристроил Гиммлера при себе, а потом Гитлер, желая хоть как-то вознаградить неутомимого партийного труженика, вверил ему личную охрану. Может быть, Гитлеру было неловко: остальные старые партийцы имели какие-то должности, а Гиммлер оставался на подхвате, хотя во время путча именно Гиммлер нес знамя партии. Гиммлер любил Адольфа и был готов за него умереть. Так что передача личной охраны Гиммлеру была, прежде всего, знаком особого расположения и доверия. Гиммлер никогда не жаловался, что его обходят другие, более предприимчивые. Он молча терпел. Терпел и ждал своего часа. И вот — дождался. Охранные отряды, которые получил Гиммлер, имели свою историю. Они возникли

из штроссструпп в 1925 году и получили название шутцштаффель (или СС), то есть охранный отряд, и руководителем эсэсовцев стал Шрек. Теперь форма выглядела так: коричневая рубашка (каковую носили все члена НСДАП) и черный галстук (этим СС отличались от остальных). На голове они носили черную фуражку с серебристой мертвой головой, о каковой один из эсэсовцев высказался так: «На наших черных фуражках мы носим черепа и кости в назидание нашим врагам и в знак готовности ценой собственной жизни защищать идеи нашего фюрера».

Сначала эсэсовцев было всего восемь человек, но Шрек развил такую бурную деятельность, что уже скоро такие отряды появились во всех региональных отделениях НСДАП. Как пишет исследователь истории СС Хене, «21 сентября 1925 года он разослал региональным отделениям НСДАП свой циркуляр № 1, в котором призвал организовывать отряды СС на местах. Партийным органам предлагалось формировать небольшие боеспособные элитные группы (командир и 10 подчиненных), только Берлину выделялась повышенная квота — 2 руководителя и 20 человек. Шрек внимательно следил за тем, чтобы в СС попадали только специально отобранные люди, соответствующие нацистскому представлению о сверхчеловеке. Набиралась в основном молодежь, то есть лица в возрасте от 23 до 35 лет. Новобранцы должны были обладать „отменным здоровьем и крепким телосложением". При поступлении им надлежало представить две рекомендации, а также полицейскую справку о проживании в течение последних 5 лет в данной местности. „Кандидатуры хронических пьяниц, слабаков, а также лиц, отягощенных иными пороками, — не рассматриваются", — гласили „Правила СС"».

Гитлер готовится освятить штандарты новых подразделений «кровавым знаменем», с которым партийцы шли на «пивной путч»

Оказалось, что созданные Гитлером отряды необычайно продуктивны в работе партии. Они не один раз спасали членов НСДАП от провокаций со стороны наиболее активных и непримиримых соперников — коммунистов.

Впрочем, Шреку не удалось долго руководить своими отрядами, скоро, весной 1926 года на родину вернулся прежний руководитель Берхтольдт, и он снова встал во главе охраны Гитлера. Именно в этом году фюрер прилюдно назвал отряды СС элитой партии, а летом того же года на Втором съезде НСДАП торжественно вручил Берхтольду самую священную реликвию — «знамя крови».

Это было то самое знамя, с которым члены НСДАП шли 9 ноября 1923 года, когда погибли 16 партийцев, возведенных теперь в ранг мучеников и героев. Знамя было обагрено их кровью. Священной кровью настоящих арийцев. Для Гитлера и других верных мистике немцев начала XX столетия это был своего рода священный Грааль революции. Правда, чтобы сохранить видимость взаимопонимания с высшими армейскими лидерами, от которых он слишком зависел, фюреру пришлось передать свои охранные отряды под начало армейского рейсхфюрера Пфеффера, но, чтобы передача не выглядела столь унизительно для эсэсовцев, их руководитель отныне тоже стал именоваться рейсхфюрером, только не СА, а СС.

Для самих эсэсовцев подчинение армейским чинам выглядело угнетающе. Но воспитанные в лучших традициях соблюдения правил, подчиненные жестокой дисциплине, они преодолели время подчинения, сопровождая колонны штурмовиков и в глубине души мечтая о будущем реванше. Этот час настал, когда в феврале 1929 года Гитлер вверил руководство молчаливой элитой партии Генриху Гиммлеру. Назначая Гиммлера (не без содействия Гесса), Гитлер не думал, что из эсэсовской элиты получится что-то путное. Он вовсе не предполагал, что Гиммлер будет способным как-то улучшить охрану, ему просто нужно было хоть куда-то деть Гиммлера. Но сам Генрих назначение воспринял совершенно иначе: он развил бурную и совершенно скрытую деятельность, настолько скрытую, что в окружении Гитлера даже не догадывались, как маленький Гиммлер с пухлым лицом и в очках перерабатывает полученную под свое начало охрану. Уж меньше всего этого Гиммлера можно было воспринять как командира эсэсовцев: он выглядел как наглядная иллюстрация, кого нельзя принимать в ряды СС: ни ростом, ни чертами лица руководитель СС не был похож на истинного арийца. Однако неожиданно Гиммлер получил это странное назначение, а затем и звание рейхсфюрера СС.

Гиммлер был сыном учителя, то есть происходил из хорошей семьи и получил соответствующее воспитание. По натуре он был мягким, заботливым, очень старательным молодым человеком, не обладавшим к тому же ни сильными мускулами, ни отменным здоровьем — напротив, со здоровьем у Гиммлера было нехорошо с юности: слабый желудок и близорукие глаза, ставшие препятствием к кадровой военной службе, о которой он так мечтал. Ему не довелось поучаствовать ни в одном сражении Первой мировой войны (хотя он это скрывал с мучительным стыдом и даже выдумал какую-то историю о «решающем сражении» и своем героизме на передовой). С детства он любил возиться с землей, собирал гербарии, изучал свойства растений. И в то же время его душа жаждала романтических подвигов. Такие подвиги мог совершить только человек в военной форме.

Но судьба рассудила иначе: Гиммлер поступил учиться на агронома по требованию родителей, агрономом — к слову сказать — он так и не стал, но идея земли прочно засела в его голове. Эта идея переплеталась с идеей арийской крови, так что путь для юноши был ясен — в партию, которая как раз проповедует сильную Германию, очищение арийской крови и счастье для всех немцев. Гиммлер и вступил в ряды НСДАП. Особой карьеры сделать он никак не мог — был излишне скромен и застенчив. Никто не предполагал, что под этой маской скромности таится жаждущая славы душа. И вот так, выполняя для малочисленной партии любое задание беспрекословно, Гиммлер надеялся, что в нужный час партия его выделит и призовет для выполнения особой миссии. Эта уверенность родилась у него под влиянием чтения книжек по астрологии и магии.

В семье Генриха увлечение сына рассматривалось как помешательство. Его нормальная и здравомыслящая мать только вздыхала, замечая стопки оккультных книг в комнате своего среднего сына. Она упрекала Гиммлера за пристрастие к астрологическим альманахам,

высчитыванию положения планет и прочим «потусторонним» сведениям о будущем. Как-то она попробовала поговорить с ним по душам. Оказалось, что будущее ее Генрих видит таким кровавым и жутким, что ей стало за него страшно: не наложил бы на себя руки. Руки он не наложил, магические книжки читать продолжил, на партийной работе буквально «сгорал». Мать повздыхала и от дальнейших нравоучений отказалась. Она наивно думала, что Генрих создаст семью, родит детей, будет счастлив в личной жизни и кошмарные видения перестанут его преследовать. Но она ошиблась.

Генрих женился, создал семью, родил дочь, но от оккультного чтения не отказался. Да и партийная работа была у него прочно связана с магическими практиками. Так что, когда он получил в подарок отряд СС, то сразу понял, как этим подарком распорядиться.

Гитлер придумал для этого отряда внешние знаки различия, форму. Гиммлер вложил в СС внутреннее содержание. Мало-помалу он стал наращивать численность СС, ввел строжайшую дисциплину и стал на практике создавать нового арийского человека. Идея чистой крови, о которой он немало размышлял, могла не ждать далекого будущего, уж как специалист по сельскому хозяйству Гиммлер имел представление об отборе и селекции. То, что он стал выращивать на основе «подарка», было первой в мире практикой создания идеального солдата. Настоящего арийского солдата, элиту будущего Рейха.

В 1929 году никто не представлял, что создаст и вырастит Гиммлер. Человеческий материал, из которого состояли элитные части, полученные Генрихом, труднее всего было назвать образцом арийской расы. Высокие белокурые арийские парни — это будущее СС.

В 1929 году в отряд СС входили рабочие пареньки, выходцы из самых социальных низов, даже уголовники. Если чем они и отличались, то крепким костяком и совершенно плебейскими лицами. В СС они попали из мюнхенских пивных, так что даже многие «метисы» выглядели более нордическими, чем эти «арийцы». И когда Гиммлер вдруг объявил о новых критериях отбора, в рядах его отряда возникло замешательство: пришлось бы старую гвардию почти полностью распустить. Но Генрих поспешил подсластить пилюлю: о старых кадрах речи не идет, правило будет действовать только при приеме новых членов. Это всех успокоило. И новые члены стали приниматься по арийскому внешнему виду.

Первое, на что Гиммлер обращал внимание, — рост не ниже 1 м 70 см. Всех, кто ниже, он считал вырожденцами (сам, увы, он также попадал под это определение!). Есть нужный рост, говорил он, есть вероятность хорошей крови. Кроме роста внимание уделялось цвету волос, глаз, посадке головы, форме черепа, подтянутой фигуре и даже походке и манере речи. Если у кандидата оказывался хоть один изъян, допустим, широкие скулы (Гиммлер видел в скуластости черты славянского или монгольского типа), то, каким бы верным партийцем кандидат ни был, он отбраковывался.

Отбор сделал свое дело. Если в 1929 году у Гиммлера было 280 человек, больше похожих на метисов, то в 1931 (через два года) — 2727 эсэсовцев арийского образца. Сам Гиммлер и его старые партийцы смотрелись на фоне этих здоровых высоких блондинов с голубыми глазами как отбракованный материал. Но белокурые бестии были готовы идти за своего Гиммлера на смерть. Дисциплина в отрядах СС была жесточайшей. Увеличив охранные отряды, Гиммлер сразу же дал им другой статус. Теперь они перестали подчиняться прежнему начальству — СА, подчинялись они только самому Гиммлеру. И если в прежнем СС форма была военизированная, то теперь Гиммлер ввел красивую военную форму, разительно непохожую на армейскую, — черные брюки, галстуки, фуражки, черные френчи, черные портупеи, черные сапоги, нарукавную повязку с эмблемой партии — свастикой в белом круге на алом фоне, окантованную черной каймой. Сразу же появились и многочисленные знаки отличий.

Исследователь истории СС Хене описывает эти знаки так: «…шитый из алюминиевых нитей угол на правом предплечье означал „старого бойца", ромб с буквами „СД" — принадлежность к органам безопасности. Погоны отражали все градации званий. У офицеров,

вплоть до гауптштурмфюрера, они были выполнены из шести алюминиевых шнуров, расположенных в один ряд, далее — вплоть до штандартенфюрера — с тройным плетением, оберфюреры и выше носили погоны с тройным плетением из двойной нити. Петлицы различались еще больше, особенно у старших офицеров. Так, штандартенфюреры носили дубовый лист, оберфюреры — два дубовых листа, бригаденфюреры — два дубовых листа со звездочкой, группенфюреры — три дубовых листа, обергруппенфюреры — три дубовых листа со звездочкой, а рейхсфюрер имел три дубовых листа в дубовом же венке».

Последний знак отличия носил сам Генрих Гиммлер.

Эсэсовцы внешне так отличались от всех прочих людей в форме, так трудно было попасть в это элитное сообщество, что вступить в части СС стало престижным. Знающий тонкости построения оккультных орденов, Гиммлер точно все просчитал: чем труднее доступ в общество, тем более притягательным это кажется в высших слоях общества. И не удивительно, что к 1933 году в СС стали вступать интеллектуалы и знать. Во-первых, они чаще соответствовали искомым параметрам в силу естественного отбора, данного самим происхождением, а во-вторых, членство в СС давало много преимуществ для будущей карьеры.

Гитлер, наблюдая за формированием совершенно нового типа вооруженных сил, хорошо понял, что Гиммлер неожиданно разрешил задачу и для него: теперь вечно недовольной армейской верхушке, решившей после провозглашения Рейха ставить ему условия, какую внешнюю политику вести, можно было противопоставить исключительно верных и дисциплинированных эсэсовцев. Эта организация еще за два года так разрослась, что Гиммлеру пришлось вводить специальные титулы почетных членов СС, а потом даже провести радикальную чистку своих частей и исключить 60 000 человек. Количество подчиненных Гиммлера практически сравнялось с численностью штурмовиков СА. Естественно, в стане штурмовиков были очень недовольны самим существованием элитных частей СС. Гитлер этим моментом и воспользовался. Он попросту обвинил командиров СА в тайном заговоре против себя и будущего Германии.

Впрочем, такому развитию событий немало поспособствовал завидующий успехам ранее незаметного Гиммлера Герман Геринг. Геринг страшно ревновал своего более удачного сотоварища и мечтал стать первым человеком в окружении Гитлера. Так что, решив показать, что только он способен раз и навсегда покончить с «красной» угрозой в Германии, Геринг провел несколько устрашающих акций в Пруссии; разумеется, эти жестокие аресты инакомыслящих с последующим помещением в трудовые лагеря были проведены силами штурмовиков. И в немецком обществе заговорили уже не о «красной» опасности, а о «коричневой чуме», имея в виду национал-социалистическую партию.

Гитлеру такие последствия пришлись не по душе. Гиммлер очень быстро сориентировался в настроениях фюрера. За два года до этого он успел создать особый отдел внутри СС, который получил название СД — служба безопасности. Отдел занимался внутренними расследованиями.

Летом 1934 года в недрах СД были разработаны и сфабрикованы документы, говорящие о заговоре внутри СА. Во главе этого заговора якобы стоял командующий СА Эрнест Рем. У Рема, конечно, были свои собственные цели, и он всеми силами добивался, чтобы СА была в Рейхе единственной военной силой. Но никакого заговора против Гитлера он не готовил, хотя между Гитлером и Ремом отношения были натянутые — последний требовал от Адольфа, чтобы фюрер «разобрался» с президентом Гинденбургом и «выбил» из него многочисленные уступки.

Иногда разговоры между двумя лидерами НСДАП превращались в яростную ругань. Гитлеру, дабы утихомирить Рема, даже пришлось добиться у Гинденбурга включения того в правительство, чтобы это не выглядело полностью как признание лидерства Рема, в это же правительство Гитлер ввел и своего друга Гесса. Но Рем не утихомиривался, его штурмовики уже открыто кричали, что настала пора поменять лидеров, они хотели видеть во главе партии

Рема. Ко всему прочему он желал поставить армейских на место, хотя Гитлер как раз делал ставку на армию, понемногу переманивая генералов на свою сторону — он отлично понимал, что на чьей стороне армия, на той стороне и победа.

Рем, по воспоминаниям Раушинига, был в ярости. «Адольф стал пижоном, — ругался он, — даже фрак на себя напялил. Возится с реакционерами. Старые товарищи ему уже не подходят. Натащил сюда всяких генералов из Восточной Пруссии. Нам не нужно возрождение старой кайзеровской армии. Революционеры мы или нет? Нам нужно что-то совершенно новое, вроде народного ополчения времен Французской революции. Новая дисциплина. Новые организационные принципы. От генералов новых идей не дождешься. Из старых прусских служак не создать революционную армию. Все эти генералы — старые козлы. Новой войны им не выиграть…»

Гитлер о «козлах» был другого мнения. Это, конечно, Гитлеру очень не нравилось, но никаких шагов по уничтожению Рема он, тем не менее, не предпринимал. Может быть, самостоятельно на провокацию он бы и не пошел. Однако Гиммлер предъявил Гитлеру составленный в СД список заговорщиков, куда вписал все руководство СА, а также всех, кто мешал Гиммлеру в продвижении к власти. Поскольку цели Гиммлера совпадали с целями Гитлера, то Гитлер позволил себе поверить в заговор. С Ремом его, конечно, связывали старые дружеские отношения, но Гитлеру не нравились не только притязания Рема и упрямство, но и то, что старый воин был гомосексуалистом, а это теперь в Рейхе весьма не одобрялось. Он приказал Гиммлеру расправиться с заговорщиками силами СС.

Эта расправа над невиновными в измене людьми вошла в историю как «ночь длинных ножей» — 30 июня 1934 года. Той страшной ночью по всем заранее намеченным адресам были проведены обыски и аресты. Некоторых убивали прямо дома на глазах семей или вместе с семьями. Рема взяли живым. Тот клялся в верности Гитлеру. Однако никто несчастному не поверил. Рем был застрелен своим охранником в тюремной камере, а остальных арестованных либо принуждали к самоубийству, либо лишали жизни без суда и следствия. Число погибших достигло 500 человек. Те, кому сохранили жизнь, попали в лагеря.

А Гиммлер добился разрешения формировать военные подразделения СС. Больше никто не мог ему указывать, что делать и чего не делать. Гиммлер начал строительство собственного тайного ордена внутри Рейха, государства в государстве. Еще раньше он мечтал создать свое государство, поместив его в Бургундии, а в Берлин посылать своего посла. Тогда еще Германия не начала готовиться к захвату Франции. Но в 1934 году для Гиммлера уже было понятно, что война неизбежна, что Гитлер не позволит основать независимую национал-социалистическую страну Бургундию с белокурым и синеглазым специально отобранным населением. Поэтому он нашел замечательный способ создать государство прямо внутри Рейха — военный орден по принципу древних христианских орденов.

Штаб-квартирой государства Гиммлера был выбран Вевельский замок в Вестфалии. Было сформировано орденское «правительство», во главе которого стоял Гиммлер, а соответствующие должности занимали высшие чины СС — во главе личного штаба рейхсфюрера стоял бригаденфюрер СС Карл Вольф (должность премьер-министра), во главе главного управления СД — группенфюрер СС Райнхард Гейдрих (министр безопасности), во главе управления по расовым и поселенческим вопросам — обергруппенфюрер СС Вальтер Дарре (министр идеологии), во главе администрации главного управления — Август Хайсмайер, во главе суда СС — бригаденфюрер СС Пауль Шарфе. По мере того как орден разрастался, увеличивалось и количество командных должностей. Появились при административном управлении оперативное (группенфюрер Ганс Юттнер), кадровое (группенфюрер СС Максимилиан фон Херф), экономико-административное (группенфюрер СС Освальд Поль). Открылись маленькие эсэсовские «бурги», где готовили новые арийские кадры. По всей стране началась ковка элиты Гиммлера. Эта элита с началом войны отправлялась на

фронты, гибла, снова возрождалась благодаря конвейерному воспроизводству, и всем этим процессом руководил Гиммлер. На его совести и решение еврейского вопроса.

Еще в том же 1934 году, выступая перед офицерами СС, Гиммлер сказал:

«Подобно тому, как 30 июня 1934 года мы не мешкая исполнили свой долг, поставили к стенке и расстреляли оступившихся товарищей и после того не разговаривали, не обсуждали случившееся и не будем делать это в будущем — это, слава Богу, наше природное, естественное чувство такта — не беседовать никогда об этом между собой. Тогдашняя операция потрясла каждого из нас, но вместе с тем каждому было ясно, что он сделает это снова, если ему это будет приказано в следующий раз.

В данном случае я имею в виду выдворение евреев, уничтожение еврейского народа. Легко сказать: „Еврейский народ будет уничтожен", — так говорит каждый член партии, — это ясно написано в нашей теории: ликвидация евреев, уничтожение их — и мы это исполним. Но вдруг они все приходят, 80 миллионов честных немцев, и у каждого свой порядочный еврей. Разумеется, все остальные свиньи, но его еврей — отличный. Из всех говорящих это ни один не видел собственными глазами и не пережил, в отличие от большинства из вас, что такое 100 лежащих рядом трупов, или 500, или 1000. Выдержать это и, за исключением отдельных случаев человеческой слабости, остаться порядочным — вот что нас закалило. Это прекрасная страница нашей истории, которая никогда не была написана и никогда не будет написана. Мы-то знаем, насколько наше положение было бы труднее, если бы теперь, во время бомбежек, трудностей и лишений войны у нас в каждом городе жили бы евреи, занимающиеся тайным снабжением, пропагандой и клеветой. Наверное, мы бы достигли стадии 1916–1917 годов, когда евреи еще обитали на теле немецкой нации.

Богатства, имевшиеся у них, мы конфисковали. Я отдал подробный приказ, а обергруппенфюрер СС Поль его исполнил: естественно, все их имущество без остатка будет передано в Рейх. Для себя мы не взяли из него ничего. Отдельные оступившиеся лица будут наказаны согласно моему приказу, гласящему: „Присвоивший себе хотя бы одну марку — умрет". Несколько членов СС — их было немного — оступились, и их ждет безжалостная кара. У нас есть моральное право и обязанность перед нашим народом уничтожить другой народ, стремившийся к нашему уничтожению. Но у нас нет права обогатить себя ни одной шубой, ни одной парой часов, ни одной маркой, ни одной сигаретой. Мы уничтожаем бациллы, и мы не хотим от них заразиться и умереть. Я никогда не смирюсь с тем, чтобы тут возникла хотя бы маленькая гнильца. Если только она появится, мы выведем ее сообща! В заключение можно сказать, что мы выполнили этот тяжелый долг, и никакой ущерб не был нанесен нашей сути, нашей душе, нашему характеру…»

Когда же стало ясно, что успехи Рейха завершены и началась пора возмездия, Гиммлер стал искать способ отстраниться от Гитлера. Но сначала, зимой 1945 года, Гиммлер получил должность командующего группой войск, действующих на приближающемся к Берлину Восточном фронте. Скоро стало ясно, что с должностью он никак не справляется.

Гудериан буквально вымолил у Гитлера приказ о лишении Гиммлера полномочий: «Дела в его штабе ухудшались с каждым днем. Я никогда не получал ясных сводок с его фронта и поэтому не мог ручаться за то, что там выполняются приказы главного командования сухопутных войск. Поэтому в середине марта я выехал в район Пренцлау, в его штаб, чтобы получить представление об обстановке. Начальник штаба Гиммлера Ламмердинг встретил меня на пороге штаба следующими словами: „Вы не можете освободить нас от нашего командующего?" Я заявил Ламмердингу, что это, собственно, дело СС. На мой вопрос, где рейхсфюрер, мне ответили, что Гиммлер заболел гриппом и находится в санатории Хоэнльхен, где его лечит личный врач, профессор Гебхардт.

Я направился в санаторий. Гиммлер чувствовал себя сносно; я в такой напряженной обстановке никогда не бросил бы свои войска из-за легкого насморка. Затем я заявил

всемогущему эсэсовцу, что он объединяет в своем лице слишком большое количество крупных имперских должностей: рейхсфюрера СС, начальника германской полиции, имперского министра внутренних дел, командующего армией резерва и, наконец, командующего группой армий „Висла". Каждая из этих должностей требует отдельного человека, тем более в такие тяжелые дни войны, и хотя я ему вполне доверяю, все же это обилие обязанностей превосходит силы одного человека. Он, Гиммлер, вероятно, уже убедился, что не так-то легко командовать войсками на фронте. Вот почему я предлагаю ему отказаться от должности командующего группой армий и заняться выполнением других своих обязанностей.

Гиммлер на этот раз был не так самоуверен, как раньше. Он начал колебаться: „Об этом я не могу сказать фюреру. Он не даст своего согласия".

Это давало мне некоторые шансы: „Тогда разрешите, я скажу ему об этом". Гиммлер вынужден был согласиться. В этот же вечер я предложил Гитлеру освободить сильно перегруженного разными должностями Гиммлера от должности командующего группой армий „Висла" и на его место назначить генерал-полковника Хейнрици, командующего 1-й танковой армией, находившейся в Карпатах. Гитлер неохотно согласился.

20 марта Хейнрици получил новое назначение. Что же могло заставить Гиммлера, полного невежду в военном деле, лезть на новую должность? То, что он ничего не понимал в военных вопросах, было известно не только ему, но также и нам, и Гитлеру. Что же побудило его стать военным? Очевидно, он страдал чрезмерным тщеславием. Прежде всего, он стремился получить рыцарский крест. Кроме того, он, как и Гитлер, недооценивал качества, необходимые для полководца. И вот, впервые получив задачу, выполнение которой проходило на глазах всего мира, которую нельзя было решить, оставаясь где-нибудь за кулисами и ловя рыбу в мутной воде, этот человек обанкротился. Он безответственно взялся за выполнение непосильной для него задачи, а Гитлер безответственно возложил на него эти обязанности».

Что касается Гиммлера — он надеялся на какие-то чудеса, но оказалось, что магия жила только в его голове. Не помогало ничего: ни развеивание праха сдавшихся в плен с чтением соответствующего проклятия, ни руны, которые вырисовывал рейхсфюрер СС: война катилась к бесславному концу. Что же касается Гитлера — тот в магию не верил, но почему-то верил в… Гиммлера. Ох, как же он ошибался! Верный Генрих как раз в эти нехорошие дни 1945 года уже вынашивал план, какой ценой можно откупиться от гнева союзников и как повыгоднее сдаться, чтобы не оказаться расстрелянным.

Купить спасение Германии и свое собственное он думал за счет евреев, которых уничтожали на протяжении всей войны. Именно в эти весенние дни он приказал личному массажисту Феликсу Керстену, который постоянно ездил по делам в Швецию, связаться там с представителем Всемирного еврейского конгресса. Предложение Гиммлера было таковым: он освобождает из лагерей находящихся там евреев, в ответ на этот жест доброй воли конгресс выступает посредником в переговорах Гиммлера с союзниками. Он прекрасно понимал, что война проиграна, и искал, так сказать, пути отступления.

Конечно, начиная переговоры, Гиммлер рисковал — Гитлер никогда бы не простил ему такие действия за его спиной да еще и с отказом от проводимой прежде политики относительно евреев. Керстену удалось встретиться в Стокгольме с представителем Всемирного еврейского конгресса Гиллелем Шторхом, который согласился на предложение Гиммлера, но требовал немедленного освобождения евреев по приложенным спискам. Странами перемещения их из лагерей были названы Швеция и Швейцария. Гиммлер подтвердил желание вести дальнейшие переговоры, и Шторх прислал в Германию своего парламентария еврея Норберта Мазура, еще в 1938 году бежавшего в Швецию. Для того чтобы парламентарий не был остановлен на границе, врач Гиммлера Брандт приготовил для него фальшивые документы.

19 апреля парламентарий был доставлен из берлинского аэропорта на машине гестапо в поместье Керстена в 70 километрах от столицы. 20 апреля, когда с еврейским парламентарием

беседовал приехавший в поместье Шелленберг, сам Гиммлер находился в бункере фюрера — Гитлер отмечал свой 56-й день рождения. С этого праздника Гиммлер приехал в Харцвальд только в середине ночи и более двух часов разговаривал с парламентарием с глазу на глаз.

Мазур оставил воспоминания об этом разговоре, который уже ничего в еврейской политике нацистов изменить не мог, как ничего не мог изменить и в судьбе Гиммлера и самой Германии. «В половине третьего мы услышали, — рассказывал Мазур, — что подъехал автомобиль. Керстен вышел во двор, и через несколько минут вошел Генрих Гиммлер в сопровождении Шелленберга, своего адъютанта д-ра Брандта и Керстена. Гиммлер приветствовал меня словами „Добрый день!", а не „Хайль Гитлер!" и сказал, что он доволен тем, что я приехал. Мы сели за стол, и нам сервировали кофе на пять персон.

Гиммлер был элегантно одет; хорошо сидевшая на нем униформа была украшена знаками отличия и орденами. Вид у него был ухоженный; несмотря на поздний час, он был оживлен и производил впечатление спокойного, владеющего собой человека. Внешне он выглядел лучше, чем на фотографиях. Признаком садизма и жестокости, возможно, был его беспокойный, пронзительный взгляд. Если бы я не знал его прошлое, я бы не поверил, что этот человек ответствен за самые широкомасштабные массовые убийства в Истории.

Гиммлер сразу начал говорить.

„Наше поколение, — сказал он между прочим, — никогда не знало мира. Когда разразилась Первая мировая война, мне было 14 лет. Едва война кончилась, в Германии началась гражданская война, и в восстании союза „Спартак" евреи играли руководящую роль. Евреи в нашей среде были чужеродным элементом, они всегда сеяли смуту. Несколько раз их изгоняли из Германии, но они всегда возвращались. После нашего прихода к власти мы хотели решить этот вопрос раз и навсегда, и я планировал гуманное решение путем эмиграции. Я вел переговоры с американскими организациями, чтобы ускорить эмиграцию, но ни одна из стран, якобы дружественно относящихся к евреям, не захотела их принять".

Я возразил, что для немецкого народа, может быть, и было бы удобней не иметь меньшинств в своей среде, но это не соответствовало бы с таким трудом выработанным правовым понятиям, если бы людей, живущих в стране, где жили их отцы и прадеды, внезапно изгоняли с их родины. Тем не менее, евреи смирились с этим принуждением и готовы были эмигрировать, но нацисты хотели за несколько лет покончить с состоянием, которое создавалось на протяжении многих поколений, а это было невозможно. Гиммлер продолжал: „Когда началась война, мы вступили в контакт с пролетаризированными массами восточных евреев, а это породило совершенно новые проблемы. Мы не могли терпеть такого врага в нашем тылу. Еврейские массы были разносчиками опасных эпидемий, в частности сыпного тифа. Я сам потерял тысячи моих лучших эсэсовцев из-за этих эпидемий. И к тому же евреи помогали партизанам".

На мой вопрос, каким образом партизаны могли получить помощь от евреев, которые были заперты в больших гетто, Гиммлер возразил: „Евреи передавали партизанам информацию. Кроме того, они стреляли в гетто в наших солдат". Такую интерпретацию давал Гиммлер героической борьбе евреев в Варшавском гетто. Какое чудовищное извращение истины!

Я попытался осторожно отвлечь Гиммлера от неудачной идеи защитить немецкую политику в еврейском вопросе, разговаривая с евреем, так как эта попытка защиты вынудила бы его говорить одну неправду за другой. Но это было ни к чему. Казалось, он испытывал потребность умышленно произнести эту защитительную речь перед евреем, так как он, конечно, чувствовал, что дни его жизни или, по крайней мере, его свободы сочтены.

Он продолжал: „Для борьбы с эпидемиями мы были вынуждены построить крематории, где сжигали трупы множества людей, ставших жертвами этих болезней. И за это нам теперь грозят казнью!" С его стороны это была самая отвратительная попытка искажения истины. Я

был так потрясён подобным объяснением появления пресловутых фабрик трупов, что не мог вымолвить ни слова.

„Война на Востоке была невероятно жестокой, — сказал после этого Гиммлер. — Мы не хотели войны с Россией. Но вдруг мы обнаружили, что Россия имеет 20 000 танков, и мы были вынуждены действовать. Речь шла о том, чтобы победить или погибнуть. Война на Восточном фронте стала для наших солдат тяжелейшим испытанием. Негостеприимная природа, жестокие морозы, бесконечные просторы, враждебное население и повсюду партизаны в тылу. Немецкий солдат мог выстоять, только проявляя жестокость. Если в какой-нибудь деревне раздавался хоть один выстрел, приходилось сжигать всю эту деревню. Русские — не обычные противники, мы так и не смогли понять их менталитет. Они отказывались капитулировать даже в самом безнадёжном положении. Если еврейский народ пострадал из-за жестокости этой борьбы, то нельзя забывать, что и немецкий народ тоже не щадили".

Разговор перешел на другую тему — тему концентрационных лагерей. „Свою дурную славу эти лагеря заслужили из-за неудачно выбранного названия, — так начал Гиммлер свое объяснение. — Их надо было назвать лагерями перевоспитания. В них сидели не только евреи и политические заключенные, но и уголовники, которых после отбытия ими их срока не отпускали на свободу. В результате Германия в военном 1941 году имела самый низкий уровень преступности за много десятилетий. Труд заключенных был тяжел, но эти тяготы переживал и весь немецкий народ. Обращение с заключенными в лагерях было строгим, но справедливым". Я перебил его: „Но ведь нельзя отрицать, что в лагерях совершались тяжелые преступления?" Он ответил: „Я могу допустить, что нечто подобное происходило, но я наказал виновных".

Хотя я — исключительно с учетом моей задачи добиться освобождения еврейских и прочих заключенных, — вынужден был продолжать беседу, в тот момент, когда он заговорил о „справедливом обращении" в концлагерях, я не смог сдержать свое возмущение. Мне доставляло удовольствие от имени страдающего еврейского народа сказать ему в лицо хотя бы о некоторых преступлениях, творившихся в этих лагерях. В этот момент я, как рупор поруганного, но не уничтоженного права, чувствовал себя сильнейшим из нас двоих. И я думаю, Гиммлер осознавал слабость своей позиции.

Я попытался еще раз отвлечь его от этих попыток самозащиты.

„Произошло многое, что невозможно исправить или возместить, — начал я. — Но если в будущем еще можно будет навести мосты между нашими народами, то как минимум все евреи, которые сегодня еще живут на подвластных Германии территориях, должны остаться в живых. Поэтому мы требуем освободить всех евреев из лагерей, находящихся вблизи от Скандинавии или Швейцарии, чтобы их можно было эвакуировать в Швецию или Швейцарию, а что касается остальных лагерей, то пусть заключенные остаются там, где находятся, пусть с ними обращаются хорошо, обеспечат их достаточным количеством еды, и пусть эти лагеря будут без сопротивления переданы союзникам, когда фронт приблизится к ним. Кроме того, мы просим выполнить пожелания, содержащиеся в ряде писем шведского Министерства иностранных дел и касающиеся освобождения ряда арестованных шведов, французов, голландцев и евреев, а также взятых в заложники евреев". Керстен энергично поддержал мои пожелания.

Я попросил Гиммлера назвать число еще остающихся в концлагерях евреев, и он привел следующие цифры: Терезиенштадт — 25 000, Равенсбрюк — 20 000, Маутхаузен — 20–30 000 и еще немного в ряде других лагерей. Он утверждал также, что в Освенциме было 150 000 евреев, когда этот лагерь попал в руки русских; в Берген-Бельзене содержалось 50 000 евреев и в Бухенвальде 6000, когда эти лагеря были переданы англичанам и американцам. Я знал, что его цифры неверны и, особенно в случае Освенцима, сильно преувеличены. В Венгрии, сказал Гиммлер, осталось 450 000 евреев.

„И какова же была их благодарность? — ханжески спросил он. — Евреи в Будапеште стреляли по нашим солдатам". Я возразил, что, если 450 000 евреев осталось, а было 850 000,

значит, 400 000 были депортированы и их судьба неизвестна. Оставшиеся в Венгрии евреи не знали, что их ожидает, этим и объясняется их реакция.

Гиммлер отверг мои возражения. Свои аргументы он явно взял из известной басни Лафонтена: „Как страшен этот зверь! Он защищается, когда его хватают!" Гиммлер продолжал: „Я намеревался сдать лагеря без сопротивления, как обещал. Я сдал Берген-Бельзен и Бухенвальд, но мне отплатили за это злом. В Берген-Бельзене одного из охранников связали и сфотографировали вместе с умершими незадолго до этого заключенными. И эти снимки распространяются теперь по всему миру. И Бухенвальд я сдал без сопротивления, но наступающие американские танки внезапно начали стрелять. Лазарет, который состоял из легких деревянных домиков, загорелся, а потом фотографировали трупы. Эти фотографии используют теперь для пропаганды ужасов. Когда я прошлой осенью переправил в Швейцарию 2700 евреев, даже это использовали для кампании в прессе лично против меня. Писали, будто я освободил этих людей лишь для того, чтобы создать себе алиби. Мне не нужно никакого алиби, я всегда делал то, что считал необходимым для немецкого народа, и добавлю к этому, что я не разбогател. Ни в кого за последние 12 лет не швыряли столько грязи, сколько в меня. Я никогда не мстил за это, даже в Германии каждый мог писать обо мне все, что хочет. Но публикации о концлагерях используются против нас как средство травли, и это не располагает меня к тому, чтобы и впредь отдавать лагеря. Например, несколько дней назад я приказал принудительно эвакуировать один лагерь в Саксонии, когда к нему приблизились американские танковые колонны. А с какой стати я должен был поступать иначе?"

Я боялся, что за повторными жалобами Гиммлера на публикации об ужасных открытиях в концлагерях, которые он пытался дискредитировать как „пропаганду ужасов", может последовать требование в качестве ответной услуги за согласие на наши требования прекратить эти публикации. Несомненно, Гиммлер верил под многолетним влиянием геббельсовской пропаганды, будто евреи действительно контролируют мировую прессу, как лживо утверждала нацистская пропаганда, и, может быть, верил даже, что я как представитель евреев — хотя мы договорились, что я выступаю в качестве частного лица — могу оказать влияние на прессу союзных и нейтральных стран. Чтобы предварить прямое требование, я перебил его и обратил его внимание на свободу прессы в демократических странах.

„Правительство в демократической стране не имеет права препятствовать нежелательным публикациям. В дальней перспективе решающее значение имеют изложенные в них факты. В прошлом году освобождение 2700 евреев встретило благожелательный отклик в прессе всего мира, равно как и то обстоятельство, что здоровье освобожденных из лагеря Терезиенштадт было в сравнительно хорошем состоянии. У меня создалось впечатление, что Терезиенштадт был лучшим лагерем. Продолжение освобождения заключенных — единственная правильная политика, независимо от того, что пишет пресса. В спасении выживших евреев заинтересован не только еврейский народ. Шведское правительство выразило свой интерес тем, что уполномочило д-ра Керстена и меня на эту поездку. И на правительства и народы союзных стран согласие на наши предложения произвело бы благоприятное впечатление. Спасение оставшихся в живых евреев имело бы огромное значение и пред лицом Истории. А продолжение принудительной эвакуации может нанести Германии лишь ущерб. Необходимо разблокировать дороги, организовать снабжение и т. д.".

Гиммлер заметил, что Терезиенштадт не был лагерем в собственном смысле слова, это был город, где жили одни евреи, где у них было самоуправление, и они сами организовывали все работы. „Эта организация была создана мною и моим другом Гейдрихом, и мы хотели, чтобы все лагеря выглядели так", — лицемерно заявил он. Последовала долгая дискуссия. Я подчеркнул необходимость предложенных мер по спасению, причем Керстен меня поддержал. Особый упор мы делали на том, чтобы была разрешена эвакуация заключенных из Равенсбрюка в Швецию.

Общим обещаниям Гиммлера я не верил. Зато некоторые точно сформулированные обещания могли быть соблюдены хотя бы по той причине, что сотрудники Гиммлера были заинтересованы в том, чтобы отметить свое участие в этом. Кроме того, следовало опасаться, что последние недели войны станут особенно критическими для заключенных. Публикации о Бухенвальде могли побудить нацистских вождей, либо самого Гиммлера, либо группу Гитлера-Кальтенбруннера к тому, чтобы сравнять с землей все еще оставшиеся концлагеря, чтобы уничтожить все следы и всех живых свидетелей своих преступлений. Последние дни смертельной борьбы Третьего рейха были опасными для жизни тех немногих, кому удалось пережить долгие годы страданий и мучений в лагерях.

Гиммлер захотел посоветоваться со своим адъютантом д-ром Брандтом. Мы с Шелленбергом вышли в соседнюю комнату. Во время нашего отсутствия Гиммлер продиктовал два письма, адресованных Керстену.

Когда я примерно через 20 минут вернулся в салон, Гиммлер заявил: „Я готов освободить тысячу евреек из концлагеря Равенсбрюк, и вы можете их забрать через Красный Крест. Дано согласие на освобождение из Равенсбрюка француженок согласно списку шведского Министерства иностранных дел. Примерно 50 интернированных в норвежских лагерях евреев будут освобождены и доставлены на шведскую границу. Что же касается дел 20 шведов, осужденных германским судом и находящихся в тюрьме Грини, то их дела будут благожелательно изучены, и, если это возможно, их освободят. Вопрос об освобождении ряда названных заложниками норвежцев будет благожелательно изучен. Названные поименно большей частью голландские евреи будут освобождены из Терезиенштадта, если Красный Крест сможет их забрать. Но евреек из Равенсбрюка не следует называть еврейками, их можно назвать, например, польками. Разумеется, не только ваш визит должен остаться абсолютной тайной, но и прибытие евреев в Швецию следует держать в секрете. Что же касается прекращения принудительной эвакуации и передачи лагерей союзникам, то я сделаю все, что смогу, чтобы выполнить эти пожелания".

Характерным был страх Гиммлера перед тем, что освобожденных евреек будут называть еврейками. В этом отразились те разногласия между Гиммлером и Гитлером, на которые мне накануне указал Шелленберг. Пусть Гиммлер в тот момент обладал властью, он все равно не хотел иметь никаких личных хлопот из-за евреев. Шелленберг, правда, уже давал понять, что позиция Гитлера — вопрос второстепенный. Во время беседы обсуждались и общеполитические вопросы. Гиммлер дал волю своей ненависти к большевизму в известном нацистском стиле. Процитирую некоторые его высказывания:

„Американцы еще поймут, что мы служили оборонительным валом против большевизма".

„Гитлер войдет в историю как великий человек, потому что он даровал миру национал-социалистическое решение, единственную общественно-политическую форму, которая могла бы противостоять большевизму".

Один-единственный раз за все время он упомянул имя Гитлера.

„Американские и английские солдаты заразятся большевистским духом и вызовут социальные беспорядки в своих странах".

„Немецкие массы настолько радикализированы, что, когда национал-социализм падет, они будут брататься с русскими, власть которых в результате еще больше увеличится".

„В Германии осенью и зимой будет голод".

После минуты молчания он добавил, словно для самого себя:

„Будут неимоверные трудности; для восстановления мира понадобится много мудрости".

„Американцы выиграли свою войну; немецкая промышленная конкуренция сломлена на десятилетия".

„От нас требуют безоговорочной капитуляции. Об этом не может быть и речи. Я не боюсь умереть".

„Во Франции при нашей оккупации был порядок, хотя мы имели там всего 2000 немецких полицейских. У всех была работа, всем хватало еды. Нам удалось навести порядок и создать здоровые условия в портовом квартале Марселя, чего не смогло сделать ни одно французское правительство".

„Я понимаю население, которое сражается за свободу своей страны. Мы никогда не опускались до таких методов, как англичане, которые, помогая французским маки, сбрасывали парашютистов в чужой униформе или в гражданской одежде".

Понимание партизанской борьбы пришло к Гиммлеру слишком поздно. Слушая его презрительные слова о парашютистах, я вспомнил Голландию, особенно Роттердам. Лживость его аргументов была типична для всей беседы. Встреча длилась ровно два с половиной часа. В пять часов утра Гиммлер уехал из поместья на автомобиле. Все это время — за исключением 20 минут, когда я находился в другой комнате, — мы разговаривали.

Полчаса я находился с ним наедине, свободный еврей лицом к лицу со страшным и безжалостным шефом Гестапо, на совести которого пять миллионов еврейских жизней.

Гиммлер говорил большей частью спокойно и не взрывался даже при резких возражениях с моей стороны. Хотя внешне он сохранял спокойствие, его нервозность становилась все заметней. Он много говорил. Я воспроизвожу здесь лишь наиболее важные части беседы; свои собственные слова я привожу лишь в тех случаях, когда без этого будет непонятен процесс переговоров. Но мое описание буквально или по смыслу в точности соответствует тому, что было сказано, хотя я не всегда соблюдал хронологическую последовательность.

Несомненно, Гиммлер был умным и образованным человеком, но он не был мастером в искусстве притворства. Его цинизм особенно вылезал наружу, когда он говорил о предстоящих, по его мнению, катастрофах. Типичны слова, которые он сказал, прощаясь с Керстеном: „Лучшая часть немецкого народа погибнет с нами, а что будет с остальными, не имеет значения". В отличие от Гитлера, он и в своем отношении к евреям был рационалистом. Гитлер питал к ним ярко выраженную антипатию. Гиммлер в своих действиях не руководствовался чувствами. Он хладнокровно приказывал убивать, пока считал, что это служит его целям, но мог бы пойти и другим путем, если бы счел его более выгодным для политики и для себя самого.

Какие мотивы могли побудить Гиммлера к тем небольшим уступкам, которые он делал в последние месяцы войны, в частности, по отношению к нам? Он ничего не требовал взамен. Он не верил, что может спасти свою жизнь с помощью этих уступок; он был очень умен и хорошо знал, сколь велик список его грехов. Возможно, он хотел предстать перед Историей в более выгодном свете, чем остальные главные немецкие военные преступники.

Удивляла слабая аргументация его защитительных речей. Собственно, он ничего не мог сказать в свою защиту кроме лжи. Никакой логики в построении фраз, никакого величия в мыслях, хотя оно может быть и у преступника, даже если его мораль противоречит правосознанию нормального человека. Только ложь и увертки! Последовательной была только его вера в то, что цель оправдывает средства. То, что он был одним из главных виновников массового убийства евреев, косвенно проистекало из его собственных слов. Я точно помню, что он сказал о числе евреев в Венгрии: „Я оставил там 450 000". Поскольку он ничего к этому не добавил, из этого можно было сделать вывод, что он лично несет значительную долю ответственности за судьбу остальных венгерских евреев. Названная им цифра оставшихся в Венгрии евреев была также ложной, во всяком случае, сильно преувеличенной.

Во время беседы Гиммлер не говорил явно, что война Германией уже проиграна, но из его слов можно было понять, что он это знает. После того, как Гиммлер нас покинул, мы пару часов спали или пытались спать.

Мое внутреннее напряжение ослабло. Теперь надо было как можно скорей попасть в Берлин, а потом в Стокгольм, чтобы обсудить с Министерством иностранных дел и Красным Крестом меры по проведению разрешенной эвакуации.

В десять часов мы выехали на автомобиле в Берлин. По пути туда я видел картину, которая глубоко врезалась мне в память: „народ господ" стал народом беженцев. Машина за машиной, битком набитые старым домашним скарбом, наспех собранным перед бегством, а посреди хлама — женщины, дети, старики. Эта процессия человеческого бедствия двигалась из города в город, при любой погоде, подальше от фронта. Нигде нельзя было остановиться; после короткой передышки, чтобы поесть, люди бежали дальше, гонимые приближающимся фронтом и проносящимися на бреющем полете самолетами. Та же самая картина бедствия, которую мы часто видели на фотографиях и в наших фантазиях: французы, поляки, русские, евреи, бегущие от немецкой солдатни, картины, которые сопровождались победным ликованием немецкого народа. Теперь немцы, наконец, сами почувствовали на своей шкуре, что они делали с другими народами.

Приближаясь к Ораниенбургу, мы нагнали длинную колонну людей в штатском, сопровождаемых охранниками. Это заключенные из концлагеря Ораниенбург шли на север, подальше от фронта. Опять принудительная эвакуация, потому что русские наступали. Лучше забить дороги, бессмысленно перегоняя жалкие жертвы мучительным и опасным для жизни путем, чем выпустить добычу из рук!

Близость фронта становилась ощутимой. Слышались пушечные выстрелы. Дороги были переполнены транспортом всех видов. Наш автомобиль остановили: мы должны были взять с собой раненых. Но дальше дорога стала свободней, и вскоре мы прибыли в Берлин.

На этот раз я увидел миллионный город при дневном свете. Это был город-призрак, гигантское скопище руин.

Еще до начала битвы за Берлин две трети города были разрушены

Полуразрушенные фасады зданий, внутренность которых выгорела. Лишь изредка встречался неповрежденный, обитаемый дом. Еще до начала битвы за сам Берлин две трети города были полностью разрушены, и все же три миллиона человек продолжали там жить. Где и как, было непонятно.

На всем пути через город я не видел ни одного настоящего магазина. Перед некоторыми домами бедные, плохо одетые люди стояли в очередях за продуктами. Уличное движение было почти парализовано, пешеходов мало, изредка проезжал трамвай.

Мы ехали в шведскую миссию. Элегантный квартал рядом с зоопарком был целиком стерт с лица земли. Только колонна Победы стояла неповрежденной! Мы хотели встретиться с графом Бернадоттом, но не нашли его в миссии. Мы знали, что граф Бернадотт где-то под Берлином, так как он тоже хотел встретиться с Гиммлером вскоре после того, как тот уехал от нас. Мы поехали в дом Гестапо в Западном Берлине и говорили там с одним из сотрудников Шелленберга, который с немецкой стороны отвечал за транспорт Красного Креста. Он сказал, что знает, где находится колонна шведских автобусов: они только что закончили эвакуацию скандинавов и возвращаются в Германию. Он хотел попытаться уговорить графа Бернадотта направить эту колонну в Равенсбрюк.

Наша задача в Берлине была выполнена. Пора было возвращаться домой.

Началась осада Берлина: русские снаряды уже били по центру города. В два часа дня должен был вылететь самолет на Копенгаген, но не было уверенности, сможет ли он вылететь. Мысль о множестве самолетов, которые мы видели накануне, порождала тревожные чувства. Как сможет немецкий самолет ускользнуть от этих хозяев воздушного пространства? Казалось, будто воздух чист, как говорили немцы. Мы надели тяжелые спасательные жилеты и в четыре часа взлетели на тяжелом транспортном самолете типа „Кондор“, предназначенном для перевозки войск. Через два часа мы благополучно приземлились в Копенгагене. Как радостно было находиться в городе с целыми домами, со спокойными, хорошо одетыми людьми!

Мы сразу же выехали поездом в Хельсингёр и в девять часов вечера снова стояли на твердой земле. Мы были в Швеции. Наше путешествие закончилось.

В Стокгольме мы узнали в воскресенье утром в Министерстве иностранных дел, что из шведской миссии в Берлине получена телеграмма по нашему делу. По поручению графа Бернадотта нам сообщали в ней, что автобусы уже находятся на пути в Равенсбрюк.

Через несколько дней мы узнали от гр. Бернадотта, что Гиммлер не только освободил тысячи женщин, как обещал нам, но и разрешил эвакуацию всех женщин Равенсбрюка в Швецию. Таким образом, шведский Красный Крест смог за несколько дней спасти 7000 женщин разных национальностей, из которых примерно половину составляли еврейки. 50 евреев, которые сидели в норвежских концлагерях, были освобождены и через пару дней прибыли в Швецию. Министерство иностранных дел сообщило также, что в результате наших договоренностей были освобождены шведские заключенные из тюрьмы Грини и несколько сот норвежских заложников.

Посещение спасенных еврейских женщин в лагерях в Южной Швеции стало для нас потрясением. Невозможно рассказать, что они выстрадали за шесть долгих лет, сначала в гетто, потом в концлагерях, худшим из которых был Освенцим. Чудо, что они смогли выжить, всегда голодные, под постоянным страхом смерти, полного уничтожения, в условиях тяжкого труда и в муках. Только самые сильные могли годами выдерживать эти ужасные страдания.

Смогут ли они вернуться к нормальной жизни? Многие из них были одни во всем мире, их семьи исчезли, вероятно, были уничтожены, их дома — в большинстве это были польские еврейки — разрушены. Голландки, бельгийки и другие, еврейки и неевреййки, могли вернуться в свои родные страны, но для этих польских евреек дороги назад не было. На их родине все напоминало им только о страданиях в гетто и в Освенциме, о пропавших семьях, об убитых домах, о разрушенных общинах. Они мечтали снова жить в свободном еврейском окружении. Палестина была для них единственным шансом вернуться к нормальной жизни, вновь обрести человеческое счастье.

Драматическая ночная встреча двух смертельных врагов, пресловутого шефа Гестапо и представителя измученного еврейского народа позволила освободить немногих из

бесчисленных жертв нацизма. Еврейское вмешательство в пользу еврейской части населения, которой в первую очередь угрожало уничтожение, было в тех обстоятельствах возможно только в сотрудничестве с другими, действовавшими в том же направлении силами. О роли медицинского советника Керстена, который сделал возможными эти переговоры и участвовал в них, я уже упоминал.

Практическое использование результатов переговоров и фактическое спасение заключённых, поскольку речь шла об эвакуации из Германии, стали возможны только благодаря самоотверженной работе шведского Красного Креста в соответствии с высокими идеалами этой организации. Осуществление этой крупномасштабной акции спасения стало возможным благодаря инициативе и активной поддержке шведского Министерства иностранных дел. Не ставилось никаких условий, не было никаких ограничений относительно числа и национальности спасаемых. Всех принимали как гостей правительства. Так они были спасены для жизни и для свободы».

Гитлер, однако, о сделке Гиммлера все же узнал. Для него это было страшным потрясением. Собственно говоря, именно предательство Гиммлера заставило Гитлера нажать на спусковой крючок.

Как рассказывал Фест, вечером 28 апреля Гитлер беседовал с бароном фон Граймом, когда их разговор был прерван слугой Гитлера Хайнцем Линге, который передал ему сообщение агентства Рейтер, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер вступил в контакт со шведским графом Бернадоттом на предмет переговоров о капитуляции на Западном фронте. Потрясение, последовавшее за этим известием, было для его души более сильным, чем все испытания последних недель. Гитлер всегда считал Геринга оппортунистом и коррумпированным человеком: поэтому измена рейхсмаршала явилась лишь подтверждением предугадывавшегося разочарования; напротив, поведение Гиммлера, всегда называвшего своим девизом верность и гордившегося своей неподкупностью, означало крах принципа. Для Гитлера это был самый тяжелый удар, который только можно было себе представить.

«Он бесновался, как сумасшедший, — описывала дальнейший ход событий Ханна Райч, — лицо его стало багрово-красным и изменилось почти до неузнаваемости. Но в отличие от предыдущих приступов силы на этот раз очень скоро отказали ему, и, сопровождаемый Геббельсом и Борманом, он удалился для беседы за закрытыми дверьми».

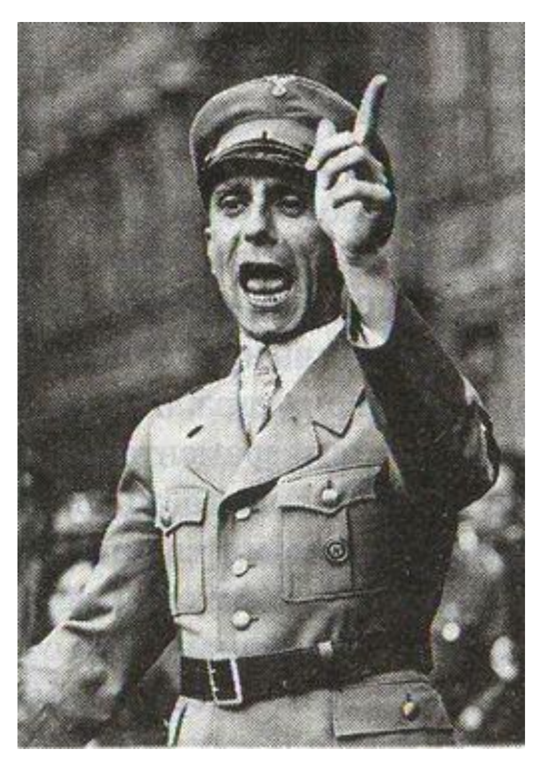
И снова, приняв одно решение, он принял вместе с ним и все остальные. Для удовлетворения своей жажды мести он приказал сперва подвергнуть короткому допросу Фегеляйна, которого считал соучастником Гиммлера, а затем расстрелять его, что и было сделано его охранниками в саду рейхсканцелярии. После этого он разыскал Грайма и приказал ему попытаться выбраться из Берлина и арестовать Гиммлера. Никаких возражений он не слушал. «Предатель не может быть моим преемником на посту фюрера, — сказал он. — Позаботьтесь, чтобы он им не стал!»

Гиммлер не стал преемником. «Своим преемником на посту рейхспрезидента, военного министра и верховного главнокомандующего вермахтом он (Гитлер) назвал адмирала Деница; содержащуюся в завещании ссылку на то, что на флоте еще живет понятие о чести, которому чужда даже сама мысль о капитуляции, следовало, несомненно, понимать как задание продолжать борьбу и после его смерти — вплоть до окончательной гибели. Одновременно он назвал состав нового правительства Рейха во главе с Геббельсом». Увы, для Геббельса речь шла совсем о другом: о смерти. Своему фюреру он остался верен до конца.

До конца верный Йозеф Геббельс

Йозефа Пауля Геббельса называли не иначе чем рупором партии. Маленький, хромоногий (последствие тяжелой детской инфекции), вынужденный ходить с шиной на ноге, что причиняло ему страшные боли, этот человек обладал неудержимым темпераментом и верой в социальную справедливость для немецкого народа.

Сам он происходил из интеллигентной, но бедной семьи. Впоследствии он вспоминал, как в детстве родители заставляли его играть на пианино в совершенно промерзшем доме — денег на отопление не было. И он играл, в теплой одежде и шапке, синими от холода пальцами. Отец Йозефа был бухгалтером, но считал почему-то, что его Йозеф должен стать священником. Сын не желал себе такого будущего. В отличие от отца он не был набожным. Обладая острым глазом и едким умом, он рано определил для себя, что нет ничего гаже немецкой церкви. Он мечтал стать писателем. Ничего он так не любил, как предавать свои мысли бумаге. Но и писателем Геббельс не стал. Он закончил университетский курс по филологии, защитил диссертацию (тема была характерная — о романтизме), но первый же собственный роман показал слабость таланта. Может быть, Геббельс был просто страшно молод, но неудачный литературный дебют и столь же неудачная первая любовь привели его к размышлениям о жизни, к размышлениям о справедливости. Скажем так, несправедливость была ему замечательно известна.



Йозеф Геббельс умел взвинчивать массы и держать слушателей в эйфории, чем и снискал уважение Гитлера

В школьные годы над Йозефом издевались все кому не лень, называя его не иначе как «маленьким мышиным доктором», сотоварищи копировали его прихрамывающую походку, а ведь Йозеф, так же, впрочем, как и Гитлер, мечтал о войне и подвигах. Родину он любил неистовой какой-то любовью, до рыданий. Совсем мальчишкой еще он хотел отправиться на фронт, но врачебная комиссия только развела руками — кому нужен такой дефективный солдат? Это была горькая обида, о ней Геббельс вспоминать не любил.

То, что случилось с Германией далее, казалось ему страшным сном. Версальский мир он принял как смертную казнь. Слово капитализм вызывало у него содрогания. Геббельс ненавидел капиталистов и мир, созданный капиталистами для процветания капиталистов. Слова *еврей* и *капиталист* стали для него синонимами. Неудивительно, что в послевоенном немецком обществе он нашел единственную политическую силу, которая была по душе, —

партию НСДАП, правда, в партии был разброд: левое крыло стояло за социалистов, их представляли братья Штрессеры, правое шло за Гитлером с его национал-социализмом. Геббельс выбрал левых, для него только они представляли интересы рабочих. А Йозеф хотел защищать именно рабочих, потому как справедливо считал, что в промышленной стране они представляют истинную силу. Если рабочих удалось поднять в аграрной России, то в Германии это реальнее, чем где-либо еще.

В те годы он разделял социализм и национализм, даже не просто разделял, а противопоставлял их друг другу, находя позиции социализма более крепкими и справедливыми. «Социализм и национализм абсолютно несовместимы, — писал он, — чем более убежден националист, тем грубее он противостоит социалистическим идеалам. Наш народ вел героическую войну в 1870–1871 гг. и в борьбе завоевал свое политическое существование и значимость. Он сражался за абсолютную концепцию национализма и не смог найти ее.

Последовавшее за этим составляет самый ужасный урок германской истории. Люди пресытились. Люди, имевшие все, что пожелают: власть, богатство, собственность. Но эти люди были больны, казалось, неизлечимо больны. В их сердцах лежали семена смерти. Сердце гнило изнутри. Это уже не был сильный организм и не единое политическое тело. Он смертельно кровоточил из глубокой раны социального бедствия. Снова и снова врач прилежно навещал больничную койку этого народа, смотрел на зияющую рану, жал плечами, качал головой и с отвращением уходил. Возможно, также, из-за жалости, страха и стыда он накладывал на рану перевязочный материал социального благосостояния. По крайней мере, видно ее больше не было. Но эта рана разрасталась и гноилась под повязкой, она разъедала жизненно важные органы тела и была готова уничтожить весь организм.

„Германия удовлетворена!
Германия больше не имеет политических притязаний!
Германия желает покорить мир мирным соперничеством!"

Таким был самый последний политический афоризм либеральной буржуазии, коррумпированной торгашескими целями и желанием прибыли. Но эти несчастные люди еще раз объединились в августе 1914, надели свой стальной шлем и совершили потрясшие мир деяния, перед которыми отнимало дыхание у времени и вечности. Четыре года эти люди стояли, не дрогнув под шквалом пуль лишь для того, чтобы погибнуть так же жалко, как и любые люди в Истории».

Всю горечь поражения, как хороший социалист, он относил на совесть сил, желающих использовать ложный патриотизм для одурманивания масс и утяжеления собственного кошелька. Кто же были эти враги, победившие Германию? Социал-демократы, марксисты — враги настоящих социалистов. Немецкий народ предали с одной стороны либеральные силы, национальная торгашеская буржуазия, с другой — коммунисты. Для одних выгода оказалась дороже народа, для других действовал лозунг «чем хуже народу, тем лучше». «Правящий класс, с националистической точки зрения, пал. Он укрылся в мышиных норах, и шторм пробушевал у него над головой. Марксизм пал с социалистической точки зрения. Это была не революция! Это был заговор: это был жалкий, никудышный, трусливый, торгашеский переворот!

Переворот начался уже во время войны. Пока героическая молодежь Германии жертвовала свои трижды священные жизни во имя нации в кровавых битвах Первой мировой войны, марксистские предатели народа бродили по стране и призывали к переговорам…В то время, когда Германия сражалась за свое существование, в их дешевых газетенках героический германский народ, перед делами которого время затаивало дыхание, был оскорблен, оклеветан, оплеван и оскорблен… Социал-демократия была поставлена во главе государства доверием германского пролетариата. Затем она самодовольно и глупо замаскировала эту форму разрушения, позволив беспрепятственно совершить этот ужасный

акт убийства всего народа — ради партии… Все, кто пособничал этой системе, стали соучастниками преступления: от социал-демократов до германских националистов. Ни одна из этих партий не смогла принести Германии свободу».

Но кто может принести свободу?

Большевики?

Геббельс признавал Ленина как великого человека, использовавшего отвратительную марксистскую доктрину, которая показала полную негодность. В России применение марксизма привело к насилию над народом. В НСДАП он увидел единственную партию, способную вывести страну из кризиса и дать рабочему классу достойную жизнь. Но стоял пока что на левых позициях, Гитлера называл не иначе чем «буржуа Адольф Гитлер» и даже требовал его исключения из партии. Постепенно он все больше отходил от левого крыла и с интересом приглядывался к Гитлеру.

«Для нас жизненно важной проблемой сегодняшних дней является решение социального вопроса, — писал Геббельс, — социального вопроса не в смысле меньше работать и больше получать. Для нас социальный вопрос является вопросом возможности и способности взаимопонимания между немцами-соотечественниками. Германия будет свободной лишь тогда, когда тридцать миллионов левых и тридцать миллионов правых придут к взаимопониманию. Такой цели никогда не достигнуть буржуазным партиям. Марксизм и не желает достигать этого. Лишь одно движение сейчас способно сделать это — национал-социализм в олицетворении своего лидера Адольфа Гитлера».

Между призывом изгнать Гитлера из партии и полного признания его политики прошло менее двух лет. За эти два года Геббельс успел разочароваться в левом движении и нашел в Гитлере человека, способного повести за собой весь немецкий народ, — такого же харизматического вождя, как русский Ленин, только с правильной идеей, точнее — идеями: «Адольф Гитлер не выходец ни из интеллигенции, ни из высших десяти тысяч. Этот человек испытал всю социальную нищету своего времени, он изучал социальные проблемы не по книгам, а через свое собственное тело. Голод и холод, нищета безработицы — он слишком рано испытал это в своей жизни. Это просто удивительно, что он очень рано начал размышлять над тем, почему все так происходит, и начал искать причины этих страданий. Он добровольцем принимал участие в Первой мировой войне, был простым солдатом в Баварской армии. И война полностью раскрыла ему глаза. Он сам доискивался первопричин. И то, что он увидел, глубоко поразило его.

Измена марксизма рабочему люду Германии в ноябре 1918 года, ничтожность и трусость национальной буржуазии, огромная пропасть между людьми, считавшими, что их судьба принадлежит всем соотечественникам вместе, — все это привело Гитлера к решению посвятить себя политической работе в будущем. Гитлер понимает, что только новая идея, только идея национальной воли и социалистической справедливости в состоянии построить Германию будущего…

Мы хотим отчеканить германский принцип в новой форме, в форме Третьего рейха. Мы хотим этого Третьего рейха с пылом наших сердец. Третьего Рейха великой Германии, Третьего Рейха социалистически разделенной судьбы. Это намного превосходит идеи братства, намного превосходит примитивную доктрину зависти. Мы обращаемся к народу Германии с конечным, самым жестоким обвинением. Но это конечное, чрезмерно жестокое обвинение таит в себе конечное великое примирение. Мы обвиняем правых и располагаем к себе левых… Мы не хотим буржуазного государства. Мы не хотим пролетарского государства. Мы хотим Германии!..

Мы не обещаем ничего, кроме одной вещи: что мы честные бойцы за то, чего мы желаем. Итак, мы призываем к борьбе. Над нами развивается флаг германской революции: красный фон с белым кругом и черной свастикой в нем. Под этим флагом в борьбе мы добьемся того, что сегодня есть лишь пустые разговоры и иллюзии: мира между разумом и кулаком».

Геббельс полностью перешел на сторону Гитлера. Гитлер заметил Геббельса, и его тоже привлек порывистый молодой человек, считавший его немецким мессией, не то Христом, не то святым мучеником. Гитлер даже нашел в Геббельсе, мало похожем на арийца, некоторые арийские черты — редкие золотые волоски в его черных волосах! Гитлеру понравился его стиль речи, окрашенный в романтические тона, его любовь к эффектам, его умение держать слушателей в эйфории — в этом взвинчивании масс, призыве их к борьбе, оба имели немало общих черт. Во всяком случае, оказалось, что Геббельс способен собирать на свои выступления толпы желающих его послушать. Конкурента себе в Геббельсе Гитлер не видел. Замечательного союзника — да. А Геббельс буквально влюбился в Гитлера. Это была любовь сильнее, чем любовь к женщинам.

Магда Геббельс, жена Йозефа, была первой красавицей Рейха

В этом плане Геббельс был влюбчив, но до начала 30-х годов ходил в холостяках. Он даже женился едва ли не по приказу Гитлера и на женщине, которая нравилась Гитлеру. Ему она тоже, конечно, нравилась (и не могла не нравиться, ибо была первой красавицей Рейха). Эту замечательную женщину звали Магда, или полностью Йоханна Мария Магдалена Квандт — жена крупного немецкого промышленника. Геббельс в то время (в 1926 году) был назначен гауляйтером Берлина. Об этом времени он вспоминал как об одном из трудных этапов жизни.

«Берлинское движение, которое я должен был принимать как руководитель, в то время находилось в малоутешительном состоянии. Оно переживало разброд и хаос вместе с остальной партией, как обычно в Берлине это имело особенно опустошительные последствия. Вождистские разногласия сотрясали устройство организации, если о ней вообще могла идти речь. Казалось невозможным снова добиться авторитета и твердой дисциплины. Две группы находились друг с другом в ожесточённой вражде, и опыт подсказывал, что так это нельзя было оставлять.

Партийное руководство долго медлило вмешаться в эту путаницу. По праву исходили из соображения, что если такое положение дел должно быть устранено, то в Берлине необходимо вообще все реорганизовать, что, по крайней мере, обеспечило бы для партии определенную стабильность на продолжительное время. Но в берлинской организации отсутствовал лидер, который был способен восстановить потерянную дисциплину и создать новый авторитет. В конце концов, решили перевести меня на некоторое время в Берлин с заданием возобновить хотя бы примитивную деятельность партии. Такая идея впервые появилась на съезде в Веймаре в 1926 году, потом она была доработана и обрела законченный вид во время совместного отпуска Адольфа Гитлера и Грегора Штрассера в Берхтесгадене. Я бывал много раз в Берлине, в ходе этих визитов, пользуясь случаем, изучал состояние берлинской организации и наконец решился принять тяжелое и неблагодарное задание.

В Берлине было как везде, где организация переживает кризис: на каждом углу всплывали искатели приключений. Они считали, что их час пробил. Каждый, кто мог сбить вокруг себя шайку, пробовал добиться влияния, а предатели стремились усугубить разложение. Было совершенно невозможно спокойно и деловито изучить ситуацию в партии и прийти к четким выводам. Если различные группы и группки включались в переговоры, то было одинаково очевидно, что все эти товарищества сами никак не находили решения. Я долгое время сомневался, должен ли вообще принимать неблагодарную должность; пока моим долгом и целью было мужественно и напористо взяться за работу, и я с самого начала знал, что она скорее готовит мне хлопоты, неприятности и огорчения, чем принесет радость, успех и удовлетворение. Кризис, который угрожал потрясениями берлинской организации, имел по существу чисто личностный характер. Вопрос заключался ни в программными ни в организационных разногласиях. Каждая из обеих групп, которые конкурировали между собой, хотела поставить своего человека во главе движения. Итак, не оставалось ничего иного, как определить туда третье лицо, ведь, по всей видимости, никто из обоих противников не мог уладить конфликт без тяжелейшего вреда для партии».

Геббельс и оказался этим третьим лицом!

У гауляйтера сразу возникли огромные проблемы — нищета. Национал-социалисты считали зазорным брать деньги у капиталистов, так что партия не могла даже позволить выпускать многостраничную газету. Геббельс начал со сбора пожертвований, уговаривая партийцев потуже затянуть пояса. Это немного помогло, но строить политику на голодании было наивно. Тут-то и оказалось, что Йозеф находчив и обладает врожденным даром завораживать людей, подогревать их интерес. Ему удалось за короткое время привлекать внимание к партии самыми разными акциями — плакатами, обещавшими появление статьи в крохотном партийном издании, шествиями штурмовых отрядов, якобы стихийно возникающими митингами.

Берлин в ту пору считался «красным» городом, и как только НСДАП стала проявлять активность, на нее обратили внимание берлинские коммунисты. Стали возникать потасовки, началась травля, вызывавшая у Геббельса то отчаяние, то радость. Он быстро сообразил, что любой скандал полезен для партии, потому что скандал помогает стать заметными, и берлинское отделение скоро заявило о себе, о нем знали, партия стала для берлинцев интересной.

Обратила на нее внимание и фрау Квандт, которая только что развелась с мужем и умирала от скуки, она вступила в НСДАП и начала выполнять партийные задания. Первым опытом ее работы были какие-то образовательные занятия с бедными женщинами, но фрау являлась на эти мероприятия в таких нарядах, что бедные слушательницы все ее слова пропускали мимо ушей. Пришлось фрау Квандт отослать трудиться в берлинский архив партии, там-то она и познакомилась с Геббельсом. Их сплотили совместные труды над архивом гауляйтера. Магда приходила к нему каждый день и работала упорно и допоздна. Гауляйтер втайне вздыхал, но держался на расстоянии. Как-то Магду Квандт увидел Гитлер. Гитлер был

покорен ее арийской красотой и даже признался, что если бы не дал обет безбрачия ради будущего Германии, то выбрал бы ее себе в жены. Ему хотелось видеть Магду рядом с собой.

Выход был найден быстро и просто: Гитлер предложил Геббельсу жениться на Магде. Магда, влюбившаяся в Гитлера, не возражала. Для Геббельса она оказалась не только хорошей женой и матерью его детей, но и верным товарищем.

Несмотря на брак, Геббельс открыто заводил романы с другими красотками. Что они находили в хромом и большеголовом Геббельсе — вопрос открытый, но недостатка в любовницах у того не было. Магда все стоически терпела. Бывали случаи, когда она сама уговаривала любовниц Геббельса не порывать с ним отношений — она заботилась о психическом равновесии Йозефа. Геббельс был человеком крайне ранимым, а партии он нужен был дееспособным. Магда заботилась о его здоровье, чтобы сберечь талант Йозефа для человека, которому Геббельс был необходим, — для Гитлера. Такие вот это были странные отношения. Оба — и Йозеф, и Магда — любили Гитлера глубоко и нежно.

Геббельс действительно не проводил ни дня без строчки. Он написал за 23 года в НСДАП (с 1922 по 1945) множество статей на всевозможные темы — по арийскому вопросу, по еврейскому вопросу, о политике партии, о коммунизме, о врагах и красных шпионах, о величии Рейха, статьи для газет и журналов, обращения к нации, всего и не перечислить. Конечно, писательским трудом назвать это сложно, от журналистского письма с каждым годом на службе Рейха эти сочинения тоже все больше и больше отходили в сторону. Более всего это напоминало партийную литературу, которую рекомендовал пестовать наш Ленин. Подход Гитлера к этому вопросу, вероятно, аналогичен. С этой ролью Геббельс справлялся замечательно. А отдушины находил в ведении дневника. От последнего года жизни осталось множество записей. Они точно рассказывают о том, что происходило в бункере Гитлера. И они печальны.

«*5 марта*

Разговор с фюрером в это воскресенье носит самый откровенный характер. Фюрер совершенно искренен со мной. Правда, я и на этот раз не добился успеха в самых важных военных вопросах. Но думаю, как я уже подчеркивал, что капля и здесь подточит камень. Я очень счастлив, что фюрер физически и духовно находится в исключительной форме, что он сохраняет ясность ума и непреклонность.

В приемной фюрера ожидают наши генералы. Вид этого сборища усталых людей действует прямо удручающе. Позорно, что фюрер имеет так мало авторитетных военных сотрудников. Среди них он сам — единственная выдающаяся личность. Но почему около него не образовался круг людей типа Гнейзенау и Шарнхорста? Я посчитал бы задачу найти для фюрера таких людей и отдать их в распоряжение фюрера своей самой приятной обязанностью. Просто прискорбно слышать, как в разговоре с подобными генералами Йодль хвастается по ничтожному поводу вроде права посещения бомбоубежища, словно речь идет о событии мирового значения. Настолько ничтожно большинство военных советников фюрера!

Дома я нахожу массу работы. Снова налет „москито". Я отношусь теперь к этим налетам не так легко, как прежде, поскольку они причиняют нам большой ущерб.

13 марта

Настроение германского народа как в тылу, так и на фронте все больше падает. Органы пропаганды Рейха постоянно жалуются на это в своих донесениях. Народ чувствует нашу полную бесперспективность в войне. Критикуя в целом военное руководство, он уже не щадит и фюрера. Его упрекают, прежде всего, в том, что он не принимает решений по главным военным вопросам, и в первую очередь кадровым. В частности, ссылаются на случай с Герингом. Фюрер должен был бы уже давно произвести кадровые перестановки в военной авиации. Поскольку этого не происходит, народ считает, что он или не осведомлен о

действительном положении дел, или осведомлен, но не принимает решений, что еще хуже. Однако в донесениях постоянно отмечается, что нынешнее настроение нельзя смешивать с явным пораженчеством. Народ по-прежнему выполняет свои обязанности, и солдат на фронте тоже держится, пока у него для этого остается хоть какая-то возможность. Но таких возможностей становится все меньше — главным образом из-за превосходства противника в воздухе. Воздушный террор, непрерывно обрушивающийся на германскую территорию, полностью лишает народ мужества. Чувствуешь себя таким бессильным, что не знаешь, как помочь ему выбраться из этого. Распространению такого пессимистического настроения среди германского народа способствует, прежде всего, полный паралич транспортного сообщения в Западной Германии.

22 марта

Когда я возвращаюсь к себе, застаю весь дом погруженным во тьму. Опять нарушена электросеть. Мрачный и несколько меланхоличный вечер. Магда уехала в Дрезден, чтобы навестить госпожу фон Арент. В такие часы можно совсем впасть в уныние, особенно когда постоянно задаешь себе вопрос: как мне осуществить на деле то, что я твердо считаю правильным? Я ощущаю на своих плечах огромное бремя морального и национального долга по отношению к немецкому народу, ибо я один из тех немногих, к кому вообще сейчас прислушивается фюрер. Такую возможность нужно всячески использовать. Но больше того, что я в этом смысле делаю, сделать вообще невозможно.

26 марта

День наполнен тяжелейшими заботами. Драматические доклады поступают ко мне один за другим, и каждый из них взваливает на меня массу острейших проблем. В этой атмосфере чудесная весенняя погода прямо-таки раздражает. Хочется закрыть маскировочные шторы и спрятаться в четырех стенах.

Вечером показывают новое еженедельное кинообозрение. В нем имеются поистине ужасающие кадры с Западного фронта, которые мы не можем показывать общественности. К примеру, взрывы мостов через Рейн у Кёльна тяжело отзываются в сердце каждого. Глубочайшие душевные муки вызывает вид наших прекрасных городов на левом берегу Рейна, обстреливаемых сейчас нашей же артиллерией.

28 марта

Сад у рейхсканцелярии выглядит как дикая пустыня. Повсюду груды развалин. Сейчас подземные казематы убежища фюрера дополнительно укрепляются. Фюрер твердо намерен пока что даже при самой критической ситуации оставаться в Берлине. Среди военного окружения фюрера царит атмосфера кораблекрушения; это доказательство того, что фюрер собрал вокруг себя только слабохарактерных людей, на которых он в критическую минуту не может положиться. Все фюреры СС демонстрируют твердость и рвение. Гюнше доложил мне, что он уполномочен руководить обороной правительственного квартала. Я думаю, что смогу на него положиться.

Фюрер намерен вызвать к себе Шпеера сегодня пополудни и поставить его перед очень серьезной альтернативой: либо он должен приспособиться к принципам ведения современной войны, либо фюрер откажется от сотрудничества с ним. С большой горечью он говорит, что лучше бы ему сидеть в доме призрения или уползти под землю, чем поручать строить себе дворцы сотруднику, который подводит его в критическую минуту. Фюрер готов обрушиться на Шпеера с невероятным гневом. Я думаю, что в ближайшие дни Шпееру от него не поздоровится. Более всего фюрер хотел бы, чтобы Шпеер прекратил свои откровенно пораженческие разглагольствования. Шпеер также был в числе тех, кто выступал против выхода из Женевской конвенции. Правда, среди них был и Борман. Сейчас Борман тоже далеко не в лучшей форме. В частности, по вопросу о радикализации наших методов ведения войны он занял совсем не ту позицию, какой я от него, собственно, ожидал. Как я уже подчеркивал,

этих людей следует считать наполовину бюргерами. Может быть, они и мыслят по-революционному, но действуют далеко не так. Теперь же к власти нужно привести революционеров. Я обращаю на это внимание фюрера, однако фюрер говорит мне, что в его распоряжении очень немного таких людей.

31 марта

Мне просто больно видеть, какое плохое физическое состояние у фюрера. Он говорит, что уже почти не спит, что беспрерывно загружен работой и что его совершенно изматывает необходимость постоянно взбадривать и приводить в чувство своих слабонервных и бесхарактерных сотрудников. Могу себе представить, насколько все это утомительно и хлопотно. Фюрера мне просто жаль, особенно когда я вижу его в таком состоянии. И все же я не могу отказаться от своей обращенной к фюреру настоятельной просьбы как можно быстрее выступить перед народом. Но в этом случае ему придется дня на два-три отказаться от военных совещаний. Сейчас самое важное — чтобы он снова воодушевил народ; остальное я тогда возьму на себя.

9 апреля

Положение на фронте в этот день такое, какого еще не было. Мы фактически потеряли Вену. Противник осуществил глубокие вклинения в Кёнигсберге. Англо-американцы находятся на подступах к Брауншвейгу и Бремену. Короче говоря, если посмотреть на карту, то можно увидеть, что Рейх тянется узкой длинной кишкой от Норвегии до озера Комаккьо. Мы потеряли области, имевшие важнейшее значение как источники продовольствия и центры военной промышленности. Фюрер должен теперь как можно скорее развернуть наступление наших войск в районе Тюрингии, чтобы нам хотя бы перевести дух. Во всяком случае, мы не сможем свободно дышать сколько-нибудь продолжительное время, имея в распоряжении нынешний потенциал».

Далее, после 10 апреля, в дневнике записей нет. Геббельсу стало не до дневника.

Последние тексты, которые он оставил, — письмо сыну Магды от первого брака Харальду и дополнение к завещанию Гитлера, первое датировано 28 апреля, второе — днем позже.

«Мой дорогой Харальд! — писал он, обращаясь к пасынку. — Мы сидим, окруженные в бомбоубежище фюрера в имперской канцелярии, и боремся за нашу жизнь и за нашу честь. Каков будет исход этой борьбы, знает лишь один Бог. Но я уверен, что, живыми или мертвыми, мы выйдем из нее с честью и славой. Мне почти не верится, что мы снова когда-нибудь увидимся. Так что это, вероятно, последние строки, которые ты получишь от меня. Я надеюсь, что ты, если переживешь эту войну, будешь достоин своей матери и меня. Для воздействия на будущее нашего народа вовсе не нужно, чтобы мы остались живы. При известных условиях ты будешь единственным, кто продолжит традицию нашей семьи. Делай это всегда так, чтобы нам не пришлось стыдиться. Германия переживет эту войну, но только в том случае, если у нашего народа перед глазами будут примеры, на которые он сможет равняться. Такой пример хотим дать мы. Ты можешь гордиться, что имеешь такую мать. Вчера вечером фюрер подарил ей золотой партийный значок, который он многие годы носил на своем пиджаке, и она это заслужила. Перед тобой в будущем стоит только одна задача — показать себя достойным той тяжелейшей жертвы, которую мы собираемся и исполнены решимости принести. Я знаю, что ты это сделаешь. Не допусти, чтобы тебя сбил с толку шум, который поднимется во всем мире. Ложь в один прекрасный день рухнет, и над ней снова восторжествует правда. Это будет час, когда мы будем стоять над всем чистыми и незапятнанными, такими, какими всегда были наша вера и наши стремления.

Прощай, мой дорогой Харальд! Увидимся ли мы когда- нибудь снова — Бог знает. Если мы не встретимся, то гордись всегда тем, что принадлежишь к семье, которая и в несчастье до последнего момента осталась верной фюреру и его чистому, святому делу.

Всего хорошего, шлю самые сердечные приветы.
Твой отец».

Дополнение к завещанию Гитлера он написал уже после самоубийства фюрера и Евы Браун, чтобы объяснить мотивы собственного поступка.

«Фюрер приказал мне в случае крушения обороны имперской столицы покинуть Берлин и войти в назначенное им правительство в качестве ведущего его члена.

Впервые в жизни я категорически отказываюсь выполнить приказ фюрера. Моя жена и мои дети тоже отказываются выполнить его. Иначе — не говоря уже о том, что мы никогда бы не могли заставить себя покинуть фюрера в самую тяжелую для него минуту просто по человеческим мотивам и из личной преданности, — я в течение всей своей дальнейшей жизни чувствовал бы себя бесчестным изменником и подлым негодяем, потерявшим вместе с уважением к себе уважение своего народа, которое должно было бы стать предпосылкой моего личного служения делу устройства будущего германской нации и германского Рейха.

В лихорадочной обстановке предательства, окружающей фюрера в эти критические дни, должно быть хотя бы несколько человек, которые остались бы безусловно верными ему до смерти, несмотря на то что это противоречит официальному, даже столь разумно обоснованному приказу, изложенному им в своем политическом завещании.

Я полагаю, что этим окажу наилучшую услугу немецкому народу и его будущему, ибо для грядущих тяжелых времен примеры еще важнее, чем люди. Люди, которые укажут нации путь к свободе, всегда найдутся. Но устройство нашей новой народно-национальной жизни было бы невозможно, если бы оно не развивалось на основе ясных, каждому понятных образцов. По этой причине я вместе с моей женой и от имени моих детей, которые слишком юны, чтобы высказываться самим, но, достигнув достаточно зрелого для этого возраста, безоговорочно присоединились бы к этому решению, заявляю о моем непоколебимом решении не покидать имперскую столицу даже в случае ее падения и лучше кончить подле фюрера жизнь, которая для меня лично не имеет больше никакой ценности, если я не смогу употребить ее, служа фюреру и оставаясь подле него.

Совершено в Берлине 29 апреля 1945 года в 5 часов 30 минут».

Геббельс остался верен своему Гитлеру до конца: сначала Магда отравила всех своих шестерых детей, затем оба супруга покончили с собой. Охране было приказано трупы сжечь, но огонь занимался плохо, времени на полноценное сожжение не было, и трупы едва обгорели.

Семейство Геббельсов

Воздушный ас Герман Геринг

Герман Геринг, первый человек после фюрера, в отличие от Гиммлера и Геббельса, выжил и дожил до Нюрнбергского процесса. По сути, Геринг никогда не был «правильным» национал-социалистом. Хотя бы потому не был, что не имел и доли того фанатизма, которым отличались другие приближенные к Гитлеру люди и сам фюрер. Наверно, он никогда бы не оказался в нацистской партии и прожил другую жизнь, если бы Первая мировая война не обернулась для него потерей всего — и денег, и идеалов, и карьеры, и надежд на будущее. В отличие от других лидеров партии Геринг происходил из немецкой элиты — он был сыном генерал-губернатора немецкой колонии — Юго-Западной Африки.

Существует легенда, что Герман Геринг посещал авиашколу в Липецке и там влюбился в русскую девушку Надю

Отец Геринга дружил с идолом того времени, которому поклонялись и Гитлер, и Гиммлер, и Гесс, и Геббельс, — железным канцлером Пруссии Бисмарком. Свою жизнь отец связал с военной службой, хотя имел за плечами годы студенчества в двух самых престижных университетах — Боннском и Гейдельбергском. От первого брака он имел пятерых детей, шестой родился от второго супружества, уже в зрелые годы. Матерью Германа была молоденькая немочка из Тироли, которую престарелый отставной офицер увез на далекий остров Гаити, куда его назначили все в той же должности после успешного управления африканской колонией. Мать плохо переносила жаркий чужой климат, так что перед родами Геринг-старший отправил ее домой, в Баварию. Тут, на немецкой земле, и родился мальчик, нареченный Германом Вильгельмом. Второе его имя было дано в знак патриотизма. Таково было имя кайзера. Геринги могли гордиться своим аристократическим родом. По легендарной генеалогии этот род восходил чуть ли не к основателю русского государства Рюрику! В числе своих предков Геринг имел польских королей и немецких графов. По сравнению с этим блистательным родословием его товарищи по партии выглядели просто как кухаркины дети.

Юный Герман рос мальчиком отчаянным и самолюбивым, он постоянно участвовал в каких-то школьных стычках, проявлял агрессивность и упрямство, так что отец в конце концов отказался дать ему хорошее классическое образование и отправил в военную школу. Удивительно, но в военной среде, где была строгая дисциплина, Герман отлично прижился. Муштра пошла ему на пользу.

Образование в элитных военных школах давали неплохое, Герман учился легко и шел одним из первых по успеваемости. В 1912 году его выпустили из стен школы в звании младшего лейтенанта и отправили проходить службу в пехотный полк принца Вильгельма. Полк стоял в Мелюзе, и заняться там было совершенно нечем. Скука была редкостная. Девятнадцатилетнему офицеру хотелось развлечений и приключений. Но какие развлечения в гарнизонной казарме? Как счастье и облегчение он воспринял объявление войны. Но если

воевать — только не в пехоте. Наелся он этой пехотой! И Геринг подал прошение о переводе в летную часть.

В октябре 1914 года его прошение было удовлетворено. Геринг ликовал. Ничего он так страстно не желал, как летать. В то время летчики были элитой армии, избранными. Герман попал в ряды избранных. Летчиком он оказался превосходным, освоил и толстобрюхие бомбардировщики, и юркие самолеты-разведчики. Но летать на тихоходных машинах ему не хотелось, и он стал проситься на истребитель — самую скоростную машину тех лет. Для него открылся мир крутых виражей и бешеной (по тем временам) скорости.

Впрочем, в истребительную авиацию его влекла не только скорость, в этой авиации служил легендарный ас Первой мировой войны Манфред фон Рихтгофен, которого ненавидели и обожали союзники, прозвавшие отчаянного и великодушного пилота «красным бароном». Нет, Рихтгофен не был никаким коммунистом: просто цвет его машины был ярко-алым. «Красный барон» затевал в небе настоящие рыцарские поединки с противником. Именно благодаря ему в обиход военной авиации вошли дуэли на самолетах. Рихтгофену долго удавалось сражаться и выживать. Он был подбит, падал, снова возвращался в строй. Страсть к полетам не могли остановить даже тяжелые ранения.

Герман брал пример со своего кумира. Он сбивал тяжелые английские бомбардировщики, падал, лечился от ран, снова летал, дослужился до должности командира эскадрильи. Счет сбитых им противников рос. И в мае 1918 года он получил высшую немецкую летную награду — орден «За заслуги». Кроме этого за ним числились уже Железный крест I степени, орден Льва с мечами, орден Карла Фридриха, орден Гогенцоллернов III степени с мечами. А в июле того же года он был назначен командовать осиротевшей эскадрильей № 1, той самой эскадрильей, которую поднимал в небо против союзников Манфред фон Рихтгофен. Весной 1918 года его все же сбили; легендарный пилот погиб. Герман тяжело переживал гибель прославленного аса, и назначение на его место принял как некий знак, это было не только признание заслуг, но и обещание выдающейся карьеры.

Однако исхода войны не могли изменить даже все подвиги небесных рыцарей. Война была проиграна. Военная авиация в Германии была запрещена, эскадрилья расформирована. Когда пилотам объявили эту весть, они поникли головами и устроили прощальный вечер. Своих чувств не скрывал никто. Летчики пили и ругали бездарное правительство, предательство, ложь. Пьяный Геринг встал и крепкими словами обложил всех красных и революционеров. «Мы кровь проливали, — кричал он, — а они сдирают эполеты с наших товарищей, бьют по лицу, с меня пытались сорвать награды, какой позор, позор! Да будут они все прокляты! Но мы не сдадимся! Я клянусь вам, мы еще возродим нашу эскадрилью! За Рихтгофена! За великую Германию! За наших товарищей!» Все вскочили с мест и на счастье разбили бокалы о стенку. Расходились в молчании и обнимались на прощанье, как навсегда.

Так вот неожиданно все будущее прекрасного пилота полетело к чертям. Впереди он не видел ничего, кроме пустоты. Пустоты и нищеты. Геринг демобилизовался в чине капитана и стал искать работу. Служить предателям дальше он не желал, хотя и мог остаться в армии. Зарабатывал на жизнь он показательными полетами или катал желающих — на легком маленьком самолете фоккере. Ему приходилось жить то в Дании, то в Швеции, поскольку на родине союзники объявили его военным преступником — за многочисленные сбитые им самолеты противника. Но когда ему стало известно, что Германия ведет сепаратные переговоры с СССР для организации летных школ на территории восточного соседа, он одним из первых отправился в одну из таких школ, расположенную в русском городке Липецке. Так гласит существующая в Липецке легенда.

Правда, есть некоторая неувязка: Геринг якобы отправляется в эту школу на переподготовку в 1922 году. Здесь он встречает русскую девушку Надю, дочку железнодорожного рабочего, влюбляется в нее, собирается жениться, но вынужден уехать (его просят вернуться в Германию), снова приезжает, любовь идет полным ходом, все отлично, но

его снова требуют в Германию, а назад больше не выпускают. На том эта любовь и завершается — для Геринга. Для Нади все только начинается: она рожает дочку, учит немецкий язык, переписывается с Германом… но тот женится на другой. История слез и разбитого сердца. А тут еще в игру включается вездесущее НКВД, которое теперь с Нади и дочки Геринга не спускает своего недреманного ока.

И все бы хорошо, если бы не так плохо!

Вполне может быть, что Геринг посещал Липецкую летную школу. Только образована она была не в 1922-м, а в 1925 году. В 1926 году Уншлихт дает Сталину отчет о проделанной работе, то есть о ходе взаимодействия с Германией. Сохранился даже секретный документ по этому поводу.

«К сегодняшнему дню мы имеем 6 совместных предприятий, краткая характеристика которых сводится к следующему:

Авиашкола в Липецке. Школа существует с мая 1925 г. На декабрь 1926 г. с нашей стороны прошли тренировку на истребителях 16 военлетов, техническую подготовку по детальному изучению, уходу и эксплуатации мотора Нэпир-Лайон — 25 постоянных механиков и 20 переменных. В мастерских при школе сгруппирован кадр рабочих до 40 человек высокой квалификации, которые под руководством немецких инженеров производят различные работы по дереву и металлу. Тренировки в школе проходят над осуществлением выполнения различных новых тактических приемов. Изучение тактических новшеств для нас очень ценно, так как тактические приемы различных видов авиации изучаются немецкими инструкторами школы путем пребывания в Америке, Англии и Франции.

По отзывам наших компетентных товарищей, школа своей работой дает нам: 1) капитальное оборудование культурного авиагородка; 2) возможность в 1927 г. поставить совместную работу со строевыми частями; 3) кадр хороших специалистов, механиков и рабочих;,4) учит новейшим тактическим приемам различных видов авиации; 5) испытанием вооружения самолетов, фото, радио и других вспомогательных служб дает возможность путем участия наших представителей быть в курсе новейших технических усовершенствований; 6) дает возможность подготовить наш летный состав к полетам на истребителях и, наконец; 7) дает возможность путем временного пребывания в школе наших летчиков пройти курс усовершенствования…

Авиахимические испытания. 21 августа с. г. был заключен договор о проведении аэрохимических испытаний. На основании этого договора к работе было приступлено в конце сентября. Вся первая часть программы выполнена. Было произведено около 40 полетов, сопровождающихся выливанием жидкости с различных высот. Для опытов применялась жидкость, обладающая физическими свойствами, аналогичными иприту. Опыты доказали полную возможность широкого применения авиацией отравляющих веществ. По утверждению наших специалистов, на основании этих опытов можно считать установленным, что применение иприта авиацией против живых целей, для заражения местности и населенных пунктов — технически вполне возможно и имеет большую ценность. С весны 1927 г. предстоит выполнить 2-ю фазу испытаний — провести разбрызгивание с разных высот иприта, который предполагается приготовить в феврале по методу немцев у нас. Одновременно будет испытана пригодность противогазов, защитной одежды и других способов химической защиты.

Помимо этого, немцы в настоящее время разрабатывают приборы для прицела. Всю программу предположено закончить к осени 1927 г. Касаясь результатов, необходимо сказать, что испытания эти принесли нам уже большую пользу. Помимо того, что они дали нам неизвестный для нас ранее метод разбрызгивания, мы получили сразу весь, вполне проработанный материал и методику работы, так как с каждым из их специалистов работал наш специалист и перенял весь их опыт на ходу…

3. О танковой школе. 2 декабря с. г. было заключено соглашение об организации объединенной танковой школы. Оценку работы последней возможно будет дать только после

нового оборудования школы (оборудуется за счет немецкой стороны) материальной частью и постановки учебного дела».

Действительно, большевики совместно с немцами создают и летную, и танковую школу, проводят и различные технические испытания. Секрет прост: немцам запрещено иметь обучающие военные школы и военную промышленность, только огрызок армии для защиты границ. Для них единственная возможность свои учебные центры расположить в чужой стране. СССР тогда тоже считается государством-изгоем, оно и предоставляет немцам свою территорию, чтобы… возрождать немецкую армию. Но весь фокус в том, что хотя такие переговоры ведутся с 1922 года и подписываются соглашения в том же году, летная школа в Липецке начинает работу спустя три года.

К этому времени Геринг уже давно успел жениться. Он женился как раз в том самом 1922 году, в феврале, когда ему приписывают романтическое русское приключение. Да и чему у русских товарищей мог научиться прославленный ас Первой мировой войны, если большевикам приходилось перенимать опыт у тех же немцев? Геринг мог учить, а не учиться.

Но ему было совсем не до обучения соотечественников в СССР. Он действительно был поглощен любовью, но не к русской Наде, а к шведской аристократке по имени Карин. С ней он познакомился во время одной из своих поездок в Швецию, где зарабатывал показательными полетами. Красивый немецкий ас пришелся до душе романтичной девушке, и они поженились точно в день рождения советской Красной армии — вот ведь совпадение! Так какой там Липецк, где летная школа была только в проекте! Самые смелые искатели крови Геринга в России «открывают» эту школу в октябре 1922 года, то есть… спустя семь месяцев после регистрации брака Геринга. Известно, что свою первую жену он боготворил. Неужто за эти семь месяцев он успел бы в ней так сильно разочароваться?! Да и титул возлюбленной был приятен его аристократическому сердцу — баронесса. У Наденьки же из Липецка и в помине никакого титула не было. Все ее приданое составляла редкая красота. Голодный нищий пилот, выдачи которого для суда требовали союзники, вряд ли бы решился на такую русскую авантюру. И уж свою любовь он бы так просто не бросил. Герман, несмотря на свои авантюрные замашки, был человеком слова. Нет, о русской линии Герингов можно забыть. А вот со своей шведской женой они жили душа в душу, только очень бедно.

Геринг после женитьбы решил стать студентом, он поступил учиться в Мюнхенский университет, где изучал историю и политологию. Многие считают, что это он делал, дабы избавиться от скуки и безделья, но все сложнее: Геринг тогда уже начал понимать, что ему требуется более серьезное образование, нежели военная школа, ему искренне хотелось разобраться, почему оно так выходит — то есть почему его Германия оказалась в таком тяжелом положении. В этом же году он впервые увидел Гитлера.

Австрийского оратора собралась послушать огромная толпа на митинге, направленном против условий Версальского мира. Тема для Геринга была тоже болезненной. Выступление будущего фюрера ему пришлось по душе, многие мысли были созвучны его собственным. Германия должна избавиться от тяжелых условий мирного договора. Тяжесть этих условий Геринг уже и сам испытал на собственной шкуре: работы у него не было, молодая семья жила на деньги, которые выделяли родители жены. От одного этого ему хотелось хоть каких-то реальных действий. Стыдно сидеть на шее у тещи и тестя. И хотя Геринг вовсе не разделял животной ненависти Гитлера к евреям (у него были друзья-евреи, он даже в будущем, когда нельзя уже было иметь дела с этими недолюдьми, защищал знакомых евреев и спасал их от концлагерей), не разделял он и убеждений Гитлера в ценности арийской крови, то есть расходился с Адольфом по основополагающим идеям, но на нацистское собрание пришел.

Гитлер вел речь о Версальском мире. Тема была очень мучительная и близкая для бывшего пилота. Так что после выступления он подошел к оратору и предложил свою помощь. Гитлер хорошо знал, кто такой Герман Геринг. Во время войны его имя было овеяно такими же легендами, как имя «красного барона». После войны это имя для многих немцев звучало как

имя героя. Лучшего товарища партия не думала и приобрести. Гитлер был очень доволен. Он тут же предложил Герману вступить в партию. А спустя полгода Герингу доверили руководство штурмовиками.

У штурмовиков был свой командир — Рем, однако дисциплина в их рядах оставляла желать лучшего. Боевые отряды поступали, как им заблагорассудится, и не всегда выполняли приказы Гитлера. Задача перед Герингом стояла простая: сделать из полууголовной массы структуру с военной дисциплиной, готовую сражаться за своего вождя. Антисемитизм в среде штурмовиков Герингу не нравился, но другого человеческого материала не было. И ему удалось за короткое время обучить отряды и сделать из них послушное орудие Гитлера. Отношения Геринга и Рема, хотя они работали над одним проектом, были натянутые. Рему не нравился Геринг, Герингу не нравился Рем. Каждый видел в другом соперника. Конечно, в эти годы делить в партии было практически нечего, но Геринг был лидером, он всегда желал играть главную роль, Рем добивался точно того же. Трений между ними просто не могло не быть. Но при всех своих трениях они сумели создать надежную военную силу. Для этого был проведен набор в СА не из низов общества и из пивных, а через газету — и предпочтительно бывших офицеров.

Именно с этой практически нацистской армией Гитлер и затеял мюнхенский путч 1923 года. Политикой правительства многие были недовольны, так что национал-социалисты выглядели защитниками свободы и великой Германии. Но взять власть им не удалось: правительство выставило против них полицию. Хотя сами национал-социалисты предполагали кровавое решение конфликта, и Геринг руководил взятием заложников, полного разгрома за считанные часы они не ожидали. При столкновении с полицией Герман был тяжело ранен в живот. Кое-как он доплелся до дома, где жила знакомая еврейская семья, они его и укрыли. Все бы ничего, но теперь Геринг был преступником, а ранение требовало срочного лечения. Какое-то время ему пришлось отлеживаться в доме друзей, а когда ситуация немного успокоилась, его тайно вывезли из Германии в австрийский городок Инсбрук. За это время, что ему пришлось скрываться, раны загноились, и лечение потребовалось долгое и тяжелое.

Именно в это время Герман и пристрастился к морфию, так сильны были боли. Только уколы давали временное облегчение. Так что не стоит обвинять Геринга в наркомании. Он ее не выбирал. Не от скуки и не ради удовольствия он сел «на иглу».

Освободиться от пристрастия оказалось гораздо труднее. Он сам понял, что с психикой у него стали происходить странные вещи; иногда ему казалось, что он сходит с ума. И все те четыре года, которые провел в изгнании, он пробовал избавиться от проклятой отравы, ставшей привычкой. Несколько психиатрических лечебниц имели в списках своих пациентов Германа Геринга. Ему удалось вылечиться, но употребление морфия наложило на его психику отпечаток. В тяжелые дни, когда он понял, что наступил конец Рейха, он снова вернулся к старой привычке. У него были и до этого периоды, когда морфий брал над ним власть. Но и сила воли была у него железная: наркоманом в полном смысле этого слова он так и не стал.

В Германию он вернулся в 1927 году, когда была объявлена амнистия. В первое время он думал снова заняться штурмовиками, но потом вдруг увидел гораздо более интересную перспективу. За то время, что его не было, партия усилилась, и хотя она была невелика, но могла уже претендовать на участие в парламентских выборах. Герман решил баллотироваться на выборах в рейхстаг. Обладающий привлекательной внешностью и чувством юмора, умеющий выслушивать людей и улавливать их настроения, Геринг оказался в числе избранных. Из всего нацистского списка в рейхстаг в 1928 году прошло всего 12 депутатов от партии.

Наконец-то он нашел приятное занятие! Ему нравилось ходить на заседания, ему нравилась атмосфера в рейхстаге, ему нравилось, что среди депутатов немало людей из его круга, а не оборванцев с улицы, то есть в этот период жизни он почувствовал удовольствие в респектабельности. Этого ему очень не хватало. Но самое приятное, что за это развлечение

еще и платили по 600 марок в месяц! Конечно, это были не очень большие деньги, но они чудесным образом латали дыры в бюджете семьи.

Другое приятное новшество состояло в том, что перед ним снова открылись двери тех домов, которые захлопнулись после войны. Он больше не был никчемным безработным отставником, он был уважаемым гражданином. Люди, которые вчера не подали ему руки, теперь «вспомнили» о его происхождении и сами приглашали в гости. Он восстановил старые связи и завел новые знакомства. Для партии это тоже было хорошо: Геринг представлялся как полномочный представитель Гитлера. Все выглядело очень красиво и по-буржуазному правильно. Может быть, другим партийцам это виделось в другом свете, но Герингу казалось, что он наконец-то нашел род занятий, к которому определен судьбой. А как только появились свободные деньги, он стал украшать жизнь вокруг себя. Очевидно, в эти дни у него и проявилась тяга к прекрасному, то есть к хорошей жизни и хорошим вещам. Геринг стал ходить по салонам и заводить друзей из мира искусства. Это было приятнее, чем пить пиво с ремовскими штурмовиками.

С Ремом он не порывал, но настоящего понимания между ними, конечно же, не было. Геринг предпочитал возвышаться над партийными товарищами, умело сталкивая их лбами. Эта страсть к интриганству у него была, видимо, и раньше, но теперь стала заметнее. Единственный, за кого крепко держался Геринг, был Гитлер. Геринг понимал, что удачную карьеру без этого человека он построить не сможет. А Геринг очень желал такой карьеры. Ему нравилось быть в центре внимания и хорошо зарабатывать. Хотя ему и приходилось говорить речи о бедах трудящихся, и партия была рассчитана на защиту этих трудящихся, Геринга влекла респектабельность. Он был слишком достойного происхождения, чтобы отказаться от жизненных благ.

Между тем положение в мире ухудшалось; в 1929 году начался тяжелый мировой кризис. Положение Германии, имевшей ограничения на развитие промышленности, очень больно ударило по стране. Предприятия разорялись, не в силах конкурировать с зарубежными, имевшими более дешевые товары. Народ тоже разорялся. Стала расти безработица. Замаячила та же нищета, что и после Первой мировой войны. Только теперь не было никакой войны, это и пугало. Национал-социалисты умело использовали создавшийся экономический кризис. Их слова были услышаны, и все большее число народа видело выбор не в коммунистах или либералах, а в национал-социалистах. В 1930 году в рейхстаг прошло уже 107 партийных депутатов. Геринг возглавлял их список.

Все вроде бы налаживалось, Геринг становился состоятельным человеком. А почти ровно через год умерла его горячо любимая жена. Она заболела туберкулезом еще в те годы, когда Геринги были очень бедны. Теперь они могли себе позволить дорогое лечение, но болезнь зашла слишком далеко. Эта смерть надолго выбила Германа из колеи. Единственное, чем он мог заглушить собственную боль, — напряженной работой в партии. Фюрер и партия — вот и все, что ему осталось. И он работал. Он поклялся сделать Гитлера главой государства.

Тут имелись некоторые формальные сложности.

Все дело в том, что немец Гитлер до сих пор… не имел германского гражданства! Он прожил в Германии с 1914 по 1930 год, но так и оставался австрийским подданным. Прежде Гитлер не задумывался, что ему нужно гражданство. Ему вполне хватало своей партии. И первоначально эта партия думала взять власть, в этом случае гражданство никому не интересно. Но теперь Геринг предложил выдвинуть Гитлера на пост рейхсканцлера, и тут австрийское гражданство становилось помехой.

По закону высшие государственные должности имели право занимать только граждане Германии. Гитлер не был гражданином, следовательно — он был никем.

Геринг придумал простой и быстрый способ получить это гражданство. Для этого он договорился с приятелями из Брауншвейгского правительства, чтобы Гитлера назначили на

пост экономического советника в представительство Брауншвейга в столице Германии. Это было практически фиктивное назначение, но оно давало право на получение гражданства. Конечно, никаким советником Гитлер не был: он получил пост, принес присягу и спустя несколько дней подал прошение об отставке, которая была, разумеется, принята. Теперь Гитлер считался германским подданным. Он имел право выдвигать свою кандидатуру на выборах, чем не преминул воспользоваться буквально через месяц.

Однако эти первые выборы он с треском провалил. Геринг же на июльских выборах добился почти невозможного: он стал председателем рейхстага. Этот пост он сохранял и во время последующих выборов. В Германии тех лет выборы были своего рода хронической болезнью: как только правительство не справлялось с работой, его распускали и назначали новые выборы. Перед национал-социалистами стояла задача не только получить весомое большинство в рейхстаге, но и свалить существующее правительство (в то время им руководил фон Папен), чтобы новое правительство возглавил Гитлер. Задача была сложная, но, как оказалось, вполне выполнимая.

В 1932 году Гитлер выдвинул себя на пост президента и занял второе место после Гинденбурга (на третьем был коммунист Тельман), в том же году Герингу удалось свалить правительство фон Папена, еще через год он свалил кабинет Шлейхера. Конечно, сам по себе роспуск правительства никакого преимущества не давал: нужно было успеть договориться с президентом (им был тогда престарелый Гинденбург) в короткий промежуток времени, буквально за пару часов до того, как вступит в силу закон о роспуске рейхстага. Роспуск рейхстага предполагал новые выборы, и это было опасным — национал-социалисты могли их проиграть. Герингу это удалось. Он успел. Гинденбург назначил Гитлера канцлером и позволил формировать правительство. В него, конечно, вошел и Геринг. Он сохранял пост председателя рейхстага и добавил к оному новые (поочередно) — рейхсминистра, министра внутренних дел Пруссии, комиссара по делам авиации.

Получив должность министра внутренних дел, он тут же перевел полицию в свое подчинение. Теперь полиция Германии стала строиться по новому образцу. Она была переведена на политические рельсы и получила название гестапо. Гестапо было использовано буквально через месяц после провозглашения Третьего рейха. После поджога рейхстага эта полиция отлавливала коммунистов по всей Германии. Гиммлер не позволил Герингу долго руководить своей тайной полицией, он перевел ее в свою теперь очередь под собственное начало. Впрочем, у Геринга это не вызвало особенной печали или негодования. Гораздо больше удовольствия ему принесло другое назначение: в 1935 году он стал главнокомандующим люфтваффе (воздушным флотом). Как бывший пилот, он очень хорошо понимал, что необходимо изменить, какие ввести новации, как перестроить авиационную промышленность, как сделать немецкие военно-воздушные силы боеспособными. Геринг, конечно, понимал, что дело идет к большой войне. Интересные черты личности Геринга раскрывают опубликованные Дугласом тексты бесед с бывшим шефом Гестапо (с 1939) американских секретных служб. Я приведу некоторые выдержки.

«За эти годы я много раз сталкивался с Герингом, — рассказывал Мюллер. — Это именно он основал гестапо, когда был министром-президентом Пруссии, но затем был вынужден передать руководство этой организацией Гиммлеру. Я, пожалуй, не знаю, на кого из них я хотел бы работать. Геринг был сильной, даже опасной личностью, он был опасен, но с ним легко было иметь дело. Гиммлер же всегда оставался корректным, характер у него был слабый, но со странностями. Он не представлял опасности, но с ним иметь дело было трудно. Гиммлер поддавался влиянию, в отличие от Геринга. Я думаю, что не сработался бы с Герингом из-за атмосферы, сложившейся вокруг него. Большую часть времени он жил как наследный принц и уделял мало внимания служебным делам. Он редко поддерживал своих людей, и достаточно было одного слова Гитлера, чтобы он клонился, как деревце на ветру.

Разумеется, Гиммлер был таким же, но Гиммлером можно было управлять. Я руководил гестапо без всякого постороннего вмешательства и не беспокоился по поводу соперников, потому что никто больше не работал столько, сколько я. Шелленберг имел обыкновение вынюхивать вокруг, пытался быть со мной приятным… гиена, широкая улыбка и ничего за ней. Он хотел заполучить мои досье, чтобы выдвинуться самому, но никогда бы не смог и близко к ним подобраться…

Я вспоминаю, как однажды Геринг вдруг захотел срочно увидеть меня в своем кабинете в Министерстве авиации. Я понятия не имел, в чем дело, но поспешил явиться к нему. Знаете, я однажды встречался с Муссолини, и у него был этот огромный кабинет в старом дворце в Риме. Обыкновенно он сидел за гигантским письменным столом в углу кабинета и пристально смотрел на людей, приближающихся к нему. У Геринга был похожий кабинет, но не было этого тяжелого взгляда. Ковры, старинная мебель, живопись и прочее. Похоже на музей. Некоторые из этих людей, которые отстаивают интересы рабочих и фермеров, живут как настоящие короли. Вам стоило бы увидеть мой кабинет. Никакого сравнения. Сплошные документы, телетайпные аппараты и так далее. Ни полотен маслом, ни ковров, ни мрамора на полу.

Как бы то ни было, Геринг встретил меня очень любезно, предложил мне хорошую сигару и начал уклончивый разговор, с заходами вокруг да около, о своей проблеме. Неким людям, он не стал уточнять каким, очень нужно попасть в Швейцарию, а поскольку я контролирую пограничников, он надеется, что я сумею ему посодействовать. Для меня это не составляло никакой трудности, но мне нужна была более подробная информация. В конце концов, оказалось, что это были двое пожилых евреев из Мюнхена, которые однажды помогли ему. Геринг боялся, что Борман предпримет попытку схватить их и отправить в лагерь… Борман был злобный тип, готовый сделать все что угодно, лишь бы досадить людям, которым он завидовал или которые, как он полагал, стояли ему поперек дороги. Подруга вашей бабушки была еврейка? Отлично, в лагерь! Ваша дочь посещала монастырскую школу? Отлично, монастырь закрыть, всех сестер и учениц разогнать. Борман пытался делать подобные вещи всякому, кто ему не нравился, а он ненавидел буквально всех, кроме Гитлера.

Я выразил Герингу свое удивление и сказал довольно открыто о своей уверенности в том, что Геринг мог бы обратиться к Борману. По сути, из всех людей, которых я знал в то время, Геринг был самым безжалостным и хладнокровным… Он хотел узнать, как я смогу помочь ему; это были очень порядочные, безобидные люди, которые не должны были страдать из-за того, что они евреи и его друзья. Мне не составляло труда помочь ему в этом деле, и я ему так и сказал. Еще я сказал, что сам обо всем позабочусь, и он преисполнился благодарности. Мне был вручен адрес и толстый запечатанный пакет, в котором, по- видимому, были деньги, и я взялся позаботиться и о нем тоже. Сейчас, задним числом, инцидент предстает гротескным.

Я должен был отправиться в Мюнхен по семейным делам, так что я высвободил какое-то время и выехал из Берлина на своей служебной машине, бронированном „мерседесе“ со служебными флажками на капоте и личным шофером. У меня нечасто выдавалось время для отпуска, и я постарался насладиться долгой поездкой. В Мюнхене я справился со своими делами, а затем позвонил этим пожилым людям и сказал, что буду у них рано утром. Я также известил Геринга в Берлине о том, как собираюсь действовать, а он, в свою очередь, уведомил свои контакты в Швейцарии, и на следующее утро я проехал через Мюнхен, и мы усадили пожилую пару в мою машину. Это были очень приличные люди, но чересчур старые, чтобы тащить свои чемоданы, так что мы, начальник гестапо, генерал СС, и его шофер, тоже сотрудник СС, тащили по лестнице чемоданы двух старых евреев и укладывали их в багажник моей машины, как будто я был служащим отеля.

Я знаю, что шоферу все это казалось очень забавным, но он не осмелился сказать ни слова. А у меня болела нога. Но ведь не могли же мы бросить их сумки. Судя по весу, они наложили в них булыжников…

Потом мы долго ехали до швейцарской границы через горы, и эта часть поездки доставила мне большое удовольствие. Я сидел впереди рядом с водителем и по дороге разговаривал с пожилой парой. Как я уже сказал, они были порядочные, воспитанные люди, и мне было вовсе нетрудно помочь им… Я был в полной форме со всеми регалиями, машина служебная, по бокам вывешены флажки моего ведомства. Офицеры дорожной полиции не решались даже взглянуть на меня дважды. На границе было два строения, одно для пограничников, а другое — таможня, так что я вышел из машины и нанес визит в оба. Я велел всем таможенникам и пограничникам зайти в помещение и оставаться там, пока я не вернусь, и да поможет Бог тому, кто нарушит мой приказ.

Швейцарцы ждали по ту сторону, и, что оказалось труднее всего, нам с шофером пришлось тащить их багаж до места встречи. Там был один сотрудник-швейцарец, которого я знал, и я заметил, что это кажется ему очень смешным. Я сказал ему, что не слишком оценил его чувство юмора и что ему придется тащить эти чемоданы весь оставшийся путь. Я отдал старикам конверт Геринга, а они мне записку для него… Геринг был, как я уже говорил, во многих отношениях очень порядочным человеком, и я достоверно знаю, что он спас многих людей, некоторых даже из лагерей. Его жена (вторая жена Геринга актриса Эмма Зоннеман. — *Авт.*) работала в театре и знала многих евреев, и у самого Геринга тоже были друзья-евреи. Вы, может быть, слышали, какое он делал замечание, когда кто-нибудь говорил ему, что такой-то и такой-то человек в его министерстве еврей? „Это я решаю, кто еврей". Нет, если бы по какой-либо причине Гитлер умер до войны, Геринг стал бы главой государства, и тогда не было бы никакого беспокойства евреям, и войны точно не было бы».

Таково было мнение Мюллера о Германе Геринге.

Он знал Геринга несколько лучше, чем историки и далекие от руководства Рейха современники. Геринг был разным. Он любил поесть. Любил повеселиться. Любил развлечения. Любил хорошо выглядеть. Любил казаться душой нации. Любил тискать маленьких детей. Любил охотиться. Любил сидеть у камина в своем поместье. Он не был антисемитом. Не был фанатиком. Не был садистом. Но, в то же время, за цифрами он не видел реальных людей. Поэтому он спокойно подписывал приказы о создании концентрационных лагерей. Спокойно относился к расстрельным спискам, если в них не было знакомых имен. Для него то, чего он не видит и не может потрогать, было абстракцией.

Гитлер относился к Герингу по-разному.

Если в 1939 году он издал приказ о назначении Геринга на свое место в случае смерти, то после провала войны за Англию его мнение резко изменилось. Он стал отстранять Геринга от важных решений. На его место пришли другие люди: Борман, Гиммлер, Геббельс. В последние годы войны Геринг ясно увидел, чем все это закончится.

Очевидно, поэтому он и поступил точно так же, как Гиммлер, — стал вести за спиной Гитлера переговоры с союзниками. Гитлер в ярости лишил его всех должностей и приказал схватить и расстрелять. Однако Геринг уцелел. Уцелел… для Нюрнбергского процесса. На процессе ему задавали много вопросов, и на все он старался отвечать корректно и точно, ни в коей мере не признавая своей вины за все, что творилось в Рейхе.

Американский следователь Джексон пытался «пришить» ему дело о поджоге рейхстага и последовавших затем арестах «красных». «Мне не известно ни одного случая, — отвечал Геринг, — чтобы хоть один человек был убит из-за пожара здания рейхстага, кроме осужденного имперским судом действительного поджигателя ван дер Люббе. Двое других подсудимых были оправданы. По ошибке был привлечен к суду не г-н Тельман, как недавно думали, а депутат от коммунистов Торглер. Его оправдали, так же как и болгарина Димитрова. В связи с пожаром рейхстага арестов было произведено относительно мало. Аресты, которые вы относите за счет пожара рейхстага, в действительности были направлены против коммунистических деятелей. Я часто об этом говорил и подчеркиваю еще раз, что аресты

производились совершенно независимо от этого пожара. Пожар только ускорил их арест, сорвал так тщательно подготовлявшееся мероприятие, благодаря чему ряду функционеров удалось вовремя скрыться…Я еще раз подчеркиваю, что решение об этих арестах было принято задолго до этого. Однако решение о немедленном выполнении арестов последовало в эту ночь. Мне было бы выгодней подождать несколько дней, как было предусмотрено, и тогда от меня не ускользнули бы несколько важных партийных руководителей».

«Кто был Карл Эрнст? Кто такой Хелльдорф? А кто такой Хейнес?» — спрашивал Джексон. Геринг спокойно давал ответ. «Вам известно — не так ли, — допытывался Джексон, — что Эрнст сделал заявление, сознаваясь, что эти трое подожгли рейхстаг и что вы и Геббельс планировали этот поджог и предоставили им воспламеняющиеся составы — жидкий фосфор и керосин, — которые положили для них в подземный ход, ведший из вашего дома в здание рейхстага. Вам известно о таком заявлении, не так ли?» Геринг пожимал плечами, что не знает никакого Эрнста. Джексон наседает: «Но из вашего дома в рейхстаг вел специальный ход. Не правда ли?» Геринг соглашается: «С одной стороны улицы стоит здание рейхстага, напротив — дворец имперского президента. Между обоими зданиями имеется ход, по которому доставлялся кокс для центрального отопления».

Тут следователь торжественно приводит показания свидетелей, которым якобы он хвалился, что поджог рейхстага — дело его рук. На это Геринг только презрительно замечает, что ничего подобного не говорил, а свидетели врут. Проиграв с рейхстагом, следователь пытается «поймать» Геринга на подготовке четырехлетнего плана — то есть переводе промышленности Германии на военные рельсы и даже предъявляет ему письмо. Геринг соглашается: конечно, писал, не мог не утверждать, что подготовит, ведь Гитлер его назначит претворить план, как же иначе? Джексон утверждает, что и личные предприятия Геринга нужно рассматривать как вклад к подготовке войны. «Это неправильно, — возмущается Геринг. — Предприятия „Герман Геринг" занимались исключительно вопросами разработки германских железных руд в районе Зальцгиттер в Верхнем Пфальце и после аншлюса — разработкой железных руд в Австрии. Предприятия „Герман Геринг" первоначально занимались созданием различных сооружений и предприятий по добыче руды и подготовкой горных предприятий по обработке железной руды. Только значительно позднее появились сталелитейные и вальцовочные заводы, то есть промышленность».

«Предприятия „Герман Геринг" входили как составная часть в четырехлетний план? Разве не так?» — наседает Джексон. «Так, — соглашается Геринг, — но концерн „Герман Геринг" вначале не имел своих предприятий вооружения, он занимался, как я уже подчеркивал, добычей сырья и получением стали».

И второй пункт обвинения рассыпается в прах!

Джексон начинает сердиться: так что же, переспрашивает он, Гитлер сам все решения принимал? «Да, правильно. Для этого он и был фюрером», — отвечает Геринг. Джексон задает один за другим наводящие вопросы, какие должности Геринг занимал и кто был более всего приближенным к фюреру. Тут Геринг негодует: «Ближайшим сотрудником фюрера был, как я уже сказал, в первую очередь я». Но на вопрос, кто принимал решения, снова отвечает — фюрер. И с этим обвинением у следователя ничего не получается.

Не получается этого и у сменившего Джексона советского следователя Руденко: ни с планом «Барбаросса», ни с планами раздела СССР, ни с отъемом продовольствия на оккупированных территориях, ни даже с использованием рабского труда. Теперь не выдерживает Руденко. «Вы не отрицаете, что это было рабство?» — «Рабство я отрицаю. Принудительный труд, само собой разумеется, частично использовался», — парирует Геринг.

Далее допрос совершенно буксует: приходится выяснять, какие приказы Геринг знал, каких не знал, какие отдавал, какие просто подписывали от его имени, выясняется вдруг, что у Геринга с Гитлером было немало разногласий. Руденко не выдерживает и спрашивает, как

при таком множестве разногласий он вообще продолжал работать рядом с Гитлером? «Я могу расходиться в мнениях с моим верховным главнокомандующим, я могу ясно высказать ему свое мнение. Но если главнокомандующий будет настаивать на своем, а я ему дал присягу, — дискуссия тем самым будет окончена», — говорит Геринг. «Вы заявили на суде, что гитлеровское правительство привело Германию к расцвету. Вы и сейчас уверены, что это так?» — спрашивает Руденко. «Катастрофа наступила только после проигранной войны», — соглашается Геринг.

Теперь и Руденко покидает трибуну с испариной на лбу.

Его сменяет французский следователь, который просто отказывается допрашивать Геринга. За весь процесс тот признал один только факт расстрела британских военных летчиков. Один лишь этот факт удалось доказать. Собственно говоря, смертный приговор Геринг получил за приказ о расстреле, отданный сгоряча, после уничтожения союзниками немецких тяжелых самолетов. В заключительном слове Геринг сказал, что суда не признает, смерти не боится, а победители всегда судят побежденных. Однако Черчиллю перед смертью он написал длинное письмо.

«Г-н Черчилль!

Вы будете иметь удовольствие пережить меня и моих товарищей по несчастью. Не премину поздравить Вас с этим личным триумфом и тем изяществом, с которым вы его добились. Вам и Великобритании действительно пришлось пойти на большие затраты, чтобы добиться этого успеха. Если бы я считал Вас достаточно наивным для того, чтобы считать этот успех не более чем спектаклем, которым Вы и ваши приятели обязаны народам, которых Вы хитроумно ввергли в войну против Великой Германской Империи, а также Вашим еврейским и большевистским союзникам, то тогда мое послание к Вам в последний час моей жизни также считалось бы в глазах последующих поколений чем-то, не стоящим внимания. Моя гордость как немца и как одного из главных немецких руководителей исторической всемирной битвы не позволяет мне тратить слова на унизительность и вульгарность процедуры, используемой победителями — по крайней мере, постольку, поскольку это касается моей собственной персоны. Однако, поскольку открыто объявленная цель этого отправления правосудия — ввергнуть немецкий народ в бездну беззакония и, путём устранения всех ответственных лиц национал-социалистического государства, раз и навсегда лишить его любой будущей возможности защитить себя, я вынужден добавить несколько слов к приговору исторической важности, который Вы и Ваши союзники заранее вынесли.

Я адресую эти слова Вам потому, что, несмотря на то, что, будучи одним из наиболее осведомленных в том, что касается подлинных причин этой войны и путей ее избежания или же прекращения ее на стадии, приемлемой для будущего Европы, Вы, тем не менее, отказались предоставить своему же собственному Трибуналу свои свидетельства и свою клятву. Таким образом, я не премину заранее призвать Вас к Трибуналу Истории и отправить мое письмо именно Вам, поскольку я знаю, что наступит день, когда этот Трибунал назовет Вас человеком, который, обладая честолюбием, интеллектом и энергией, вверг европейские государства в рабство иностранных мировых держав. Перед лицом Истории я называю Вас человеком, который сумел свергнуть Адольфа Гитлера и уничтожить его политическое дело, но который при этом не сможет вместо павших вновь поднять оградительный щит против азиатского нашествия на Европу. Вашим желанием было возвыситься над Германией посредством Версаля. И то, что Вам это удалось, станет для Вас губительным.

Вы олицетворяете собой стальное упорство Вашего старого дворянства, но вместе с тем Вы воплощаете в себе и его старческое упрямство, направленное против последней могучей попытки возрожденной германской державы решить участь Европы в степях Азии и обеспечить ей защиту на будущее. Пройдет много времени после того, как моя ответственность за

дальнейшее развитие событий найдет объективного судью, и Вам придется ответить за то, что последняя кровавая война не стала последней войной, которую пришлось вести за жизненные интересы европейского континента на его территории. Кроме того, Вам придется дать ответ за то, что за вчерашней кровавой бойней последовала новая бойня, еще более ужасная, и что Европе придется стоять не на жизнь, а на смерть не на Волге, а в Пиренеях.

Я от всей души желаю, чтобы Вы дожили хотя бы до того дня, когда миру и, в особенности западным странам, придется на собственном горьком опыте убедиться, что именно Вы и Ваш приятель Рузвельт ради дешевого триумфа над Германией продали их будущее большевизму. Этот день наступит намного быстрее, чем Вам хотелось бы, и, несмотря на Ваш преклонный возраст, Вы будете в состоянии увидеть, как кроваво-красная заря взойдет и над Британскими островами. Я убежден, что этот день принесет Вам все те невообразимые ужасы, которых в этот раз (благодаря военной удаче или из-за презрения немецкого командования к полной дегенерации методов ведения войны между нашим родственными народами) Вам удалось избежать.

Моя осведомленность в том, что касается видов и количества нового оружия и новых проектов, которые (во многом благодаря Вашей военной помощи) стали добычей Красной Армии, дает мне право делать это пророчество. Разумеется, Вы, согласно своей традиции, вскоре напишете хорошие мемуары, и они будут еще лучше, чем предыдущие, поскольку отныне Вам уже никто не помешает рассказать или утаить то, что Вы только пожелаете. Однако Вы будете бессильны против тех поправок, которые решительно внесет дальнейшее развитие событий, форсированное Вами. После этого Вам придется дать народам ответ на вопросы, которые Вы не удосужились дать Вашему показному трибуналу и которые Вы отказались дать не столько нам, тщетно желавшим бы поблагодарить Вас за Вашу честность, сколько исторической истине.

Вы думаете, что Вы хитро все обставили, бросив историческую истину на попрание горстки амбициозных юридических софистов и позволив превратить ее в некий диалектический трактат, переполненный всевозможными ухищрениями, несмотря на то, что Вы, будучи британцем и государственным деятелем, прекрасно знаете, что подобными методами жизненно важные проблемы народов нельзя было решить или оценить в прошлом и что в будущем их также нельзя будет решить. Я слишком хорошо осведомлен о Вашей силе и о изворотливости Вашего ума, чтобы считать Вас способным верить вульгарным лозунгам, с помощью которых Вы поддерживаете войну против нас и пытаетесь возвеличить свою победу над нами, устроив этот дешевый спектакль.

Будучи одним из высших военных, политических и экономических руководителей Великого Германского Рейха, настоящим я еще раз решительно заявляю, что эта война стала неизбежной только из-за того, что политика Великобритании (под Вашим личным руководством и руководством Ваших приверженцев) была упрямо направлена во всех областях на удушение жизненно важных интересов и естественного развития немецкого народа и что Вы, одержимые старческим честолюбием по поддержанию британской гегемонии, предпочли Вторую мировую войну согласию (о котором искренне мечтали и которое неоднократно пытались достичь обе стороны) на основе, приемлемой для двух самых выдающихся народов Европы и учитывающей их естественные нужды и интересы.

Настоящим я еще раз заявляю со всей прямотой, что вся вина немецкого народа за мировую войну, которую навязали именно Вы, состоит в том, что он пытался положить конец тому нескончаемому бедствию, которое Вы столь гениально поддерживали и столь хитроумно раздували. Излишне будет говорить Вам о причинах, нуждах и мотивах, приведших по ходу войны к политическим и военным трудностям, которые Ваши юристы смогли столь умело использовать в односторонней манере против национал-социалистического правительства немецкого народа. Опустошенные территории европейской цивилизации и ее древние сокровища, ныне лежащие в руинах, сегодня все еще служат свидетельством той отчаянной

горечи и того невиданного самопожертвования, с которыми великий и гордый народ еще вчера боролся за своё существование. Завтра, однако, они будут служить свидетельством неразборчивости в средствах и того, что только превосходящие силы, которые Вы доставили на поле боя, смогли привести к порабощению этого народа и поражению его в правах. И наконец, послезавтра эти руины Станут свидетельством того предательства, которое отдало Европу в руки Красной Азии. Германия, которую вы покорили, отомстит вам за себя, несмотря на свой крах. Ибо у вас никогда не было политики лучшей, чем у нас; также вы не проявили большего умения или отваги.

Вы одержали победу не благодаря лучшим качествам или мнимому превосходству вашей силы и умения, а только благодаря тем шести годам, которые продержалась ваша коалиция. Не стоит принимать желаемое за действительное. Вы и Ваша страна вскоре пожнете плоды Вашего политического умения. То, что Вы, циник со стажем, не хотите признавать в отношении нас (а именно тот факт, что наша борьба на Востоке была актом необходимой самообороны не только для Германии, но и для всей Европы, и поэтому немецкие методы ведения войны, которые Вы столь гневно осуждаете, были полностью обоснованы), вскоре продемонстрирует Вам и всей Британской Империи Ваш сегодняшний друг и союзник Сталин. И тогда Вы на личном опыте увидите, что значит сражаться с этим противником, и поймете, что [в данном случае] цель оправдывает средства и что этому противнику нельзя успешно противостоять посредством юридических трактатов или авторитета Великобритании и ее европейских карликов.

Вы заявили немецкому народу, что главным для Вас было вернуть ему демократический образ жизни. Однако Вы ни слова не сказали о том, что Вы хотите вернуть ему приемлемые жизненные условия, которых он был лишен последние 25 лет. Ваше имя стоит под всеми основными документами этой эпохи британского непонимания и зависти по отношению к Германии. Ваше имя будет также стоять и под результатом, а именно, что эта эпоха ликвидации Германии со страниц истории бросила вызов существованию Европы.

Моя вера в жизненную силу моего народа непоколебима. Народ этот будет сильнее Вашего и проживет гораздо дольше. Однако меня терзает то, что он отдается в ваши руки беззащитным и что отныне он принадлежит к числу тех несчастных жертв, которых благодаря Вашему успеху ждет не плодотворный труд, направленный на решение общих задач, которые ставит здравый смысл западных народов, а величайшая катастрофа за всю их совместную историю.

Я не стану обсуждать те эксцессы, которые Вы — справедливо или нет — приписываете нам и которые не согласуются ни с моей точкой зрения, ни с точкой зрения немецкого народа; также я не стану говорить об эксцессах, совершенных Вами и Вашими союзниками против миллионов немцев. Ибо я знаю, что под этим предлогом Вы сделали весь немецкий народ предметом коллективных эксцессов невиданных прежде масштабов и что даже без этого предлога Вы все равно бы не стали вести себя иначе по отношению к Германии, ибо, начиная с 1914 года, Вы настойчиво и упрямо преследовали цель по — ни много ни мало — уничтожению Германской Империи. Эта историческая цель не дает Вам права претендовать на роль судьи над последствиями (как неизбежными, так и теми, которых можно было избежать), к которым привело Ваше хладнокровное и упорное преследование своих целей или которые Вы приветствовали как последующее доказательство правомерности Ваших действий.

Что я на сегодняшний день считаю самой большой ошибкой с моей стороны и со стороны национал-социалистического правительства, так это то, что мы ошибочно считали Вас проницательным государственным деятелем. К моему великому сожалению, я полагал, что Вы достаточно проницательны для того, чтобы осознавать, что в контексте мировой политики для существования Британской империи необходима удовлетворенная и процветающая Германия. К сожалению, наших сил не хватило на то, чтобы заставить Вас понять (пусть даже в самую

последнюю минуту!), что уничтожение Германии станет началом уничтожения Британии как мировой державы.

Каждый из нас с самого начала действовал согласно разным законам. Я действовал согласно новому закону — что эта Европа уже слишком стара; Вы же — согласно старому, а именно, что эта Европа уже недостаточно влиятельна в мире. Я завершаю свой жизненный путь с твердым убеждением, что, будучи немецким национал-социалистом, я, вопреки всему, был лучшим европейцем, нежели Вы. Пусть же приговор этому хладнокровно вынесут последующие поколения. Я искренне желаю, чтобы Вы прожили еще достаточно долго, и, может быть, судьба предоставит Вам шанс, который Вы предоставили мне: оставить потомкам в наследство истину.

Герман Геринг,

Нюрнберг, 10 октября 1946 г.».

Геринга приговорили, как и прочих, к казни через повешение. Повешение Геринг считал позором. Ночью перед казнью он раскусил капсулу с цианидом. Никто до сих пор не знает, кто пронес ему этот яд, или же эта капсула с самого начала была где-то спрятана. На рассвете, когда пришли вести его на казнь, обнаружили только холодное тело и записку. В записке было три слова: «Фельдмаршалов не вешают». Геринг готов был умереть, но благородным способом — через расстрел. Ему в этом было отказано. Совершив самоубийство, он вырвался из рук тюремщиков и палачей. Умер свободным. Ускользнул — единственный из всех приговоренных к смерти.

Строительство Тысячелетнего Рейха

Однако мы забежали вперед: в счастливый для партии 1933 год и Геринг, и Геббельс, и Гиммлер — все они были живы и радовались победе. Мюллер еще не стал шефом гестапо. Борман еще не был так близок к Гитлеру, чтобы занять место Гесса. Гесс еще не отправился с тайной миссией на своем самолете, прижимая машину к земле, через океанические воды к враждебному Альбиону. Да и Альбион еще не был враждебным. Генералы еще только расправляли плечи. Молодые немцы не знали, что скоро станут солдатами. Германия занимала на карте мира весьма скромную территорию. И была она страна как страна. И люди были как люди. И даже Гитлер еще не знал, что через шесть лет начнется Вторая мировая война. Он только что добился неслыханного успеха: Гинденбург назначил его канцлером Германии. 5 марта 1933 года состоялись выборы в рейхстаг, и национал-социалисты получили почти половину голосов избирателей! А спустя 19 дней национал-социалистический рейхстаг большинством голосов принял *Закон о защите народа и Рейха.*

Закон был на редкость краток, но эта краткость ничуть не лишала его чрезвычайной важности.

В пяти коротких пунктах провозглашалась новая политика: рейхстаг лишился всех своих законодательных прав — он больше не мог контролировать бюджет, не мог вносить конституционные поправки, не мог ратифицировать договора с иностранными державами. Все эти права теперь были переданы имперскому правительству Рейха. Все, что может сеять смуту, было отныне запрещено — из всех немецких партий осталась только одна национал-социалистическая, профсоюзы были распущены, коммунистов и прочих радикалов после поджога рейхстага арестовывали и отправляли в тюрьмы.

Гитлер начал претворение в жизнь партийной программы, так называемых 25 пунктов, которые были приняты еще в 1920 году: объединение всех немцев в единую Германию, отмена условий Версальского договора, расширение территории Рейха, строительство государства по расовому принципу, лишение евреев германского гражданства, назначение на высшие государственные должности только согласно талантам и квалификации, поднятие жизненного уровня народа, борьба с притоком иммигрантов, введение обязательного участия в выборах

для всех немцев, борьба с незаконными доходами путем полной конфискации имущества, введение общей трудовой повинности, конфискация прибыли, полученной в результате Первой мировой войны, национализация крупных предприятий, участие рабочих в распределении доходов предприятий, пенсионная реформа, поддержка мелкого бизнеса, реформа землевладения и прекращение земельной спекуляции, введение уголовного преследования и смертной казни за спекуляцию, замена римского права германским правом, реформа национального образования, государственная поддержка материнства, поддержка молодежи, введение всеобщей воинской повинности, реорганизация армии, запрет на владение средствами массовой информации лицами неарийского происхождения, запрет на работу в средствах массовой информации лицам неарийского происхождения, признание свободы вероисповедания с одновременным запретом религиозных учреждений, приносящих вред германскому народу, создание сильной власти, способной осуществить все вышеперечисленное.

После смерти президента Гинденбурга Гитлер в одном лице соединил две должности — канцлера и президента. Он отменил пост рейхспрезидента и получил абсолютную власть. Так началась диковатая эпоха Третьего рейха с ее новыми законами, привлечением к участию в государственной жизни широких слоев населения, борьбой за чистоту крови, тотальным контролем и атмосферой страха и восторга, которые, как ипостаси Бога, существовали не слитно и не раздельно.

Рейх, строительство которого объявил Гитлер, должен был создаваться как лучшее в мире государство, истинное государство немцев и для немцев. В процессе этого строительства предполагалось полностью очистить арийскую кровь от чужеродных элементов. Все слабое, нежизнеспособное, тлетворное должно было умереть, чтобы дать дорогу чистому, сильному, красивому и здоровому. Сама по себе идея прекрасная: в новом Рейхе не должно было быть паразитов, живущих за чужой счет, преступников, извращенцев, алкоголиков, наркоманов, слабых телом или головой. Но воплощение такой идеи требовало времени, ее нельзя решить за 10, 50 или даже 100 лет. Гитлер же хотел решить ее за пару лет. Так что все, что в схему никак не вписывалось, требовалось уничтожить.

Идея была хороша, осуществление на практике — кошмарно. И самое неприятное в этой истории, что первыми на внедрение идеи были брошены те, кто давал клятву беречь и защищать человеческую жизнь, — врачи.

«Сегодня медики и правительство начинают работу по очищению государства и народа», — писали в газетах того времени. Шел 1933 год. Рейх принял невинный вроде бы закон о стерилизации психически больных. Многие врачи совершенно искренне разделяли передовую точку зрения, что если психические болезни передаются по наследству, то носителей болезней нужно лишить возможности давать нездоровое потомство. В Америке того времени аналогичный закон уже существовал, и принудительная стерилизация никаким злом не считалась.

Неудивительно, что Гитлер, мечтая за 120 лет получить нацию героев, так и говорил своему не слишком здоровому народу — равняйтесь на Америку. Американские доктора приезжали в Германию делиться опытом, американские фонды поддерживали немцев финансово (в том числе — вот ведь шутка судьбы! — фонд еврея Рокфеллера). Именно этот фонд основал в Берлине Институт человеческой антропологии и евгеники. И американцев вовсе не смутило, что наука евгеника получила в Германии совсем другое название — расовая гигиена. Зарубежные специалисты прекрасно знали, что программа рассчитана на возрождение немецкой нации.

Но никому не пришло в голову задать простой вопрос: а каким способом будут возрождать?

А что понимают в Германии под немецкой нацией — всех, кто там живет, или только тех, кто является немцем?

Еврейский фонд щедро жертвовал деньги на то… чтобы очень скоро узнать на практике, какова расовая гигиена для евреев. Но первыми в программу этой гигиены попали совсем даже не евреи. Точнее, среди этих несчастных были люди самых разных национальностей — тут торжествовала справедливость: с безжалостностью хирурга предстояло отделить всех больных от всех здоровых.

В первую волну программы попали пациенты домов для умалишенных, а также страдающие тяжелыми генетическими уродствами или преступными наклонностями. В Рейхе не скрывали, что стерилизация таких больных будет принудительной, что никому не дадут право выбора. Удивительно, но принудительную стерилизацию одобрили все — и врачи (они считали такую меру наиболее целесообразной), и журналисты (они-даже хвалили правительство за верно принятое решение, причем хвалили не только немецкие журналисты, но и английские, французские, американские), и простые люди (те доверяли словам врачей и считали, что так будет лучше и для самих больных), и даже сами больные, те из них, которые могли здраво рассуждать. В прессе эта идея подавалась как самая гуманная, причем особо подчеркивалось, что стерилизация будет проведена совершенно бесплатно.

Этот первый шаг к новому человеку подавался как истинный акт благодеяния правительства по отношению к своему народу. В том же году, увидев, что закон не вызывает в народе неприятия или волнений, приняли дополнение к нему, основательно расширив категории людей, подлежащих принудительной стерилизации. Этот второй документ имел название: «Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства»; под него попали алкоголики, шизофреники, люди с генетическими увечьями. Врачи по всему Рейху обследовали миллионы немцев и вынесли несколько тысяч вердиктов о принудительной стерилизации. Причем пропаганда стерилизации как лучшего средства решить все грядущие проблемы проводилась так умело, что немцев осторожно подводили к мысли, что они сами прежде всего должны быть заинтересованы в стерилизации. И как сознательные граждане, заботящиеся о будущем всей нации, они обязаны по собственному почину проходить расовый контроль. За семь лет действия программы было стерилизовано около полумиллиона немцев.

«Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства» гласил следующее:

1. Наследственно больные, в отношении которых дано медицинское заключение о высокой степени вероятности наличия у их потенциального потомства физических или душевных наследственных повреждений, могут быть подвергнуты хирургическому обеспложиванию (стерилизации).

2. Согласно закону, наследственно больным считается тот, кто страдает одним из следующих заболеваний:

— врожденное слабоумие;

— шизофрения (нарушение связности психических процессов): душевное заболевание, характеризующееся полным распадом личности, притуплением чувств, отрешенностью от внешнего мира;

— циркулирующее помешательство: душевное заболевание, характеризующееся чередованием периодов крайней возбужденности и глубокой депрессии;

— наследственная падучая (эпилепсия);

— наследственные судороги;

— наследственная слепота;

— наследственная глухота;

— тяжкие физические уродства.

3. В дальнейшем стерилизации могут быть подвергнуты лица, страдающие тяжелой формой алкоголизма.

Гитлер высказался совершенно ясно: «Государство должно ставить расу в центр всей жизни. Государство должно сделать так, чтобы позорным считалось только одно: приносить в этот мир детей, несмотря на свои собственные болезни и свою собственную неполноценность. Здесь государство должно выступать как хранитель тысячелетнего будущего, перед лицом которого эгоизм индивидуума не имеет никакого значения. Для него тысячелетнее будущее, которое должно охранять государство, — это предстоящий триумф арийского человека».

И снова — противников этого высказывания не нашлось.

Врачи единодушно хвалили новые законы.

Среди них были и немецкие, и еврейские врачи. Последние даже не насторожились, они честно стерилизовали подпадавших под закон немцев. Но происходило что- то непонятное, постепенно этих еврейских докторов стали заменять немецкие доктора. Многие врачи-евреи почему-то вдруг бросали свою работу, отказывались от должностей или уезжали за границу. Никто не препятствовал им уезжать.

Но почему они уезжали?

Прелести нового порядка еще не проявились, но вдруг оказывалось, что немецкие врачи стоят дешевле, иногда еврейские клиники подвергались акциям хулиганов, а на кафедрах, где доктора трудились, вдруг происходило сокращение штатов. Все выглядело невинно. Но за этим стояло начало новой политики к евреям. Антисемитизм набирал обороты. В 1934 году по стране прокатилась волна бойкотов еврейских магазинов и клиник. А спустя год был принят закон о запрещении смешанных браков.

Что тут подразумевалось?

Закон запрещал браки между немцами как носителями арийской крови и евреями, дабы не ухудшать нации. Это был уже не пробный шаг в сторону очищения Германии от евреев, это уже был вполне ясный жест, что евреям в Рейхе места не будет. У немцев закон возражений не вызвал: в народной среде антисемитизм был явлением обычным. Слышались лишь разрозненные голоса интеллектуалов, которым закон не понравился. Но тут понятно: как раз среди интеллигенции смешанные браки были не редкими. После принятия этого закона специалисты по расовой гигиене разработали математически выверенные сложные формулы для расчета пропорций еврейской крови, допустимых в партнерах при заключении брака.

Изучением расовой генеалогии всех желающих вступить в брак занималось Бюро расы и переселения при СС — особой структуры, ведающей в государстве всеми вопросами расовой политики. Гиммлер в своем собственном ордене СС уже практиковал такой подход. Он первым занялся созданием «нового человека». Во главе Бюро расы и переселения стоял Вальтер Дарре. Этому ведомству Гиммлера вменялось в обязанность изучать генеалогию каждого кандидата в члены СС, выявляя малейшие подозрения насчет загрязнения его арийской крови. Происхождение кандидата рассматривалось более чем на протяжение столетия — до 1750 года, то есть примерно в течение трех поколений предков. Для подтверждения чистоты крови будущему эсэсовцу предстояло собрать множество справок и предоставить копии документов. Кроме того, он должен пройти через медицинское освидетельствование. Именно в Бюро расы и переселения были разработаны те антропометрические стандарты, по которым можно было определить расовые типы людей. Скоро люди, вооруженные специальным прибором для измерений черепа — пластомером, стали выверять пропорции черепа не только у эсэсовцев, но и в детских учреждениях, и в университетах, и по всей стране, а потом и по всем завоеванным немцами землям. Но начиналось все с СС и пока что для СС. Но именно в недрах эсэсовского бюро родился *Закон о браке*, и было это за четыре года до принятия закона о запрете смешанных браков.

Данный эсэсовский документ гласил:

«1. СС — это союз немцев нордического типа, отобранных по особым критериям.

2. В соответствии с национальным социалистическим мировоззрением и сознавая, что основой будущего нашего народа является отбор и сохранение расово чистой и наследственно здоровой крови, я ввожу для всех неженатых членов СС, начиная с 1 января 1932 года, процедуру получения официального разрешения на брак.

3. Конечная цель — наследственно здоровый, полноценный род немецкого, нордического типа.

4. Разрешение на брак дается или нет единственно и только по критериям расовой чистоты и наследственного здоровья.

5. Каждый эсэсовец, намеревающийся жениться, должен получить официальное разрешение рейхсфюрера СС на этот брак.

6. Члены СС, проигнорировавшие отказ в официальном разрешении на свой брак, исключаются из рядов СС.

7. Задача надлежащего рассмотрения заявлений о вступлении в брак возложена на Расовое Управление СС.

8. Расовым Управлением СС ведется специальная „Родословная книга СС", в которую заносятся данные о семьях членов СС, после получения ими официального разрешения на свой брак или после утверждения их заявления о включении сведений о своей семье в эту книгу.

9. Рейхсфюрер СС, руководитель Расового Управления и служащие этого Управления обязуются своей честью не разглашать полученные ими сведения.

10. Для СС является неоспоримой истиной, что с изданием этого указа сделан шаг огромного значения. А потому мы недосягаемы для насмешек, издевок и непонимания. Будущее — за нами!»

С принятием закона 1935 года практика СС автоматически распространилась на всю Германию. Правда, государственный закон всего лишь запрещал браки между евреями и не-евреями, когда эсэсовский предполагал куда как более строгий отбор. Специально для улучшения эсэсовского потомства по всей стране появились филиалы женской общественной организация — Нацистской лиги немецких молодых женщин — своего рода питомники для неженатых эсэсовцев. Туда могли вступить только девушки истинно арийской внешности и арийского происхождения, то есть носительницы чистейшей немецкой крови. Многим девушкам, не имеющим возможности хорошо устроить свое будущее, Лига давала возможность удачно выйти замуж. Но целью Лиги было, конечно, не устройство девической судьбы, а именно хорошее потомство. Девушек готовили именно к браку и рождению детей, чем больше, тем лучше. Поскольку именно в СС шли служить немцы с самой чистой кровью, то процесс улучшения нации должен был начаться именно оттуда. И каждый эсэсовец знал назубок **девять пунктов** расовой программы.

1. Береги свое здоровье и будь умерен, прежде всего, в употреблении вредных для здоровья средств психологической разгрузки (алкоголь, никотин), а также занятий сексом, до тех пор, пока не завершится процесс окончательного формирования твоего организма.

2. Вступай в брак как можно раньше. Только тогда ты познаешь со своей женой семейное счастье во всей его полноте.

3. Не женись на женщине чужой расы. Ты в ответе перед твоим народом и твоими потомками за сохранение чистоты твоей крови.

4. Не женись на наследственно нездоровой женщине. Иначе ты будешь повинен в страданиях твоих собственных детей и внуков.

5. Постарайся выбрать себе совершенно здоровую жену. Верное представление о состоянии здоровья и о качествах твоей будущей супруги ты получишь, познакомившись с представителями ее рода.

6. Твоя жена должна быть, по крайней мере, столь же расово полноценной, как и ты сам.

7. Стремись к тому, чтобы ты и твои дети вернулись к земле.

8. Избегай вступления в родственный брак, потому что неблагоприятные наследственные задатки почти всегда остаются скрытыми от тебя, а у твоих детей они разовьются потом с удвоенной силой.

9. Ты должен сохранить свою наследственность для своего народа в возможно большем количестве детей. Ты продолжаешь жить в твоих детях.

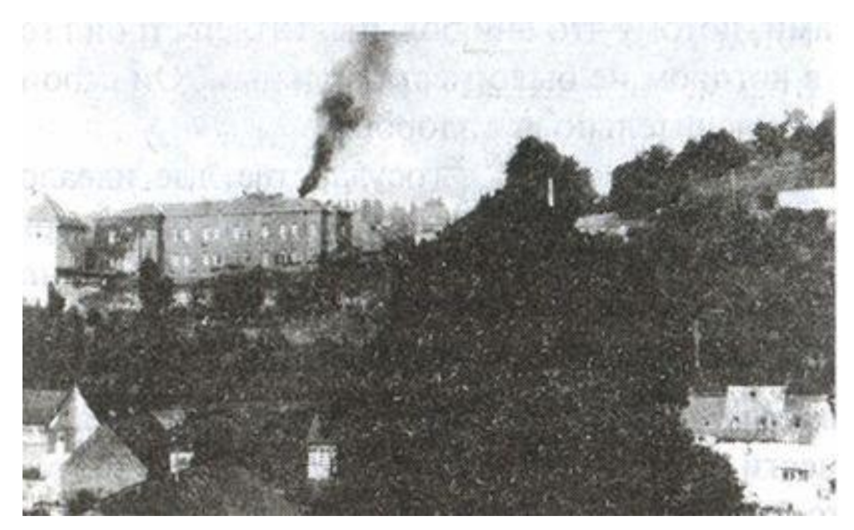
Если программа по оздоровлению нации начиналась с СС и была ориентирована на рождение здорового потомства, то для остального народа она имела оборотную, темную сторону. Те, кто не мог гарантировать здорового потомства, из нее автоматически выводились. Сначала это была программа по стерилизации. Но далее перед лидерами Рейха встал другой вопрос: а гуманно ли вообще сохранять жизнь тем, кто не может даже оценить того, что он жив, или своим существованием оскорбляет саму жизнь? Так к концу 30-х годов в Германии появилась особая программа по избавлению больных и увечных от самой жизни, она так и называлась «Легкая смерть», или эвтаназия.

Кто подпадал под действие программы? Все увечные и калеки, лица с врожденными дефектами, требующие помощи посторонних, психически больные, содержащиеся в психиатрических лечебницах и интернатах.

Программа эвтаназии была исключительно демократична: она предполагала уничтожение людей без учета их социального положения или расы. Никакой дискриминации! Легкая смерть предписывалась абсолютно всем, кто оказывался в черном медицинском списке. Гитлер не пощадил даже собственных родственников: когда ему сообщили, что эвтаназии будет подвергнута его двоюродная сестра, фюрер без тени сомнения подписал приказ о ее ликвидации.

Программа эвтаназии сначала проводилась в глубокой тайне. Ее рождение можно отнести к 1935 году, когда Гитлер подписал приказ о создании клиники «Хадамар». Именно здесь и началось уничтожение пациентов, которым медицина была бессильна помочь. К началу Второй мировой войны вовсю уже работали еще пять подобных центров.

Наибольшую пропускную способность имели Адхайм и Зонненштайн. Расположенные в небольших городках, эти клиники строго охранялись, а персонал давал подписку о соблюдении секретности. Местные жители даже не представляли, что делается за железными воротами. Они только видели, что к воротам подъезжают обычные автобусы, в которых сидят какие-то люди, а потом автобусы выезжают, но никто больше там не сидит. Может, кому-то и приходила в голову такая несуразность: если пассажиры остаются в клинике, то сколько же их? И почему никогда и никого не выпускают на прогулку? И что же это за больные, если никто из них не выздоравливает? Население не задавалось такими вопросами. А между тем в эти специальные медицинские учреждения привозили тех, кто должен был легко умереть. Сначала сюда привозили людей, содержавшихся в лечебницах. Лечебницы по Германии стали закрываться одна за другой. Неужели не было пациентов, которых нужно было лечить? Были. Но они больше не определялись в лечебные заведения. Они отправлялись в центры эвтаназии.



Хадамар — первая «клиника», созданная для уничтожения «нездоровых» немцев

В одной только клинике Хадамар было уничтожено несколько тысяч немцев. Кладбища клиник представляли собой огромные поля со столбиками, на которых стояли номерные знаки. Длинные ряды столбов на грязно-коричневых полях, лишенных растительности. Родных извещали о смерти простым письмом, где никогда не стояла истинная причина гибели. Чаще всего диагнозами были «сердечный приступ», «обострение хронического заболевания», «перитонит». Родителям, чьи неполноценные маленькие дети оказались в таких клиниках, вообще ничего не сообщалось об их смерти. Считалось, что дети могут умереть просто в силу их возраста. Если взрослых больных «обрабатывали» смертельными инъекциями, то с детьми поступали гораздо проще: их морили голодом. В конце концов, несчастный ребенок умирал от недоедания. А недоедание… естественная причина смерти.

По подсчетам специальной комиссии врачей, из каждой тысячи немцев у 10 имеют место психические отклонения, из этих 10 человек пятерых надлежало поместить в специализированные клиники; из этих пяти человек один подлежал программе эвтаназии. Ориентировочно предполагалось умертвить от 65 до 75 тысяч человек. И многие из этих людей, подлежащих обработке (так именовалась процедура на жаргоне врачей), не были евреями, они были немцами. Немцами, недостойными называться немцами, потому что они больны. Гитлер строил государство, в котором не было места больным. Он строил свой Рейх исключительно для здоровых.

Не удивительно, что в государстве, где идеалом был сильный и отважный человек, спорт всячески приветствовался и внедрялся на государственном уровне. И не удивительно, что за пару лет Германия стала страной спортсменов. Это явление было настолько массовым, охватывающим все слои населения, что Германия удостоилась чести принимать Олимпийские игры 1936 года.

Это было колоссальное зрелище, так Олимпиаду описывали все, кто на ней побывал. Тысячи немецких юношей и девушек маршировали по стадиону, слаженно выполняли движения, на их лицах сияли улыбки, и от них веяло счастьем. Немецкие спортсмены на этой Олимпиаде завоевали множество золотых и серебряных медалей, немецкие комментаторы захлебывались от восторга. А в неприметных городках умирали другие люди, совершенно не спортивные, неспособные дать Германии не то что медалей Олимпиады, но даже труда собственных рук. В величественном здании Третьего рейха им нашлось только одно место — кладбище с могилами без фамилий и имен. И в то время, когда они умирали, немцы искренне радовались, читая вселяющие энтузиазм газетные статьи, что жизнь налаживается и скоро наступит полное счастье.

Программа по «оздоровлению» нации приносила свои результаты: на Олимпиаде в 1936 году немцы взяли множество наград

Если честно, то жизнь в чем-то и налаживалась. По сравнению с годами мирового кризиса улучшились экономические условия, продукты стали дешевле. Некоторые предприятия Гитлер национализировал, некоторые остались в частных руках, но и там, и там создавались новые рабочие места, безработица отступала. Как только Гитлер пришел к власти, он возродил военную промышленность, что тоже снизило безработицу. Новое правительство хвалили за стабильность. Народ, на который фюрер ориентировался, эту политику поддержал. Буквально за пару лет страна немцев стала выглядеть как огромная стройплощадка. И это радовало глаз. Людей мало волновало, что теперь больше нет оппозиции, а существует всего одна партия. Внутри этой партии существовали разные течения, они спорили между собой, но цель имели единую — великий Рейх. Простым людям это нравилось. А те, кому не нравилось, — те уезжали. Их было по сравнению с целой Германией не так уж и много, и все высоколобые — журналисты, писатели, художники, профессора, адвокаты, врачи, инженеры, то есть, как их тут же окрестили, еврейские предатели, которые не хотят Великой Германии, враги. Народ, конечно, боялся попасть в лапы штурмовиков или полиции, но каждый был убежден, что с ним-то этого не случится. Он ведь хороший немец. Он радуется возрождению Германии.

И народ радовался. Судя по сохранившимся кадрам хроники, с каждым годом народ радовался все больше. Мероприятия национал-социалистов, всегда отличавшиеся размахом, стали еще грандиознее. Это были настоящие спектакли с демонстрацией силы, завораживающие зрелища, если они могли потрясти даже иностранцев и заставить их кричать вместе со всем немецким народом: «Хайль, Гитлер!» Заметки иностранцев тех дней напоминают восторженные советские репортажи со строек века: всеобщее воодушевление,

подъем, счастливые лица. Удивительны были и средства, которыми нацисты оформляли свои митинги и шествия. Это было зрелище, рассчитанное на чувство благоговения, как всегда перед чем-то огромным и великим: если флаг — так яркий и очень большой, если праздник — так массовый, если шествие — так многотысячное.

Шпеер вспоминает, как готовились ко дню 1 мая, который считался в Германии общенародным праздником: «В ту же ночь возник проект грандиозной трибуны, за ней три гигантских флага, каждый превосходит высотой десятиэтажный дом; а полотнища должны быть натянуты на деревянных перекладинах, оба крайних — черно-бело-красные, а посредине — флаг со свастикой. С точки зрения статики все это было весьма рискованно, ибо при сильном ветре флаги выглядели бы как паруса. Их предполагалось подсветить сильными прожекторами, дабы, как на сцене, усилить впечатление приподнятого центра. Мой проект был тотчас утвержден».

Когда на берлинском стадионе проходил партийный съезд, впервые была применена особого рода подсветка: «Эффект превзошел полет моей фантазии. 130 резко очерченных световых столбов на расстоянии лишь 12 метров один от другого вокруг всего поля были видны на высоте от 6 до 8 километров и сливались там, наверху, в сияющий небосвод, отчего возникало впечатление гигантского зала, в котором отдельные лучи выглядели словно огромные колонны вдоль бесконечно высоких наружных стен. Порой через этот световой венок проплывало облако, придавая и без того фантастическому зрелищу элемент сюрреалистически отображенного миража. Я полагаю, что этот „храм из света" был первым произведением световой архитектуры такого рода, и для меня он остается не только великолепным пространственным решением, но и единственным из моих творений, пережившим свое время. „Одновременно и торжественно, и красиво, словно находишься внутри ледяного собора", — писал английский посланник Гендерсон».

Сердце замирало не только от масштабности зрелищ, но и от их строгой слаженности, повышенного эмоционального фона, якобы сдержанного, на самом деле невероятно романтического.

Герцштейн вспоминал: «Приведение к присяге берлинских отрядов фольксштурма явилось, пожалуй, самым близким отголоском довоенных мюнхенских митингов, каких Рейх давно уже не видел. Музыка, массы людей, фанатичные речи, руки, вскинутые в клятвенном жесте, все это стало отличительной чертой того давно канувшего в вечность берлинского дня. Церемония началась в половине десятого утра, когда Геббельс появился на балконе, выходящем на Вильгельмплатц, и оркестр грянул: „Мы маршируем по Большому Берлину", песню „Эры борьбы". Под звуки фанфар прозвучала команда: „Берлинский фольксштурм, внимание! Поднять штандарты и знамена! Равнение направо".

Глава берлинского штаба СА обергруппенфюрер Гренц, крикнул: „Хайль фольксштурм!" В ответ прозвучало: „Хайль Гитлер!" Затем последовала короткая музыкальная пауза, прелюдия к чествованию павших в бою, после чего была отдана команда: „Берлинский фольксштурм! Внимание! Поднять штандарты и знамена! Опустить знамена". Этим были отданы почести павшим, а оркестр играл „Песню о хорошем товарище". Временно председательствующим был заместитель гауляйтера.

Полнейшее воплощение национал-социалистической романтики достигло своей кульминации, когда бразды правления взял в свои руки Геббельс. Последовала команда: „Поднять штандарты и знамена! Вольно!" После чего грянули бравурные аккорды песни „Народ, к оружию". Затем последовала новая команда: „Берлинский фольксштурм, приготовиться к принятию присяги! Поднять штандарты и знамена!" Гренц зачитал текст присяги, а затем Геббельс обратился к заполнившим площадь бойцам, превознося фюрера, после чего оркестр исполнил оба национальных гимна». Даже через годы он говорит об этом с придыханием. Что ж, такие зрелища действительно завораживают.

Гитлер, по оценке Феста, оказался отличным режиссером: «Широкое гипнотическое воздействие этих мероприятий, которое чувствуется еще и сегодня в материалах кинохроники, связано не в последнюю очередь с происхождением из этого источника.» «Я провел шесть лет перед войной в период наивысшего расцвета русского балета в Санкт-Петербурге, — писал сэр Невилл Гендерсон, — но никогда не видел балета, который можно было бы сравнить с этим грандиозным зрелищем. Оно свидетельствовало о точных знаниях как режиссуры крупной постановки, так и психологии маленького человека. От леса знамен и игры огней факелов, маршевых колонн и легко запоминающейся яркой музыки исходила волшебная сила, перед которой как раз обеспокоенному картинами анархии сознанию трудно было устоять.

Сколь важен был для Гитлера каждый эффект этого действа, видно из того факта, что даже в ошеломляющих по масштабам празднествах с огромными массами людей он лично проверял мельчайшие детали; он тщательно обдумывал каждое действие, каждое перемещение, равно как декоративные детали украшений из флагов и цветов и даже порядок рассаживания почетных гостей. Для стиля мероприятий „Третьего рейха" характерно и показательно, что режиссерский талант Гитлера по-настоящему убедительно раскрывался на торжествах, связанных со смертью. Казалось, что жизнь парализует его изобретательность, и все попытки воспеть ее не поднимались выше банального фольклора мелких крестьян, который воспевал счастье танца под майским деревом, благословение детей или простой обычай, в то время как фольклорно настроенные функционеры лужеными глотками выводили нечто псевдонародное. Зато в церемонии смерти его темперамент и пессимизм неустанно открывали все новые потрясающие эффекты; когда он под звуки скорбной музыки шел по широкому проходу между сотнями тысяч собравшихся почтить память павших через Кенигсплац в Мюнхене или через Нюрнбергскую площадь партийных съездов, то это были действительно кульминации впервые разработанной им художественной демагогии: в таких действах политизированной магии Страстной пятницы, в которых „блеск создавал рекламу смерти" — то же самое говорили о музыке Рихарда Вагнера, — воплощались представления Гитлера об эстетизированной политике.

С тем же эстетическим почитанием смерти была связана любовь к ночи. Все время горели факелы, костры, огненные колеса, которые, по утверждениям тоталитарных мастеров создания нужного настроения, якобы воспевали жизнь, но на самом деле доказывали своим пафосом, что жизнь человеческая мало чего стоит на фоне апокалипсических образов, трепета перед всемирным пожаром, которому они придавали некий возвышенный смысл, и картин гибели, в том числе и собственной. 9 ноября 1935 года Гитлер провел большое торжество в честь павших в ходе марша к „Фельдхеррнхалле", по образцу которого этот ритуал повторялся в последующие годы. Архитектор Людвиг Троост соорудил на Кенигсплац в Мюнхене два классических храма, 16 бронзовых саркофагов должны были принять эксгумированные останки первых „мучеников за идею".

Накануне вечером, пока Гитлер выступал с традиционной речью в пивной „Бюргерброй-келлер", гробы были установлены в „Фельдхеррнхалле", стены которого затянули коричневой тканью и украсили горящими светильниками. Незадолго до полуночи Гитлер проехал, стоя в открытой машине, через триумфальную арку и улицей Людвигштрассе, освещенной мерцающими огнями светильников на пилонах, к Одеонсплац. Факелы штурмовиков и эсэсовцев образовывали вдоль улицы две колышущиеся огненные линии, за ними стояла густая толпа. После того как машина медленно подъехала к пантеону, Гитлер с поднятой рукой поднялся по ступеням, устланным красной дорожкой. Погруженный в себя, он постоял перед каждым гробом, „ведя неслышимый диалог", а затем мимо покойных молча прошло 60 000 соратников в мундирах, с бесчисленным множеством знамен и всеми штандартами партийных формирований.

Следующим серым ноябрьским утром началась процессия поминовения. По пути следования марша 1923 года были установлены сотни обтянутых кумачом пилонов, на

постаментах которых золотыми буквами были начертаны имена „павших за движение". Из громкоговорителей беспрерывно звучал „Хорст Вессель", смолкавший на то время, когда колонна подходила к одному из пилонов и выкрикивалось имя павшего. Во главе колонны шагала рядом с Гитлером группа „старых борцов" в коричневых рубашках или форме образца 1923 года (серая куртка и лыжное кепи „Модель-23", выданные службой по организации торжеств 8–9 ноября). Символически переписывая историю, у пантеона, где когда-то участники марша разбежались под огнем армейских винтовок, к колонне присоединились представители вооруженных сил, и над городом прогремело 16 артиллерийских залпов. Затем наступала гробовая тишина: Гитлер возлагал гигантский венок у мемориальной доски. Под торжественные звуки национального гимна „Германия, Германия превыше всего" все направились, осененные тысячами приветственно склоненных знамен, „маршем победы" на Кенигсплац. Проходила „последняя перекличка": выкрикивались по очереди имена погибших, и толпа, словно оживший герой, произносила: „Здесь!" — это означало, что павшие стоят на „вечном посту"».

Новая эстетика прославляла грандиозные планы Гитлера, и все в этом государстве стало увеличиваться в размерах. Прежде небольшие скульптуры стали расти в высоту, теперь право на жизнь имели только монументальные сооружения. Здания тоже потянулись ввысь и раздались вширь. В градостроительстве тоже начался период монументализма. Чем дольше существовал Рейх, практически до начала Второй мировой, его сооружения становились все выше, шире и величественнее. Негодные произведения еврейского искусства, а сюда было отнесено все искусство с конца XIX века, заменили теперь произведения реалистические и жизнеутверждающие. Это происходило и в живописи, и в литературе, и в музыке. Гитлер, мечтавший стать художником, ненавидел «порченое» искусство. Он хотел силы, здоровья, веры в победу, и странно так наблюдать, как же эти произведения гитлеровской Германии похожи на современные им картины, книги или песни советской страны. Точно братья идут рука об руку два стиля — немецкий эпохи Гитлера и советский эпохи Сталина. Идеи, к которым они зовут, вроде и разные, но средства выражения — практически близнецы.

Нет, не случайно такое совпадение. Это искусство двух стран, мечтавших о мировом господстве. Одно — национал-социалистическое, другое — просто социалистическое хотят одного и того же: подчинить себе весь остальной мир. Кто первым придет к финишу, тот и победит.

Земли для арийской расы

Первая же задача, которую стал решать Гитлер, — объединение Германии. Поскольку он считал немецкими все земли, на которых жили немцы, или когда-то жили немцы, или должны жить немцы, то от первоначальной цели, не столь и огромной — как-то: присоединение Австрии, части Франции, части Чехословакии и части Польши, он здорово отклонился. Аппетиты росли по мере насыщения. Но все началось с 11 марта 1938 года, когда Гитлер решил объединить немецких и австрийских немцев.

В историю это событие вошло как аншлюс Австрии и Германии. Гитлеру удалось путем переговоров и некоторого давления на правительство Австрии (он заставил канцлера Австрии Шушнига уйти в отставку, и на его место был назначен национал-социалист Зейс-Инкварт, министр безопасности и внутренних дел, который подписал соглашение об аншлюсе) практически мирным путем взять власть в этой стране. Около девяти часов утра немецкие танковые части пересекли границу Австрии. Для того чтобы этот военный поход выглядел более мирно, танки были украшены флажками и зелеными ветками.

Впоследствии генерал Гудериан вспоминал: «Население видело, что мы идем, имея мирные намерения, и повсюду радостно нас встречало. На дорогах стояли старые солдаты — участники Первой мировой войны с боевыми орденами на груди и приветствовали нас. На

каждой остановке жители украшали наши автомашины, а солдат снабжали продуктами. Повсюду можно было видеть рукопожатия, объятия, слезы радости. Не было никаких конфликтов при осуществлении этого давно ожидаемого и не раз срывавшегося аншлюса. Дети одного народа, которые в течение многих десятилетий были разобщены из-за злополучной политики, ликовали, встретившись, наконец, друг с другом. Движение наших войск проходило по единственной дороге, шедшей через Линц».

В этот город в конце того же дня приехал и фюрер. Жители Линца, которым сказали, что Гитлер прибудет к трем часам дня, большой толпой собрались на рыночной площади и так простояли там до темноты. Когда Гитлер добрался до Линца, они кричали и размахивали немецкими флагами. Многие плакали. Такой же прием ожидал его и в столице Австрии Вене. В той самой Вене, по которой он некогда бродил голодным и плохо одетым.

Вена ликовала. Когда в первом часу ночи 13 марта туда прибыли передовые немецкие части, «…только что закончилось большое факельное шествие, устроенное в честь аншлюса, — писал Гудериан, — улицы были заполнены празднично настроенными жителями. Неудивительно, что появление немецких солдат вызвало бурное ликование. В присутствии командира венской дивизии австрийской армии генерала Штумпфль авангард прошел торжественным маршем мимо здания оперы под звуки австрийского военного оркестра. По окончании торжественного марша всех снова охватил бурный восторг. Меня понесли на руках до квартиры. Пуговицы моей шинели были оторваны и расхватаны в качестве сувениров. Приняли нас чрезвычайно восторженно».

Надо ли говорить, как Вена встретила Гитлера?

«Оцепление улиц еще не было закончено, когда появился Гитлер. Через шпалеры войск он проследовал в здание театра, где был встречен представителями местного населения. На улице лил проливной дождь. В вестибюле театра происходили прямо-таки трогательные сцены. Хорошо одетые дамы и девушки плакали, многие становились на колени; ликование людей было исключительно велико», — говорит Гудериан. Такое ликование он объясняет тем, что «…немцам пришлось много пережить: безграничную нищету, безработицу, национальный гнет. Многие уже потеряли всякую надежду». И в его описании аншлюс выглядит как исключительно правильное и радостное событие для всех: «Везде население восторженно встречало войска. Танки и автомашины были осыпаны цветами. Живые изгороди людей — юноши и девушки — затрудняли движение войск. Тысячи солдат немецкого происхождения, уволенные из чехословацкой армии, возвращались пешком на родину; многие из них были еще одеты в чешскую форму и несли на спине чемодан или сундучок — разбитая без боя армия. Первая линия укреплений Чехии была в наших руках; она не была так сильна, как нам казалось, но хорошо, что удалось занять ее без кровопролитных боев. В общем, все были довольны мирным поворотом в политической обстановке. Война сильнее всего затронула бы именно территорию с немецким населением и потребовала бы многих жертв от немецких матерей».

Иными словами, планировались два хода развития событий — мирное и военное. И до самого конца у Гитлера не было уверенности, что аншлюс будет проведен мирно. Может, он даже надеялся на войну. Но Австрия предпочла мир. Да и Зейс-Инкварт основательно потрудился: он провел референдум — 99 процентов респондентов высказалось за аншлюс. Но если австрийские немцы были искренне рады новой власти, то «люди второго сорта», не арийцы, испытали сильное унижение.

«Голыми руками, — приводит свидетельство очевидца Фест, — университетские профессора должны были драить улицы, набожных белобородых евреев крикливые парни загнали в храм и заставляли их делать приседания и хором кричать „Хайль Гитлер!“ Невинных людей ловили на улице, как зайцев, и гнали их чистить уборные в казармах СА; все, что выдумала в своих оргиях болезненно грязная, пропитанная ненавистью фантазия за многие ночи, осуществлялось теперь в буйствах среди бела дня».

Мировые державы аншлюс восприняли спокойно, только Сталин был озабочен — он отлично просчитывал ходы противника и боялся усиления Гитлера (хотя между вермахтом и Красной армией, между НКВД и гестапо уже имелись секретные договоренности). Получив Австрию, Гитлер осуществил мечту Хьюстона Чемберлена — перевез из Хофбурга в Нюрнберг заветное копье всевластия и столь же заветную корону Габсбургов — знак императорской власти.

Доставка святынь немецкого народа была обставлена с размахом. Гитлер желал эту передачу провести согласно закону, чтобы этот акт был признан легитимным обеими сторонами, а не захватом или грабежом. Некогда, еще при средневековом императоре Сигизмунде, был издан указ, воспрещавший перемещение сокровищ: «Согласно воле Божьей священное копье, а также корона и скипетр германских монархов никогда не должны покидать землю Отчизны». Поэтому немецким архивариусам пришлось порыться в старинных текстах, чтобы восстановить справедливость. Они обнаружили, что копье хранилось в Нюрнберге до начала наполеоновских войн, но поскольку император имел на него виды, было перевезено в Вену и осталось «в чужой земле», а после победы над Наполеоном хранитель копья барон фон Хугель предал жителей Нюрнберга и не вернул реликвии в родной город. Акция по возвращению копья таким образом приобретала черты воссоединения реликвий с извечным местом своего пребывания — нюрнбергской церковью Св. Екатерины.

В Нюрнберге состоялся грандиозный праздник, и сокровища были переданы новому хранителю — бургомистру города Либелю. В самой торжественной обстановке они 13 октября 1938 года были перевезены на бронепоезде и внесены в церковь. Собралась огромная толпа. Все приветствовали грандиозное событие.

Но не копье занимало мысли Гитлера, а Чехословакия. Гитлер мечтал отнять у чехов населенные немцами земли и воссоединить их с австрийскими Судетами. Для этого он поручил найти любой повод, который можно превратить в военный конфликт. В отличие от австрийских событий он собирался просто начать войну. На мирное урегулирование конфликта Гитлер не рассчитывал, зная, что между Чехословакией, Англией и Францией существует договор о взаимопомощи. В июне немцы начали военные маневры на границе с Чехией. В то же время он провоцировал поляков и венгров на раздел Чехословакии. Но войны не получилось. Союзники убедили чехословацкого президента принять все условия немцев, и тот, поняв, что никакой помощи не получит, вынужден был согласиться на передачу Судетской области Германии. А затем в Мюнхене состоялись переговоры, известные по истории как «мюнхенский сговор». Речь шла уже не о Судетах, а обо всей Чехословакии. Бенеш был вынужден добровольно отдать ее Гитлеру.

3 октября 1938 года фюрер пересек границу Чехословакии.

Начиная эпоху завоеваний, Гитлер открыто сказал журналистам: «Обстоятельства заставляли меня на протяжении десятилетий говорить почти только о мире. Лишь постоянно подчеркивая волю немцев к миру и их мирные намерения, я мог отвоевывать пядь за пядью для немецкого народа свободу и давать ему вооружения, которые были необходимы для следующего шага. Само собой разумеется, что подобная пропаганда мира на протяжении десятилетий имеет и свои нежелательные стороны; в умах многих людей может легко закрепиться воззрение, что сегодняшний режим на самом деле решил сохранять мир при всех обстоятельствах. Однако это привело бы не только к неверной оценке целей нашего строя, это прежде всего привело бы к тому, что немецкой нацией… овладел бы дух, который в перспективе, создавая пораженческое слюнтяйство, неизбежно свел бы на нет успехи нынешнего режима. Я был вынужден говорить о мире. Теперь необходимо постепенно психологически перенастроить немецкий народ и без спешки объяснить ему, что есть вещи, которые, если их нельзя добиться мирными средствами, должны быть достигнуты силой…»

Журналисты вняли призыву Гитлера, они стали готовить общественное мнение и призывать немецкий народ к достойным его древней истории свершениям.

В марте 1939 года Чехия вошла в состав Рейха на правах протектората. А чуть позднее была присоединена Мемельская (Клайпедская) область. Теперь настала очередь Польши. Но предварительно Гитлер заручился поддержкой Сталина, заинтересованного в присоединении земель к западу от своей границы. Этот договор от 23 августа 1939 года (за неделю до начала Второй мировой войны) вошел в историю как пакт Молотова-Риббентропа и имел секретное приложение. В приложении были оговорены условия раздела Европы. Годом ранее уже было подписано замечательное *Соглашение* между немецким гестапо и советским НКВД:

«§ 1.

п. 1. Стороны видят необходимость в развитии тесного сотрудничества органов государственной безопасности СССР и Германии во имя безопасности и процветания обеих стран, укрепления добрососедских отношений, дружбы русского и немецкого народов, совместной деятельности, направленной на ведение беспощадной борьбы с общими врагами, ведущими планомерную политику по разжиганию войн, международных конфликтов и порабощению человечества.

п. 2. Стороны, подписавшие настоящее соглашение, видят историческую необходимость такого решения и будут стараться делать все для укрепления влияния и силовых позиций своих стран во всем мире, не причиняя взаимного вреда. Принимая во внимание исторические процессы в развитии международных отношений, при которых СССР и Германия являются лидирующими странами, а также что между нашими правительствами устанавливаются хорошие отношения, между народами крепнет дружба и сотрудничество, в то же время желание общих врагов СССР и Германии направлено на разобщение добрососедских отношений, разжигание недоверия, неприязни, откровенной вражды и реваншистских выпадов. НКВД и ГЕСТАПО поведут совместную деятельность в борьбе с общими врагами и будут информировать правительства своих стран о результатах такой деятельности.

п. 3. Сознавая, что происшедшие в последнее время перемены в мире представляют нашим странам уникальный шанс установить в мире новый порядок, основываясь на примате, желая придать динамизм отношениям между СССР и Германией, стороны договорились о нижеследующем:

§ 2

п. 1. НКВД и ГЕСТАПО будут развивать свои отношения во имя процветания дружбы и сотрудничества между нашими странами.

п. 2. Стороны поведут совместную борьбу с общими основными врагами:

— международным еврейством, ее международной финансовой системой, иудаизмом и иудейским мировоззрением;

— дегенерацией человечества, во имя оздоровления белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены.

п. 3. Виды и формы дегенерации, подлежащие стерилизации и уничтожению, стороны определили дополнительным протоколом № 1, являющимся неотъемлемой частью настоящего соглашения.

§ 3

п. 1. Стороны будут всемерно способствовать укреплению принципов социализма в СССР, национал-социализма в Германии и убеждены, что одним из основополагающих элементов безопасности является процесс милитаризации экономики, развитие военной промышленности и укрепление мощи и дееспособности вооруженных сил своих государств.

п. 2. Стороны будут способствовать в развитии сотрудничества в военной области между нашими странами, а при необходимости войны способствовать проведению совместных разведывательных и контрразведывательных мероприятий на территории вражеских государств.

§ 4

п. 1. В случае возникновения ситуаций, создавших, по мнению одной из сторон, угрозу нашим странам, они будут информировать друг друга и незамедлительно вступать в контакт для согласования необходимых инициатив и проведения активных мероприятий для ослабления напряженности и для урегулирования таких ситуаций.

§ 5

п. 1. Стороны придают важное значение развитию и углублению профессиональной деятельности. Обмен опытом и встречи, командировки сотрудников обоих ведомств будут осуществляться на постоянной основе.

п. 2. Руководители НКВД и ГЕСТАПО, сотрудники служб обоих ведомств будут иметь регулярные встречи для проведения консультаций, обсуждения иных мероприятий, способствующих развитию и углублению взаимоотношений между нашими странами.

§ 6

п. 1. Стороны будут способствовать расширению и углублению сотрудничества между нашими странами в областях:

— военной промышленности;

— самолетостроения;

— экономики;

— финансах;

— научно-технического сотрудничества;

— в области энергетики;

— науки и техники;

— в области сокровенных тайн, теозоологии, теософии, паронормальных и аномальных явлений, влияющих на социальные процессы и внутреннюю жизнь государств.

§ 7

п. 1. Каждая из сторон будет способствовать облегчению, насколько это возможно, на основе взаимности, визового режима въезда сотрудников обоих ведомств в наши страны.

§ 8

п. 1. Стороны будут заключать по мере необходимости дополнительные соглашения в целях реализации положений настоящего соглашения.

§ 9

п. 1. Настоящее соглашение вступает в силу в день его подписания сроком на пять лет и будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды.

Текст соглашения отпечатан на русском и немецком языках в единственном экземпляре, каждый из которых имеет одинаковую силу, скреплен подписями и печатями представителей НКВД и ГЕСТАПО. Русский текст соглашения остается в НКВД, немецкий в ГЕСТАПО».

Хорошо, не правда ли? Но это не все!

К тексту соглашения прилагались и два дополнительных протокола.

ПРОТОКОЛ № 1

Приложение к соглашению от 11 ноября 1938 г. между НКВД и ГЕСТАПО

Кроме всего прочего, стороны определили, что в § 2 п. 3 подписанного соглашения речь идет о следующих видах квалификации дегенеративных признаков вырождения, как-то:

— рыжие;

— косые;

— внешне уродливые, хромоногие и косорукие от рождения, имеющие дефекты речи: шепелявость, картавость, заикание (врожденное);

— ведьмы и колдуны, шаманы и ясновидящие, сатанисты и чертопоклонники;

— горбатые, карлики и с другими явно выраженными дефектами, которые следует отнести к разделу дегенерации и вырождения;

— лица, имеющие большие родимые пятна и множественное кол-во маленьких, разного цвета кожное покрытие, разноцветие глаз и т. п.

Стороны дополнительно определят квалификацию типов (видов) дегенерации и знаков вырождения. Каждая из сторон определит соответствующий (приемлемый) лимит и программу по стерилизации и уничтожению этих видов.

ПРОТОКОЛ № 2

Дополнение к соглашению от 11 ноября 1938 г. между НКВД и ГЕСТАПО

О выдаче граждан и их этапировании

Подлежат выдаче:

— граждане, лица без гражданства, иностранцы, совершившие преступления, предусмотренные уголовным законодательством СССР и Германии на их территории, которые в силу тех или иных обстоятельств находятся за пределами своего государства и не желают возвратиться назад.

Для производства выдачи лиц, виновных в совершении преступлений, необходимо: предоставить мотивированное письменное требование с указанием мотивов и обстоятельств, послуживших обращению. Требование адресуется в адрес лиц, подписавших соглашение, и ими же подписывается. Этапирование преступников производит сторона, на территории которой его задержали, до границы своего государства и передачи по необходимости.

От советской стороны соглашение подписал Берия, от немецкой — шеф гестапо Мюллер. Что интересно, соглашение было заключено сразу после «мюнхенского сговора»! Вот вам и миссия миротворца! Вот вам и яростное обвинение мировых держав в предательстве Чехословакии и Австрии! Вот и негодование Сталина! Два агрессора сумели сговориться. Карательные органы нашли друг в друге верных товарищей. Они и развивали сотрудничество, подготавливая пакт о ненападении. В таком контексте Польша была обречена. Не стоит думать, конечно, что Гитлер изменил свое отношение к СССР, нет, Сталин как был для него врагом, так им и оставался. Но договор 1939 года спасал Германию от восточных неожиданностей.

«В тактическом отношении инициативы Москвы казались Гитлеру как нельзя кстати, — пишет Фест, — конечно, антибольшевизм был одной из главных тем его политической карьеры; если мотив страха действительно являлся для него одной из элементарных движущих сил, то коммунистическая революция постоянно снабжала действующими на воображение картинами ужаса: он тысячи раз говорил о „фабриках по уничтожению людей“ в России, „выжженных деревнях“, „опустевших городах“ с разрушенными церквами, об изнасилованных женщинах и палачах из ГПУ, акцентируя „колоссальную дистанцию“ между национал-социализмом и коммунизмом, которая никогда не будет преодолена. В отличие от не отягощенного подобными мотивами Риббентропа, который уже вскоре после сталинской речи от 10 марта стал выступать за сближение с Советским Союзом, Гитлер был неуверен, на него давил груз идеологии, во время растянувшихся на месяцы переговоров он все вновь и вновь начинал колебаться. Он несколько раз рвал контакты. Лишь глубокое разочарование поведением Англии, а также огромный тактический выигрыш, возможность избежать кошмара войны на два фронта при нападении на Польшу побудили его в конце концов отбросить все сомнения; как Сталин начинал отчаянную игру с „фашистской мировой чумой“, рассчитывая в конечном счете на триумф, так и Гитлер успокаивал себя мыслью загладить вероотступничество будущей схваткой с Советским Союзом — эти намерения по-прежнему оставались в силе — кроме того, создать предпосылку для нее — общую границу: „это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола“, — говорил он немного позднее в узком кругу, а еще 11 августа, за несколько дней до сенсационной поездки Риббентропа в Москву, одному зарубежному гостю он заявил с откровенностью, которую едва ли мыслимо понять: „Все, что я делаю, направлено против России; если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден договориться с русскими, разбить Запад и затем, после его поражения, собрав все силы, обратиться против Советского Союза“».

Гитлеру была нужна Польша. Гитлер хотел, чтобы ему не мешали. Но он не понимал только одного, что в Рейхе есть силы, которые видят в СССР не противника, а союзника. Если

еще раньше между Берлином, Римом и Токио сложились союзнические отношения, то присоединение к этому блоку четвертого игрока — Сталина — давало Германии неуязвимость. В армии известие о пакте было воспринято с облегчением.

Гудериан рассказывал, что как-то был приглашен на завтрак с Гитлером по случаю вручения орденов, и Гитлер вдруг его спросил: «…„Я хотел бы знать, как воспринял народ и армия пакт с Советской Россией?‟ На этот вопрос я смог лишь ответить, что мы, солдаты, облегченно вздохнули, когда в конце августа до нас дошло известие о заключении пакта. Благодаря этому пакту мы почувствовали, что тыл наш свободен, и были счастливы, что удалось избавиться от опасности ведения войны на два фронта, что в прошлой мировой войне вывело нас из строя на продолжительное время. Гитлер посмотрел на меня с большим удивлением, и я почувствовал, что мой ответ не удовлетворил его. Однако он ничего не ответил и перешел на другую тему. Только много позже я узнал, насколько глубоко Гитлер ненавидел Советскую Россию. Он, вероятно, ожидал, что я выражу удивление по поводу заключения этого пакта, связавшего его со Сталиным». Многие смотрели на пакт так же, как и Гудериан. Этот пакт намного упрощал войну против Польши.

Но просто напасть на Польшу Гитлер не мог. Ему нужен был инцидент на границе, чтобы обвинить поляков в провоцировании войны. И такой повод нашелся.

Город Данциг (по-польски Гданьск) считался вольным городом, в нем проживало немецкое население. Гитлер стал требовать у Польши обеспечения свободного данцигского коридора. Жители Данцига с надеждой ожидали соглашения между правительствами. Соглашения не было: поляки отказались и обвинили Германию в подготовке мятежа в Гданьске. Если Гитлер надеялся так же легко, как и с чехами, разобраться с поляками, сначала отобрав Данциг, затем земли восточной Пруссии, то на этот раз надежды рухнули.

Поляки не собирались ничего отдавать немцам. Они готовились к войне.

Но между польскими событиями и «мюнхенским сговором» произошло еще одно событие, которое в Рейхе использовали с огромной выгодой. То ли по собственной инициативе, то ли по наущению гестапо, еврейский эмигрант Гершель Грюншпан 7 ноября 1938 года застрелил в Париже советника немецкого посольства Эрнста фон Рата. Гитлер тут же объявил карательный поход против мирового еврейства, которое призывал выжигать огнем и разить мечом.

«Многочасовая торжественная кампания, — пишет Фест, — включающая большую траурную церемонию, музыку Бетховена и демагогические стенания по убитому, была организована вплоть до уровня школ и предприятий, и в последний раз СА выступили в их когда-то апробированной, но давно уже не исполнявшейся роли выразителя слепого народного гнева: вечером 9 ноября повсюду в Германии запылали синагоги, были разгромлены квартиры евреев, разграблены их магазины, было убито почти 100 человек и примерно 20 тысяч арестовано…»

Ночь с 9 на 10 ноября вошла в историю под названием *Хрустальной* или — в другом переводе — *Ночь битых стекол*. Действительно, основной урон в эту ночь был нанесен окнам и витринам. Человеческих жертв было немного, хотя затем в изложении историков это событие приобрело какой-то запредельный масштаб. В жертвы разом записали и сотню убитых, и тысячи арестованных. И стали говорить о тех и других, не разделяя их на мертвых и живых — вот и вам и «огромные» жертвы ночи битых стекол! Собственно говоря, сама ночь была закономерным результатом политики, которую проводил Рейх уже пять лет.

Впрочем, если искать виноватых, сам Грюншпан был обманут не немецким, а родным польским правительством, которое тоже решило избавиться от своих евреев и выслать их в Германию. Немцы польских евреев не приняли и гражданства им не дали (по расовому закону гражданство Рейха имели только немцы, все остальные получали статус подданных, то есть были лишены большинства гражданских прав) и в свою очередь попробовали вернуть подарок. Поляки подарок назад никак забирать не хотели. В результате польские евреи оказались в

диком положении: они были лишены польского гражданства и не получили немецкого. Молодой террорист был обижен и на тех, и на других, но своей мишенью выбрал сотрудника немецкого посольства. Такова предыстория этой «ночи». Мне кажется, что юноша был использован немецкими спецслужбами для вполне определенной цели — создать напряженную обстановку между Варшавой и Берлином.

Случай Грюншпана можно было неплохо использовать для оправдания будущих действий против Польши. Поэтому фон Рат был погребен с такой помпой. Но газеты несколько переборщили в призывах к отмщению, вот вам и короткая вспышка немецкого антисемитизма. Что же касается арестов, они и так периодически проводились.

Но почему же убийство Рата не было использовано на полную катушку? Скорее всего, из-за политической обстановки. Германия еще не была готова к польской кампании. С другой стороны, это покушение было приурочено к 7 ноября, годовщине октябрьского переворота в России. Немецкий гнев должен был обратиться против коммунистов. Именно они, а не какие-то безымянные евреи, отправились в тюрьмы. Поскольку между убийством и охотой на евреев прошло всего несколько дней, акция была давно задумана и хорошо спланирована. Несчастный Грюншпан выполнил в ней ту же роль, что и сербский студент накануне Первой мировой войны.

Но для настоящей войны с Польшей требовалась более серьезная причина, нежели волнения в Данциге или убийство фон Рата. Так родилась идея польской провокации на немецкой границе. План завоевания Польши был подписан 3 апреля и носил кодовое название план «Вайс», на границе с Польшей было увеличено количество войск. 28 апреля немцы разорвали с поляками договор о дружбе и ненападении. Формально все было готово к началу войны. Оставалось лишь создать нужную провокацию.

Немецкое спецподразделение, переодетое в польскую военную форму, «захватило» немецкую радиостанцию, доблестные немецкие солдаты отбили радиостанцию, для правдивости имелись даже трупы погибших «поляков», роль которых исполнили заключенные концлагерей. Теперь со спокойной совестью Гитлер объявил войну Польше, и 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Из-за договоров о взаимопомощи к войне Польши против Германии 3 сентября вынуждены были присоединиться Англия и Франция. Впрочем, ни та, ни другая не дали Польше никакой военной помощи, оказывая только моральную поддержку и потом — приняв на своей земле (в Лондоне) Польское правительство в изгнании. А СССР удачно вписался в войну и получил замечательно нужные ему земли на западе, отчего граница «отъехала» на сотни километров к центру Европы. Гитлеру не очень пришлась по душе оккупация Прибалтики, но деваться было некуда, нейтралитет СССР и помощь ресурсами были важнее. В свою очередь СССР вошел в покоренную уже Польшу и стал восточные польские земли советизировать. Так образовалось знаменитое катынское дело.

В целом политика СССР и Германии по отношению к польским офицерам и интеллигенции была на редкость созвучной. Захватив польские земли, Гитлер приказал уничтожить всех, кто может оказывать сопротивление, — польскую аристократию, видных политиков, общественных деятелей, военных. Первое, что сделали Советы, — тоже арестовали польских офицеров, вывезли их в концентрационные русские лагеря и затем расстреляли. Другие слои населения, которые подозревались в возможном сопротивлении, тоже были интернированы и распределены по лагерям.

Нет, увольте!

Полная солидарность НКВД и Гестапо!

Это уже позже, когда СССР находился в состоянии войны с Германией, немцы вскрыли советские захоронения расстрелянных поляков и обвинили коммунистов в зверстве и преступлениях против человечности. А в 1939 году никакой войны и несогласия между СССР и Рейхом не было. И действовали что первые, что вторые на редкость слаженно. Вот уж, действительно, обмен опытом и нерушимая солидарность карательных органов!

Фест говорит, что с этого момента, с 1 сентября 1939 года, Гитлер полностью ушел от политики (в том виде, в каком мы ее понимаем, — с дипломатией, созданием благоприятного для мировой общественности образа, заигрыванием с собственным народом и т. п.). «Отказавшись от политики, Гитлер вернулся и на былые принципиальные идеологические позиции. Та жесткость его образа мира, которая так долго оставалась скрытой благодаря его безграничной тактической и методической подвижности, теперь стала вновь проявляться во все более резких формах. Война положила начало процессу окостенения, который стал вскоре захватывать всю его личность и парализовывать все ее реакции. Уже неофициальное распоряжение Гитлера, отданное им 1 сентября 1939 года, в день начала войны, подвергнуть всех неизлечимо больных эвтаназии было тревожным признаком». Действительно, любопытное совпадение во времени, не так ли? Гитлер начал процесс очищения. Для этого нужно было провести слабый немецкий народ через войну, в которой он обязан победить. Польскую кампанию немецкий народ провел быстро и без тяжелых потерь. Это внушало оптимизм.

Уладив земельный вопрос с Польшей, Гитлер наконец-то обратил свое внимание на те страны, которые оказались с ним в состоянии войны. Прежде всего, ему нужно было взять реванш над Францией и начать военные действия против Англии. В то же время нельзя было оставлять малые страны, лежащие на восточной границе Франции, и прибрежные страны, поскольку с их территории должно было начаться наступление на Англию. Таким образом относительно быстро Германия оккупировала Бельгию, Данию и Нидерланды.

В районе Дюнкерка находился английский экспедиционный корпус. И если бы не нелепый приказ Гитлера, задержавший наступление танковых дивизий Гудериана, Дюнкерк был бы взят. Но Гитлер отменил наступление танков и решил разгромить англичан… при помощи авиации. Через два дня, поняв, что люфтваффе ничего не может поделать с укрепленным районом, он снова ввел танки в действие, но золотое время было упущено. Англичане успели эвакуировать свои войска. Черчилль считал, что это промедление под Дюнкерком было вызвано надеждой Гитлера вывести Англию из войны и заключить с ней сепаратный мир.

Гудериан думал иначе: «Ни в то время, ни позднее я не встречался с фактами, которые могли бы подтвердить это мнение. Несостоятельно также и другое предположение Черчилля, что танковые части якобы были остановлены по решению Рундштедта. Как участник этих боев я могу заверить, что хотя героическое сопротивление Кале заслуживает всяческого признания, но оно не оказало никакого влияния на ход боевых действий под Дюнкерком. Напротив, правильным является предположение, что Гитлер и, прежде всего, Геринг считали, что превосходства немецкой авиации вполне достаточно для воспрещения эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело опасные последствия, ибо только пленение английской экспедиционной армии могло бы укрепить намерение Великобритании заключить мир с Гитлером или повысить шансы на успех возможной операции по высадке десанта в Англии».

Собственно говоря, неудача под Дюнкерком заложила и будущие сложности в войне, хотя не была еще фатальной. Что же касается стремления Гитлера к заключению мира с Англией, эта мысль была у него почти навязчивой. Он считал англичан германским (то есть арийским) народом и переживал, что такой хороший народ выступает в войне не на его стороне.

Военные действия против Франции заняли очень короткий период. Французы не смогли выстоять против немецкой армии, и 22 июня 1940 года было заключено перемирие. При этом часть Франции полностью попала под власть немцев, там был введен оккупационный режим, а другая часть не была оккупирована, но признала немецкую власть. Это тоже было ошибкой, которая мешала Гитлеру достичь мирового господства.

«Мне не нравилось перемирие, только что заключенное под ликование немецкого народа и к удовлетворению Гитлера, — писал Гудериан. — После полной победы немецкого оружия, одержанной над Францией, мы могли заключить другой мирный договор. Можно было

потребовать полного разоружения Франции, полной оккупации страны, отказа от военного флота и колоний. Но можно было также идти по другому пути, по пути взаимопонимания, предложить французам сохранить целостность их страны, их колоний и их национальной независимости ради быстрого заключения мира также и с Англией».

Однако Гитлер не стал «подминать» всю Францию и в то же время сосредоточил силы на проведении операции «Морской лев», под таким кодовым названием шла высадка десанта на берега Англии. Операция провалилась, не успев и начаться. У Рейха не было способов высадить такой десант, он не был готов вести морскую войну с сильным английским флотом, а самолеты того времени не позволяли переправить достаточное количество солдат и тяжелой техники на берега Англии. Был другой способ принудить Англию к миру: уничтожить ее африканские войска.

Но в 1940 году Гитлер считал войну на Средиземном море напрасной тратой сил и времени, он полагался на итальянскую армию. Это тоже была его ошибка: итальянцам оказались не по зубам английские колониальные части. И он упустил время, чтобы вывести Англию из войны.

А между тем дела на востоке принимали дурной оборот. Гитлеру было ясно, что пакт исчерпал себя: Сталин явно готовился его разорвать. И теперь все зависело от того, кто окажется первым. Так в голове Гитлера родился план блицкрига, известный под названием «План Барбаросса». Почему для войны с СССР Гитлер выбрал такое название, можно рассуждать долго. Давно отмечено, что это название само несло поражение в войне: рыжебородый немецкий император, чьим именем нарек блицкриг Гитлер, не выиграл ни одной войны и погиб нелепой смертью, утонув во время купания. Однако факт: Гитлер считал неудачника героем. Блицкриг предполагал завершение восточной войны до первых морозов. Но дата начала войны на востоке «переехала» сначала на май, потом на июнь.

Несчастный Гесс, убежденный, что его фюрер сошел с ума, улетел в Англию и получил вместо переговоров тюрьму. Немецкие офицеры, получившие приказание выступать на рассвете 22 июня 1941 года, от перспективы пришли в ужас. Но делать было нечего. Война началась.

Первоначально она складывалась для русских очень неудачно. Войска бежали. Но Гитлер не учел самых простых вещей: отвратительных русских дорог, большой протяженности территории и особенностей климата. Эти три фактора, без учета сопротивления армии противника, так задержали блицкриг, что немцы оказались застигнутыми русской непогодой. Этого никто и предположить не мог, но 1941 год оказался на редкость холодным: снег выпал в октябре.

Гудериан, изучавший походы Карла Двенадцатого и Наполеона, ни в какой блицкриг не верил, от перспективы войны он был в ужасе: «Прошлые успехи, особенно победа на западе, одержанная в столь неожиданно короткий срок, так затуманили мозги руководителям нашего верховного командования, что они вычеркнули из своего лексикона слово „невозможно“. Все руководящие лица верховного командования вооруженных сил и главного командования сухопутных сил, с которыми мне приходилось разговаривать, проявляли непоколебимый оптимизм и не реагировали ни на какие возражения».

Но когда, спустя четыре месяца, немецкие войска оказались на чужой земле без зимней одежды, высшие военные чины приуныли. Снег выпал с 6 на 7 октября, в летней одежде немцы коченели. На просьбы прислать зимнюю одежду из Берлина отвечали, что в нужный момент она будет доставлена (этот момент в 1941 году для немецких солдат так и не наступил: одежды не было, поскольку она просто не была предусмотрена блицкригом!). Снег полежал и растаял, но это положение не спасло, а ухудшило: дороги превратились в болото. «Наши танки двигались по ним с черепашьей скоростью, причем очень быстро изнашивалась материальная часть», — писал Гудериан.

Пехота страдала еще больше. Моторизированная техника, которая прекрасно вела себя в Европе, становилась ненадежной. «Колесные автомашины могли передвигаться только с помощью гусеничных машин. Это приводило к большой перегрузке гусеничных машин, не предусмотренной при их конструировании, вследствие чего машины быстро изнашивались. Ввиду отсутствия тросов и других средств, необходимых для сцепления машин, самолетам приходилось сбрасывать для застрявших по дороге машин связки веревок. Обеспечение снабжением сотен застрявших машин и их личного состава должно было отныне в течение многих недель производиться самолетами. Подготовка к зиме находилась в плачевном состоянии».

Планы командования постоянно менялись. Гитлер то решал идти на Киев, то на Крым, в конце концов целью была выбрана Москва. Но к этому времени начались уже настоящие холода. В середине ноября температура упала ниже 22 градусов мороза. «Снабжение войск было плохим. Не хватало белых маскировочных халатов, сапожной мази, белья и прежде всего суконных брюк. Значительная часть солдат была одета в брюки из хлопчатобумажной ткани, и это — при 22-градусном морозе! Острая необходимость ощущалась также в сапогах и чулках».

Немцы стали реквизировать отбитые запасы русского обмундирования.

«Наших солдат, одетых в русские шинели и меховые шапки, можно было узнать только по эмблемам», — вспоминал Гудериан.

А 17 ноября стало известно, что на московское направление переброшены сибирские части. Для немцев это прозвучало удручающе. Но настоящей бедой было другое: против относительно легких немецких танков теперь пошли русские тяжелые Т-34. В боях под Москвой немецкое наступление было остановлено. Для многих стало ясно, что Германия вступила в долгую, кровопролитную и тяжелую войну. В 1941 году еще верили в победу, но с каждым годом войны вера слабела.

Знал ли Гитлер, на что обрекает свою армию, начиная войну с запланированным счастливым концом? Вот тут есть некоторая сложность. Для Гитлера война была окрашена в мистические тона, она рассматривалась как естественное состояние человека: «С тех пор как Земля вращается вокруг Солнца, пока существуют холод и жара, плодородие и бесплодие, буря и солнечный свет, до тех пор будет существовать и борьба, в том числе среди людей и народов… Если бы люди остались жить в Эдеме, они бы сгнили. Человечество стало тем, что оно есть, благодаря борьбе». Постоянное кровопускание полезно нации, поскольку закаляет ее. «Война — это сама жизнь. Война — всякая схватка. Война — исконное состояние». Гитлер придерживался правила: «Выживает сильнейший». Поэтому он требовал от своей армии, чтобы она выживала и побеждала любой ценой. Недаром генералы боялись докладывать своему главнокомандующему о поражениях. Если Гитлер расценивал потери как необходимое зло и вполне естественный процесс, то поражения его бесили. Тогда-то он и начинал кричать, что ему достался недостойный народ и что если он не может победить, то лучше ему умереть.

Первоначально, вдохновленный расовой теорией, Гитлер ожидал, что немецкий солдат справится с восточными соседями легко и быстро, но чем глубже заходила война, чем она больше затягивалась, тем чаще он негодовал и говорил, что азиаты уничтожат арийскую расу и недочеловеки заселят всю землю. В такие минуты даже верные соратники стремились скрыться с его глаз. Нации закаляются в войнах, если нация терпит поражения — она недостойна существовать. Недаром, еще в 1939 году, он сказал своим генералам: «Я поднял немецкий народ на большую высоту, хотя сейчас нас и ненавидят в мире. Это дело я ставлю на карту. Я должен сделать выбор между победой и уничтожением. Я выбираю победу».

После потерянной битвы за Сталинград стало ясно, что победа может случиться разве что каким-то чудом. «Мы будем диктовать Востоку наши законы, — говорил Гитлер в преддверие большой войны, — мы завоюем шаг за шагом землю до Урала. Я надеюсь, что с этой задачей

справится еще наше поколение… Тогда мы будем иметь отборных здоровых людей на все времена. Тем самым мы создадим предпосылки для того, чтобы руководимая, упорядоченная и управляемая нами, германским народом, Европа смогла выстоять на протяжении жизни поколений в судьбоносных схватках с Азией, которая наверняка опять двинется на нас. Мы не знаем, когда это будет. Если в тот момент на другой стороне будет людская масса в 1–1,5 миллиарда, то германский народ, который, как я надеюсь, будет насчитывать 250–300 миллионов, вместе с другими европейскими народами при общей численности в 600–700 миллионов и с предпольем до Урала или же через 100 лет и за Уралом, должен будет устоять в борьбе за существование с Азией».

Но после Сталинграда, когда — казалось бы — немецкие войска дошли до Волги и еще шаг — были бы на Урале, надежда устоять в грядущей борьбе с Азией таяла на глазах. Для генералов Гитлера случившееся было позором, для самого Гитлера — смертным приговором его непобедимому Рейху. Так что странности последних лет Рейха нужно искать в эсхатологических настроениях Гитлера. Он действительно считал, что стоит на исходе времен. Мало того, что война со Сталиным виделась ему как война Света и Тьмы, наступление сил Тьмы показывало на переход мира в иное качество, на возможность высвобождения духа из власти материи, пусть ценой жизни. Гитлер еще в юности знал, что смерть — удел героев. Нация должна умереть, но такой ценой она купит победу, Тьма будет остановлена, взойдет новое Солнце, начнется новый круг времен. Придет новый человек. Он, согласно видениям фюрера (а у того начались видения), будет страшен. Как человек из плоти и крови, от такого нового человека Гитлер трепетал. Как мессия, ведущий свою расу по пути полного возрождения, он восторгался. Впрочем, этот новый человек, усовершенствованный борьбой, сам порождение борьбы, требует особого рассмотрения. Он был идеей фикс Гитлера, и не только Гитлера. Вначале Рейха он представлялся в слепящем сиянии древнего арийского Солнца.

В поисках утерянного прошлого

В 1933 году идеолог расовой гигиены Вальтер Дарре совместно с профессором Германом Виртом устроил большую показательную выставку «Немецкое наследие предков». Национал-социалисты были весьма заинтересованы в исследовании древней истории, поскольку надеялись найти доказательства исключительной древности арийского человека. Но выставка имела отношение к национал-социализму опосредованное: ее финансировал Дарре. Профессор Вирт был, прежде всего, ученым. Его политика не волновала. Его интересовала только история. Но Дарре понял, как историю можно использовать для блага идеологии. На выставку он пригласил Генриха Гиммлера. Гиммлер историю обожал. Для него она была окрашена милым светом мистики. Гиммлер, как рассказывал в мемуарах Шпеер, «…организовал с помощью ученых раскопки из времен доисторических. „И зачем только мы перед всем миром твердим, что у нас нет прошлого? — ехидно замечал на это Гитлер. — Мало того, что римляне возводили уже огромные сооружения, когда наши предки еще жили в глинобитных жилищах, так Гиммлер принялся теперь за раскопки этих поселений и впадает в экстаз от всякого, что попадется, глиняного черепка и каменного топора. Мы этим только доказываем, что мы все еще охотились с каменными топорами и сбивались в груду у открытого костра, когда Греция и Рим уже находились на высочайшей ступени культуры. У нас более чем достаточно оснований помалкивать о своем прошлом. А Гиммлер вместо этого трезвонит об этом повсюду. Можно себе представить, с каким презрением сегодняшние римляне смеются над этими откровениями“».

Гитлера просто трясло, когда он наблюдал, с какой охотой позирует рейхсфюрер перед камерой на фоне тех или иных раскопок. Но Гиммлер, как дитя, радовался каждому найденному горшку или старинной крепостной кладке. Неудивительно, что, оказавшись на разрекламированной и грандиозной по масштабам выставке, Гиммлер страшно разволновался и даже прослезился. Он тут же предложил Вирту возглавить «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». На базе этого общества вскоре и был

сформирован новый институт, который было решено назвать «Наследие предков», то есть «Аненербе».

Вирт был сначала очень доволен сделкой. В том, что его хозяином становился Гиммлер, он ничего дурного не видел. Скорее наоборот: всесильный рейхсфюрер СС выделял на исследования огромные денежные средства.

Любой профессор позавидовал бы Вирту. Деньги — это поездки, раскопки, покупка редчайших документов, возможность оплачивать труд специалистов. Правда, задачу Гиммлер поставил самую конкретную: найти древние артефакты, чтобы раз и навсегда доказать миру превосходство нордического гения и древность немецкого народа. Но Гиммлер был хотя бы тем хорош, что не контролировал сами исследования, он довольствовался отчетами и понимал, что результат может быть весьма нескоро.

По поводу происхождения человечества у Германа Вирта имелась своя идея. Поскольку он всю жизнь занимался поиском следов древних ариев, но находил все те же скребки да черепки во времена вполне уже исторические, когда рядом с древними германцами жили замечательно цивилизованные римляне, то этих древних германцев он стал считать потомками, утратившими великую культуру арийской расы.

Следы великой культуры нужно было искать совсем не на немецкой земле. Вирт считал, что человечество произошло от разных прародителей: на севере это была Арктогея с нордическим типом людей, которому свойственна высокая духовная и организующая сила, устремленность к небесам, это были изобретатели праязыка человечества, а на юге — Гондвана, с гондваническим типом людей, более склонных ценить материальный мир, устремленных к земле, рождающихся из праха и уходящих в прах, то есть для истории гораздо менее ценных. Северные люди практически никаких следов своей жизни не оставили, потому что их прародина погибла, но они успели переселиться к югу и принесли свой язык, свою проторуническую письменность. Очаги нордической культуры и цивилизации еще сохранялись в исторические времена, потом исчезли и они. Последнее место обитания ариев Вирт нашел на банке (отмели) Даггера в Северном море, но нам об этих исследованиях ничего не известно, все материалы пропали.

Исходя из того, что немцам было очень даже выгодно сообщить всему миру о фантастических находках, подтверждающих превосходство ариев, сами находки не были такими уж масштабными. Скорее всего, они были сходны с современными находками атлантологов — непонятные сооружения, по виду созданные человеческой рукой, но находящиеся на глубине, то есть объекты, и сегодня не слишком доступные для исследователей, а в 30-е годы — практически недоступные, потому как единственным средством исследования глубин были только подводные лодки.

Для археолога — это не лучший глубоководный аппарат.

Но почему тогда Вирт связывал даггерскую банку с ариями?

Тут скорее не вопрос науки, а вопрос веры. Находки, о которых было упомянуто вскользь, не могли относиться ни к одной существующей цивилизации, выявлены она на севере Европы, по всему выходило — арии. Ориентировочно там могла находиться древняя Гиперборея.

Свидетельства древних о мире Гипербореи — это отголоски прошлого, своего рода память расы. Свою первую (монументальную) книгу Вирт выпустил еще в 1928 году, называлась она ни много ни мало «Происхождение человечества». В ней он, опираясь на сведения геологии и географии, в частности на труды Вигинера, объясняет, каким образом расселение человечества зависело от расхождения и сдвигов материков, изменения наклона земной оси. Именно такими катастрофическими подвижками литосферных плит и объясняется, почему северный народ вынужден был покинуть свои родные места и начать осваивать иные, непохожие на родину, земли. Атлантиду, Гиперборею, Арктиду искали и до Вирта. Но в его трудах континент Мо (Му) выглядел гораздо убедительнее и обоснованнее, чем у носителей

эзотерического знания. В отличие от эзотериков, Вирт пытался увязать древние сведения с современной наукой. Одну из арийских земель он помещал в труднодоступные районы Центральной Азии, где некогда плескались воды древнего внутреннего моря, а теперь лежала страшная и беспощадная пустыня Гоби. Там, по рассказам древних, посреди моря находился Белый остров, Швитадвип, который славился высококультурным народом, обладающим знанием, совершенно непонятным соседям. Такую же роль бывшей земли ариев он отводил и Южной Америке, где задолго до известных ученым индейских народов уже имелась развитая цивилизация.

Герман Вирт утверждал, что древние жители Америки принадлежали к другой расе, чем современные индейские народы Америки. Достаточно посмотреть на скульптуру тольтеков, чтобы это понять. И эти народы строили странные города, с похожими на египетские пирамидами, использовали странную систему письма и строили тоннели, огромное количество тоннелей, которые тянутся на многие сотни и тысячи километров! И проложены они тоже весьма оригинальным способом — такое ощущение, что тоннели были выплавлены внутри скальных пород! Технология, примитивным культурам недоступная.

Здесь же, в Южной Америке, были найдены и совершенно бесподобные изделия из горного хрусталя — так называемые хрустальные черепа, которым приписывали самые невероятные магические свойства. Вирт понимал, что ни одна из известных южноамериканских цивилизаций была не способна обработать хрупкий хрусталь, даже если делать это очень долго и очень осторожно: материал имеет свойство раскалываться по линии применения силы, а без надавливания невозможно вырезать из хрусталя ни единой достойной фигурки. С черепами — дело совершенно непонятное и сегодняшней науке и технике, по выводам специалистов эти произведения древнего искусства просто не должны существовать. Но они существуют. И не одному Вирту эти артефакты покоя не давали. Если найдены произведения такого уровня, то обязательно где-то в джунглях или в подземных ходах и пещерах можно найти неизвестную науке цивилизацию. Он думал, что это и будут арии. Точнее — следы ариев. Не удивительно, что созданный Гиммлером институт посылал свои экспедиции в Южную Америку, но Гиммлер хотел немедленного результата, а результата не было.

Так эти исследования и заморозили. Между прочим — зря. Если не следы ариев, но следы древних народов, о которых ничего не было известно, ученые могли там отыскать. Но даже для «Аненербе» южноамериканские экспедиции оказались чудовищно затратными.

Помешанный на Гиперборее и Атлантиде Герман Вирт честно занимался своими исследованиями. Следы «земли предков» он видел везде. Она была для него то Исландией, то Гренландией, то Бретанью, то островом в океане, то вдруг выплывала где-то на юге. Поэтому и исследования Вирта метались по всем материкам. Везде, где Вирт находил циклопические постройки, он тут же «находил» и землю предков. Ведь, по мнению Германа Вирта, арии отличались более высоким ростом и более крепким телосложением, так что их сооружения и должны были быть масштабнее пришедшего им на смену современного человечества. Кроме мегалитических конструкций доказательствами существования в незапамятной древности расы ариев для него были рунические символы. Он считал, что раса пала, но изобретенная ею письменность осталась, ее потомки хранили и передавали как священную.

Любую, не имеющую точной привязки древность он готов был провозгласить «арийским артефактом».

На выставке, которую посетил Генрих Гиммлер, таких артефактов, объявленных ученым истинно арийскими, было достаточно: там было представлено все, что Вирт, голландец по происхождению, собрал за долгие годы экспедиционной работы. Масштаб очень даже внушительный. Где он только не успел побывать, прежде чем оказался втянут в создание института! Он работал в Палестине, Египте, Исландии, Сибири, копировал древнейшие надписи, проводил раскопки. И все собранные им надписи совершенно искренне считал арийским руническим письмом. Но он не только собирал рунические надписи, но и пытался

понять, что могли значить древние символы для их создателей. Поскольку к тому времени ариософы уже истолковали язык рун и привязали его к северной мифологии, Вирт привязал происхождение рунического письма к среде обитания ариев. Прародина, вне всякого сомнения, была северной. И миросозерцание арийца было миросозерцанием северянина, живущего за Полярным кругом.

Именно из-за географического положения этой прародины и сложилось у этой расы особое восприятие пространства и времени. Они воспринимали мир как воплощение времени, то есть не линейно (прошлое, настоящее, будущее), а циклично, в круговом его варианте. Естественно, главной идеей их религии должна была стать борьба Света и Тьмы, в которой божественный свет побеждал смерть, а затем Тьма снова наступала и надолго лишала мир жизни, но люди верили в возвращение Света, и он приходил. Это чередование длительного периода, когда Солнце не заходит, и столь же длительного периода, когда торжествует полярная ночь, создало особое понимание бога: им мог быть только солнечный диск, Свет, Огонь.

Ни один другой народ не мог прийти к подобному выводу, поскольку не жил в условиях, где сама среда толкает на создание грандиозного космогонического мифа. Сезоны своего странного мира арии могли воспринимать так, как мы смену времени суток (утро-весна, день-лето, вечер-осень, ночь-зима). Само собой, Свет и День рассматривались как Добро, Ночь и Тьма — как Зло. Их борьба порождала все живое. Поэтому он считал, что главным праздником такого народа мог стать только один — день зимнего солнцестояния, когда первые лучи Солнца начинают проникать на темную землю. Днем скорби в этом контексте становился день летнего солнцестояния, начиная с которого Свет начинал слабеть и потом уходил на полгода с древнего неба. Особенности жизни и сделали сознание ариев героическим. В нашем сознании из-за постоянной смены суток такое восприятие расчлененно, но у ариев Год и День (в смысле суток) были синонимами.

«Круговращение дня, — объяснял Вирт, — развивает в своем постоянном непрерывном повторении круговращение Года, а Год — круг человеческой жизни. Круговращение, движение по кругу, вращение само по себе является высшим космическим законом Бога, этическим Основанием Вселенной всего бытия. На этом принципе основывается всякое Богопереживание и всякое правосознание. Закон вечного вращения, чьим откровением является пространство и время, и особенно в Годе, был осознан атланто-нордической расой в символе Годового и Мирового Древа, Древа Жизни. Мы можем проследить эту изначальную концепцию во всех атланто-нордических языках и культурах».

Из этого восприятия родилась у ариев мистическая связь всего со всем. Появилась идея центра мира как точки, в которой идет постоянная борьба Добра и Зла.

Графически эта центральная точка мира могла обозначаться только как пересечение двух осей — то есть в виде крестовины. Именно эта модель восприятия дала знак креста — его центр является центром мира. Крестовина, на которой устанавливают северные народы рождественскую елку, и есть воплощение древней идеи: мировое древо, стоящее в центре мира. Ель символизировала у ариев неувядающий, вечный год (дерево, которое зеленеет всегда, вне зависимости от времени года). Другое ее значение — значение света, солнца, жизни и — конечно же — она Иггрдасиль — мировое дерево. А известные всем европейцам новогодние обряды с Санта-Клаусом и Снегурочкой — это мистерия встречи нового дня-года, поэтому на красной шубе Санта-Клауса рисовали солнечный круг, он и был солнечным богом, приходящим в мир, чтобы дать ему силу и рост. А Снегурочка была не внучкой Санта-Клауса, а Матерью Света, Белой Богиней, которая рождает обновленный мир. Так что современный новогодний праздник на поверку оказывался каким-то древним магическим обрядом. Так, наверно, в незапамятные дни водили хороводы вокруг древа Иггрдасиль и пели соответствующие гимны рождению солнечного диска жители заполярной земли ариев.

В новогоднем празднике был спрессован весь пласт арийского миросозерцания: «Из единства и жизненного ритма Божьего Года некогда развилась вся духовная культура нордической расы: Год лежал в основе ее Богопереживания и Богопознания, и из его запечатления в иероглифах, знаках „священного Годового Ряда", развились все системы письменности в мире. Когда сегодня мы передаем знания через письмо, так некогда само письмо возникло как передача высшего Знания о Божественном Откровении во Вселенной, Знания о годовом пути „Света Мира", идущего от Бога. Но нигде в нашем мире опыт Света не является таким глубоким, как там, где противоположность Света и Тьмы, Дня и Ночи отчетливее всего. Только крайний Север знает Божий Год в полном единстве его противоположностей; в законе его возвращения, в бесконечном, вечном богатстве его движения, в котором постоянно возобновляется жизнь. Ни вечное лето тропических областей, ни бледные компромиссы южного, средиземноморского климата не знают этого переживания. Лишь одна-единственная нордическая Зима, когда Свет Божий все глубже и глубже спускается в своем суточном пути, день укорачивается, ночь удлиняется, пока, наконец, Свет целиком не утонет в смертной тьме зимней ночи, чтобы потом снова подняться к новому подъему и пробудить от смерти всю Жизнь. Мистерия Зимнего Солнцестояния — священнейший и высочайший опыт нордический души. В нем открывается великий, божественный закон вечного возвращения, Закона, согласно которому всякая смерть есть становление, и гибель ведет к Жизни через Свет Божий».

Такое мировосприятие и такое толкование древнего арийского мира Гиммлера вполне устраивало. Вирт искал свои земли, занимался поездками по музеям, неожиданно открывая странные артефакты, которые до него никому и в голову не приходило пристально изучить. Но еще раз повторюсь: Вирт был увлеченным человеком и ученым. Если все его исследования строились на чистом альтруизме, то выводы из них он делал собственные, и его нельзя было заставить признать некое одобренное партией мнение. Все глубже проникая в суть арийского сознания, он стал по четырем крестовинам мира распределять и звуки рунического алфавита. С этим он справился вполне успешно. Но тут же себе он задал вопрос: а как же так получается, что эти звуки имеются во всех индоевропейских языках?

Вывод был простым: сначала все человечество было единым, у них был один язык. А если человечество было единым, то о каких расах может идти речь? Расы сформировались уже в процессе миграций. И нет ни чистых рас, ни нечистых рас. Все люди давным-давно стали метисами. Современные немцы не несут никакой арийской крови, поскольку они точно такие же метисы, как и все остальные.

Свое открытие скрывать он не стал. Работа была опубликована. В среде расологов это вызвало шок и ужас. Что теперь делать с Виртом, они не знали. И тут ему подсунули некий древний артефакт, так называемую «Хронику Уре-Линда», Вирт, конечно же, за находку ухватился, расшифровал ее, перевел, напечатал… а официальные круги тут же откликнулись на публикацию обвинением профессора в полной некомпетентности! Само собой, после такой рецензии Вирта быстро сняли с высокого поста, на его место поставили другого ученого — Вольфрама фон Зиверса. А Вирт едва не оказался в концлагере, только Дарре, близко сошедшийся с Гиммлером, уговорил того не трогать профессора. Для Вирта разом закончились и поездки, и раскопки, и посещения далеких музеев.

Гиммлер недоумевал, как же мог так обмануться, что скрытый враг управлял его детищем, великим институтом Аненербе?! Однако не все идеи Вирта он отвергал. Те, которые шли на пользу Рейху, он прекрасно запоминал и эксплуатировал. Из всего Вирта он усвоил всего две: поиски прародины ариев ради добычи древних артефактов и замечательно благодатную идею, что «Бог творит, мысля» или — как это дается в объяснении Дугина, что «Знание есть Бытие — и то, и другое совпадают, ничто не имеет права первородства. Поэтому понять и создать — это одно и то же. Традиция — не совокупность простого описания исторических фактов. Это абсолютно живая вещь. Она выше времени и пространства. Тот, кто сумеет открыть ее секреты,

изменится не просто в смысле расширения информации, но преобразится внутренне». Последняя идея была близка Гиммлеру своей магической подоплекой, первая тем, что поиск может дать некие волшебные предметы, которые дают несовершенному человеку возможность не внутреннего, а внешнего преображения. К магии, магам рейхсфюрер СС питал особую слабость.

Именно по его милости среди ученых Аненербе появилась сильная «магическая прослойка». Верховное место среди институтских магов занимал человек, который обладал удивительным даром памяти прошлых жизней. Он один аккумулировал всю память арийской расы. Так он говорил. Мага звали Карл Мария Вилигут. Если Вирт был нужен Гиммлеру как пропагандист арийской древности и добытчик магических предметов, то Карл Мария Вилигут сам был магическим артефактом. Гиммлер верил ему безоговорочно. Так что сразу после создания Аненербе он занял там достойное место и принялся записывать историю ариев в те времена, когда они были богами, но этим участие Вилигута не ограничилось: Гиммлер везде таскал его за собой и сделал членом СС, чтобы согласно его исключительно далекой памяти правильно восстановить древние арийские обычаи и ввести их в создающемся Ордене СС. Вступив в СС, маг Вилигут получил имя Вестхора. Нормальных ученых из института при виде патриарха Вилигута трясло, они боялись только одного, что по милости этого эсэсовского мага получат задание найти то, чего не существует: слишком уж далеко простиралась память Карла Марии.

228 000 лет назад, говорил он, на Земле существовала раса богов. Жили тогда на нашей планете гиганты, карлики и вовсе мифологические создания, а на небе сияло сразу три солнца. Однако этот период вспоминался с трудом, очень неясно. Гиммлера поражала сама возможность, что можно заглянуть в такие глубины прошлого, так что подробностей он не просил, устраивал и неясный флер. Настоящая, то есть уже ясная память Вилигута начиналась в более близкое к нам время — 78 000 лет назад. Тогда предки Вестхора, носившие родовое имя Адлер-Вилиготен, заложили древний город Гоцлар. Но еще лучше он помнил то, что случилось 14 500 лет назад.

В это время все население стало поклоняться богу Кристу, враждовавшему с богом Вотаном. Однако 11 600 лет назад в результате древней революции победило учение бога Вотана, а пророк бога Криста Бальдур-Крестос был сторонниками Вотана распят, затем воскрес и стал учить своей вере азиатские народы. На родной земле ему места не нашлось. Все стали отъявленными вотанистами. Предки Вилигута верили в бога Криста, свою религию они называли ирминизмом. В году 1200 до нашей эры вотанисты посягнули на святую реликвию древности — город Гоцлар, они до основания разрушили в нем храм ирминистов. Предкам Вилигута пришлось уходить из родной земли и искать нового пристанища. Они нашли такое место в живописном уголке Германии Эстерштайне. Там они основали новый храм. Но в 460 году нашей эры снова пришли вотанисты, и снова храм был разрушен. Он какое-то время еще существовал, но в IX столетии был окончательно уничтожен войсками Карла Великого.

Предкам Вигигута снова пришлось бежать. Им было тяжело расставаться с Бунгерланда (район Австрии, где теперь расположена Вена), но выбор был невелик — смерть или жизнь. Вилиготосы происходили из королевского рода, обладавшего магическими способностями, они происходили от союза сил воздуха с силами воды, то есть имели божественную родословную. Но сражаться в одиночку с франками они не могли. Сначала они бежали на островок в Балтийском море, потом на земли Литвы, где построили город Вильнюс, но вотанисты шли по пятам. Они вынудили Вилиготосов в 1242 году бежать в Венгрию. Гиммлер слушал своего мага зачарованно. Родословное древо мага тоже было ошеломительным. К своему роду тот относил даже Армина Черускера и Виггукинда.

Для Гиммлера эти имена звучали как сладкая музыка. Маг убеждал своего рейхсфюрера СС, что тот должен приказать институту срочно отправиться на поиски святых реликвий семьи Вилигута и древних городов с развалинами ирминистических храмов. Координаты короны

Вилигутов и священного меча были так неопределенны, что поиски были бессмысленными. Ясно, что корона и меч лежат где-то под Веной, но где? Корона — в Гоцларе, говорил Карл Мария, а меч — под плитой Стейнамангере; под *могильной* плитой, уточнял Вилигут.

Но где Гоцлар?

Где Стейнамангер?

Гиммлер верил, что реликвии существуют и что они дают истинную силу их обладателю. Он мечтал обладать такими сокровищами. Но все было напрасно. Вилигут не мог вспомнить четко, где они погребены. Зато упоминание об Экстерштайне всколыхнуло воображение Гиммлера.

Дело в том, что последователи Листа и Либенфельса еще до 1914 года облюбовали этот симпатичный уголок с развалинами и живописными скалами для проведения древнеарийских языческих ритуалов. Экстерштайн был, так сказать, освоен романтичными немцами. Очевидно, Экстерштайн использовался как святилище на протяжении веков, в нем находили множество пещер с рисунками и следами пребывания человека. Правда, к какому времени он принадлежит, спорили: одни относили святилище к доисторическим временам, другие — к вполне понятному XII веку, когда стали появляться первые скальные монастыри.

Один из ученых — Вильгельм Тойдт — выдвинул идею, что Экстерштайн расположен на пересечении священных линий, которые связывают загадочный мегалитический объект с другими каменными сооружениями и холмами Германии, и если встать на вершине Экстерштайна, то направления священных линий покажут путь к другим древнегерманским оккультным святилищам. Это так называемая теория *священных лей*, по которой все храмовые сооружения строятся в узлах пересечения таких силовых линий. В свое время теория была очень популярна.

Вилигут сразу же подтвердил, что все так и есть, и сообщил об Экстерштайне такие подробности, что Гиммлер тут же приказал включить Вильгельма Тойдта в институт Аненербе и далее вести Экстрештайн как научный проект. В комплексе собирались проводить раскопки, какое-то время им занимались, но красивое местечко так пришлось по душе Гиммлеру, что комплекс отреставрировали, и далее он служил СС как священное место для каких- то тайных рунических обрядов.

В это время как раз началась широкомасштабная практика возвращения силы рун. Двое ученых из Аненербе Кюммер и Марби занимались прикладной рунологией. Они разработали систему магических движений и особого выпевания рун, чтобы оздоровить находящийся в упадке арийский народ. *Стадагальд* (или гимнастика рун) получила даже распространение, но Карлу Марии она не понравилась. Он шепнул Гиммлеру, что эти двое занимаются профанацией священных рун, и рунологам пришлось расстаться с Аненербе.

Карл Мария с каждым годом все больше набирал вес в Ордене Гиммлера. Он занялся перестройкой замка Вевельсбург, ставшего главным замком эсэсовцев. Помещения этого замка перепланировались или достраивались согласно видениям Вилигута по проекту архитектора Бартельса. По Вейстхору этому древнему месту суждено было стать той срединной точкой земли, где сойдутся в битве армии Добра и Зла, Запада и Востока, то есть Европы и Азии. И тот, естественно, кто владеет местом, владеет ситуацией.

Одно из помещений было оформлено как зал для собраний руководителей СС. Руководителей было двенадцать, и иначе их именовали «двенадцатью верными». Это было огромное помещение, 35 метров в длину и 15 в ширину, с круглым дубовым столом в центре и стоящими по кругу 12 массивными дубовыми креслами с обивкой из свиной кожи (национальное животное Германии) и личными гербами… Другие помещения перестроенного замка были тоже обширны и монументальны. Для Великого магистра Черного Ордена Гитлера были предусмотрены апартаменты в южном крыле замка. Подвал был оборудован собственным крематорием: там в печах должны были предаваться очистительному Огню гербы умерших

членов Высшего совета. В подвале замка, под криптой располагался Зал группенфюреров. Зал группенфюреров — особое место в замке, на его мраморном полу мозаикой был выложен символ «черного солнца», кругом стояли двенадцать колонн, по замыслу Гиммлера после смерти тела группенфюреров должны были быть сожжены, а пепел в урнах выставлен в 12 урнах.

В дальнейшем Гиммлер собирался основательно достроить замок. План реконструкции замка и строительства вокруг него нового города был рассчитан на 30 лет, столько времени не было дано Третьему рейху.

К 1960 году выглядеть Вевельсбург (по Хене) должен был так: замок достраивается и улучшается, все деревни переносятся на значительное расстояние, зато ведется строительство «грандиозного архитектурного комплекса, состоящего из залов, галерей, башен и башенок, крепостных стен, выполненных в форме полукруга на склоне холма основной защиты первоначального средневекового замка». Вилигут принимал в разработках нового облика замка живейшее участие. Столь же внимателен он оказался и к символике СС. Гиммлер, конечно, жаждал выделить своих лучших арийцев отличительной униформой, но художественным чутьем не обладал, то Карл Мария Вилигут имел отличное мистическое чутье. В дополнение к военной форме он разработал целую систему отличительных знаков, которые так сильно выделяли эсэсовцев среди других военных. Система рун с его легкой руки была введена для обозначения эсэсовских частей. Рунами были «помечены» эсэсовские знаки отличия.

Кольцо «Мертвая голова» — им Гиммлер награждал эсэсовцев

Самое знаменитое кольцо Третьего рейха — Мертвая голова — имело руническую символику. Гиммлер искренне верил, что это кольцо способно связывать каждого награжденного им члена СС с духовным центром Черного Ордена — замком Вевельсбург и его хозяином.

Поясняя суть символов кольца, Гиммлер даже сочинил сопроводительный текст, чтобы каждому владельцу «мертвой головы» было ясно, что за святыню он носит на своем пальце. Рейсхфюрер так расшифровывал знаки кольца для своих подчиненных: «Череп на нем является напоминанием о том, что мы в любой момент должны быть готовы отдать свою жизнь на благо общества. Руны, расположенные напротив мертвой головы, — символ процветания из нашего прошлого, с которым мы возобновили связь через мировоззрение национал-

социализма. Две зиг-руны символизируют название нашего охранного отряда. Свастика и Хагал-руна должны напоминать о непоколебимой вере в победу нашего мировоззрения. Кольцо овито листьями дуба, традиционного немецкого дерева. Это кольцо нельзя купить, и оно никогда не должно попасть в чужие руки. После вашего выхода из СС или смерти оно возвращается к рейхсфюреру СС. Копирование и подделка кольца наказуемы, и вы обязаны пресекать их. Носите кольцо с честью!»

После смерти владельца кольца его нужно было вернуть в замок: Гиммлер верил, что, собирая в Вевельсбурге кольца погибших членов СС, он не просто отдает дань их мужеству и памяти, но и создает мост между живыми и умершими. Хранились эти кольца мертвых в особом помещении, и чем больше носителей колец гибло, тем большее их количество скапливалось в гиммлеровском замке. Вероятно, он верил, что силы мертвых и силы живых можно объединить для общего блага — победы, которая рисовалась ему как торжество духовного над материальным, свастики над звездой. Все эти символические нововведения были просто невозможны без «памяти расы» члена СС Вейстхора. Орденский замок Вевельсбург в дальнейшем должен был стать центром возрождения древней веры.

Гиммлер уже начал вводить язычество в подпорченную христианством жизнь немцев. Гиммлер считал христианство религией рабов. И хотя Гитлер говорил, что сам Христос не был евреем, Гиммлер предпочитал истинно арийское наследие. Под его мудрым руководством в Вевельсбурге начались языческие праздники. Был введен праздник Весны, Урожая, Летнего солнцестояния, причем к праздникам подключали не только обитателей замка, но и все окрестное население. Эсэсовские обряды полностью игнорировали теперь христианские обычаи. Более того, эсэсовцем можно было стать, только отрекшись от веры в Христа. Ни один эсэсовец не отмечал и христианских праздников. Вместо этого появились собственные орденские традиции.

«Место священника при бракосочетании, — говорит Хене, — занял местный эсэсовский фюрер, а вместо крещения первому ребенку от имени рейхсфюрера СС подносились подарки — серебряный стаканчик, серебряная ложечка и голубой шелковый платок, при рождении четвертого ребенка — подсвечник с надписью: „В вечной цепи рода ты являешься только звеном“».

Аксиомы древней традиции Вилигут изложил в следующем коротком тексте:

«1. Бог Все-един.

2. Бог есть „Дух и Материя", Двоица, которая есть Раздвоенность, а значит — Единство и Целостность.

3. Бог есть Троица: Дух, Сила и Материя. Дух-Бог, Пра- Бог, Бытие-Бог, или Солнца-Свет и Действие, Двоица.

4. Вечен Бог во Времени, Пространстве, Силе и Материи.

5. Бог есть Перво-Причина и Следствие; так, от Бога даны Закон, Власть, Долг и Судьба.

6. Бог есть вечное Творение. Дух и Материя, Сила и Свет порождены Богом.

7. Бог вне границ Добра и Зла, породивший семь эпох человечества.

8. Вечное прехождение в круговороте Причины и Следствия порождают Высшее — таинственное Восемь.

9. Бог — Начало без Конца — есть Все. Он — Завершение через Ничто и трижды тройное Все-Знание. Он приводит Круг к Концу и к Ничему, от сознательного к бессознательному, и через это оно становится познающим».

Гиммлеру он предлагал освоить древнюю ирминистическую молитву, которую украло и обезобразило христианство. По Вилигуту правильный текст известной молитвы «Отче наш» в первоначальной редакции выглядел так:

«Отче наш, который в Айтаре Гибор, — это Хагал Айтара и Земли! Дай нам Дух Твой и Твою силу в Материи и от нашей Скульд в согласии с Верданди. Твой Дух будет нашим также в Урд. От вечности до вечности. ОМ!»

За годы близости к Гиммлеру Вейстхор удостоился высоких званий, именного кольца и прочих атрибутов, свидетельствующих о его положении в иерархии Ордена. Однако ему этого было мало, он желал стоять не ниже, а *наравне* с Гиммлером. Этого даже любимому магу последний позволить не мог. К тому же рейхсфюрер стал замечать, что Вилигут слабеет, повторяется и иногда начинает нести полную чушь. Гиммлер хоть и доверял необыкновенной памяти Вилигута, но даже он не мог выносить больше этого обвиняющего менторского тона. С удивлением он стал замечать, что его Вейстхор почти не бывает трезвым. А после парочки неприятных инцидентов стал подумывать, что неплохо бы подетальнее разузнать прошлое своего ясновидца. Тут-то и оказалось, что всесильный Вилигут — просто нездоровый человек, а точнее — шизофреник, который провел… 15 лет в клинике для душевнобольных! По последнему закону Рейха он подлежал стерилизации и кое-чему похуже. Открылась эта беда совершенно случайно и вызвала в Гиммлере растерянность. Вилигута, конечно, лишили всех эсэсовских знаков отличия, но умервщлять не стали — маг просто отправился на пенсию.

Расставшись таким образом с чудаковатым Виртом и совершенно сумасшедшим Вилигутом, Гиммлер более вдумчиво отнесся к своему Аненербе. Нехорошо ведь, если сам Гитлер поставит ему в вину создание заведения, где на деньги Рейха трудятся те, кого положено подвергнуть «обработке». Так что к 1939 году институт сильно «почистили», а спектр занятий расширили. Теперь Аненербе чем только не занималось, с учетом военного времени это было совершенно понятно. Правда, основное направление работ все равно было сконцентрировано на арийском прошлом. Но Гиммлер хотел не просто научной болтовни и догадок, он совершенно серьезно мечтал о реальных артефактах.

Тут-то в поле его зрения и попал молоденький исследователь творчества Вольфрама фон Эшенбаха Отто Ран. Поисками Грааля Отто Ран занялся не по указанию Гиммлера, а по собственному желанию и в те еще годы, когда с рейхсфюрером был совершенно незнаком. Прочитав «Парсифаль», он решил отправиться в южную Францию, где происходят события поэмы. Для себя он определил, что под эшенбаховским Монсальватом имеется в виду вполне реальное место на земле — замок Монсегюр, который стал последним оплотом средневековых еретиков — катаров.

Ран приехал во Францию и исходил горы вокруг Монсегюра вдоль и поперек, он хоть и не был тверд в языке, все же беседовал с местными жителями, а потом так освоился, что стал записывать предания и легенды. Одновременно он изучал средневековые тексты — как поэтические, так и теологические. К концу путешествия он понял, что рыцари Эшенбаха, которые нарисованы в поэме, — это тамплиеры, а замок катаров был местом, где нашла последний приют реликвия Средневековья — знаменитая чаша Грааля. Причем, он вовсе не был убежден, что Грааль катаров имеет отношение к христианскому.

В результате поисков и размышлений родилась его книга «Крестовый поход против Грааля». В ней он рассказывал о крестовом походе 1209 года, растянувшемся почти на полвека, против инакомыслящих катаров, не желающих принимать современную им церковь. С увлеченностью и страстью он повествовал об этом уничтожении целого региона Франции — Лангедока и Прованса. Грааль в этом повествовании не выходил за рамки легенды. Для самого Рана скорее вера катаров была Граалем. Но в то же время он не мог отрицать, что для Эшенбаха существовало и некое материальное подтверждение, реликвия, которая могла творить чудеса.

По местной легенде, в ночь перед штурмом Монсегюра несколько отважных катаров спустились по веревкам из неприступной крепости и унесли в потайное место сокровища, среди которых, по преданию, был и кубок Дагоберта Второго, в котором Ран и подозревал искомый Грааль. Ран детально исследовал Монсегюр и его окрестности и был удивлен тем, что нашел

значительные подземелья в самом замке и несколько пещер, которые использовались катарами. Никакой чаши там не было. Впрочем, он колебался, что есть Грааль: по Эшенбаху, это особый камень, источающий свет и периодически демонстрирующий вдруг проявляющуюся и столь же неожиданно гаснущую надпись, а по катарской легенде — явно чаша для причастия, куда прилетающая голубка кладет облатку. В конце концов, он сделал такое умозаключение: было два Грааля, один из них — священный камень, другой — священная чаша. Очевидно, они использовались в каких-то обрядах. Книга вышла и была замечена.

Так тридцатилетний Отто Ран оказался в Аненербе. Тут же его вынудили вступить в члены СС. Во вторую экспедицию он уже поехал как представитель института. Но ничего кроме истлевших костей рыцарей и катаров экспедиция не нашла. Гиммлер между тем желал видеть Грааль в своем Вевельсбурге. Для Грааля уже был подготовлен особый постамент. Рядом и на столь же изысканном постаменте находилась копия наконечника копья Лонгина, которую для Гиммлера сняли по специальному разрешению Гитлера. Но поиски во Франции ничего не дали. Размышляя о том, что реликвии после падения последнего оплота катаров могли переместить, Ран посоветовал расширить район поисков. Одновременно он принял участие в экспедиции Вирта к берегам Исландии. Результатом этой поездки стала вторая книга Рана «Слуги Люцифера», и эта книга вызвала бурю негодования.

Мысли молодого ученого шли вразрез с политикой Рейха. В наказание за строптивость Рана отослали на год служить в охране лагеря Дахау. Это оказалось свыше его сил: он с трудом вымолил перевода из лагеря. Своему другу он писал, что воздухом Рейха стало невозможно дышать. Но, тем не менее, он еще принял участие в ряде экспедиций Аненербе. А весной 1939 года погиб в Тирольских горах — то ли просто случайно замерз, то ли покончил с собой. Никаких документов, раскрывающих секрет Грааля, он не оставил. Однако в Монсегюре до самого конца войны работали немецкие специалисты.

И тут вот мы должны отдать должное магическому мышлению Гиммлера. Тому была отлично известна рассказанная Отто Раном легенда о том, что таинственная чаша скрыта в камне, но она будет появляться в замке один раз в 700 лет — точно в день падения Монсегюра. Монсегюр пал 16 марта 1244 года. 16 марта 1944 года исполнялось ровно 700 лет со знаменательного события. И в этот день в замке творилась какая-то мистическая чепуха. Над ним был поднят огромный стяг с кельтским крестом, кружил в небе какой-то немецкий самолет, по третьей совершенно невменяемой версии эсэсовцы и вообще проецировали изображение громадного креста в небе над Монсегюром, а по четвертой — той весной в день взятия Монсегюра прошли с факельной процессией со стороны Целлертальского горного массива к леднику Шлегельс и далее по подземному ходу, ведущему в Монсегюр, с собой они несли ящик, где был предположительно Грааль, который они возвращали в крепость. Якобы все это должно было изменить ход войны.

Зная особенности психики Гиммлера, можно поверить во все что угодно. То есть совершенно непонятно: искали или прятали, или же просто совершали некий таинственный обряд.

Встречал же Гиммлер праздник Урожая со снопом в руке, взывая к древним немецким богам, почему бы и не разыграть мистерию в Монсегюре? Но практически невероятно, что в Аненербе удалось найти Грааль. И вот почему. После неудачных поисков в Европе Гиммлер переключил внимание ученых на Тибет. Там имелись две лакомые цели — сокрытые хранилища древнего знания и азиатский аналог Грааля — камень Чинтамани.

Этот эзотерический камешек тоже описывается столь же размыто, что и европейский двойник. Ясно одно, что это обломок метеорита, который имеет странную особенность исчезать и появляться. Избранным он дает силу и власть. Рерих по поводу Чинтамани сообщал, что камень давно разделен на несколько кусков, и что осколки имеют магнитную связь с главным камнем, то есть сплошная мистика. Второе название камня — *Ляпис Эксилис* — Блуждающий камень. Царь Соломон владел им, Тамерлан владел им, Акбар Великий владел им. Елена Рерих

владела им. Владельцы должны вернуть камень домой — то есть в Шамбалу. Или в Агартхи — кому куда.

Зацикленный на мистике Гиммлер, превосходно знавший о «камне Рерихов», тоже охотился за этой штуковиной. Тем более что Тибет был как раз тем местом, где мистики располагали Шамбалу и Агартхи. Но еще более весомым был аргумент, что прародиной арийцев была центральная Азия. Это Вирт предлагал искать за Полярным кругом, Гиммлер больше верил Листу и Либенфельсу, а они говорили об Индии и Тибете. Тибетские походы, помимо чисто мистической, имели и вполне земную основу: для Рейха было очень важно создать в Тибете опорный пункт, который отрезал бы англичан от русского соседа, дабы не дать им объединиться, если военные действия переместятся в Юго-Восточную Азию. Эти вполне реальные причины гнали немецкие экспедиции высоко, в горы. Впрочем, ученые Аненербе были счастливы: в камень они не верили, в Шамбалу и Агартхи тоже, но Тибет был плохо изучен и еще хуже описан, так что там их могли ожидать просто волшебные находки.

Шеффер без всякого Аненербе на собственный страх и риск дважды ходил в Тибет — в 1931 и в 1935 годах. Гораздо больше, чем оккультные книжки, он изучал реальные путевые дневники Свена Гедина (которого считал своим учителем), барона Маннергейма, русских путешественников — Пржевальского, Козлова, Арсеньева; вероятно, не обошел вниманием и экспедиционные материалы Рерихов, потому что его первая экспедиция вошла в Тибет практически сразу за неудачной рериховской. Это принесло Шефферу всемирную славу и столь же пристальный интерес Гиммлера.

Следующая экспедиция уже формировалась под всевидящим оком Гиммлера. Задачи стояли сложные: необходимо было картографировать Тибет более детально, особенно отмечая места, которые связаны с древними культурами, то есть составить своего рода свод исторических памятников Тибета — задача сложнейшая; если возможно — провести хотя бы поисковые работы, как это делают археологи всего мира, закладывая пару небольших шурфов для определения времени создания того или иного поселения, изучить местный быт, собрать местные легенды, ознакомиться с религиями Тибета.

О ламаизме, главой которого был Далай Лама, в Рейхе понятие имели, но немцев гораздо больше интересовала непонятная религия *бон по*, которая была предшественницей тибетского ламаизма. Насыщенная элементами шаманизма и преданиями о Шамбале, она могла привести к нужному результату лучше, чем тибетский буддизм. Тем более что изучение бон по в Аненербе связывали со сверхвозможностями человека.

Стояли и более земные задачи: установить между Берлином и Лхасой прямую радиосвязь (явно стратегическое задание перед большой войной) и наладить добрые отношения с Далай Ламой, чтобы он не видел в немцах врагов. Последнее задание было выполнено. Гитлер получил от тибетского регента Квотухту письмо, написанное в духе рериховских махатм: «Глубокоуважаемый господин король Гитлер, правитель Германии. Да прибудет с Вами здоровье, радость Покоя и Добродетели! Сейчас вы трудитесь над созданием обширного государства на расовой основе. Поэтому прибывший ныне руководитель немецкой экспедиции сахиб Шеффер не имел никаких трудностей в пути по Тибету. (…) Примите, Ваша Светлость, король Гитлер, наши заверения в дальнейшей дружбе! Написано 18 числа первого тибетского месяца, года Земляного зайца (1939)».

Господин король Гитлер был приятно удивлен обходительностью далекого тибетского друга великого Рейха.

В третью экспедицию Шеффера вошли антрополог Бруно Бергер, занимавшийся расовой теорией, геофизик Карл Винерт, оператор Эрнст Краузе, технический специалист Эдмонд Гир. Приобретением этой третьей экспедиции стало пристальное изучение религии Тибета бон по. Мало того, тибетские монахи даже согласились прислать в далекий Рейх своих жрецов. И те приехали. Эти тибетские жрецы, одетые в странные зеленые одежды, защищали Рейх до

самого его конца, именно они были среди защитников бункера Гитлера. Кроме жрецов экспедиция привезла немало интересного — растения, секреты восточной медицины, описания Тибета и карты, много фотографий и археологических экспонатов, древние манускрипты и даже разного рода зоологический материал. Гиммлер заказывал привезти арийских пчел и арийских лошадей, он их и получил. Но магические артефакты, равно как и вход в страну Агартхи, найдены, увы, не были.

Последняя, четвертая экспедиция, ушедшая в Тибет до начала войны, успевшая выполнить задание и захваченная англичанами в плен (война уже шла), бежавшая из плена, с трудом дошедшая до Лхассы, вернулась в Германию уже после войны, когда и Аненербе, и Гиммлер, и Рейх — все стало историей.

Это была последняя экспедиция, занятая изучением арийской прародины. Скоро Гиммлеру стало не до земли предков.

Сверхчеловеки

Гиммлер был хоть и мистик, но мистик с практическим уклоном. Просто ради расширения кругозора он бы книжки по магии не изучал. И дело не только в том, что он свято верил, будто можно наложить проклятие или предугадать будущее, а в том, что он более всего желал управлять судьбой, и не только собственной. С приходом Гитлера к власти сразу же внятно пахнуло войной. Орден СС к войне готов пока что не был. Он находился только в стадии формирования. Идеи уже ясно просвечивали, но применение идей было на уровне поиска.

В начале СС Гитлер радовался, какую бурную деятельность развил его Гиммлер. Потом стал задумываться, что же такое этот Гиммлер создает. А в конце только хватался за голову.

По воспоминаниям Шпеера, «Гитлер часто уничижительно отзывался о создаваемом Гиммлером мифе вокруг СС: „Что за чушь! Только-только наступило время, отбросившее всякую мистику, и пожалуйста — он начинает все с начала! Так уж тогда лучше и остаться в лоне церкви. У нее, по крайней мере, есть традиции. Чего стоит одна мысль сделать из меня когда-нибудь „святого СС“! Подумать только! Да я в гробу перевернусь!“»

Гиммлер, между прочим, был совершенно искренним. Святой Гитлер неплохо вписывался в идеологию Ордена. И пока Гитлер превращал слабую Германию в Тысячелетний Рейх, Гиммлер превращал вверенную ему охрану вождя нации в неодолимую силу, призванную наводить порядок в этом великом Рейхе. Начал он с того, что подчинил СС полицию, которой прежде распоряжался Геринг. Полиция в его понимании была чудесным связующим звеном между Орденом и простыми немцами. По мнению Гиммлера, его полиция должна была вызывать в гражданах смешанное чувство уважения и страха. «Я знаю, что в Германии есть некоторые люди, которым становится плохо, когда они видят наш черный мундир, мы понимаем это и не ожидаем, чтобы нас любили», — говорил он. Что ж, людей в черной форме, действительно, боялись, и боялись не только воры, бандиты или растлители малолетних, но и люди вполне законопослушные. Гиммлер крепкой рукой держал обычную уголовную полицию, но дополнил ее политической тайной полицией (гестапо) и службой безопасности СС (СД). А в 1939 году гестапо и СД вошли в главное управление имперской безопасности (РСХА). Криминальная полиция, по сути, занималась своим обычным делом — ловила уголовников. Но СД и гестапо были заняты куда более важными вещами. СД соблюдала чистоту собственных рядов СС, а гестапо обезвреживало политических противников и срезало на корню всякое инакомыслие. Вся внутренняя жизнь Германии оказалась в руках Гиммлера.

С началом периода военных действий власть гестапо и СД распространилась на все присоединяемые к Рейху территории. Во главе гестапо в этот год встал Генрих Мюллер, а во главе СД уже и раньше стоял Райнхард Гейдрих (после создания РСХА он встал во главе имперской безопасности, а руководство СД принял Кальтенбруннер). Это благодаря его трудам и искусно выполненным подлогам был устранен Рем, и штурмовики утратили силу и власть в создающемся Рейхе. Благодаря его стараниям было спланировано покушение на фон Рата.

Райнхард Гейдрих был личностью удивительной. Высокий, светловолосый, голубоглазый, с волевым лицом и очень высоким лбом, он производил впечатление настоящего арийца. Если и был в СС гений, то несомненно — Гейдрих. Он происходил из семьи директора консерватории в маленьком саксонском городке Галль-на-Заале, мать будущего эсэсовца в молодости была актрисой, то есть Райнхард вышел из самой артистической среды. Даже второе имя, которое ему дали при рождении, звучало как Тристан — мать была без ума от оперы Вагнера «Тристан и Изольда».

Райнхард Гейдрих — любимец Гитлера, организовавший «разоблачение» Тухачевского

Еще в детстве открылись его необычайные способности к музыке — Райнхард считался вундеркиндом и виртуозным скрипачом, эту любовь к музыке он сохранил до самой смерти. Но выбрал он не музыкальную, а военную карьеру. Гордый, отважный, предприимчивый, он мечтал о вольных морях и мундире морского офицера. В кадетском корпусе, куда он поступил, сразу открылись его необычайные способности к навигаторскому делу и математике. В последней области он был просто гениален. Кроме интеллекта, юный Гейдрих обладал также всеми качествами отличного спортсмена — он занялся конным спортом и стал фехтовальщиком, одержать победу над которым невозможно. Гейдрих не знал страха, был необычайно ловок и имел дар интуиции.

Казалось, что дальнейшая судьба Гейдриха сложится превосходно. В 1926 году он получил чин лейтенанта, двумя годами позже — обер-лейтенанта, затем получил назначение на флагманский корабль «Шлезвиг-Голштиния».

Тут-то все и рухнуло.

Молодой Гейдрих был весьма неравнодушен к женскому полу, учитывая внешнюю привлекательность, поклонниц у него было немало. Эта привлекательность и погубила его

карьеру. Однажды во время прогулки на байдарке Райнхард увидел тонущих девушек: те вышли покататься на лодке, лодка перевернулась. Как истинный рыцарь, Гейдрих тут же бросился на помощь. Одна из спасенных девушек ему сильно приглянулась, и они стали встречаться, а спустя пару месяцев Гейдрих объявил о помолвке. И только объявил, тут же появилась некая девица, которая пожаловалась командованию, что… ждет от Райнхарда ребенка. Офицеру посоветовали разорвать помолвку и исполнить долг, то есть жениться на другой. Гейдрих отказался. Тогда его подвергли суду чести, признали виновным и уволили без права восстановления на военном флоте. Это был крах всех надежд. Гейдрих оказался без работы, но свой брак с Линой фон Остен он, тем не менее, зарегистрировал.

Жена Гейдриха оказалась страстной сторонницей фюрера и советовала Райнхарду связать дальнейшую судьбу с СС. Сам Райнхард больше мечтал о торговом флоте, его влекло море. Но он внял совету жены и через одного школьного друга познакомился с Гиммлером. Неожиданно Гиммлер предложил молодому офицеру не только членство в СС, но и замечательные перспективы на будущее. В своем новом знакомом он быстро разглядел трезвый и цепкий ум (уж что-что, а находить таланты рейхсфюрер СС умел). Гиммлер предложил Райнхарду занять пост главы СД. Оказалось, что Гейдрих обладает всеми необходимыми качествами контрразведчика. Он увлеченно занимался криптографией и разработал все те меры, которые и помогли ведомству Гиммлера занять ведущее положение в создающимся Рейхе. По его совету Гиммлер «овладел» полицейскими структурами и превратил СС в настоящую военную элиту.

В то же время сам Гейдрих предпочитал держаться в тени: отважный в моменты опасности, в жизни он был застенчивым и скромным, не любил выпячивать собственные заслуги. Это не могло не привлекать Гиммлера. Все заслуги перед партией отводились не робкому Райнхарду, а властному Генриху. Впрочем, Гейдрих и не стремился пожинать славу, работа его увлекла. Это было все равно что разгадывать загадки, а загадки он любил.

К магической ориентации Гиммлера и его приверженности расовой теории Гейдрих относился со смехом. О внешности самого рейхсфюрера однажды он выразился такими словами: «…если взглянуть на его нос — так типично еврейский, настоящий жидовский паяльник». Впрочем, и сам Райнхард не избежал обвинения в нечистой крови: его враги долго и безуспешно пытались убедить Гиммлера, что с происхождением последнего что-то не так. Злопыхателей смущала фамилия его матери — Зюсс, совершенно еврейская, но это была фамилия от второго брака, да и не еврейская. Гейдрих не был антисемитом в том понимании, что расовой чепухой он заражен не был, напротив, всеми силами он старался избежать напрасной крови. Но если требовалось провести какую-то важную для партии и государства операцию, лучшей мишенью были, конечно, евреи. То есть он умел виртуозно пользоваться чужим антисемитизмом, если это нужно ради дела.

Так-то он и оказался разработчиком плана «Гриншпан», то есть организовал убийство в Париже сотрудника немецкого посольства фон Рата. К этому времени его СД уже было разделено на два крыла: первое выполняло обычные функции внутри государства, а второе стало чем-то вроде английской «Интеллидженс сервис». Мало того, что Гейдриху удалось создать замечательную агентурную сеть, под видом фешенебельного публичного дома в Берлине он открыл своего рода салон по добыче информации. В этот салон с охотой ходили высокопоставленные чиновники и офицеры Рейха. Гейдрих буквально нашпиговал салон всевозможной подслушивающей аппаратурой, так что тайные высказывания клиентов салона тут же становились ему известными. Салон славился своими девушками, отбоя от клиентов не было.

Изучая данные подслушивания, Гейдрих сумел выявить не только опасные тайны, но завербовал себе агентов. Не избежал такой участи даже итальянский министр Чиано. СД умудрялась проводить свои акции как внутри страны, так и за рубежом, направляя и подталкивая действия враждебных политических лидеров.

В 1936 году ведомство Гейдриха ловко организовало разоблачение Тухачевского. Операция основывалась на слухах, что Тухачевский собирается скинуть в СССР власть Сталина. Сам Гейдрих в слухи верил мало, но это был чудесный шанс скинуть самого Тухачевского, а зная маниакальный ум Сталина — то и высшее военное руководство страны Советов.

Ослабление противника заинтересовало сразу и Гитлера. Так что своим специалистам Гейдрих поручил составить объемное досье на советского генерала, состоящее из якобы подлинной переписки Тухачевского с немецкими товарищами. Досье было подсунуто советскому разведчику, который тут же сообщил тем, кому следует. Ответ Сталина ждать не заставил: в СССР полетели головы, в армии началась великая чистка.

Так же умело он организовал и *Хрустальную ночь*. Для осуществления плана он решил устроить убийство сотрудника немецкого посольства во Франции Эрнста фон Рата.

Дипломат был известен в особых кругах: он был гомосексуалистом, что облегчало задачу. В качестве исполнителя люди Гейдриха подобрали молоденького польского еврея Гриншпана, имевшего с немцем любовную связь. В то же время семью Гриншпана «устроили» так, что она попала в польско-немецкий спор о евреях и оказалась в лагере для перемещенных лиц на польской территории.

В нужное время Гриншпан получил от отца коротенькую открытку: «Дорогой Гершл, мы оказались в Польше на мели, без копейки денег. Не смог ли бы ты прислать сколько-нибудь? Заранее благодарен. Отец». К тому времени прахом пошла и собственная жизнь Гриншпана: немецкий дипломат разорвал с ним отношения. Люди Гейдриха срочно изготовили новое письмо от отца Гриншпана, в нем отец жаловался на немцев и писал об их зверствах (которых не было). Письмо юноше передал сотрудник СД, представившийся другом его отца. Сам он поделился рассказами о таких злодеяниях, что у впечатлительного юноши волосы встали дыбом.

Умелая беседа сотрудников Гейдриха сделала свое дело: юноша купил пистолет и отправился сводить счеты с фон Ратом, в нем он теперь видел не только бросившего его любовника, а врага еврейского народа. Охране посольства было приказано заранее пропустить Гриншпана, а посла не было на месте. Гриншпана, который требовал немедленной встречи с немецким послом, пропустили к заменявшему того в его отсутствие фон Рату. Тот не успел даже ничего понять, как бывший любовник расстрелял в него всю обойму. С тяжелым ранением фон Рата отвезли в парижский госпиталь, а Гриншпана арестовали и отправили в тюрьму.

В кармане арестованного полиция нашла неотправленное письмо отцу: «Дорогие мои! Я не мог поступить иначе — мое сердце обливается кровью с того момента, как я узнал о страданиях 12 тысяч моих единоверцев. Да простит меня Бог, и я надеюсь, что вы меня простите. Гершл». По замыслу Гейдриха фон Рат должен был погибнуть на месте, но стрелок был неумелый, и пули лишь слегка задели плечо дипломата и попали ему в живот.

Фон Рат был счастливчиком: вовремя проведенная операция гарантировала ему выздоровление. Вот этого Гейдрих допустить не мог. Под благовидным предлогом в Париж отправили бригаду немецких врачей. Кровь, которую перелили фон Рату, оказалась по случайности не той группы. Бедняга скончался к вечеру 9 ноября.

Газеты уже два дня по поручению Гейдриха находились в состоянии истерии. Евреев они призывали к ответу, антисемитские настроения сильно выросли. Смерть фон Рата сработала как спусковой крючок: народ был готов показать свой гнев. Спецподразделениям СС была дана команда максимально обеспечить проявление гнева, но не допускать ненужных жертв и мародерства. Особенно напиралось на то, что гнев может выйти из-под контроля и причинить вред арийскому населению. Жертв было и на самом деле немного, ущерб — колоссальный.

Гейдрих был не против материального ущерба: к тому времени Рейх проводил политику на выдавливание евреев из экономики и вообще из страны, о чем пойдет речь немного позже.

Готовило это также и почву для осложнения польско-немецких отношений и должно было вызвать польские провокации, чего Гитлер ожидал с нетерпением.

Еще одно тайное дело СД — организация якобы неудачного покушения на фюрера. Гейдрих и в мыслях не держал того, чтобы самому организовывать покушение, но когда к нему попала информация о реально готовящемся террористическом акте, он ее замечательно использовал, позволив событиям течь в запланированном заговорщиками русле с небольшой поправкой.

8 ноября 1939 года Гитлер посетил пивную в Мюнхене, где выступил с речью перед старыми партийными кадрами. К удивлению собравшихся, речь его была краткой, и он рано покинул пивную. Удивляться, наверно, не стоит: думается, он был уведомлен о времени взрыва. Через 15 минут после его ухода заложенная Эльсером взрывчатка взорвалась, погибло шесть старых партийцев и официант, больше 10 человек получили ранения. Но задача СД была выполнена: народ воспринял неудачное покушение как чудесное спасение их фюрера. Газеты захлебывались от восторга, что и требовалось — начало Второй мировой войны нравилось далеко не всем. После покушения нация сплотилась. Она была убеждена, что покушение организовали проклятые англичане!

Иногда хорошие решения принимались Гейдрихом совершенно спонтанно.

С началом войны англичане решили разрушить экономику Рейха весьма своеобразным путем: они стали сбрасывать с самолетов фальшивые карточки на продовольствие и товары народного потребления. Тут же в голове Гейдриха родился план: организовать создание фальшивых денег и разбросать их над Англией. Целый год трудились специалисты СД, чтобы создать банкноты, которые могут пройти самую серьезную проверку. Для этой цели были даже привлечены содержащиеся в тюрьмах фальшивомонетчики.

К 1940 году в СД изготавливали уже такие фальшивки, что их с радостью брали в любом банке. Но к этому времени план по подрыву английской экономики уже отошел на второй план. Фальшивки Гейдрих стал использовать по прямому назначению: для содержания РХСА. Расходов у ведомства было немало, а денег из бюджета выделялось немного. Практически все агенты РХСА получали свой гонорар фальшивками.

Но самое важное мероприятие Гейдриха — это сбор секретных досье. У руководителя РХСА компромат был на всех, не исключая самого Гитлера. После гибели Райнхарда эти документы попали к Мюллеру и Кальтенбруннеру. Компромат держал в страхе перед РХСА всех высокопоставленных лиц Рейха. Но Гейдрих все больше мечтал о более высоком посте. Он желал распространить свое влияние на всю внутреннюю политику Рейха и занять кресло министра внутренних дел. Гитлер сомневался в организаторских способностях Гейдриха и предложил ему для начала пост заместителя протектора Богемии и Моравии.

В сентябре 1941 года он был послан в помощь барону фон Нойрату. Нойрат, действительно, ничего не мог поделать с оппозицией немецкому режиму. Прибыв на место, в первый же день, Гейдрих ввел чрезвычайное положение, чтобы выманить из подполья всех недовольных. И недовольные на эту приманку клюнули: началось сопротивление. Все инакомыслящие тут же попали в тюрьмы и лагеря, а спустя пару недель чрезвычайное положение было отменено, и жизнь вошла в свои берега.

Однако Гейдрих знал, что кроме коммунистического и националистического чешского подполья существует и скрытая оппозиция (он видел ее в чешской интеллигенции). Поэтому своей опорой он выбрал рабочих и крестьян. Вся политика, которую он проводил, была направлена на улучшение жизни простого народа: он ввел повышенную продуктовую норму для занятых в производстве, выделил для этой же категории населения обувь и промышленные товары, повысил зарплату, реквизировал здания на чешских курортах, создав сеть домов отдыха, уничтожил спекуляцию товарами. И эта политика себя оправдала: чешские рабочие всю войну снабжали немецкую армию военной техникой. Они жили даже лучше, чем рабочие

в самой Германии. Ни о каком сопротивлении и речи даже не шло. Но тут вмешались английская разведка и чешское правительство, находившееся в изгнании. Бенеш не мог примириться с мыслью, что его страна даже не пробует выступить против немцев. Так родилось решение заслать чешских диверсантов, если народ предпочитает не враждовать с немцами.

Заговорщики воспользовались известным им качеством Гейдриха — необычайно храбростью. Тот ездил по городу без всякой охраны и в открытой машине, рядом с ним был только его шофер. Маршрут Райнхарда был жителям Праги хорошо известен: он его не менял. Так что совершить терракт проблемы не составляло.

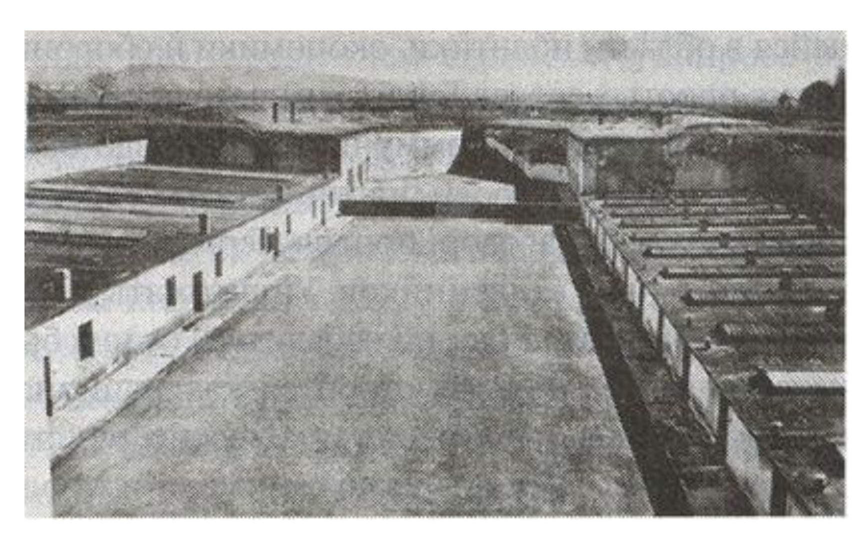
Утром 27 июня 1942 года Гейдрих ехал по городу, как обычно. Но за рулем — вот ведь стечение обстоятельств! — был не старый и опытный шофер Вилли, а другой шофер — Клейн. Вилли хорошо знал, как действовать в нестандартных ситуациях. Клейн — не знал. И когда машина стала совершать поворот, на дорогу выскочил какой-то человек в плаще. Гейдрих все понял моментально. «Жми на газ!» — закричал он новичку, но тот растерялся… и притормозил. Этого короткого мгновения хватило, чтобы человек отбросил плащ и вытащил автомат. Но автомат отказал! Тогда на дорогу полетела граната. Ее бросил второй террорист. От взрыва машину покалечило, из окрестных домов выбило стекла. Заговорщики решили спасаться бегством, но следом за ними бросились оба раненых — и шофер Клейн, и сам Гейдрих. Шофер тут же получил два смертельных выстрела в голову. Гейдриху удалось ранить диверсанта, но это последнее, что он смог сделать. Он упал на землю и потерял сознание. В себя он так больше и не пришел: умер от заражения крови 4 июля.

Ответ немцев на смерть Гейдриха был страшным: недавно умиротворенная Чехия подверглась небывалому террору. Искали убийцу Гейдриха. Его за вознаграждение сдал какой-то чех. Гейдриха же посмертно наградили Орденом крови и Германским орденом.

В отличие от многих деятелей Рейха Гейдрих был хотя и жестоким (недаром Гитлер называл его человеком с железным сердцем), но вполне разумным человеком. Напрасной крови он не лил, ненужного возмущения в народе не вызывал. На ограниченной территории он даже попробовал создать некое подобие нормальной жизни для евреев, хотя к этому времени политика по отношению к ним значительно ужесточилась.

Так появился Терезиенштадт — закрытый еврейский город с еврейским управлением. Заслугу в его создании приписывал себе Гиммлер. На самом деле этим занимались Гейдрих и шеф гестапо Мюллер, точнее, не сам Мюллер, а его подчиненный Эйхман. В Терезиенштадт, когда Рейх стали обвинять в зверствах по отношению к евреям, даже привозили представителей Красного Креста. Вот, показывали экскурсоводы, вы говорите, что мы уничтожаем евреев, сажаем их за колючую проволоку, но где вы тут видите проволоку и зверство? Посмотрите на эти счастливые лица! Специально для гостей выставляли музыкальный коллектив, и гости слушали с удовольствием, как играют Моцарта или Бетховена евреи Терезиенштадта. После чего Красный Крест уже не мог сказать, что видел зверства.

Конечно, все это было подделкой. И жизнь в Терезиенштадте не была сладкой, а то, что дети отказывались от гуманитарной сгущенки, так попробовали бы они не отказаться! Страх присутствовал во всем. Но по сравнению с польскими гетто или лагерями, тут зверств не было. Сам Гейдрих видел в евреях угрозу не потому, что они евреи, а потому, что они подвержены «красной заразе». Недаром он был так возмущен подписанием пакта Молотова-Риббентропа, что даже обратился к своему шефу Гиммлеру с докладом о возрастании коммунистической опасности.



Терезиенштадт — «поселок евреев»

«Тот факт, — сообщал он, — что на территории Рейха силами полиции безопасности (СД) обнаружено множество террористическо-диверсионных групп, созданных по приказу Коминтерна, является показательным для позиции, занимаемой Советским Союзом по отношению к Рейху. Подготовка диверсионных актов против объектов, имеющих военное значение, мостов, взрывы важных участков железной дороги, разрушение и остановка важных промышленных предприятий и установок являлись целью этих групп, состоявших целиком из коммунистов, не останавливавшихся при выполнении своих задач и перед убийствами. Кроме заданий, связанных с совершением диверсионных актов, члены групп получали и указания о совершении покушений на руководителей Рейха. Хотя можно было ожидать, что серия этих преступлений, совершенных или готовящихся Коминтерном, после подписания пакта о ненападении от 23 августа 1939 года прекратится, однако в результате широких расследований, проводившихся в особенности на оккупированных Германией территориях, были получены доказательства того, что Коминтерн не намерен прекратить свою преступную деятельность против Рейха… Деятельность Советского Союза, направленная против национал-социалистической Германии…свидетельствует о колоссальных масштабах подпольной подрывной работы, диверсий террора и шпионажа в целях подготовки войны, ведущейся в области политики, экономики и обороны».

Против простых евреев Гейдрих ничего не имел, но подозревал в них скрытых коммунистов. Гораздо более отрицательно он был настроен против богатых евреев, в них он видел мировой заговор против Германии — заговор финансистов и промышленников. Уничтожать этих граждан в его планы не входило, но избавиться от них было бы делом хорошим. Если Рейх строится как национальное государство немцев, то его сначала нужно очистить от внутренней угрозы. Эту позицию занимали и Мюллер, и сам Гиммлер. У них не было патологической ненависти к евреям, каковая переполняла Гитлера.

Изгнать евреев считалось в СС лучшим решением. С началом войны это стало необходимостью. Рейх не мог позволить держать в себе внутреннего врага, а за шесть лет существования Рейха большинство евреев были настроены против национал-социалистов. Еще до этой войны постоянно велись переговоры Германии о перемещении евреев на земли Палестины, но результат был неутешительным — квоты были исчерпаны. Попытка отправить евреев в цивилизованные страны тоже не увенчалась успехом: отдельных евреев принять могли, целую волну переселенцев — ни в коем случае. Был еще один камень преткновения: у массы евреев не было средств на переселение. И Гиммлер разработал особый план: переселение бедных евреев за счет богатых. Богатые евреи платить за бедных наотрез

отказались. Тогда было решено выдворять евреев с лишением имущества — в таком случае богатые могли расплатиться за перевоз бедных, в любом случае они теряли свои деньги. Но богатые евреи отказались покидать антисемитскую Германию, надеясь сохранить и имущество, и жизнь даже в такой нехорошей стране. Выдоить евреев до конца и выслать никак не получалось.

Поняв, что с решением еврейского вопроса окончательно запутался, Гиммлер спихнул его на Гейдриха. Гейдрих поручил его Мюллеру. Мюллер создал внутри своего ведомства подразделение, которое занималось исключительно еврейским вопросом. Выполнять инструкции руководства поручили тихому и исполнительному молодому эсэсовцу Альфреду Эйхману. Этот «нацистский преступник» был виновен только в том, что четко и педантично исполнял приказы. Однако свою жизнь он закончил очень плохо. После поражения Рейха ему удалось бежать, изменить фамилию, поселиться в чужой стране. А через много лет старика-Эйхмана выкрал израильский МОССАД, а суд Израиля устроил показательный процесс и приговорил его к смертной казни. Если протоколы допросов этого человека что и показывают, так только то, как вполне нормальный немец и не садист, не испытывающий к евреям никакой ненависти, пытается сделать для них как лучше, а в результате оказывается, что он совершил преступление против человечности.

Эйхману в этом плане очень не повезло: ему поручили заниматься еврейским вопросом, когда решение могло быть только одним — лагеря и уничтожение. Он этого не понимал. Вероятно, в те годы многие немцы этого никак не понимали, поскольку система лагерей была закрытой и они не могли видеть воочию результатов своего «труда». И Эйхман, который был просто шестеренкой в огромной машине, видел только свою часть механизма, за что и был приговорен к смерти.

В своем ведомстве Эйхман был поставлен на самую неприятную и нудную бумажную работу, так что, когда возникла возможность хоть куда-то перейти, он сразу согласился. Так вот и попал будущий висельник в СД. О своей деятельности он рассказывал следователю так:

«В отделе „Евреи“ я встретился с совершенно новой областью задач. Унтерштурмфюрер фон Мильденштайн был очень общительным, доброжелательным человеком; австриец по рождению, видно, много поездил по миру. Не было в нем этой черствости, грубости, как у большинства тогдашних начальников, с которыми и заговорить боялись. Мы очень быстро с ним сблизились. Одно из первых дел, которое он мне поручил, было связано с книгой „Еврейское государство“ Теодора Герцля.

Герцль выступил за основание в Палестине еврейского государства и тем самым вызвал к жизни сионистское движение; вскоре оно приобрело множество сторонников, преимущественно в Восточной Европе. Фон Мильденштайн сказал мне, чтобы я ее прочитал. Этим я усиленно и занимался в последующие дни. Книга заинтересовала меня, до тех пор я ни о чем таком не слышал… Она произвела на меня впечатление, — возможно, тут сказалась моя романтичность, моя любовь к природе, к горам и лесам… Я вникал в ее содержание, многое запомнил. Я же не знал, что потом будет. Когда я покончил с книгой, мне было велено составить конспект, справку; ее должны были распространить как служебный циркуляр для служащих СС и внутреннего пользования в СД, службе безопасности… Ее напечатали потом в виде тетрадки, циркуляра для СС. Я там изложил структуру всемирной сионистской организации, цели сионизма, его базу и трудности. Подчеркивались его требования; они отвечали нашим собственным намерениям — в том смысле, что сионизм стремился к политическому решению: они хотели получить землю, на которой их народ мог бы, наконец, осесть и спокойно жить. Это в значительной мере совпадало с программной установкой национал-социализма.

Одновременно с этим я занялся неосионистами. О них тоже написал справку, но не знаю, была ли она издана в виде циркуляра. В течение этого времени я хорошо узнал унтерштурмфюрера фон Мильденштайна как человека, ищущего политических решений,

отвергающего методы, которые проповедовал журнал „Штурмовик"… Мне был поручен такой круг вопросов — международный сионизм, современный сионизм, ортодоксальный иудаизм. Еще один сотрудник ведал организациями, занимающимися ассимиляцией.

Ничего другого у нас не было! Примерно в это время у нас стал бывать знакомый Мильденштайна, его звали Эрнст фон Большвинг. Он долго занимался коммерцией в Палестине, вместе с неким господином Борманом, который отправлял оттуда — каждый год, если я не ошибаюсь, — корабль с грузом лука в одну из скандинавских стран. Этот господин фон Большвинг часто приходил к нам на службу и рассказывал про Палестину.

У него получался такой полный обзор — программа сионизма, современная ситуация, положение в Палестине и распространение сионизма по всему миру, — что я понемногу становился специалистом по сионизму. Еще я получал газеты, в том числе „Хайнт". Их значки, буквы я читать не мог и поэтому купил книжку Самуэля Калеко — учебник древнееврейского. Стал учить печатные буквы. Слова тоже, но главным образом я хотел просто научиться читать печатный текст газеты „Хайнт", она печаталась на идише, но древнееврейскими буквами.

А в начале 1936 г. произошли изменения. Господин фон Мильденштайн перешел в Имперское управление дорожного строительства, в „Организацию Тодт", и его послали в Северную Америку для изучения строительства автострад… Моим начальником стал новый человек, а именно Дитер Визлицени…

Постепенно я знакомился с так называемой входящей корреспонденцией, до тех пор я ее совершенно не видел. Приходили сообщения из отделений СД на местах, из каких-то центральных инстанций, но, чаще всего это были сообщения о конференциях самой организации мирового еврейства. Иногда это были научные материалы, якобы научные материалы, найденные где-то при конфискации, а поскольку гестапо не знало, что с ними делать, их сдавали в СД. Еще приходили доклады от националистических организаций и донесения полицейских служб…

Задача номер один состояла в том, чтобы донесения поступали от низовых отделений СД в вышестоящие отделы, а от этих вышестоящих — в Главное управление; чтобы отделы на местах имели указания — о чем они вообще должны докладывать и что нас интересует; в свою очередь они должны сообщать это своим низовым отделениям и через них дальше — вплоть до агентурной сети. Что касается сбора донесений, насколько это относится к моему сектору, то предварительная работа была уже проведена — через циркулярное письмо СС. Мне надо было просто сослаться на этот циркуляр: вот что нам надо! Правительство желает, чтобы они уезжали; все, что этому способствует, должно делаться, ничто не должно препятствовать. Вокруг этого все и крутилось.

Конечно, я должен был иметь информацию о численности эмигрирующих. Еще я узнал тогда, что дело налажено плохо. Впервые услышал про трудности с получением свидетельства об уплате налогов. То же самое со сроками, потому что срок годности некоторых документов был слишком мал, приходилось получать их повторно. Я узнал о трудностях, возникавших из-за того, что какое-нибудь отделение полиции, по неведению или по глупости, ликвидировало еврейскую организацию, опечатало помещение, арестовало функционеров, отчего возникли задержки. Я услышал про осложнения, возникавшие из-за того, что власти подмандатной территории в Палестине выделяли недостаточные квоты для эмиграции. Услыхал про трудности, чинимые другими странами, принимавшими эмигрантов. Но я был бессилен, потому что Главное управление СД являлось организацией чисто информационной, оно должно было просто передавать то, что оно узнало, вышестоящим службам.

…Мое дело было — отправить в Палестину как можно больший контингент евреев. Меня интересовала любая возможность эмиграции за океан. Но все это только теоретически. Я ведь мог только разъяснять в моих донесениях, что можно сделать, что желательно. Но добиться политического решения было очень трудно, это же значило — отказаться от методов

„Штурмовика“. Наверное, эта концепция устраивала кого-то в качестве пропаганды. Но ни на шаг, ни на шаг не приближала к решению».

Итак, после изучения «палестинского вопроса» и поездки в Палестину Эйхман понял, что ничего из этого не получится. А после *Хрустальной ночи* стало ясно, что с решением еврейского вопроса тянуть и вовсе нельзя. Но все попытки СД хоть как-то ситуацию разрулить оканчивались ничем. Потом началась Вторая мировая война, это ситуацию только ухудшило. В голове Гейдриха родился план создать на землях Польши… «еврейский протекторат», даже место ему нашли — в Радомирском воеводстве. Но из этого тоже ничего не получилось.

Тут у высшего руководства возникла еще одна идея: переселить евреев на остров Магадаскар. Идея эта высказывалась еще Гвидо фон Листом, но в качестве теоретической. Но Эйхману, доросшему уже до начальника еврейского отдела, предстояло проверить теорию практикой. План «Мадагаскар» предполагал отобрать у французов означенный остров, переселить с него всех французов, основать базу ВМФ и затем заселить остальные земли евреями Рейха.

«Поскольку Мадагаскар будет лишь под мандатным управлением Германии, — гласил проект Радимахера, — его еврейское население не получит германского подданства. В момент перевозки у евреев будет отнято гражданство европейских стран, вместо этого они станут гражданами мандата Мадагаскар. Подобное положение не позволит им создать свое государство в Палестине, подобное Ватикану, и использовать в собственных целях символическое значение Иерусалима в глазах христианского и мусульманского общества. Кроме того, евреи останутся заложниками в руках Германии, что позволит добиться хорошего поведения в будущем их сородичей в Северной Америке.

В целях пропаганды можно использовать лозунг о щедрости Германии, дающей культурную, экономическую, административную и юридическую независимость еврейству. Нужно подчеркивать, что присущее нам, немцам, чувство ответственности не позволит нам немедленно предоставить независимое государственное существование расе, не имевшей независимости в течение тысячелетий. Для этого ей придется сдать исторический экзамен». На острове собирались ввести автономию: «…свои городские мэры, полиция, почта, железнодорожная администрация и прочие».

Средства на проект предполагалось взять из специально созданного банка, куда автоматически попадала стоимость имущества евреев в Европе. Эйхману поручили заниматься воплощением проекта на практике. Он глубоко вник в порученное дело: изучил климатические особенности острова, читал фундаментальные исследования о природе острова и его экономике… но проект забуксовал. С одной стороны, сами евреи туда ехать не желали, с другой — препоны чинили многочисленные немецкие ведомства.

«А когда план, наконец, полностью прояснился, — констатировал он, — и ни у одного из центральных ведомств не осталось пожеланий — тогда было уже поздно. Немецкие войска давно были в Париже, но до Мадагаскара нам было не добраться. Когда ушел французский флот, и Германия оккупировала не занятую до тех пор часть Франции до самого Средиземного моря, о Мадагаскаре не могло быть уже и речи. На том дело и кончилось, порушилось».

Правда, до Эйхмана так никогда и не дошло, почему евреи отказывались от Мадагаскара и почему проект всячески тормозили. Первых смущали особенности климата и то, что остров слишком мал для глобального переселения. Ведомства же тормозили проект, поскольку Гитлер никого не собирался переселять. У него уже имелся другой проект. Тут Гиммлер несколько недооценил антисемитизм фюрера.

А когда началась война с СССР, ни Гиммлер, ни Гейдрих ничего уже не могли сделать: действовать против приказа фюрера не осмелился бы никто в Рейхе.

Однажды летом 1941 года Эйхмана вызвал к себе Гейдрих. «Я явился. И он сказал мне: „Фюрер, ну, с этой эмиграцией…“ Но сначала совсем коротко: „Фюрер приказал физически

уничтожить евреев‟. Эту фразу он мне сказал. И вопреки своему обыкновению надолго замолчал, словно хотел проверить действие своих слов. Я это и сегодня помню. В первый момент я даже не пытался представить себе масштаб этой акции, потому что слова он тщательно подбирал. Но потом я понял, о чем идет речь, и ничего на это не сказал, потому что ничего сказать уже не мог. Потому что о таком… о таких вещах, о насильственном решении я никогда и не думал».

Не думал, очевидно, прежде и Гейдрих, он был приказом шокирован не меньше. Опыта в таких делах у него не имелось. Так что единственное, что он смог предложить, — отправить Эйхмана перенять чужой опыт. А такой человек в Рейхе был. Он патологически ненавидел евреев, зато очень любил еврейское золото. Многие считали его позором национал-социалистической партии. Ублюдка звали Одило Глобочник, он занимал пост начальника полиции города Люблина.

«И тогда он (Гейдрих) сказал мне: „Эйхман, поезжайте к Глобочнику в Люблин. Поезжайте к Глобочнику. Рейхсфюрер уже дал ему соответствующие указания. Посмотрите, как у него пошло дело. Чем он там пользуется для уничтожения евреев‟, — продолжает Эйхман. — Как было приказано, я отправился в Люблин, нашел управление начальника СС и полиции Глобочника, явился к группенфюреру и сказал ему, что меня прислал Гейдрих, потому что фюрер отдал приказ о физическом уничтожении евреев. Глобочник вызвал тогда некоего штурмбаннфюрера Хёфле, наверное, из своего штаба.

Мы поехали из Люблина, я теперь не помню, как это место называется, я их путаю, я не могу точно сказать, это была Треблинка или что-то другое. Там лесистая местность, редкий такой лес, и через него грунтовая дорога, польская дорога. И справа от дороги был дом, обычное такое строение, в каком живут люди, которые там работают. Нас приветствовал капитан, обыкновенный полицейский офицер. Там были еще рабочие, несколько человек. А капитан был без мундира, что меня крайне удивило, он был с закатанными рукавами, он, наверное, вместе с ними работал. Они там строили деревянные домики, два или три. Размеры — может быть, с дачный дом, комнаты на две-три.

Хёфле велел полицейскому капитану объяснить мне, что они строят. И тот начал. Это был человек с таким, знаете… таким хриплым голосом. Может быть, он пил. Говорил на каком-то диалекте, наверное, как на юго-западе Германии, и стал мне рассказывать, что все швы он уже уплотнил, потому что здесь будет работать мотор от русской подводной лодки, и выхлопные газы мотора подведут сюда и будут травить ими евреев».

Вернувшись из командировки, Эйхман доложил об увиденном Гейдриху, тот промолчал, и несколько месяцев руководителя еврейского отдела не беспокоили. Но осенью с аналогичным заданием его послал уже Мюллер, теперь — в Хелмно.

«Вот что я там увидел: помещение, если я верно помню, раз в пять больше того, где мы находимся; там внутри были евреи. Они должны были раздеться, и тогда к дверям подъехала закрытая грузовая машина, фургон. Подъехала совсем вплотную. И голые евреи должны были переходить в кузов. Потом их там заперли, и машина уехала…Я поехал вслед за той машиной — и увидел самое ужасное из всего, что видел в жизни до этого. Фургон подъехал к длинной яме. Кузов открыли, и оттуда выбрасывали трупы. Словно живых, они еще гнулись. Швыряли в яму. Вижу перед собой, как какой-то человек в гражданском клещами вытаскивал зубы. В Берлине я доложил группенфюреру Мюллеру. Сказал ему то же, что говорю сейчас. Я сказал ему: это ужасающе, это преисподняя. Не могу. Это… Я не могу так! — сказал я ему. Меня посылали в такие места: эти два, потом Освенцим, а потом меня послали в Треблинку. И в Минск тоже. Минск, Освенцим, Треблинка, Минск, Освенцим, Треблинка, Минск…»

Увиденное в Минске едва не свело Эйхмана с ума: «Когда я пришел, то видел только, как молодые солдаты, я думаю, у них были череп и кости на петлицах, стреляли в яму, размер которой был, скажем, в четыре-пять раз больше этой комнаты. Может быть, даже гораздо

больше, в шесть или семь раз. Я… я там… что бы я ни сказал… ведь я только увидел, я даже не думал, я такого не ждал. И я увидел, больше ничего! Стреляли сверху вниз, еще я увидел женщину с руками за спиной, и у меня подкосились ноги, мне стало плохо!

…Я ушел оттуда к машине, сел и уехал. Поехал во Львов. Я теперь припоминаю — у меня не было приказа ехать во Львов. Кое-как добираюсь до Львова, прихожу к начальнику гестапо и говорю ему: „Это же ужасно, что там делается, — говорю я. — Ведь там из молодых людей воспитывают садистов!‟ Я и Мюллеру сказал точно то же самое. И Гюнтеру тоже сказал. Я это говорил каждому. Всем говорил. И тому фюреру СС во Львове я сказал: „Как же можно вот так просто палить в женщину и детей? Как это возможно? — сказал я. — Ведь нельзя же… Люди либо сойдут с ума, либо станут садистами, наши собственные люди‟. А он мне говорит: „Здесь поступают точно так же, тоже стреляют. Хотите посмотреть?‟ Я говорю: „Нет, я ничего не хочу смотреть‟. А он говорит: „Мы все равно поедем мимо‟. Там была тоже яма, но уже закопанная, а из нее кровь, словно… как это сказать? Кровь оттуда текла. Я такого никогда не видел. Сыт по горло таким заданием!

Я поехал в Берлин и доложил группенфюреру Мюллеру. Ему я сказал: „Это не решение еврейского вопроса. Вдобавок мы воспитываем из наших людей садистов. И нечего нам удивляться, не надо удивляться, если это будут сплошь преступники, одни преступники‟. Я еще помню, как Мюллер посмотрел на меня, и выражение его лица говорило: „Эйхман, ты прав; это не решение‟. Но он, конечно, тоже ничего не мог сделать. Ничего не мог Мюллер поделать, ничего, ровным счетом ничего! Кто это все приказал? Приказал, именно приказал, разумеется, шеф полиции безопасности и СД, т. е. Гейдрих. Но он должен был получить указания от рейхсфюрера СС, т. е. от Гиммлера; сам по себе он такого не мог, никогда бы не мог такое сделать. А Гиммлер должен был иметь категорическое указание от Гитлера; если бы Гитлер не распорядился — его бы за такое на фронт куда-нибудь, под бомбы и снаряды…»

Эйхман совершенно не понимал: то, что он назвал воспитанием садизма, было практикой убийства в человеке всего, что его привязывает к человеческому миру. Солдаты, выполнявшие такие задания, должны были их выполнять, не чувствуя ни удовольствия, ни страдания. Это как раз было главным условием в воспитании эсэсовца — отказаться от всего, что связывает его с животным началом в человеке. За время обучения эсэсовец проходил множество испытаний. Это были как чисто физические испытания, требовавшие напряжения сил, отваги, умения быстро принимать решения, выдерживать высокие нагрузки, быть готовым ко всему опасному и неожиданному, так и моральные — связанные с принесением боли другому человеку, унижающие гордость, сюда же входило и обучение беспрекословному подчинению и воспитание верности своему фюреру.

Самое распространенное испытание мужества и выносливости бойца СС заключалось в следующем: кандидата помещали на час и более в ледяную воду, нередко на него натравливали голодных овчарок, которых он должен был задушить голыми руками, в него могли стрелять, ему предлагалось пройти между лезвиями кинжалов, ему предлагалось убить животное собственными руками так, чтобы не повредить его тела, а затем снять шкуру, не испортив глаз.

Эти обряды инициации новичков и метод их дальнейшего обучения умный, начитанный Гиммлер позаимствовал из практики иезуитов и других тайных орденов, о которых он много знал. А после тибетских экспедиций он кое-что узнал и о сугубо местной технике «вайпарита», разработанной жрецами бон по.

Техника эта, тибетская по происхождению, гласит, что для полного совершенствования духа, его закалки, придания ему «Золотого Свечения», то есть сил Огня, побеждающих Лед, нужно пройти через отвращение и воспринимать его как удовольствие. Для этого техника учит употреблять в пищу несъедобные и неприятные элементы — кровь, сперму, мочу, фекалии, слюну и т. п. Затем, на другом этапе, человек приучается без отвращения, а наоборот, с пониманием и ощущением приятного, созерцать зловещие картины — смерть, ранения,

физиологические проявления жизни. И затем учится воспринимать то, что приносит боль, как наслаждение.

Конечным результатом такого процесса обучения должно было стать полное совершенство, а это совершенство считается по тибетским понятиям магической основой бессмертия. Эйхман к элите СС никак не принадлежал. Он до призвания в СД занимался наклеиванием ярлыков, то есть канцелярской рутиной. Вряд ли он проходил и соответствующее обучение, как настоящие воины СС. Последние после обучения должны были сохранять спокойствие духа в любой обстановке — не гневаться, не кричать, не плакать, не бояться, не испытывать отвращения. Гиммлер мечтал создать нового человека. В отличие от Гитлера, он его и на самом деле создал.

Эксперименты Гиммлера

Детище Гиммлера именовалось СС ВТ. Военные части СС, которые не подчинялись армейскому командованию. Совершенно особые части СС. В отличие от армейской подготовки, где основной упор делался на обычную казарменную муштру, новые подразделения стали обращать основное внимание на атлетическую подготовку. По сути, солдат СС ВТ должен был стать боевой машиной Рейха — неутомимым, бесстрашным и превосходно подготовленным солдатом, способным принимать самостоятельные решения. Потом методику подготовки, аналогичную СС ВТ, возьмут на вооружение такие элитные части, как, например, американские морские котики.

Как говорил один из командиров СС ВТ, основной целью нового подразделения стала подготовка «нового сознательного типа солдата, атлетичного по подготовке и способного на нечеловеческую выносливость». Поэтому во время обучения курсантов не щадили.

Основной упор делался на создание малых мобильных групп, снабженных мотострелковой техникой. Солдаты СС ВТ носили камуфляжную форму, учились маскировке и впервые в немецкой армии стали проводить учения с применением живого огня, поэтому потери во время обучения считались обычным и вполне естественным итогом — выбраковкой наиболее слабых. И, несмотря на возможную гибель новобранцев, отбоя от желающих служить в СС ВТ не было.

Другое направление — карательные части — разрабатывалось в дивизии Теодора Райкера «Мертвая голова». Солдаты и офицеры этого подразделения должны были научиться не воспринимать уничтожение чужеродного населения как явление неприятное или затрагивающее их сердце. Безоговорочное подчинение командирам и безусловная исполнительность отличали этих эсэсовцев, преданных фюреру и рейсхфюреру Гиммлеру. Их готовили при необходимости выступать против носителей заразы в теле немецкого народа — евреев, людей низших рас, гомосексуалистов, преступников, коммунистов. Они полностью разделяли биологический принцип национал-социализма, что только истинно арийская раса будет править миром и что зараженных кровосмешением немцев можно уничтожать так же, как и не нордические народы. Первый опыт эти сверхчеловеки получили во время польской кампании.

На польском фронте молодые эсэсовцы гибли тысячами, они совершенно не боялись смерти, поскольку по их вере после героической гибели попадали в Валгаллу. Это было новое поколение эсэсовцев, воспитанное в ожидании войны и для войны. Это благодаря их безграничной храбрости и выносливости немцам удалось за короткое время разгромить польскую армию. Именно им пришлось заняться усмирением мирных жителей, уничтожением евреев и подавлением оппозиции. Противников ужасало даже не то, что эти молодые люди совершают, а то, как они это совершают. Лица отборных воинов оставались совершенно бесстрастными. Позволить немного расслабиться они могли только в своем кругу. Нормальных людей это, конечно, потрясало. Этим частям СС был дан приказ на физическое уничтожение огромного количества поляков, и они его выполнили. К концу кампании из аристократов в живых осталось всего около трех процентов. Евреи были частично уничтожены (тут немцы

предпочитали отдать вопрос на уничтожение евреев польским антисемитам), частично помещены в гетто. Аналогичным образом поступили и с патриотами, однако вывести всех поляков оказалось невозможно, и до самого конца оккупации Польши немцам приходилось сталкиваться с партизанским движением. Партизан, само собой, уничтожали беспощадно. А после приказа Гитлера о карательных мерах по отношению к населению, который подразумевал казнь десяти человек за смерть одного немца, такие ликвидации стали делом житейским. За частями вермахта шли пять карательных бригад Райнхардта Гейдриха.

Число подразделений СС с началом войны резко возросло. В войске Гиммлера насчитывалось 38 дивизий СС, по численности эти части могли соперничать со всем вермахтом, но качество было гораздо выше: танковых — 7, мотопехотных — 6, гренадерских (пехотных) — 18, горных — 5, кавалерийских — 2 (в том числе — 2 полицейских), общей численностью (для 1944 года) 910 000 человек. Каждая дивизия, кроме номера и названия, была оснащена и собственной руной.

Руна **«Зонненрад»** (или «солнечное колесо») — в древнескандинавской мифологии символизировала гром, огонь и плодородие. В ваффен СС руна «Зонненрад» была эмблемой скандинавских добровольцев из 5-й танковой дивизии СС «Викинг», 11-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Норланд», 27-й добровольческой панцергренадерской дивизии СС «Лангемарк» (Фламандская № 1), использовалась в символике корпуса «Шальбург» (датское формирование Аппарата СС). Это были дивизии армии «Север», отправленные на Восточный фронт, именно они должны были остановить варваров (то есть русских) на священном Востоке.

Руна **«Зиг»** (или руна бога Тора) символизирует власть, энергию, борьбу и смерть. Именно сдвоенная руна «Зиг» стала эмблемой СС, но встречается она не часто — только на штандарте 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» и на личных знаках отличия. Под штандартом с руной Зиг семнадцатилетние немецкие мальчишки показали просто чудеса героизма. Отправленные в Нормандию, когда дела во Франции шли все хуже и хуже, они оказались самыми бесстрашными воинами Рейха, предпочитая смерть плену. В Фазельском котле, где немецкая армия была практически разгромлена, воины «Гитлерюгенда» смогли прорваться к своим. Их осталось всего 600 человек из целой дивизии, но они совершили невозможное.

Руна **«Вольфсангель»** (или волчий крюк) — символ защиты от «темных сил», оберег, дающий власть над оборотнем — вервольфом, символ свободы и независимости. В ваффен СС эту руну использовали в качестве дивизионной эмблемы во 2-й танковой дивизии СС «Дас Рейх», а в несколько измененном виде — на штандарте 34-й ваффен-гренадерской дивизии СС «Ландштурм Нидерланд».

«Опфер-руна» символизировала самопожертвование. В нацистские времена ее носили ветераны войны как знак принадлежности к «Стальному шлему», был также выпущен памятный знак с Опфер-руной в честь «Мучеников 9 ноября», когда 16 национал-социалистов погибло во время Пивного путча.

«Айф-руна» символизировала целеустремленность и энтузиазм. Одно время изображалась на петлицах адъютантов Гитлера и высших чинов из СА и СС. Такой мундир с Айф-руной в 1929 году носил Рудольф Гесс.

«Лебен-руна» символизировала жизнь. Она обозначала дату рождения и ставилась в официальных документах перед этой датой.

«Тотен-руна» символизировала смерть. Она обозначала дату смерти и ставилась в официальных документах и на могильных плитах перед этой датой.

«Тюр-руна» считалась символом непримиримости в бою, была символом бога войны Тора. Часто эту руну можно увидеть на могилах эсэсовцев вместо обычного креста. Этот знак всем членам СС татуировали под левым плечевым сгибом вместе с условным обозначением

группы крови. В виде нашивки на рукаве ее носили сотрудники отдела пополнения, регистрации и обучения в Главном оперативном управлении СС, а в ваффен СС она изображена на штандарте дивизии СС «30 января» (день прихода Гитлера к власти в 1933 году).

Руна **«Хайльсцайхен»** символизировала успех и удачу, а поэтому изображалась среди прочих рун на именном кольце СС «Мертвая голова».

«Хагалль-руна» символизировала непоколебимую веру, а также победу духа над вечным льдом, поэтому изображена на эмблеме 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд».

«Одаль-руна» символизировала нерушимость семьи и братство по крови. Эта руна считалась символом 7-й добровольческой горнострелковой дивизии СС «Принц Евгений», а в наши дни служит символом неонацистов.

Чистокровные арийцы, готовые умереть за своего рейхсфюрера, набирались не только в Германии. Гиммлер считал, что традиционное определение расовой принадлежности только по национальности не имеет смысла. Истинных арийцев можно найти среди людей, которые не были немцами. Он мечтал найти истинных в среде европейских народов, создать своего рода арийский Евросоюз. Конечно, этим европейским братством арийев будет руководить СС, и он, Генрих Гиммлер, великий магистр Черного Ордена, будет стоять во главе. Взоры Гиммлера были устремлены на Восток. Он мечтал отогнать недочеловеческое население восточно-европейской равнины к Уральским горам, а потом и за Урал, а на чудесным образом освободившейся территории поселить арийских крестьян, которым так не хватало земель в Германии. Это была волшебная мечта: немцы снова осядут на потерянных некогда землях и будут править туземцами (не всех требовалось гнать на восток), то есть покорным домашним скотом.

Созданные Гиммлером войска СС готовились к священной миссии расширения жизненного пространства и святому крестовому походу против сил Тьмы. К маю 1945 года большинство воинов СС погибло, так и не завоевав жизненного пространства. Некоторые части СС погибли в полном составе. Но место погибших всегда занимали новые бойцы, воспитанники многочисленных эсэсовских школ — бургов.

Система бургов возникла в 1935 году, всего было учреждено четыре «орденсбурга»: в Фогельзанге (самый первый из них), Гроссинзее, Зонтхофене, Мариенбурге. В каждом из них обучалось 500 курсантов. Интересно, что на воротах этих замков была такая надпись: «Слепое повиновение». Рассказывают, что поступившего в обучение курсанта обязательно проводили через особый обряд, имевший название «Блюттауфе», — своего рода магическое посвящение, а на самом деле — обычное кодирование, техника тогда еще неизвестная в Европе и США, но уже освоенная немецкими парапсихологами. Кодирование предполагало слепую верность партии и Рейху и выбор смерти, если перед членом СС встает опасность, что он будет допрошен или не выдержит пыток. Отбор в орденские замки был жестким, принимались только мальчики арийской внешности и с высоким интеллектом.

Кнопп показывал, какое обучение получали дети в школах Адольфа Гитлера, на примере самых элитных — Зонтхофена и Фельдафинга. Ханс Гибелер, учившийся в Зонтхофене, вспоминает: «Нам все время внушали, что мы — самые лучшие, что мы — величайшая надежда». Сами массивные постройки Зонтхофена внушали чувство, что здесь живут «избранные». Роскошное убранство жилых помещений в Бенсберге или Ораниенштайне напоминало интерьеры рыцарских замков. Особенно сильное впечатление производил Зонтхофен на новичков. Внушительный дворец больше напоминал романскую замковую церковь в стиле модерн, чем школьную постройку.

Бывший учащийся школы Адольфа Гитлера Грундман вспоминает, что, когда он первый раз увидел здания Зонтхофена, они показались ему «пугающими и давящими». Однако на следующее утро они предстали перед ним в виде «райского курорта». Многие постройки, особенно так называемый «Прекрасный двор» с его садово-парковыми элементами,

действительно многим напоминали комфортабельный отель или зону отдыха. Бывший воспитанник Бауман так отозвался о своем первом дне пребывания в Зонтхофене: «Я почувствовал себя принцем». Все воспитанники элитных школ гордились тем, что они имеют возможность обучаться в столь привилегированных учебных заведениях. Однако ни одна из нацистских школ не смогла вызвать чувство столь крепкой привязанности к себе со стороны воспитанников, как это удалось «имперской школе НСДАП Фельдабинг» на озере Штарнбергер.

И сегодня, спустя 60 лет после последнего занятия бывшие «фельдафинги», как они сами себя называют, с ностальгией вспоминают о своей учебе в стенах этой школы.

Ни одно другое учебное заведение в Рейхе не могло похвастать таким обеспечением и возможностями. Лозунг «Тот, кто хочет заманить, должен предложить нечто заманчивое» в Фельдафинге был воплощен в жизнь. Воспитанники обучались игре в гольф на лучших газонах Германии. Они осваивали парусный спорт на новеньких олимпийских яхтах на Штарнбергском озере. Для занятий мотоспортом всегда стояли наготове 25 мотоциклов. Условия проживания были на самом высоком уровне. Более 40 роскошных особняков на берегу озера находились в распоряжении учащихся. Любимым тренингом в этих школах были «маскарады», то есть соревнование по смене разного вида формы на скорость. Иногда это мероприятие презрительно именовалось «маскиболом», что выражало сущность игры и отношение к ней участников. В самые кратчайшие сроки воспитанники должны были снять и надеть одну за другой все виды форменной одежды. Ганс Мюнхеберг (интернат в Потсдаме) в своем автобиографическом романе «Похвально всё, что закаляет», который основан на реальных фактах, рассказывает: «Начинали с простых заданий. Строились через пять минут в выходной форме одежды, в пальто и кепи. Затем строились через четыре минуты в полевой форме с ранцами за спиной. Затем через три минуты в спортивных костюмах. Далее следовали „шуточные варианты“: через четыре минуты строились в лыжных штанах, летней рубашке и спортивных ботинках или в свитере, спортивных трусах и полевых ботинках. За спиной свернутая плащ-палатка и зубная щетка в левой руке».

У дверей в спальное помещение стоял воспитатель с секундомером в руке и засекал, в какое время уложились его подопечные. Если они не успевали, то превращались в «отстающих». После того, как однажды во взводе Мюнхеберга все попали в разряд «отстающих», была назначена проверка личных шкафов. После «маскарада» в них царил хаос. Свободное время отменили, так как пришлось наводить порядок. Напоследок провели уборку в туалете, душевом отделении и комнате для чистки обуви.

На следующее утро история повторялась.

Воспитатель Эркенбрехер не жалел времени на поиски причин для придирок и был неистощим на придумывание различных наказаний. «Вот как. Вы все еще не хотите взяться за ум, — рычал он. — В таком случае после обеда построение для всех в зимней одежде!»

Ганс Мюнхеберг пишет: «Это происходило нестерпимо жарким летним днем 1940 года. Мы должны были сложить все наши учебники в ранцы. Затем нам приказали построиться в походной форме. Эркенбрехер лично руководил построением и маршировкой. Он выбрал для нас строевую песню „Как часто мы шагали по узкой африканской тропе“ …Эркенбрехер, однако, был недоволен. На его взгляд, пение напоминало кряхтенье. „Жалкое стадо! Шире шаг!“ Младшие воспитанники с полными ранцами не поспевали. Тогда Эркенбрехер остановил колонну. Он издевательски произнес: „Ну, что же, у вас, господа, еще много времени“. Затем он скомандовал: „Шапки снять! Наушники опустить! Шапки надеть! Ранцы снять! Держать их перед собой! Колени согнуть! Прыгать! Прыгать! Прыгать!“».

Мюнхеберг споткнулся и упал.

«Что мне оставалось делать? Я поднялся и стал подпрыгивать вместе с другими».

Мюнхеберг был на пределе своих сил.

Вдруг раздался окрик: «Эй, ты, шляпа! Шире плечи, держать ранец выше!»

Мюнхеберг попытался поднять ранец с книгами. Ничего не выходило. Ему не хватало воздуха. От жары ему стало совсем плохо. В висках стучало.

Эркенбрехер был безжалостен: «Что такое? Ты отказываешься выполнять мой приказ?»

Мюнхебергер больше не прыгал. Он стоял, покачиваясь.

Эркенбрехер продолжал орать: «Тряпка! Ты позоришь свой взвод! Убирайся отсюда!»

В этот момент Мюнхеберг повалился на раскаленный асфальт.

Подобные издевательские методы воспитания сплачивали воспитанников и провоцировали ответные акции против любителей чрезмерной муштры. Герд-Эккехард Лоренц, учившийся в то время в Потсдамском интернате, рассказывает: «Вначале все шло как обычно. Строевые упражнения. Затем раздалась уже набившая оскомину команда: „На беговую дорожку марш, марш! Быстро! Лечь! Встать! Лечь! Встать!‟ Затем с ранцами на вытянутых руках мы семенили утиным шагом. Когда мы снова шли колонной, послышалась команда: „Противогазы надеть! Песню запевай!‟ Стекла противогазов сразу же запотели. Мы запели. Но не строевой марш, а старую шуточную песню о канаве, которая никак не наполнится водой. Мы пропели куплет трижды. В ответ услышали: „Песню отставить! Противогазы снять! Отделение стой!‟ Мы стояли, не шелохнувшись, как стена, и при этом улыбались. Воспитатель приказал нам разойтись. Он был бессилен. „Шлифовка‟ закончилась. Мы победили. Это было здорово!»

Были и другие особые задания: «Те, кто прежде никогда не плавал, должны были прыгнуть в воду с трехметровой высоты. Их вытаскивали на берег лишь после того, как несчастные прыгуны пару раз успевали погрузиться и снова всплыть на поверхность… Как-то раз зимой… взвод проделал две большие проруби в толстом льду замерзшего озера. Расстояние между прорубями почти 10 метров. Задача — прыгнуть в прорубь и подо льдом доплыть до другой полыньи…»

Тео Зоммер вспоминает: «Нужно было научиться преодолевать внутренний страх. Мы прыгали в бассейн с десятиметровой высоты. На нас были ранец, стальная каска и снаряжение. Каска крепилась к голове подбородочным ремешком. Однажды она чуть не оторвала голову одному воспитаннику во время погружения в воду. Проверки на смелость проводились уже во время вступительных экзаменов. У тех, кто отказывался, шансов на поступление не было. Выгоняли из школ и воспитанников, если они проявляли трусость во время проверки».

На само образование в школах и «бургах» смотрели снисходительно. Вот пример, по Кноппу, заданий одного выпускного (!) экзамена: «…воспитанникам предлагали решать следующую математическую задачу: „Самолет на скорости 108 километров в час и на высоте 2000 метров над землей сбрасывает бомбу. Через какое время и в каком месте упадет бомба?‟ На экзамене по биологии звучал вопрос: „Какие факторы заставляют специалистов по расовым вопросам связывать будущее немецкого народа с исторической судьбой северной расы?‟ На „национальной политике‟ спрашивали: „Какими основополагающими идеями обогатил фюрер национал-социалистическое движение, чтобы привести его к победе?‟»

Это поколение было уже совершенно новым и по образу мысли, и по физической подготовке. Дети «бургов» знали, что высшая радость — побыстрее попасть на фронт, высшая доблесть — умереть за фюрера и великий Рейх. Они были бесконечно преданны Рейху, они были абсолютно дисциплинированы и безоговорочно подчинялись приказам, они не знали слова «не могу», знали только слова «нужно, во что бы то ни стало». И за ценой они не стояли. Молодые нацисты сначала обучались в начальных школах «Напола», затем проходили усовершенствование в «бургах». Секрет усовершенствования сводился к очень простой формуле, выведенной Гиммлером: Верить, повиноваться, сражаться! Точка. Это все. То есть в «бургах» готовилось арийское белое мясо, которое должно выполнять любой приказ с улыбкой на губах, даже если это приказ отправиться на смерть.

7 декабря 1944 года Гиммлер получил следующий приказ фюрера: «Я приказываю, чтобы в дальнейшем младшие офицеры перед началом своей службы в вермахте или войсках СС проходили подготовку в национал-политических интернатах, школах Адольфа Гитлера, имперской школе в Фельдабинге и других учебных заведениях». Именно такие будущие фюреры нужны были нации, полностью завязшей уже в войне.

Лей недвусмысленно напутствовал юных выпускников «бургов»: «Каждому из вас следует запомнить, что тот, у кого партия отнимет право на коричневую рубашку, потеряет не только работу. Он будет уничтожен вместе с семьей, женой, детьми. Таковы жестокие, неумолимые законы нашего Ордена». Эти посвящения с выдачей эсэсовских рун называли таинствами «густого воздуха». Что это за ритуал, мы не знаем. Но вот чем становились посвященные — знаем. Об их будущем честно говорил Гитлер: «Речь вовсе не идет об уничтожении неравенства между людьми, наоборот, его необходимо усилить, поставив непреодолимые барьеры. Каким будет грядущий социальный порядок? Друзья мои, я скажу вам это: будет класс господ и толпа различных членов партии, разделенных строго иерархически. Под ними — огромная безликая масса, коллектив служителей, низших навсегда. Еще ниже — класс побежденных иностранцев, современные рабы. И надо всем этим встанет новая аристократия, о которой я пока не могу говорить… Но эти планы не должны быть известны рядовым членам партии». Будущее молодым эсэсовцам рисовалось в радужных красках, но многого, от чего придется отказаться, они попросту не знали.

Как писал Петель, «…само собой разумеется, только очень узкий круг высших чинов и крупных сановников СС знал с достаточной полнотой как теорию, так и значение требований, которые каждый член Ордена был обязан применять к себе и своему окружению. Члены различных низших и „подготовительных" подразделений узнавали об особенности своего положения только после запрета жениться без разрешения руководства и после того, как их поставили под юрисдикцию СС. Трибуналы СС действовали с чрезвычайной суровостью, но главная их цель была не в поддержании дисциплины, но в том, чтобы вывести членов СС из-под компетенции государственной и партийной власти. Отныне у членов Ордена не оставалось никакого иного долга, как повиноваться его законам, забыв о всякой личной жизни».

Они и повиновались, жертвуя своими молодыми жизнями без сожаления и размышления, поскольку знали, что впереди ждет великая победа. Но все равно было нечто, чего не могли победить и они, — особенностей человеческого организма. Вот с этой бедой и решил бороться Гиммлер, мечтавший иметь под своим началом идеального солдата. Конечно, лучшим решением было бы иметь механических солдат, но таковых не существовало. Поэтому, как только Германия захватила Польшу и вторглась в пределы СССР, то есть пошел огромный приток военнопленных, в лагерях начались эксперименты врачей, работавших на Гиммлера. Эти доктора входили в состав сотрудников Аненербе и разрабатывали проекты для улучшения качества военной силы.

На Нюрнбергском процессе вторым по значимости пунктом обвинения после евреев как раз и стали медицинские эксперименты. Эксперименты с использованием людей были самые разнообразные. И все они были направлены на улучшение боеспособности армии. Основной вал таких исследований как раз и приходится на 40-е годы, когда требовалось в срочном порядке качества войска улучшить. С одной стороны, Гиммлеру не хотелось терять хороших солдат, отсюда все опыты с отравляющими веществами, заживлением ран, переливанием крови, попыткой воскрешения умирающих; с другой — он желал улучшить качества воинов и разработать средства для выживания в непригодных для жизни условиях. Доктор Зигмунд Рашер занимался изучением человека в состояниях, которые неминуемо приводят к смерти, — лишение воздуха, переохлаждение, потеря крови и т. п.

Опыты, проводившиеся с ограничением воздуха или полным его отсутствием, требовались для полетов на больших высотах, чем занималось ведомство Вернера фон Брауна. Ракетчикам необходимо было знать, как поведет себя организм человека в разреженном воздухе или при

низком давлении. Поэтому своих подопытных доктор Рашер загонял в барокамеру и начинал планомерно откачивать кислород. Результаты были чудовищными. Люди погибали в страшных мучениях, зато доктор Рашер мог спокойно запротоколировать свои наблюдения. На «наблюдения» Рашер израсходовал примерно 200 человек. Один из свидетелей, на что уж привычный человек, охранник, описывал действия Рашера такими словами: «Я лично видел через наблюдательный глазок камеры, как один заключенный находился в разреженном пространстве до тех пор, пока у него не лопнули легкие. Некоторые эксперименты вызывали у людей такое давление в голове, что они сходили с ума и рвали на себе волосы, стараясь освободиться от этого давления. В своем безумии они разрывали себе лицо и голову ногтями в попытке покалечить себя, они разбивали себе головы о стены, они кричали, пытаясь облегчить боль в ушах от давления. Обычно эти эксперименты с крайне низким давлением кончались смертью экспериментируемого. Эксперименты с крайне низким давлением настолько часто кончались смертью, что они использовались скорее как обычное средство казни, чем как эксперимент. Я знаю случаи, когда при экспериментах Рашера заключенные находились в условиях низкого давления либо высокого давления или комбинации того и другого в течение 30 минут. Эксперименты в целом делились на две группы: одни из них известны под названием „живых экспериментов‟, а другие — просто как „Х‟-эксперименты, то есть эксперимент и казнь одновременно».

Сам эксперимент задумывался в благих целях: если летчики страдали от падения или повышения давления, то каково будет космонавтам, вот и нужно было найти способ, как с этим бороться, а чтобы знать, как бороться, сначала требовалось понять, что с человеческим организмом в таких условиях происходит. Иначе чем опытным путем этого не понять.

Рашер и фиксировал все видимые глазом физические и психические изменения. А затем вскрывал трупы и фиксировал изменения в тканях. Это было бесчеловечно… но не для ученого. А сама идея была гуманной: помочь людям выживать. Только странно гуманизм соседствовал с жестокостью. Интересовало доктора и как влияет содержание кислорода в воздухе на процесс дыхания. Сухим научным языком он пояснял на Нюрнбергском трибунале: «Опыт проводился в условиях отсутствия кислорода, соответствующих высоте 8820 метров. Испытуемым был еврей 37 лет в хорошем физическом состоянии. Дыхание продолжалось в течение 30 минут. Через четыре минуты после начала испытуемый стал покрываться потом и крутить головой. Пять минут спустя появились спазмы; между шестой и десятой минутами увеличилась частота дыхания, испытуемый стал терять сознание. С одиннадцатой по тридцатую минуту дыхание замедлилось до трех вдохов в минуту и полностью прекратилось к концу срока испытания… Спустя полчаса после прекращения дыхания началось вскрытие».

Из 200 заключенных, прошедших барокамеру, сразу погибло 80, остальных ликвидировали позже — эксперименты ведь были секретные. Наиболее интересные ткани доктор сохранял как препараты: «Час спустя после прекращения дыхания происходит удаление головного мозга с полным отделением спинного мозга. После этого — 40 секунд затишья действия предсердия. Затем удары вновь начинаются и окончательно прекращаются спустя 8 минут. В артериях мозга оказывается достаточно воздуха. Анатомические препараты сохраняются для последующего использования мной».

Найденные уже в наши дни на Украине трупы как раз и дают полную картину, какие препараты увозили из лагеря в Институт: черепа были изуродованы, спиной мозг аккуратно вырезан.

Возможности дыхания проверялись в различных условиях, в отчете Гиммлеру Рашер сообщал: «Вопрос возникновения воздушной эмболии исследовался в 10 случаях. Во время длительного эксперимента на высоте 12 километров испытуемые частично умирали через полчаса. При вскрытии черепа под водой обнаруживалась с избытком воздушная эмболия в сосудах головного мозга. Чтобы доказать это, отдельные испытуемые после относительного отдыха перед возвращением сознания под водой были доведены до летального исхода.

Открытие черепа, грудной и брюшной полости проводились тоже под водой и доказывали в итоге присутствие большого количества воздушных эмболий в коронарных сосудах, сосудах головного мозга, в печени, кишечнике и т. д.».

Не менее важные опыты он проводил и для ВМФ и полярной авиации. Основная беда моряков и полярных летчиков была в переохлаждении. Если моряк или летчик оказывались в ледяной воде, несмотря даже на теплый костюм, который мигом промокал насквозь, переохлаждение вело к неминуемой смерти. Поскольку русские и союзники систематически пускали на дно немецкие корабли и сбивали в полярных широтах немецкие самолеты, даже те, кто остался чудом жив, все равно погибали. Помощь скоро подойти не могла, а ледяная вода не способствует выживанию. Военные потребовали от Рашера инструкций, как вести себя потерпевшим кораблекрушение или аварию самолета, чтобы спасти себе жизнь.

Прежде чем дать инструкцию, Рашер взялся глубоко вникнуть в вопрос. Ему важно было понять, сколько времени человек в ледяной воде остается жив, когда начинает терять сознание, каким образом можно предотвратить гибель. Поэтому опыты делились на несколько серий. Первую можно условно назвать условия смерти. Для этих опытов людей помещали в различные емкости с ледяной водой и беспристрастно протоколировали все процессы, которые предшествуют гибели. Для экспериментов выбирались люди разного веса, возраста, национальности. Одновременно аналогичные опыты он делал и для горнопехотных частей Рейха. Но в этом случае испытуемого помещали не в бадью с ледяной водой, а голым на снег при очень низких температурах и тоже наблюдали, что происходит с человеком при воздействии холода. Все данные сопровождались графиками и были обработаны статистически.

Отчитываясь перед Гиммлером, Рашер сообщал: «Испытуемых погружали в воду в полном летном снаряжении… с капюшоном. Спасательные жилеты удерживали их на поверхности. Эксперименты проводились при температуре воды от 2,5 до 12 градусов Цельсия. В первой серии испытаний задняя часть щек и основание черепа находились под водой. Во второй — погружались задняя часть шеи и мозжечок. С помощью электрического термометра была измерена температура в желудке и прямой кишке, составлявшая соответственно 27,5 градуса по Цельсию и 27,6 градуса по Цельсию. Смерть наступала лишь в том случае, если продолговатый мозг и мозжечок были погружены в воду. При вскрытии после смерти в указанных условиях было установлено, что большая масса крови, до полулитра, скапливалась в черепной полости. В сердце регулярно обнаруживалось максимальное расширение правого желудочка. Испытуемые при подобных опытах неизбежно погибали, несмотря на все усилия по спасению, если температура тела падала до 28 градусов по Цельсию. Данные вскрытия со всей ясностью доказывают важность обогрева головы и необходимость защищать шею, что должно быть учтено при разработке губчатого защитного комбинезона, которая ведется в настоящее время».

Но констатировать время смерти и признаки смерти — этого мало. Сами эксперименты затевались для того, чтобы жизни можно было спасти. Поэтому вторую серию опытов можно назвать опытами с оживлением. В этих экспериментах людей доводили до пограничного состояния и пробовали применить различные средства спасения — отогревали воздухом, водой, теплыми вещами, телами других людей. Наивысшие результаты дали попытки отогревать умирающих другими телами, чаще всего женскими, и половым возбуждением. Сам Рашер считал, что оживление происходит благодаря перекачке энергии от тела к телу. Эти эксперименты очень интересовали мистика-Гиммлера, который слал Рашеру просьбы поскорее изучить и выявить все моменты, связанные с «животным потенциалом душевного тепла». Гиммлер верил… в воскрешение мертвых. Доктор разобрался. Он отписал Гиммлеру, что горячая ванна оказывает гораздо больший эффект, чем животный потенциал душевного тепла, а в совокупности с сексуальным возбуждением — просто невероятный!

Впрочем, вопросами выживания занимался не только Рашер.

Совершенно сумасшедший доктор Хирт, который ставил сначала эксперименты на самом себе и едва не отправился на тот свет, чудом спасли, исследовал действие отравляющих веществ.

Берта Оберхейзер, доктор лагеря Равенсбрук, которую боялись все заключенные, потому что попасть на опыты к ней означало медленную и страшную смерть, экспериментировала с телесными повреждениями, нанося своим заключенным полькам глубокие раны и регистрируя, когда начинается гангрена, или с воодушевлением пересаживала костные ткани, отчего ее польки тоже гибли.

Доктор Менгеле в Освенциме проводил исследования над близнецами, по два-три раза в неделю над ними проводились различные опыты. Особенно Менгеле интересовало, чувствует ли второй близнец боль, если ее причинять первому, помещенному в другой комнате. Его также интересовало, в каких случаях рождаются близнецы, и каким образом устроить так, чтобы у нордического солдата рождались двойняшки или тройняшки.

Это была мечта Гиммлера: увеличить здоровое арийское потомство в кратчайшие сроки. Доктор использовал 1500 пар близнецов, немногие из них выжили, и как правило — только один из пары.

Август Хирт за «работой» в Аненербе

Другие доктора проводили эксперименты по влиянию морской воды на организм человека и выясняли, сколько он может прожить, если будет пить только соленую воду; существовала целая серия экспериментов, связанных с умерщвлением (так называемой легкой смертью, или эвтаназией), со стерилизацией или полной кастрацией, некоторые специалисты вплотную подошли к клонированию. В основном на заключенных проводились опыты по воздействию рентгеновского или ультрафиолетового облучения, на них тестировали препараты, которые должны были сражаться с неизлечимыми болезнями, на них опробовалось бактериологическое и химическое оружие. Но все эти опыты, по большому счету, не были экспериментами института Аненербе. Это были эксперименты, которые проводились в рамках присоединенного в начале войны Военного института научных исследований. Гиммлер не мог не включить новый институт в структуру Аненербе. Он никогда ничего не выпускал из собственных рук.

Почему?

Очевидно, из жадности и жажды власти.

Но была еще одна причина: он мечтал-таки получить идеального солдата.

Воина СС.

Именно поэтому перед экспериментаторами было поставлено одно обязательное условие: проводить опыты не только на заключенных, но и на так называемой контрольной группе. Под контрольной группой подразумевались здоровые арийские парни. Это были ребята из войск СС. Одно такое кладбище жертв войны нашли на Украине. Руководил экспериментами уже известный Зигмунд Рашер, только на этот раз это были не заключенные, а стопроцентные арийцы.

«Одни трупы имели вскрытые черепа с выпотрошенным мозгом, — сообщала в 2000 году газета „Московский комсомолец", — часть останков распилена вдоль позвоночника, у других отсутствуют головы, у третьих в голени и берцовой кости просверлены отверстия и сделаны продольные распилы до костного мозга, пятых закопали вместе с резиновыми катетерами в ступнях. Примерно половина останков зашиты в мешковину либо завернуты в больничные одеяла. К рукам некоторых из них привязаны „окинунсмарки". Собственно, благодаря им и удалось в конце концов понять, кто же нашел здесь последнее пристанище. Это офицеры люфтваффе (летчики), кригсмарине (ВМС), СС и элитных подразделений сухопутных войск, среди которых были горные егеря и представители воздушно-десантных войск вермахта. Среди „откопанных" офицеров прижизненных ранений никто не получал — это специалисты установили точно. Кроме того, как показало дальнейшее изучение останков, все погибшие были примерно одинакового роста — от 1,69 до 1,79 м, одной возрастной группы — 20–25 лет, и служили в чине лейтенанта или старшего лейтенанта. Согласно расовой теории Рихарда Даре — идеальные истинные арийцы и „объекты" для исследований.

О находках тут же сообщили в Германию, и в Украину вылетела специальная группа, специализирующаяся на эксгумации останков погибших фашистов. Из Германии последовала четкая инструкция: протоколы осмотров у русских забрать, а информацию о захоронении засекретить.

Они лежали рядышком, на том же самом кладбище режимного объекта — полсотни немецких офицеров, найденных со вскрытыми черепами и отлично сохранившимися грудными клетками. Их, судя по всему, как и зэков Дахау, препарировали под водой. Делалось это ради того, чтобы изучить, как долго смогут сбитые, но выжившие офицеры люфтваффе продержаться в холодной воде.

А вскоре доктор Рашер приступил к своим знаменитым „экспериментам по замораживанию". Теперь узников „испытывали" двумя способами: опускали в резервуар с ледяной водой или оставляли обнаженными на снегу на всю ночь. Всего в экспериментах по „заморозке" было использовано 300 узников Дахау. 90 из них умерли в ходе опытов, часть „пациентов" сошла с ума, остальные были уничтожены. Сколько представителей высшей расы отправились на тот свет точно таким же способом — не знает никто».

Конечно, экспериментаторы Рейха были не одиноки в своих исследованиях. Подобные опыты ставили и у «красных», только если нацистский кошмар выплыл на Нюрнбергском процессе, то наш собственный до сих пор спрятан от чужих глаз. Иногда вдруг выплывают какие-то сведения о странных находках: скелеты с металлическими конечностями или ребрами, эти металлические конструкции пытались вживить в человеческое тело — неизвестно лишь, удался ли опыт. Скелеты не рассказывают. Но надпись на обнаруженных деталях выполнена на русском языке, и сами детали были произведены в 1939 году в городе Харькове, так что сомневаться, кто ставил опыт на живом русском солдате, не стоит. Мы. Впрочем, наше отношение к людям мало чем отличалось от немецкого.

Но ни у нас, ни у них создать металлического солдата или солдата с искусственно выращенными мускулами так и не удалось. Юноши из СС ВТ наращивали мускулы вполне обычным способом, они точно так же требовали еды, напитков, одежды и точно так же погибали, как самые простые солдаты или мирные жители. Так что единственная надежда была на детей. Но детей не хватало. Гиммлер приказал в оккупированной Польше провести отбор польских детей, имеющих арийскую внешность. Их увозили в Рейх и делали немецкими детьми. Больше никогда родного дома они не увидели. Их семьями стали приемные немецкие семьи, чаще всего — семьи эсэсовцев. Правда, в такие правильные семьи попадали только маленькие поляки. На советской территории Гиммлеру было уже не до отбора — война пошла совершенно неправильно. Детей нужно было родить.

Собственных.

Совершенно арийских.

Именно в годы войны программа «Лебенсборн» обрела второе дыхание. Детей по этой программе рождали не только немки, но и жительницы оккупированной Норвегии, тоже включенной в программу. После рождения детей отбирали от матерей и отправляли в специальные Дома ребенка, где ими занимались правильные воспитательницы. Гиммлер пестовал свою программу и заботился о будущем Германии с воистину отцовской нежностью. Для снабжения этих детей великого Рейха здоровой водой он даже организовал ее доставку из источников Пицунды! Эту чудесную «живую воду» везли в серебряных канистрах на субмаринах в Констанцу, оттуда — самолетами в замок Гетебург, из коего — но уже в виде плазмы крови — распределяли по «Домам ребенка». Гиммлер очень надеялся получить из детей программы сверхсильное и сверхчеловеческое потомство. Однако скоро и источники, и Пицунда были отбиты советскими войсками. А детей еще долго по всей послевоенной Европе разыскивали несчастные матери, у которых их отобрали.

Известно, что «Лебенсборн» владела 11 000 чистокровных детей, многие из них погибли, многие так никогда не увидели матерей, истории со счастливым концом можно пересчитать по пальцам: по закону эти дети Рейха не принадлежали матерям. В документе, который подписывали арийские родительницы, так и говорилось, что мать — всего лишь звено в цепи возрождения расы, а об отце и вовсе не упоминалось — ни имени, ни фамилии пожертвовавшего своей спермой эсэсовца, отцом несчастных считался великий Рейх.

Оторванные от матерей, младенцы сразу же подвергались благословению своего великого отца: над ними проводили особый обряд, «Причащение знамени»: маленького сверхчеловека клали рядом с бюстом Гитлера в окружении лавров, тут же ставили фотографию его матери и знамя СС, а затем под торжественную «Песнь о Германии» на музыку Гайдна эсэсовский директор детского дома касался новорожденного кончиком кинжала и давал ему имя, завершая обряд словами: «Будь же тверд». Гиммлер, разработавший эту процедуру вместо изжившего себя христианского крещения, верил, что вместе с именем младенец получит и удивительные способности расы богов. Он верил, что из среды этих детей появится новый великий вождь великого обновленного народа.

Был у чернокнижного Гиммлера и совершенно особый проект.

Проект базировался на учении доктора Горслебена и предполагал поиски «кристаллов воли». По учению этого немецкого метафизика и мистика в мозгу, а точнее — в гипофизе, находятся некие кристаллические образования, воздействуя на которые, можно управлять поведением и чувствами человека. Обычно у человека эти кристаллы находятся в мозгу в спящем состоянии, они ничего не воспринимают, но если на них воздействовать так, чтобы изменилась их форма, то кристаллы становятся чем-то вроде антенны для радиоуправляемой игрушки — человек превращается в живого робота и будет делать все, что ему прикажут, даже если это неприятно, больно или опасно для жизни.

В любимом институте Гиммлера была секретная группа, которая как раз и изучала устройство человеческого мозга, чтобы найти «кристаллы воли». Воздействовать пробовали самыми разными способами — излучением, электричеством, магнитным полем и т. п. Но для поисков кристаллов приходилось заниматься трепанацией черепа и послойным изучением срезов тканей. Сколько людей ушло на это предприятие — бог весть. Задание Гиммлера было особенно важным в военное время: при правильном воздействии можно было деморализовать части противника, сделать из агрессивно настроенного местного населения послушное стадо, но Гиммлер в своих мечтах шел дальше: если воздействовать на кристаллы воли арийского солдата, то он станет воистину непобедимым. Впрочем, «кристаллы воли» в голове у недочеловека и сверхчеловека различаются по форме и качеству от рождения — у недочеловека кристаллы раба, а у истинного арийца — кристаллы героя. И истинный ариец — сам источник излучения, подавляющего волю простых смертных со смешанной кровью.

В своем труде, так полюбившемся Гиммлеру, Горслебен писал: «Руна Хагал *(Hagalaz)* состоит из трех линий, именно в этой троице берет свое начало судьба человечества и строение мира. Три составляющих — Дух, Душа и тело. Три „Я“, которые могут быть нарушены, если ты того пожелаешь. Три буквы, чистые и мудрые, могут быть нарушены преступником, нарушившим закон, Закон Божий. Крист-Алл каждого человека распадается в момент его смерти, тогда распадается Кристалл Воли, а также Кристалл Знания, который тоже есть у каждого человека и который по своей форме в большей или меньшей степени схож с руной Хагалл.» «Кристалл! Это слово объединяет в себе все, — сказал Рюдигер в своих мемуарах, — что вносит порядок в науку и искусствознание. Египетские жрецы, греческие философы, архитекторы Средневековья, ученые и деятели искусств, тайный Орден Всех Времен и Земель, изучали кристаллы и говорили о них, в особенности о тех пяти, которые по сегодняшний день называют „духовным телом“. А именно: треугольный четырехгранник (тетраэдр), квадратный шестигранник (куб), треугольный восьмигранник (октаэдр), пятиугольный двенадцатигранник (додекаэдр) и треугольный двенадцатигранник. Все эти тела присутствуют в объединяющем их основном кристалле — шаре. Поэтому, согласно древней науке о кристаллах он считался шестым, „совершенным кристаллом“, „Символом Всех Основ“ или „Сущностью“».

…Непонятным является то, что все древние знания про эти шесть кристаллов были изучены, и на протяжении 4000 лет эти знания влияли на всю структуру развития точных наук, а в XVIII–XIX столетиях н. э. все вопросы, связанные с кристаллами, вообще перестали рассматриваться. И только теперь, чтобы избежать этой утери знаний, возникает некое встречное течение, возникает заинтересованность внутренней сущностью человека, что вместе с тем в итоге и дает возврат к этим исследованиям и возрождает науку о кристаллах… Тело, Душа и Дух образуют человека. Изучением тела занимаются анатомия и физиология, изучением души занимается психология. Но на сегодняшний день ни единая наука не занимается исследованием высшего, божественного, а именно человеческого духа, так как теология не отстаивает истину, а скорее наоборот, является инструментом насаждения невежества.

Некогда существовало научное объяснение этих вопросов, но сегодня ничего подобного не существует.

«Наука о кристаллах: Если хочешь познать дух, который управляет человеком, тогда исследуй кристаллы. То, что оказывает божественное влияние на человека, — это Божье Дыхание. Божье Дыхание подвергает Вселенную ритмичным колебаниям и в том числе и самого человека, как неотъемлемую и важную часть Вселенной. Эти колебания также происходят в самой нашей Галактике. Следовательно, математическое число, выражающее Божье Дыхание, — 7, или графически — руна Хагалл… Таким образом возникали божественные колебания, и пророки знали об их связи с человеком. Они выделяли нижеследующие кристаллы.

1. Четырехгранник, тетраэдр. Дает способность подражания, связан с усердием.

2. Шестигранник, гексаэдр. Независимое мнение, талант к художественному конструированию.

3. Восьмигранник, октаэдр. Способ мышления имеет техническую направленность, высокая способность к самореализации.

4. Шар. Высокоразвитое независимое мышление, талант к философии и изучению религии, гуманитарных дисциплин.

5. Двенадцатигранник. Способность влияния на космические потоки Воли.

6. Двадцатигранник. Способность воздействия на структуру всего мира и его формирование. Мышление в космических масштабах.

Некоторые предсказатели способны различать тип кристалла в каждом отдельно взятом человеке. Сущность человека развивается постепенно, и значения кристаллов также проявляются последовательно, начиная от четырехгранника. Двенадцатигранник и Двадцатигранник на сегодняшний день являют собой Сверхлюдей, Сынов Божьих.

Что дает возможность пророкам зрить связь между кристаллами и отдельно взятыми людьми? То, что называется ясновидением!»

В поисках этой абракадабры секретная группа по изучению кристаллов препарировала мозги как недочеловеческие, так и истинно арийские. Сколько было загублено «подопытных» — бог весть. А для воздействия на кристаллы были собраны люди, обладающие способностями к гипнозу или ясновидящие, они предназначались для управления поведением подопытных. Судьба и тех и других была печальной. Сам Гиммлер мечтал через кристаллы вызывать трепет и покорность у побежденных и волю к победе у истинных арийцев. Одним излучением глаз эти арийцы должны были отдавать мысленные приказы своим новообретенным рабам. По сути, он мечтал получить расу богов. Если ради этого требовалось резать, пилить, приносить мучения — что ж, через это следовало пройти. Цель была слишком велика.

Смертельная ошибка

Гитлер не был магом, его от чернокнижия верного Генриха шарахало. Для ведения войны и управления побежденными он предпочитал совершенно другие методы — более реальные. Идти на компромиссы он не умел и не желал, о чем многократно напоминал и при каждом удобном случае. «Я никогда не иду на компромиссы», — так говорил он. Евреев по этому его твердому убеждению следовало полностью истребить, коммунистическую гадину — тоже. Тогда земля останется прекрасно чистой и совершенно девственной. На ней будут жить свободные арийцы, управляющие покорными туземцами. Все будет прекрасно, как в старые добрые времена.

Если для решения первого вопроса особых трудностей не имелось, то решение второго оказалось сложным. Многие пытались ему объяснить, что страна, с которой он начал войну, немного не то, что кажется. Армия, с которой он решил сражаться, сильна и велика. Конечно, страной управляет шайка коммунистов во главе со своим диктатором Сталиным, но народ сам бы желал скинуть таких правителей. Гитлер этому не верил. Если народ позволил коммунистам управлять — это недостойный народ, считал Гитлер. Такому народу верить нельзя. Ему говорили, что среди русских немало тех, кто хочет освободить свою страну и видит в немцах не врагов, а братьев по оружию. Гитлер не верил. Всех, кто желал воевать за новую свободную Россию, он считал просто предателями. Он не различал даже комиссаров и командиров красных частей, считая и тех и других едва ли не мировым злом. И тех и других он приказал попросту расстреливать. Само собой, таковые его приказы пользы на Восточном фронте принести не могли.

Не принесли пользы и расстрелы мирного населения, которое боялось одинаково как завоевателей, так и собственных партизан. Не принесло пользы (а точнее, наделало очень

много вреда) и разъяснение, что с завоеванными следует обращаться как с рабами. Все эти отвратительные приказы вкупе с ошибками стратегического характера и привели Гитлера к проигранной битве за Сталинград и дальнейшим поражениям на востоке.

А ведь среди русских было немало людей, которые хотели освободить свою землю от коммунистов, что не удалось во время Гражданской войны, но было такой же болью, как и поражение Германии в Первой мировой войне, создать достойное правительство и заключить с немцами мир. Наша пропаганда называла всех их — предателями и пособниками. Но на самом деле это были русские патриоты. Они по-разному относились к режиму национал-социалистов и по разным причинам искали с ними контакта. Но что оскорбляло Гитлера, все они не считали себя людьми второго сорта и называли себя арийцами. Это фюрера просто бесило! С великой неохотой он объявил о поддержке русского освободительного движения тогда, когда, по сути, это было уже слишком поздно: народ, поначалу желавший скорейшего мира и избавления от собственного деспота, полюбовавшись на жесткие карательные меры, скоро понял, что хрен редьки не слаще.

Будь Гитлер разумнее, он пришел бы в СССР как освободитель от режима коммунистов. Но он пришел как истребитель славян. Наряду с военными ошибками это был самый роковой просчет.

Первыми на сторону немцев перешли разрозненные казачьи части. Казаки были недовольны политикой Сталина, они Вождя Всех Народов ненавидели. И буквально с первых месяцев войны с СССР казаки начали перебегать на сторону противника.

В августе 1941 года немцам сдался целый казачий эскадрон в полном составе — его командиром был майор Н. М. Кононов. Большого доверия к казакам руководство Рейха не испытывало, почти год кононовский эскадрон промариновали в лагерях, но постепенно стало ясно, что это вполне обученная и отважная военная сила. За год бездействия к эскадрону присоединялись отдельные перебежчики или военнопленные, и к середине 1942 года эскадрон превратился в дивизион, в его состав вошли три конных эскадрона, три пластунские роты, минометная и артиллерийская батареи общей численностью на конец означенного года в 1799 человек. Этот эскадрон немцы направили на борьбу с партизанами, и он сражался в наиболее партизанском крае — Белоруссии — и в районе Смоленска на протяжении 1942–1943 годов. Потом он вошел в состав Первой кавалерийской казачьей дивизии под названием Пятого Донского полка. На груди бойцы этого полка носили особый знак: свастику на щите с перекрещенными мечами и именем своего командира Кононова.

В конце 1942 года в Шепетовке было сформировано семь казачьих полков, которые позднее в составе четырех батальонов вошли сначала в 703-й полк войск особого назначения СС, а затем в 750-й полк войск особого назначения СС под командованием Вольдемара фон Рентельна, некогда русского подданного, офицера лейб-гвардейского конного полка.

Добровольцы сражались против белорусских партизан, затем были переброшены во Францию, воевали против американских войск у Шварцвальда, в итоге оказались в Австрии, где уже в конце войны из остатков бойцов намеревались создать пластунскую дивизию в составе 15-го казачьего кавалерийского корпуса, но пока дивизия формировалась — война закончилась.

В сентябре 1942 года на казачьем круге был создан Штаб войска Донского, известный как штаб Походного атамана. Этим Походным атаманом был полковник С. В. Павлов. Казаки Павлова тоже связали свою судьбу с Рейхом. Но они мечтали освободить свою Украину от большевиков. Через год под командованием Павлова было 18 000 казаков. Но еще через год советские войска стали выдавливать немцев с земель Украины, и штаб Походного атамана перебросили в Белоруссию. Вместе с войском с отступающей немецкой армией уходили и семьи казаков.

Странный это был переход, больше похожий на переселение. Женщины и дети плакали, покидая родные места. В Белоруссии Походный атаман поступил под командование немецкой группы войск «Центр» и сдерживал наступление русских, боролся с ожесточенными выступлениями партизан. В июле 1944 года Павлов погиб в бою, а его место занял войсковой старшина Т. И. Доманов. Этому человеку выпала жуткая судьба вести своих бойцов и их семьи далее на запад, в эмиграцию, воевать на стороне немцев и затем оказаться вместе со всем своим народом (и мужчинами, и женщинами, и детьми) сначала в плену у союзников, а затем в русском плену. 16 января 1947 года над несчастными командирами казачьих, калмыцких, кавказских частей состоялся суд в Москве. Оба брата Красновы, Шкуро, Доманов, фон Паннвиц и султан Келеч-Гирей были приговорены к смертной казни через повешение.

Султан Келеч-Гирей был одним из командиров кавказских народов. После завоевания Кавказа из жителей Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана, Осетии и других бывших республик были сформированы военные части. В 1942–1943 годах кавказские легионы сражались наравне с частями вермахта на юге России, им цены не было в горных местностях, где велись ожесточенные бои. После потери северного Кавказа эти легионы были переброшены на фронты Западной Европы. Именно из этих бойцов было создано героическое 12-е истребительно-противотанковое соединение, которое защищало город Берлин. Часть легионеров была переведена в Кавказское соединение войск СС и сражалось на фронтах Италии. После завоевания Калмыкии местные добровольцы сформировали настоящую калмыцкую армию, которая так и сражалась до конца войны под знаменами Рейха. В 1943 году ее численность была около 3600 человек и 4600 лошадей.

Эта странная восточная орда носила не менее странную форму — частично состоявшую из немецкого обмундирования, частично из национальной одежды. Всадниками калмыки были превосходными, воинами дисциплинированными, но весь офицерский состав в этой армии был немецким. Сражалась эта калмыцкая сила ожесточенно и совершенно бесстрашно, за что немцы ценили весьма специфических союзников. Впоследствии калмыцкая часть была передана Русской Освободительной Армии.

В 1942 году был создан и другой «восточный» крымскотатарский легион, в него вступило около 10 000 человек и около 5000 находилось в резерве. Татарские части Крыма подчинялись начальнику СС и полиции генерального комиссариата «Таврия». Именно им удалось практически полностью подавить партизанское движение в Крыму: они просто выжгли все населенные пункты вокруг Яйлы и создали так называемую «мертвую зону». Сражались они с величайшим мужеством, удерживая Крым, и гибли сотнями. Сталин никогда не простил крымским татарам такого «предательства», и за сопротивление легионеров поплатился весь крымский татарский народ: в полном составе после войны он был переселен в казахские степи.

Впрочем, и Гитлер к «инородцам» из СССР относился тоже подозрительно. По его приказу многие кавказские, татарские и иные нерусские части были расформированы в конце 1943 года: фюрер подсчитал, что в них слишком высок процент дезертирства. Так что некоторые бывшие добровольцы с восточного фронта отправились прямиком на фронт трудовой в качестве отличной рабочей силы. Восточные войска насчитывали тогда примерно 430 000 человек — почти 30 немецких дивизий. Оголив восточный фронт и убрав оттуда людей, которые воевали за свою свободу (так они понимали свое участие в этой войне), он подписал себе смертный приговор. Не менее подозрительно он относился и к славянским народам — русским, украинцам, белорусам. Интересно, что русские добровольцы принимали участие в битве за Сталинград. Но сражались эти добровольцы на стороне Гитлера.

Из кого состояла сталинградская дивизия?

Из русских, казаков, которые и прежде были солдатами вермахта, вошли в нее русские и украинцы из полицейских формирований, а также перебежчики из частей, поставленных на оборону Сталинграда. Состав весьма разношерстный, да и одеты эти немецкие добровольцы были странно, и сражались они русским трофейным оружием. В битве за Сталинград они были

полностью уничтожены — сдаваться для них не имело ровно никакого смысла. Сдавались — немцы. Но Гитлер был разъярен потерей Сталинграда. После этого стало сложным использовать местных добровольцев, фюрер видел в них предателей. И вербовкой «местных» занялось ведомство Гиммлера.

Именно СС после потери Сталинграда начало так называемый «крестовый поход против большевизма». За короткое время было создано четыре дивизии СС из добровольцев — две украинских, латышская и эстонская, Белорусская краевая оборона, Литовский территориальный корпус, Украинское освободительное войско, Русская освободительная армия.

…В 1943 году был создан полицейский полк «Галиция». Отцом-прародителем полка был Гиммлер. Поскольку Галиция вошла в состав СССР только в 1939 году, он весьма надеялся, что красные настроения не успели проникнуть в кровь и мозг населения этой земли. Знал он и о жестоких методах, которыми пользовалось советское правительство, приобщая галичан к новому строю. Так что расчет был верным: после объявления набора в полк откликнулось 70 000 человек. Вместо полка пришлось формировать дивизию плюс пять полицейских батальонов. Свежая галичанская сила тут же была приписана к группе армий «Северная Украина», которой командовал фельдмаршал Модель.

Шел 1944 год, немцы терпели поражение за поражением. И сразу же дивизия попала в страшную мясорубку под Бродами. Из окружения советскими войсками удалось уйти только немногим, остальные погибли. Эти уцелевшие вошли в состав сражавшейся в Карпатах Украинской Повстанческой Армии (УПА), из другой части уцелевших «Галиции» была сформирована новая дивизия под тем же названием, в которую вошел полк «Волынь» — недостатка в добровольцах на этой земле не было. Дивизия воевала в Словакии и затем в Югославии в составе СС, а в начале 1945 года была переименована в Первую Украинскую. Под этим названием после поражения Германии она и сдалась в плен союзникам. Отличить галичан было очень просто: хотя они и носили обычную полевую форму войск СС, на рукаве каждого была нашивка с изображением древнего герба города Галича — золотой лев на синем фоне в окружении трех золотых корон. В том же 1944 году в составе СС была создана тридцатая гренадерская дивизия, состоявшая из жителей Белоруссии и немцев, эта дивизия была отправлена из родных лесов сражаться с французскими партизанами. Позже белорусы были переведены в создающуюся Первую Русскую Освободительную Армию. Формирование РОА началось в 1944 году, когда дела Рейха были уже в плачевном состоянии. Командование РОА было отдано специальным приказом Гитлера русскому генералу А.А. Власову. Но случилось это уже в самом конце января 1945 года, когда изменить соотношение сил стало невозможным.

Гиммлер понимал, что время работает против Рейха. Он искал путь к спасению еще в относительно благополучном 1944 году. Весной этого года началась вербовка в «Гитлерюгенд» молодежи Прибалтики, Белоруссии и Украины. Молодежь с восточных земель должна была выполнять вспомогательную работу в немецких войсках, тем самым высвобождая военнослужащих для фронта. Но это уже не имело никакого значения. Как и использование немецкого «Гитлерюгенда», но уже не во вспомогательных, а в военных целях. Время было упущено. А ведь в самом начале войны с СССР расклад сил выглядел намного интереснее: даже при провалившимся блицкриге имелись недовольные в самом СССР (их было немало) и русские, которых судьба занесла на запад в далеких уже 1918–1921 годах. Они готовы были сотрудничать не только с Гитлером, а хоть с самим чертом, только бы скинуть режим коммунистов. Мы часто не понимаем, что их толкало на сотрудничество с национал-социалистами, но выбор, который имелся, был невелик. Сталин казался гораздо страшнее.

И они выбирали… Гитлера.

В июле 1941 года в состав армии «Север» вошли силы белоэмигрантов под командованием Б. А. Смысловского. Это формирование больше известно как «Зондерштаб Р» (Р — означало Россию). Батальон Смысловского подчинялся Абверу, и в его задачи входило выполнение особо

секретных заданий — разведка и диверсионная деятельность в советском тылу и на оккупированной территории. Основной удар Смысловский наносил по партизанам. В то же время его «Особая дивизия Р» зондировала настроения среди населения и пыталась налаживать связи с пронемецки настроенными соотечественниками. К 1943 году численность дивизии Смысловского достигла 10 000 человек, но тут-то немцы стали подозревать командира в измене. Бедняга попал из своей дивизии прямо в лагерь для военнопленных. Напрасно он пытался оправдаться, его таскали на допросы и ничему не верили. Только спустя полгода (то есть в середине 1944 года) он увидел свободу.

Смысловскому предложили сформировать Русскую национальную дивизию. Добровольцев набирали все в тех же лагерях. Дивизия дважды меняла название: она была и «Зеленой армией особого назначения», и «Первой русской национальной армией». У Смысловского был свой план союза с немцами: он мечтал освободить Россию и вернуть в ней монархию. Был и кандидат на престол — великий князь Владимир Кириллович, который тоже носил форму вермахта (у воинов Смысловского не было особой русской формы, они носили немецкое обмундирование, только рядовые из военнопленных оставались в советской форме, но с немецкими шевронами) и воевал в составе РНА. Советскую власть Смысловский ненавидел и горячо желал ее скорейшего падения, в чем был убежден. Но у верхушки Рейха на Россию были свои планы, они совсем не совпадали с планами генерала. Так что, когда Смысловскому стало ясно, что немцы обречены, дожидаться падения режима тот не стал — с тяжелейшими боями его войско в невероятной форме пробилось к границам Лихтенштейна.

О дальнейшем замечательно рассказывает Н. Д. Толстой: «Поздним вечером 2 мая 1945 года начальнику пограничной полиции сообщили, что к границе приближается со стороны Австрии военная колонна. По обе стороны шоссе двигались группы вооруженных пехотинцев, а по дороге медленно шел транспорт. Все призывы остановиться были тщетны, и начальник погранполиции, не убоявшись разительного превосходства приближающегося отряда в численности и вооружении, приказал своим людям дать несколько предупредительных выстрелов. После этого автомобиль во главе колонны остановился и оттуда выпрыгнул офицер с криком: „Не стреляйте, не стреляйте, здесь русский генерал!" Затем из машины вышел и сам генерал, отрекомендовавшийся как Борис Алексеевич Холмстон-Смысловский, бывший генерал гвардейского полка его императорского величества, ныне командующий Первой русской национальной армии. Его подчиненные стояли навытяжку, ожидая приказов. Над ними колыхался трехцветный бело-красно-синий флаг Российской империи, а в машине, в центре колонны, сидел наследник российского престола, правнук Александра Второго великий князь Владимир Кириллович. Озадаченный полицейский побежал звонить своему командиру.

История этого удивительного соединения такова. Борис Смысловский родился в Финляндии в 1897 году. Поступив в армию, он дослужился до капитана императорского гвардейского полка; после гражданской войны, в которой воевал на стороне белых, эмигрировал в Польшу, а затем перебрался в Германию, где учился в военной академии. Считая, что Россию можно освободить только с иностранной помощью, он работал ради этой цели. Когда началась война с СССР, Смысловский служил на Восточном фронте командиром учебного батальона для русских добровольцев, вызвавшихся участвовать в борьбе против большевиков. Постепенно было создано 12 боевых батальонов, в советском тылу действовали также большие группы партизан, достигавшие почти 20 тысяч человек. Верховное командование вермахта в начале 1943 года сформировало из этих войск особую дивизию „Россия".

Смысловский был первым русским, который стал командиром антибольшевистского русского соединения, и его формирование до конца войны оставалось регулярной частью вермахта. Его офицеры были частично бывшими служащими царской армии, частично — добровольцами, бывшими офицерами Красной армии. Поначалу между „красными" и „белыми" случались ссоры и разногласия, но постепенно все сгладилось: все они, в конечном итоге, были

русскими. Смысловский по сей день считает, что если бы немцы обращались так же со всеми взятыми в плен русскими, идея национальной цивилизованной России стала бы в отечестве необоримой силой. Однако он уже в 1943 году понял, что Германия не может победить в войне. Поражение под Сталинградом и неспособность нацистского руководства вести умную антикоммунистическую политику были для него неопровержимыми свидетельствами надвигающегося краха.

Во время пребывания в Варшаве он разыскал швейцарского журналиста и спросил его, где искать убежища в Европе, если дела пойдут совсем плохо, — быть может, в Швейцарии? По мнению журналиста, Швейцария отпадала — страны оси могли потребовать от нее выдачи беженцев, и он посоветовал попытать счастья в Лихтенштейне, крошечной стране, связанной со Швейцарией таможенным союзом, но совершенно независимой. Там можно затаиться и переждать бурю.

Война близилась к концу, и 10 марта 1945 года, когда Гиммлер и другие нацистские руководители предпринимали запоздалые попытки заполучить независимого русского союзника в лице Власова и казаков, силам Смысловского был придан статус 1-й русской национальной армии, а сам Смысловский получил звание генерал-майора. Как раз в это время Буняченко провел закончившееся поражением наступление на силы Красной армии на Одере и организовал поход на Прагу, а казаки и эмигрантские соединения с боями отступали с Балкан. Разрозненные русские и украинские части сходились в Австрии, на последнем островке, удерживаемом немцами. Смысловский, потеряв основную часть своих сил, двинулся с оставшимися на запад, намереваясь с разрешения своего начальства соединиться с эмигрантским Русским корпусом из Белграда и 3-й дивизией РОА под командованием Шаповалова.

Но из этих планов ничего не вышло: все стремительно рушилось. Смысловский связался по телефону с генералом Власовым — до этого они дважды встречались — и сообщил ему о своем намерении идти в Лихтенштейн, однако Власов решил не отказываться от планов искать прибежища в Чехии. В ответ Смысловский напомнил ему о судьбе адмирала Колчака, которого чехи выдали большевикам в 1920 году, и простился с командующим РОА. С остатками своего войска Смысловский двинулся к Фельдкирху, самому западному городу Австрии. Здесь он встретил молодого великого князя Владимира Кирилловича, которого сопровождал советник Сергей Войцеховский (по странному совпадению, его двоюродный брат, генерал Войцеховский, возглавлял последнюю попытку белых спасти Колчака от выдачи). Смысловский согласился, чтобы великий князь перешел границу вместе с ним. Так последний представитель дома Романовых оказался под протекцией флага старой России, в окружении русских войск. Недалеко от границы его машина сломалась.

Генерал Смысловский вспоминает, как он собрал своих солдат и попросил помочь тащить машину великого князя. Он не знал, как отреагируют на это предложение солдаты, выросшие при советской власти, что они скажут, узнав, что среди них находится наследник „Николая Кровавого". И его приятно удивила готовность солдат помочь: последние сотни метров машину Владимира Кирилловича толкали бывшие красноармейцы. Это удивительное зрелище как бы символизировало восстановление прерванной связи времен.

В 11 часов вечера колонна вступила на землю Лихтенштейна. Хотя люди генерала Смысловского шли как военное формирование, у них был строжайший приказ ни в коем случае не открывать огня, и можно представить себе, какие неприятные минуты они пережили, оказавшись под дулами винтовок пограничников. У генерала было 450 человек, и они могли бы с легкостью перейти границу, но, оказав сопротивление, Смысловский лишился бы шансов получить убежище. Генерал решил, что потери от огня пограничников будут невелики, самое большее, человек 10 убитых и 20 раненых, а увидев, что нарушители не отвечают, они вообще прекратят стрельбу.

Эти расчеты оказались более чем верными: единственной жертвой стала бутылка коньяка в генеральской машине. В ту же ночь вошедшие в Лихтенштейн солдаты были разоружены, и оружие перевезли в Вадуц (позже его утопили в Боденском озере, на дне которого оно, вероятно, покоится до сих пор). В группе Смысловского было 494 человека: 462 мужчины, 30 женщин и 2 детей. Правительство Лихтенштейна отказало в убежище лишь великому князю и его свите; их на следующий день вернули в Австрию. Впрочем, в отличие от других участников этого похода, ему не угрожала выдача в СССР. Генерала Смысловского с женой и штабом поселили в гостинице, в деревне Шелленберг. Солдат разместили в двух пустующих школах, женщин — в другой гостинице. Вскоре для них подыскали постоянное пристанище, а генерала перевели в столичную гостиницу. Все заботы взял на себя лихтенштейнский Красный Крест, созданный в ту же неделю, под председательством княгини Лихтенштейнской.

Поначалу имелись опасения, что французские коммунисты, члены маки, действующие под прикрытием французской 1-й армии, могут пересечь границу и похитить русских офицеров; однако французское верховное командование установило контроль над маки, и эта угроза отпала. Но оставалась гораздо более серьезная опасность.

10 мая генерал Смысловский отправил князю Францу Иосифу II Лихтенштейнскому послание, в котором просил о предоставлении традиционного убежища для себя и своих людей. Через два дня пришло сообщение, что многие власовцы попали в Чехословакии к Красной армии, а в конце месяца стало известно о событиях в Лиенце и на востоке Австрии.

В августе американцы провели жестокую операцию в Кемптене, а в Вадуц прибыла советская репатриационная миссия. 16 августа русские собрались в ратуше на встречу с представителями СССР. Здесь один из интернированных тут же узнал в советском офицере сотрудника НКВД, с которым сталкивался на родине. По словам барона Эдварда фон Фальц-Фейна, участвовавшего в этих встречах в качестве переводчика, все советские представители производили впечатление уголовников самого низкого пошиба, и, судя по фотографиям, барон нисколько не преувеличил. Сочетая увещевания и угрозы, представители НКВД добились согласия 200 интернированных вернуться на родину. По словам генерала Смысловского, причины этого решения разнообразны и объяснить их трудно. На многих оказало едва ли не гипнотическое действие появление тех, от кого еще так недавно они полностью зависели, другие боялись, что их в любом случае вышлют силой, третьи поверили в обещание амнистии, а четвертые просто изнывали от ностальгии. Как бы то ни было, но к завершению визита советской миссии около двух третей вызвались вернуться на родину.

Эти цифры представляют большой интерес. Они свидетельствуют о том, какая часть русских, оказавшихся на Западе к 1945 году, выбрала бы репатриацию при свободном выборе, и убедительно опровергают мнение профессора Эпштейна, что ни один русский, захваченный в плен в немецкой форме, не согласился бы на репатриацию по доброй воле. Они также говорят о том, что советские власти заполучили бы большое количество репатриантов, даже если бы союзники отказались от политики насильственной репатриации. Правда, скорее всего, процент добровольных репатриантов был бы в этом случае несколько ниже, поскольку многие люди Смысловского согласились вернуться в СССР „добровольно‟ из страха, что в один прекрасный день их все равно подвергнут экстрадиции.

Повлияли на это решение и события в Лиенце и Кемптене, и намеки советских представителей НКВД в Вадуце, что то же самое может случиться и в Лихтенштейне.

Добровольцев отправили поездом в советскую оккупационную зону Австрии. Они обещали оставшимся писать — и действительно, из Вены пришло несколько писем, но потом они замолчали, и о дальнейшей судьбе этих людей нам ничего не известно. Интернированные провели в Лихтенштейне более года, пока, наконец, Аргентина не согласилась принять их в качестве иммигрантов, и осенью 1947 года примерно 100 русских отплыли в Буэнос-Айрес. Среди них был и генерал Смысловский с женой. В Лихтенштейне его посещали Аллен Даллес, глава американской разведки в Швейцарии, и другие военные западные эксперты,

рассчитывавшие получить информацию из этого бесценного источника знаний о Советском Союзе. К тому же Смысловский все еще поддерживал контакт с антисоветскими агентами и группами сопротивления в России. Позже остатки этого аппарата были переданы разведывательной организации генерала Гелена в американской зоне Германии. Сам же Смысловский сумел применить свой богатый военный опыт в новой стране, став лектором и советником аргентинского правительства по борьбе с терроризмом.

Хотя некоторые из добровольных репатриантов вызвались вернуться на родину из страха, что правительство Лихтенштейна может в последний момент дрогнуть и принять советские требования, реально такой опасности не существовало. Тогдашний премьер-министр Лихтенштейна доктор Александр Фрик объяснил мне, что его правительство ни на мгновение не принимало в расчет такую возможность: „Наша страна маленькая, но она управляется законом". На мой вопрос, что было бы, если бы СССР, союзники или Швейцария оказали такой нажим, которому Лихтенштейн не смог бы противостоять, доктор Фрик ответил, что был готов к этому и что до тех пор, пока Лихтенштейн мог сам решать свои внутренние дела, ни один русский не был бы репатриирован насильно. Если бы, однако, им угрожали силой, правительство, отказавшись от вооруженной борьбы, обратилось бы с призывом к мировому общественному мнению и международной прессе, протестуя против бесчеловечности предлагаемых мер и вмешательства во внутренние дела суверенного государства.

Но дело обошлось без нажима. Князь Лихтенштейна и доктор Фрик в разговорах со мной подчеркивали, что все население страны было единодушно в этом вопросе и правительство получало прошения от фермеров и крестьян, моливших проявить христианское милосердие и помочь несчастным скитальцам. Маленький народ Лихтенштейна, воспитанный в католической традиции, понял глубину человеческой трагедии русских и считал, что этот аспект перевешивает соображения политического благоразумия и материальной выгоды. Вообще к делам материальным население Лихтенштейна проявило редкостное безразличие, способное привести в ужас правоверного шведского социал-демократа.

В 1945 году в стране жило 12 141 человек, а годовой бюджет достигал двух миллионов швейцарских франков. Тем не менее, жители этой чисто сельскохозяйственной страны без единой жалобы более двух лет выделяли на содержание русских 30 тысяч швейцарских франков в месяц. Кроме того, они оплатили все расходы по их эмиграции в Аргентину, что составило около полумиллиона швейцарских франков. Правда, через три года западногерманское правительство взяло на себя ответственность за эти расходы и выплатило их Лихтенштейну, но в 1947 году предвидеть это было невозможно. Конечно, можно сказать, что у Лихтенштейна не было общих дел с Советским Союзом, что английское, американское и французское правительства добивались скорейшего возвращения своих военнопленных, что шведы ждали поставок угля от Польши, тогда как у Лихтенштейна не было на востоке никаких интересов.

И это действительно так, но есть одно очень существенное соображение. Лихтенштейн — конституционная монархия, в которой князь пользуется огромным авторитетом, как личным, так и политическим. Но до 1945 года это суверенное государство обеспечивало лишь малую часть доходов князя. Основной источник богатства его семьи составляли огромные владения в Чехии. В 1945 году чешское правительство заявило о своем принципиальном уважении прав князя, но на практике местные коммунистические комитеты взяли под контроль большую часть княжеских владений в стране. Князь обратился в суд, отстаивая свои права, но в 1948 году коммунисты захватили власть в стране. Тем самым все права на частную собственность и вообще всякая законность были разом отменены, так что князь должен был крепко подумать, прежде чем задевать тех, кто мог лишить его собственности.

Этот фактор, однако, был для него второстепенным — так же, как для его подданных вопрос о налогах, которые шли на беженцев. Таким образом, крошечный Лихтенштейн, где не

было армии, а полиция составляла 11 человек, сделал то, на что не осмелились другие европейские страны.

Правительство Лихтенштейна с самого начала решительно заявило советской репатриационной миссии, что позволит уехать из страны только тем, кто выскажет желание вернуться в СССР, и ни разу не отклонилось от этой линии. Когда, например, миссия намекнула, что генерал Холмстон-Смысловский должен предстать перед судом по обвинению в военных преступлениях, правительство Лихтенштейна вежливо, но решительно потребовало доказательств, а поскольку таковых не оказалось — дело тем и кончилось. Никаких неприятностей не последовало, и советская миссия, поняв, что ничего не добьется, вскоре отбыла восвояси. Я спросил князя, были ли у него сомнения в успехе выбранной линии. Мой вопрос, по-видимому, удивил его. „Нет, — объяснил он, — с советскими надо говорить жестко — это им нравится. Ведь лучше всего они понимают язык силы"».

Смысловскому удалось отбиться от советских товарищей, но никак не удалось в начале войны с СССР убедить немецких военных, что только пересмотр восточной концепции позволит им без особой крови разбить советские части. Стоило перевести завоевательную и истребительную войну в освободительную — мы могли бы получить другую историю, даже и с Тысячелетним рейхом, но в откорректированном варианте. На стороне Рейха в этой войне сражалось более 2 миллионов жителей СССР. Вряд ли в какой другой нации нашлось столько «предателей».

Значит — дело не в предательстве?

Дело в ненависти к режиму.

Однако и немецкий режим оказался ничуть не лучше, это и свело на нет усилия добровольцев. Они желали видеть свободную Россию так же, как и жители Германии — свободную Германию. В этом-то и есть особый фокус войн. Завоеванные не могли стать победителями. Однако и завоеватели не смогли победить.

Всю гибельность войны на востоке очень хорошо понимали те, кто в ней участвовал, но не Гитлер. Для Гитлера это была война Света и Тьмы. Еще во время боев за Москву многим стало ясно, что фюрер требует от армии невозможного. После начала отступления это стало еще яснее. Гудериан рассказывал, что пытался объяснить своему главнокомандующему, как обстоят и дела и почему приходится сдавать рубежи, но тот ничего не желал слушать. «Я доложил ему, что отход уже начат и что впереди указанной линии вдоль рек Зуша и Ока отсутствуют какие-либо рубежи, которые были бы пригодны для организации длительной обороны. Если он считает необходимым сохранить войска и перейти на зиму к обороне, то другого выбора у нас быть не может. Гитлер рассердился: „В таком случае вам придется зарыться в землю и защищать каждый квадратный метр территории!"»

Генерал попробовал оправдаться: «Зарыться в землю мы уже не можем, так как земля промерзла на глубину в 1–1,5 м, и мы со своим жалким шанцевым инструментом ничего не сможем сделать». На что фюрер предложил нечто издевательское: «Тогда вам придется своими тяжелыми полевыми гаубицами создать воронки и оборудовать их как оборонительные позиции. Мы уже так поступали во Фландрии во время Первой мировой войны». Попытки объяснить, что ситуация несколько иная, чем в Первую мировую, тоже ничего не дали. На все возражения Гитлер говорил: «Вы полагаете, что гренадеры Фридриха Великого умирали с большой охотой? Они тоже хотели жить, тем не менее, король был вправе требовать от каждого немецкого солдата его жизни. Я также считаю себя вправе требовать от каждого немецкого солдата, чтобы он жертвовал своей жизнью».

Вот и весь разговор.

После страшного разгрома под Сталинградом дела пошли все хуже и хуже.

«К военной катастрофе присоединились также внешнеполитические и внутриполитические промахи, — с горечью констатировал Гудериан, — западные державы,

высадив десант в Африке, добились крупных успехов. Все возрастающее значение этого театра военных действий стало очевидным после совещания Рузвельта и Черчилля, которое проходило с 14 по 24 января 1943 г. в Касабланке. Важнейшим итогом этой конференции явилось решение о требовании безоговорочной капитуляции держав оси. Это наглое требование было встречено германским народом и особенно армией сильным возмущением. Отныне каждому солдату стало совершенно ясно, что наши противники преисполнены страстью уничтожить германский народ, что их борьба направляется не только против Гитлера и так называемого нацизма, как они тогда утверждали с пропагандистской целью, но и против деловых, а потому и неприятных промышленных конкурентов».

Гитлер к концу войны не видел в дипломатических переговорах никакого смысла. Он понял, что с союзниками никогда не сможет договориться, в успехе войны на Востоке он сильно сомневался, и будущее Германии выглядело кошмарно.

Но сдаваться фюрер не желал.

В эти дни невыносимые для тех, кто понимал, какое будущее получит Германия, в верхушке Рейха все чаще возникали идеи как-то ограничить неограниченную власть Гитлера, поскольку фюрер ведет страну к гибели. Стали возникать заговоры. Это были наивные, половинчатые, трусливые заговоры. Они заканчивались, как и начинались, — ничем.

«Начиная с весны 1943 года, — писал Фест, — предпринимаются все новые попытки покушения. Все они проваливаются — то отказывает техника, то проявляется чутье на опасность самого Гитлера, то вмешивается какая-то непостижимая, никоим образом не могущая быть предусмотренной случайность. Два взрывных устройства, подложенных Хеннингом фон Тресковом и Фабианом фон Шлабрендорфом после посещения Гитлером штаба группы армий „Центр" в середине марта 1943 года в самолет фюрера, не сработали; намерение фон Герсдорфа восемь дней спустя взорвать себя вместе с Гитлером и другими главарями режима во время осмотра ими выставки в берлинском цейхгаузе сорвалось, потому что Гитлер сократил свое пребывание там до десяти минут, так что взрыватель не успел сработать.

План полковника Штиффа взорвать бомбу во время обсуждения положения на фронте в ставке фюрера провалился из-за того, что взрыв произошел раньше времени.

Чтобы избежать неудачи, постигшей фон Герсдорфа, молодой пехотный капитан Аксель фон дем Буше в ноябре заявил заговорщикам о своей готовности во время демонстрации нового военного обмундирования броситься на Гитлера, схватить его и в тот же момент дать сработать взрывателю; но за день до того бомба союзников уничтожила подготовленные для демонстрации образцы. Когда же фон дем Буше повторно появился в декабре с заново пошитым обмундированием, Гитлер неожиданно решил уехать в Берхтесгаден и сорвал тем самым не только этот план, но и намеченное на 26 декабря покушение одного полковника из общего управления сухопутных войск, который собирался в своем портфеле пронести в ставку фюрера бомбу с часовым механизмом».

Только один заговор против фюрера был приведен в исполнение — заговор Штауффенберга 20 июля 1944 года, но даже этот вполне себе заговор выглядел опереточно. В результате множество заговорщиков попало в руки гестапо, а Гитлер?

Гитлер остался жив.

«При покушении у Гитлера были повреждены правая рука, барабанная перепонка и евстахиева труба правого уха, — рассказывал Гудериан. — Он очень быстро оправился от этого. Болезнь же его, проявлявшаяся в непрерывном нервном подергивании левой руки и левой ноги, что легко замечал каждый, кто с ним встречался, не имела никакого отношения к покушению. Психическая травма Гитлера была сильнее, чем полученное ранение. Свойственное его характеру глубоко укоренившееся недоверие к людям вообще, и к генеральному штабу и генералам в частности, превратилось теперь в ненависть. В связи с его болезнью, которая незаметно приводит к переоценке моральных понятий в психике человека,

грубость превратилась в жестокость, склонность к блефу — в лживость. Он часто говорил неправду, сам не замечая этого, и заранее предполагал, что люди его обманывают. Он никому не верил. Беседы, которые и раньше с ним было очень трудно вести, стали теперь настоящей мукой. Он часто терял самообладание и не давал себе отчета в своих выражениях».

Ухудшение характера и возросшая подозрительность?

Увы, не об этом мечтали заговорщики!

Они-то надеялись спасти Рейх.

Но Гитлер… тот был неустраним.

Между тем дела шли все хуже и хуже.

Что могло спасти Германию?

Вряд ли руководство дилетанта-Гитлера, который упорно вникал во все и издавал такие приказы, которых бы лучше не было. Одна надежда оставалась на стойкость войск и совершенствование техники. В эти последние полтора года войны все ждали чудо-оружия, все знали, что вот-вот и оно появится.

Верил ли в это Гитлер?

Да, верил.

Верил ли в это Гиммлер?

Да, верил.

Но каждый из них подразумевал совершенно разное оружие.

Чудесный механизм победы

Хотя Гитлер искренне верил в борьбу Света и Тьмы, или — по теории сумасшедшего профессора Гербигера — Огня и Льда, он был совершенно далек от мистики. В ярости он мог отдать приказы, в которых можно разглядеть неясную тень магии — вырыть, допустим, кости провинившихся предков предателей и развеять прах по ветру, но ничего магического в этих приказах не было. Это был своего рода «выпуск пара». Гитлер был трезв и не страдал слабоумием. Он знал: войну выигрывает тот, чья армия оснащена более совершенным оружием. И говоря о чудо-оружии, он подразумевал это и только это. Для него таким чудо-оружием были танки, которым нет равных в мире, пушки, которым нет равных в мире, самолеты, которым нет равных в мире, корабли и подводные лодки, которым нет равных в мире. А главное — которые превосходят танки, пушки, самолеты, корабли и подводные лодки Сталина. Именно такое задание — превзойти противников в качестве военной техники — он и дал своему новому министру Альберту Шпееру, которого поставил руководить промышленностью. Тот, бедолага, был по образованию архитектором, то есть о промышленности знал только то, что она существует. Он мог спроектировать завод, но вряд ли был способен организовать производство. Но… Гитлеру полюбился этот живой и энергичный молодой человек, вместе с которым он затеял еще до войны полную перестройку столицы Рейха — Берлина, так что он назначил его на министерский пост, а Шпеер не посмел отказаться, а может и считал втайне, что справится.

Немецкий танк «Тигр» и русский «Т-34»

Большую надежду Гитлер возлагал на совершенные немецкие танки. Такими были «Тигры», Гитлер считал их непобедимыми. На Западе они и впрямь были непобедимы. Но на Востоке против «Тигров» пошли тяжелые русские танки «Т-34», они были лучше «Тигров». Как-то раз, прогуливаясь в саду Рейхсканцелярии, Гитлер страшно сердился, что при разработке «Тигров» его создатели не учли рекомендаций фюрера, ведь просил же он, чтобы у такого танка была отменная длинноствольная пушка… а они, эх! Возражения инженеров сводились к тому, что длинноствольная пушка на «Тигре» сделает слишком тяжелой его переднюю часть, и танк… да, он просто нырнет вперед и сможет стрелять только в землю. Но Гитлер этому поверить не мог: если у русских танк стреляет совсем не в землю, а в немецкие танки, то и немецкий танк обязан стрелять в русские танки! С этой точки зрения его можно было сбить только пулей.

«Тогда как армия хотела получить танк, — рассказывал Шпеер, — скоростные характеристики которого сравняли бы его с „Т-34“, Гитлер настаивал на оснащении танков

тяжелой, с большей пробивной мощностью пушкой и более толстой броней для защиты. И в этом вопросе он был подкован: держал в голове цифры, помнил результаты испытаний на поражение и на начальную скорость снарядов. Свою теорию он обыкновенно подкреплял примером боевых кораблей: „У кого в морском бою преимущество в дальнобойности, тот может открыть огонь с дальней дистанции, даже всего если один километр. А если еще к тому же и превосходящая броневая мощь… то тогда превосходство по всем статьям. А что вы хотите? У корабля с лучшими ходовыми качествами остается только одна возможность: использовать их для бегства. Или вы, может быть, хотите мне доказать, что благодаря своей большей скорости он в состоянии взять верх над более прочной броней и лучшей артиллерией?

Не иначе обстоит дело и с танками. Более легкий и быстрый танк вынужден пасовать перед более тяжелым‟ …Поскольку „Тигр‟ в первоначальном своем варианте был рассчитан на 50 тонн, а затем под давлением Гитлера дошел до 57 тонн, то мы решили освоить тридцатитонный танк нового типа, который, как говорило уже его название „Пантера‟, должен был отличаться большими скоростью и маневренностью. Это достигалось его относительной легкостью и мощностью двигателя от „Тигра‟. Однако в течение года на него под давлением Гитлера было навешано столько брони и больших по калибру орудий, что в конце концов он с 48 тоннами вышел на проектный вес „Тигра‟.

Чтобы как-то уравновесить странное превращение быстрой „Пантеры‟ и тихоходного „Тигра‟, мы несколько позднее принялись за серию малых, легких и поэтому опять-таки более скоростных танков. Чтобы обрадовать и успокоить Гитлера, фирма „Порше‟ разработала документацию для сверхтяжелого танка весом в 100 тонн, который и уже по одной этой причине мог бы производиться только штучно. Для введения шпионов в заблуждение мы назвали это чудовище „мышь‟. „Порше‟, впрочем, сам заразился тягой Гитлера к сверхтяжелому вооружению и по временам подбрасывал ему информацию о параллельных программах у противников. Однажды Гитлер вызвал генерала Буле и потребовал: „Я только что слышал, что у противника начинает поступать новый тип танка с броней, далеко превосходящей все то, что есть у нас. Вы уже располагаете его характеристиками? Если наши сведения верны, то следует срочно разработать новую противотанковую пушку. Улучшить пробивную способность ее снарядов, увеличить калибр или удлинить ствол, одним словом, отреагировать на это немедленно! Моментально!‟ Разумеется, стотонная „мышь‟ на поле сражений не вышла, в боях принимали участие все те же „Пантеры‟.

Несколько лучше обстояло дело с морским флотом адмирала Деница. Тот был человек умный и твердый и фюрера к своим кораблям не подпускал. Зато со Шпеером он быстро нашел общий язык. Оказалось, что у адмирала есть особые пожелания к военному флоту, он видел спасение в начале производства совершенно нового класса подводных лодок. Существующие подлодки были судами „частично подводными‟, то есть лодки большую часть времени шли над водой и погружались только при необходимости. Дениц хотел получить лодки, которые только в случае необходимости поднимались на поверхность. Такие чудесные лодки „с оптимальной гидродинамической формой‟, которые за счет удвоения мощности электрических двигателей и кратного увеличения емкости аккумуляторов обладали бы гораздо большими крейсерскими скоростями и радиусом подводного действия».

Проектов не было, только пожелания, да и с производством возникали сложности — не было верфи, где их можно было бы создавать. Меркер нашел остроумное решение, как обойтись без верфи: разные части лодок будут производить на разных заводах, свозить на побережье и там собирать.

«Дениц, почти растроганный, произнес: „Этим начинается новая жизнь‟, — вспоминал Шпеер. — В начале у нас не было ничего, кроме четкого представления о внешнем виде новых подводных лодок. Для их разработки и детального конструирования была учреждена особая комиссия разработчиков, руководство которой, вопреки традиции, осуществлял не кто-нибудь из ведущих инженеров, а адмирал Топп, выделенный для этих целей Деницем. Не

понадобились в таких случаях и обычные долгие споры о разграничении компетенций. Сотрудничество между адмиралом и Меркером наладилось так же безупречно гладко, как у меня с Деницем. Точно через четыре месяца после первого заседания комиссии, 11 ноября 1943 г., были готовы все чертежи, а еще месяц спустя мы с Деницем, спустившись в корпус, уже смогли осмотреть изготовленный из дерева макет новой субмарины водоизмещением в 16 тысяч тонн. Еще во время работы над чертежами главный комитет по кораблестроению уже размещал заказы в промышленности — метод, уже успешно опробованный нами при налаживании производства танков типа „Пантера". Только это позволило нам уже в 1944 г. передать подводникам для испытаний первые подводные лодки с новыми характеристиками. Наше обязательство выдавать по 40 судов ежемесячно мы бы, несмотря на общую катастрофическую ситуацию, в начале 1945 г. выполнили, если бы не уничтожение в результате воздушных налетов трети всех лодок еще на верфях. Тогда Дениц и я часто задавались вопросом, что нам мешало перейти к новому классу подводных лодок значительно раньше. Ведь не были применены какие-либо особые технические новинки, принципы конструкции были известны уже много лет. Специалисты уверяли, что с вводом в строй этой модели в подводной войне открылась бы новая победная страница».

Увы, лодок было немного, а война двигалась к своему завершению. Новые чудесные лодки появились слишком поздно, они не могли отыграть время назад.

В авиации ставку делали на самолет Ме-262, последнее достижении фирмы Мессершмитт, — «с двумя реактивными двигателями, перешагнувший скорость в 800 км/час, с вертикальным набором высоты, какого не было ни у одного самолета противника».

Казалось, что может быть лучше?

Реактивный истребитель!

Однако в сентябре 1943 года Гитлер собственным приказом снял с производства эту чудо-машину: ему не нравился рев реактивного двигателя! Руководившему выпуском самолетов Мильху пришлось обходить этот приказ, но время было потеряно. А вместе со временем — и возможность победы.

Гитлер был непредсказуем. Кажется, он снял истребитель с производства, но в январе 1944 года ему попалась на глаза статья в английской газете о выпуске первых английских реактивных самолетов.

Эта статья все изменила.

Но… как!

«Полный нетерпения, Гитлер потребовал, — сетует Шпеер, — чтобы в самые краткие сроки было изготовлено максимально возможное количество самолетов такого типа. Поскольку же все подготовительные работы были тем временем подзаброшены, то мы смогли пообещать выпуск таких машин не ранее июля 1944 г. и в количестве не более шести десятков в месяц. С января 1945 г. их месячное производство должно было вырасти до 210 единиц. Уже на этом совещании Гитлер дал понять, что подумывает о том, как бы этот истребитель использовать в качестве сверхскоростного бомбардировщика.

Специалисты из ВВС были сражены. Правда, тогда они еще верили, что сумеют найти убедительные аргументы, чтобы в конце концов отговорить Гитлера от этой затеи. Но произошло прямо противоположное: упрямо Гитлер потребовал снятия всего бортового вооружения, чтобы увеличить бомбовый вес. Реактивным самолетам нет нужды обороняться, сказал он, благодаря своему превосходству в скорости они все равно не могут подвергнуться атаке истребителей неприятеля. Полный скепсиса в отношении нового изобретения, он распорядился, что для обеспечения щадящего фюзеляж и двигатели режима первое время следует совершать главным образом полеты по прямолинейным маршрутам и на большой высоте, а для снижения физических перегрузок на еще не до конца прошедшем испытания самолете согласиться со снижением скоростей. Эффективность этих малых бомбардировщиков

с бомбовым грузом всего около 500 кг и с весьма примитивными приборами наведения на цель оказалась до смешного ничтожной. В качестве же истребителя каждая из этих реактивных машин могла бы, благодаря своим скоростным качествам, сбивать по несколько американских четырехмоторных бомбардировщиков, которые день за днем обрушивали на немецкие города тысячи тонн взрывчатки.

В конце июня 1944 г. Геринг и я снова предприняли — снова тщетно — попытку переубедить Гитлера. К этому времени летчики-истребители уже налетали немало часов на новых машинах и настаивали на их использовании против американских воздушных флотов.

Гитлер ушел от ответа: летчики-истребители, рассуждал он, готовые бездумно пустить в ход любой аргумент, будут при быстром взлете или крутом маневре испытывать из-за скоростных свойств машины гораздо более сильные физические перегрузки, чем те, к которым они привыкли, и опять-таки из-за своих бешеных скоростей они будут в воздушном бою проигрывать истребителям противника, более медленным и вследствие этого более увертливым. То же, что новые истребители имеют более высокий потолок полета, чем самолеты сопровождения американских бомбардировщиков, и то, что высокие скорости позволяли бы им успешно атаковать тихоходные соединения американских бомбардировщиков, не имело для Гитлера, если уж у него сложилось иное мнение, ровно никакого значения. И чем больше пытались мы переубедить его, тем упрямее он становился и утешал нас дальними перспективами, когда он, естественно, разрешит использование части этих машин в качестве истребителей.

Йодль, Гудериан, Модель, Зепп Дитрих и, конечно, влиятельные генералы ВВС настойчиво сопротивлялись чисто дилетантскому решению Гитлера. Но результатом было только его усиливавшееся раздражение против них. Ему не без основания чудилось, что все эти попытки определенным образом ставят под вопрос его полководческую и техническую компетентность.

Осенью 1944 г. он, наконец, избавился от этого спора и вызываемой им неуверенности способом весьма примечательным — он просто запретил всякое дальнейшее обсуждение этой темы. Когда я сообщил по телефону генералу Крайпе, недавно назначенному начальником генерального штаба ВВС, что в своем докладе Гитлеру в середине сентября я собираюсь написать и по вопросу о реактивных самолетах, он мне настоятельно советовал не затрагивать эту тему даже намеками: одно упоминание о Ме-262 выведет его совершенно из себя и создаст новые трудности. К тому же Гитлер сразу же подумает, что моя инициатива подсказана им начальником генерального штаба люфтваффе.

Пренебрегая этой просьбой, я все же тогда еще раз упрекнул Гитлера в том, что использование машины, сконструированной как истребитель, в качестве бомбардировщика бессмысленно и в условиях нынешнего военного положения просто ошибочно, что подобного мнения придерживаются не только летчики, но и армейские офицеры. Гитлер отмахнулся от моих упреков, и я — после стольких безуспешных усилий — счел за благо вернуться к узковедомственному мышлению. Ведь и впрямь вопросы боевого применения самолетов столь же мало касались меня, как и определение их типов, запускаемых в производство. Реактивный самолет был не единственным новым, с превосходящими вооружение противника боевыми свойствами оружием, которое в 1944 г. должно было быть передано разработчиками для серийного производства. У нас были летающие управляемые снаряды, ракетоплан, обладавший еще более высокой скоростью, чем реактивный самолет, самонаводящаяся по тепловому излучению ракета против самолетов, морская торпеда, способная преследовать, ориентируясь по шуму моторов, военное судно, даже если бы оно удирало, постоянно меняя свой курс. Была завершена разработка ракеты „земля- воздух“. Авиаконструктор Липпиш подготовил чертежи реактивного самолета, далеко обогнавшего тогдашний уровень самолетостроения, — летающего крыла. Можно сказать, что мы прямо-таки испытывали трудности от обилия проектов и разработок. Концентрация на нескольких немногих типах вооружения позволила бы, конечно, многое довести до конца намного раньше. Недаром на

одном из совещаний ответственной инстанции было решено не столько увлекаться впредь новыми идеями, а отобрать из наших уже реальных проектных заделов разумное и соответствующее нашим производственным возможностям количество типов и решительно продвигать их. И ведь снова Гитлер оказался тем, кто, несмотря на все тактические ошибки союзников, сделал те шахматные ходы, которые помогли им в 1944 г. добиться успеха в воздушном наступлении».

Если вы еще верите в военный гений фюрера, то еще раз — и внимательно — перечтите эти строки!

Так в какое же чудо-оружие верил Гитлер, если он своими руками уничтожил все возможные победы Рейха? Гитлер верил только в одну замечательную вещь — огромную тяжелую ракету с волшебным названием «Возмездие». Именно эту ракету он собирался использовать против проклятой Англии, которую ничем другим — по его мнению — не достанешь. В середине лета 1943 года он приказал бросить все силы на создание суперракеты Фау-2 — длиной 14 метров и весом 3 тонны. По его распоряжению было предписано изготовлять по 900 таких ракет в месяц. Проект получил громкое название «Операция Возмездие». Ракеты были созданы. Но, по словам Шпеера, «…когда осенью 1944 г., наконец, дошло дело до их боевого применения, они обнаружили себя как почти полная неудача. Наш самый дорогой проект оказался и самым бессмысленным. Предмет нашей гордости, какое-то время и мне особенно импонировавший вид вооружения обернулся всего лишь растратой сил и средств. Помимо всего прочего, он явился одной из причин того, что мы проиграли и оборонительную воздушную войну».

Гораздо разумнее, сетовал он, было бы развивать другую программу, не столь масштабную и более дешевую, — производство ракет «земля — воздух», которые могли догонять «бомбардировщики противника на высоте до 15 километров и обрушивать на них 300 кг взрывчатки». Однако… Гитлер хотел свою суперракету, и не беда, если чудовище способно нести всего 24 тонны взрывчатки — бомбовый груз налета всего шести «летающих крепостей»! Ракета потребовала сосредоточения всех сил разработчиков и создания специального полигона на острове Пенемюнде.

Через много лет Шпеер и сам недоумевал, почему поддался убеждению фюрера. Уж если, говорил он, мы оказались способными производить по 900 ракет в месяц, то уж явно могли бы производить гораздо больше намного более нужных ракет в совокупности с реактивными истребителями! Но Гитлер хотел свою Фау.

За Фау-2 последовали Фау-3 и Фау-4. Проектом руководил молодой конструктор Вернер фон Браун. Вернеру было 28 лет, он обожал ракеты и мечтал вовсе не о войне, а о полетах в космос. Война оказалась подходящим местом для первых шагов его космической программы. Шпееру нередко приходилось инспектировать базу Пенемюнде, где располагался испытательный ракетный полигон Рейха. И он испытывал к Брауну и его коллегам самые теплые чувства.

«Я был просто захвачен тем, что я увидел здесь еще в 1939 г. в виде первых набросков, — вспоминает он, — это было как планирование чуда. Эти технари с их фантастическими картинами будущего, эти романтики с их расчетами производили на меня при каждом моем их посещении совершенно особое впечатление, и как-то незаметно для себя я почувствовал, что они мне сродни. Это чувство уже сразу прошло проверку делом, когда поздней осенью 1939 г. Гитлер вычеркнул этот проект вообще из всяких категорий срочности, тем самым автоматически отпадали кадровые возможности и поставки материалов. По доверительному соглашению с Управлением вооружений сухопутных сил я, не имея на то формального разрешения, продолжал, тем не менее, строить пенемюндские сооружения — непокорность, которую тогда, вероятно, я один мог себе позволить».

И вот настал день, когда ракета фон Брауна из чертежей превратилась в реальность. Создатели ракеты собрались на испытательном полигоне и наблюдали за происходящим. «Легкий дымок говорил о том, что емкости горючего уже заправлены. В пусковую секунду, сначала как бы нехотя, а затем с нарастающим рокотом рвущего оковы гиганта ракета медленно отделилась от основания, на какую-то долю секунды, казалось, замерла на огненном столбе, чтобы затем с протяжным воем скрыться в низких облаках. Вернер фон Браун сиял во все лицо. Я же был просто потрясен этим техническим чудом — его точностью, опровержением на моих глазах привычного закона тяготения — без всякой механической тяги вертикально в небо вознеслись 13 тонн груза! Специалисты принялись объяснять нам, на каком расстоянии сейчас должен находиться снаряд, когда через полторы минуты послышался стремительно нарастающий вой, и ракета упала где-то неподалеку. Мы окаменели, взрыв ухнул примерно в километре от нас. Как мы узнали позднее, отказало управление. Но создатели ракеты были удовлетворены, потому что удалось разрешить самую сложную проблему — отрыв от земли. Гитлер же и впредь сохранял „сильнейшие сомнения‟ относительно самой возможности прицельного управления ракетой. 14 октября 1942 г. я мог доложить ему, что его сомнения рассеяны: вторая ракета успешно пролетела по намеченной траектории 190 км и с отклонением в четыре километра упала в заданном районе. Впервые продукт человеческого изобретательского духа на высоте чуть более 100 километров провел бороздку по мировому пространству. Это казалось шагом навстречу самым смелым мечтам. Теперь уже и Гитлер проявил живой интерес, но по своему обыкновению сразу же резко завысил свои пожелания. Он потребовал, чтобы первый одновременный залп был бы дан „не менее чем пятью тысячами ракет‟».

В ноябре 1943 года с Пенемюнде провели запуск ракет в сторону Польши. Жителей специально не предупредили, поэтому жертвы были значительными. Зато начальник Вернера фон Брауна Дорнбергер воскликнул с воодушевлением: «Мы вторглись в космос нашей ракетой и впервые доказали, что ракетная тяга годится для космического путешествия… но, пока продолжается война, нашей главной задачей может быть только быстрое совершенствование ракеты как оружия». Пенемюндский проект Гитлер сразу окрестил А-4 и теперь требовал, чтобы проект стал приоритетным. «Я уже собирался подписывать программу по танкам, — сказал он, — а теперь вот что — пройдитесь по тексту и уравняйте по категории срочности А-4 с производством танков».

Армии это решение обошлось дорого.

Танков она получила меньше, чем было необходимо. А с Фау-2 случилась одна неприятность: проект был запущен только в сентябре 1944 года. Сколько Гитлер ни говорил о строжайшей секретности, англичане проведали о создании ракеты и… разбомбили Пенемюнде. Так что только спустя два года был произведен первый ракетный пуск в сторону Англии, и не 5000 ракет, а всего 25 ракетами, и не залпом, а в течение 10 дней.

Бомбежкой Пенемюнде воспользовался Гиммлер: он заставил передать столь секретное производство в его ведомство. Так что скоро специалисты ракетчики оказались в своего рода «секретной тюрьме», теперь они не могли свободно перемещаться и переписываться. Объявив о сверхсекретности, Гиммлер тут же нашел оптимальный путь, как организовать производство ракет. Передать все производство по проекту для исполнения в концлагеря: там нет переписки, личного общения с внешним миром, зато имеются заключенные самых разных профессий, выбор не ограничен. Производство ракет было налажено в одной из долин Гарца в подземных известковых пещерах, но какой ценой! Туда согнали специалистов-заключенных из подчиненных Гиммлеру лагерей смерти. Жили они там же, где и работали, — в сырых пещерах.

«Я не забуду никогда, — сожалел потом Шпеер, — одного профессора французского Пастеровского института, дававшего в качестве свидетеля показания на Нюрнбергском процессе. Он работал на том „Миттельверке‟, который я осматривал в тот день. Сухо, без всякого волнения, описывал он нечеловеческие условия в этих нечеловеческих фабриках: его

не вытравить из моей памяти, и до сих пор меня тревожит его обвинение без ненависти, а только печальное, надломленное и все еще удивляющееся мере человеческого падения». В концлагерь вместе со специалистами угодил было и сам Вернер фон Браун. От судьбы сидеть за колючей проволокой его избавил только личный приказ Гитлера!

Когда появились Фау-2, от немецких ученых стали ждать чего-то гораздо большего. Говорили о появлении в скором времени чудо-оружия, которое принесет победу. Фюрер эти слухи не пресекал. Шпеер даже вынужден был лично с ним переговорить. «В армии широкое распространение получила вера в поступление на вооружение в самое же ближайшее будущее нового вида оружия, которое решит исход войны в нашу пользу. Ожидают, что мы его применим уже в считанные дни. Эти настроения вполне серьезно разделяют и старшие офицеры. Возникает вопрос: правильно ли в такое трудное для нас время пробуждать надежды, которые в столь сжатые сроки не могут быть оправданны и которые сменятся разочарованием, могущим неблагоприятно сказаться на боевом духе. А когда и население со дня на день ожидает „чудо-оружия" и даже сомневается, отдаем ли мы себе отчет в том, что на часах уже без пяти минут двенадцать, и спрашивает, не безответственно ли со стороны руководства еще оттягивать использование этого, уже находящегося на складах, оружия, то возникает вопрос, насколько уместна пропаганда такого рода».

Гитлер на словах согласился, что слухи стоит прекратить и что он даст распоряжение Геббельсу. Однако слухи не утихали: очевидно, Геббельс получил прямо противоположное задание. Да и, судя по всему, Гитлер кое-что знал об особенностях нового чудо-оружия. Это была не ракета и не атомная бомба (в последнюю Гитлер верил мало). Атомную бомбу должен был создать для Рейха физик Гейзенберг, из-за чего, очевидно, с ним и поссорился прежний друг Нильс Бор. Реакция Гитлера на разработку ядерного проекта была несколько странной.

«Время от времени, — пишет Шпеер, — Гитлер беседовал и со мной о возможностях атомной бомбы, но материя с очевидностью была выше его понимания, он был не способен осознать революционный характер ядерной физики. В моих записях упоминаются 2200 различных вопросов, которых мы касались на наших беседах, и только один раз, и то крайне лаконично, упоминается расщепление ядра. Хотя он подчас и размышлял о его перспективах, все же моя информация о беседе с физиками утвердила его в том, что нет смысла заниматься этим более энергично; тем более что профессор Гейзенберг не дал окончательного ответа на мой вопрос о том, удастся ли удержать высвобождаемую расщеплением ядра энергию под контролем или же пойдет непрерывная цепная реакция. Гитлера, очевидно, не приводила в восторг мысль, что под его руководством Земля может превратиться в пылающую звезду. По временам он отпускал шуточки по поводу ученых, которые в своем, оторванном от действительности, стремлении проникнуть во все тайны природы превратят Землю в один прекрасный день в сплошной костер; но до этого еще далеко, и он наверняка не доживет до этого».

Так что ракеты или атомную бомбу Гитлер не считал чудо-оружием. Чудо-оружием Гитлера был газ «табун», недавно разработанный секретными лабораториями Аненербе! Недаром вместо нужной и современной техники Гитлер приказал наладить постоянное производство противогазов. К концу войны из изготовили 2 300 000, что явно было недостаточно. И не случайно людей учили пользоваться подручными средствами для защиты — листком бумаги, например. Но от газа, о котором идет речь, не могли спасти даже противогазы, малейшая его доза вызывала верную смерть. Чудо-оружие или чудогаз фюрер думал, очевидно, распылить над немецкими городами, когда встанет вопрос — капитуляция или смерть…

Гиммлер имел в виду другое чудо-оружие.

На уме у него все больше была черная магия!

Даже Шпееру приходилось признавать, что рейхсфюрер имеет большие странности. Странности рейхсфюрера, действительно, отдавали чертовщиной. В дни, когда положение на фронте ухудшилось, он стал вводить магические ритуалы и магические письмена. Магическими письменами или сплетением рун, известных под названием *гальдрастафов*, он приказывал расписывать идущие на восточный фронт танки. Рисунок, которым снабжали простой немецкий танк, именовался «шлем ужаса», и он должен был сделать сей танк неуязвимым и нести смерть врагам. Однако танки — что с рисунками, что без оных — горели совершенно одинаково.

По милости Гиммлера проводились совершенно дурацкие эксперименты по магическому определению расположения кораблей противника. Для этой цели несколько сумасшедших экстрасенсов института ползали с маятниками по огромным военным картам, не менее сумасшедший бывший пилот Бендер обещал нанести урон кораблям противника, используя особенности открытого им строения Земли — полой Земли. И для подтверждения фантастического бреда целая команда военных специалистов и ученых отправилась в 1942 году на остров Рюген. Это были лучшие специалисты по радиолокации со всей Германии. Ученые тщательно замерили расстояние, установили свои приборы. А затем по команде доктора Фишера все радары были направлены в небо под углом в 45 градусов.

Шли дни за днями. Над радарами было пустое небо. Радары ничего не фиксировали. Сорванные с фронта ученые и военные недоумевали. Они не понимали, что ищут локаторы в небесной вышине. Им для чистоты эксперимента вообще ничего не объяснили. Оказывается, если теория Бендера верна и земля имеет форму сферы с воздухом и всем космосом внутри, а мы живем на внутренней стороне этой сферы, то стоит только направить приборы, чтобы они захватили расположенный под углом участок внутренней поверхности — и пожалуйста, не нужно летать в разведку, вражеские суда можно рассмотреть через мощную подзорную трубу!

Но что же должен был показать эксперимент?

Радиоэхо от волны, направленной с одной точки внутренней сферы в другую, точно противоположную! В результате должны были получить… карту расположения частей противника — то есть английский флот в Скапа-Флоу. Разумеется, отклика так и не дождались, но вывод сделали: приборы пока слабоваты. Да вдобавок еще и дефекты в теории. Бендер после неудачного посещения острова Рюген отправился в концлагерь, а позже — в газовую камеру. По части смешения чудовищных теорий с чудовищной практикой рейсфюрер Гиммлер был специалист. Именно ему, в конце самой войны пытавшемуся спасти хотя бы тех евреев, что еще остались, принадлежит замечательная идея «окончательного решения» еврейского вопроса.

Смесь мистики и жестокости необыкновенная!

А сама идея крылась в далекой юности Гиммлера, когда он еще не был рейсфюрером, а оказался свидетелем страннейшего случая. Тогда в Силезии развелось огромное количество кроликов, которые наносили вред посевам, и справиться с ними не могли никакими мерами. Граф Кайзерлинг пригласил в свое имение видного антропософа Рудольфа Штайнера, о котором ходили слухи, что тот владеет магией. Штайнер пообещал кроликов изгнать.

Для проведения магической операции Штайнер потребовал доставить в его импровизированную лабораторию крупного самца-кролика, после чего провел вскрытие, удалив из животного семенники и селезенку, срезал кусок шкуры. Затем он смешал эти компоненты и сжег, а пепел соединил с веществом, похожим на сахарную пудру (скорее всего, обычным толченым мелом, из которого делают пилюли-пустышки). Потом при помощи стандартной гомеопатической методики усилил свойства субстанции и далее провел магический обряд изгнания. Это выглядело так. На территории замка была выгорожена часть земли, куда пришли наблюдатели. Здесь, взяв метелку и таз с водой, Штайнер провел следующие действия: смочил порошок до образования жидкости (до полного растворения), затем погрузил в него метлу и стал разбрызгивать субстрат в воздухе.

Свои действия он объяснял так: нужно извлечь из организма кролика те вещества, которые отражают страсть кроликов к размножению (то есть семенную жидкость), и дать животным почувствовать этот запах. По гомеопатическим воззрениям, чем меньше доза собственно вещества, тем сильнее получается препарат. Так что одной селезенки и двух яичек должно хватить на обработку всех земель графа.

Собравшиеся изучать новую методику люди смеялись. Ни на следующие утро, ни через день с кроликами ничего необычного не произошло. Как поедали они всяческую зелень, так это занятие и продолжали. Пошел слушок, что колдун с задачей не справился и стоит поискать более научный метод. Но вот на третье утро случилось нечто необъяснимое. К огороженным участкам по всей территории графских земель потянулись кролики. Причем их было столько, что, казалось, трава шевелилась, и все они шли к пунктам обработки. Кролики были испуганными, шерсть стояла дыбом, глаза блуждали. Добравшись до огороженных участков, они со страхом начинали принюхиваться. К полуночи кролики собрались в огромные стаи, а затем произошло нечто невероятное: как по команде, они развернулись как один и бросились прыжками в сторону топких болот.

Гиммлер, далеко уже не юноша, решил, что если евреев не извести даже крематорскими печками, то нужно попробовать рецепт Штайнера. В Аненербе был спущен приказ: разработать бескровный способ выведения евреев за пределы Рейха. И дана установка: тем же способом, что использовал Штайнер. И в институте начались авральные работы. Сначала тренировались на крысах. Потом перешли к людям. Для выведения евреев использовали все то же штайнерское средство — семенники и селезенку, кусочек кожи здорового молодого еврея-производителя. Правда, хорошего мага для проведения ритуала изгнания не нашлось. Так что пришлось применять средства гораздо более привычные, хотя и неприятные. Гиммлер не был садистом, но отменить приказ Гитлера он тоже не мог.

Окончательное решение для расы господ

К середине 1944 года война переместилась на земли Германии. Рейх ужался до того предела, который он занимал в 1938 году. С запада наступали союзники, с востока — Сталин. Но Гитлер отказывался признавать, что война проиграна.

«В случае необходимости мы будем сражаться на Рейне, — говорил он. — Не имеет значения, где. Как сказал Фридрих Великий, при любых обстоятельствах мы будем сражаться до тех пор, пока один из наших ненавистных врагов не выдохнется и не откажется от дальнейшей борьбы. Мы будем сражаться, пока не добьемся мира, который обеспечит существование германской нации еще на 50 или на 100 лет и который, прежде всего, не запятнает нашу честь во второй раз, как это произошло в 1918 году… Я живу лишь для продолжения этой борьбы, так как знаю, что, если за ней не будет стоять железная воля, она обречена».

И он — жил.

Наверно, только это желание сражаться до последнего солдата, последней пяди земли и последнего глотка воздуха Рейха давало ему силы. Он искренне верил, что союзники, решившие разделить Германию, разорвать ее на части, в конце концов перегрызутся между собой — вот тогда они вспомнят о Гитлере и поспешат заключить мир. Точнее — выиграет тот, кто первым решится заговорить о твердом мире.

А что дальше?

Гитлер надеялся, что этот союзник не даст расчленить Германию. И фюрер хорошо использует столь разумное решение.

На самом деле союзники не собирались вести сепаратных переговоров. А Рейх был не способен защищать собственные земли. Оборонительная линия Зигфрида на западе была уже просто линией на бумаге: у западной группы войск не хватало техники и людей. Основная военная сила находилась на Востоке, против Сталина, но и там не хватало все той же техники

и все тех же людей. Геббельс объявил о тотальной мобилизации: теперь на фронт призывались юноши от 15 до 18 лет и пожилые немцы от 50 до 60 лет. Гиммлер уже формировал из них 25 новых дивизий, которые должны были не пропустить врага через довоенные границы Германии.

В армии и в народе вера в фюрера еще не умерла. Все ожидали чуда. И это понятно — со времен Наполеона не было военных действий на немецкой земле.

Война на территории самой Германии?

Это было оглушающе непонятно.

Это казалось невозможным.

На какое-то время наступление на западе приостановилось. Гитлер воспрял духом. Немецкий народ решил было, что случилось долгожданное чудо, и вот-вот кто-то из союзников начнет переговоры. Но чуда не случилось: просто между союзными генералами не было согласия, и они тоже иногда совершали тактические ошибки. На этот раз споры возникли между Эйзенхауэром и Монтгомери: один требовал наступления широким фронтом, второй считал, что лучше прорвать немецкую оборону на узком участке. Пока они решали, какой вариант предпочтительнее, немцам удалось собрать силы.

Гитлер верил, что Рейх устоит. В середине декабря 1944 года он отдал приказ нанести по союзникам расчленяющий удар, а одновременно задействовал совершенно секретный план «Гриф», которым руководил командир диверсантов Отто Скорцени. Этот план целиком принадлежал самому Гитлеру. Скорцени он посвятил в его детали еще в октябре, когда вызвал в свою ставку.

«Я поручаю вам новую миссию — самую важную, возможно, в вашей жизни. Пока что лишь очень немногие знают, что мы в величайшей тайне подготавливаем операцию, в которой вам предстоит сыграть одну из первых ролей. В декабре немецкая армия начнет крупное наступление, исход которого станет решающим для судьбы нашей родины», — сказал тогда Гитлер. Речь шла как раз о немецком наступлении в Арденнах.

«В течение последних месяцев, — писал он в мемуарах, — немецкое командование вынуждено было довольствоваться тем, что сдерживало вражеские армии и отбивало их натиск. Поражения следовали одно за другим, приходилось беспрестанно отходить как на западе, так и на востоке. Да и союзническая пропаганда считала Германию уже трупом, погребение которого стало просто вопросом времени; слушая речи по англо-американскому радио, казалось, что союзники могли по своей воле выбирать день похорон. Они не видят, что Германия бьется за Европу, что она жертвует собой ради Европы, чтобы закрыть Азии путь на запад», — горько восклицал Гитлер.

По его мнению, ни английский народ, ни американский уже больше не хотят этой войны. И, следовательно, если «немецкий труп» восстанет и нанесет на западе мощный удар, то союзники, под давлением общественного мнения в своих странах, разъяренного от того, что его вводили в заблуждение, возможно, окажутся готовы заключить перемирие с этим «мертвецом», который чувствует себя довольно сносно. И тогда «…мы сможем бросить все наши дивизии, все наши армии на восток и за несколько месяцев покончить с этой жуткой угрозой, которая нависла над Европой. Ведь Германия уже почти тысячу лет охраняла ее от азиатских орд и теперь снова исполнит эту священную миссию».

Самому Скорцени Гитлер отводил следующую роль: «В качестве передового отряда вы должны будете захватить один или несколько мостов на Мезе, между Льежем и Намюром. Эту миссию осуществите с помощью хитрости: ваши люди будут одеты в американскую и английскую форму. Во время нескольких диверсионных рейдов противник сумел с помощью этого приема нанести нам значительный урон. Например, несколько дней-назад, во время взятия Экс-ля-Шапель в наши порядки смог просочиться американский отряд, облаченный в немецкую форму. К тому же небольшие группы, переодетые таким образом, смогут подавать

во вражеском тылу ложные приказы, создавать помехи для связи и вообще сеять смятение в союзнических рядах. Приготовления должны быть завершены к первому декабря».

Скорцени честно исполнил приказ.

Его люди были готовы выполнить задание. Скорцени изменил только небольшую деталь: под вражескую форму его диверсанты надели родную немецкую форму, чтобы, оказавшись в тылу противника, содрать с себя иностранный камуфляж и сражаться в форме Рейха. Это была маленькая хитрость, которая позволяла обойти нормы международного права: переодетые в союзников диверсанты не могли держать в руках оружие, а диверсанты в своей форме — вполне могли.

И вот в тылу противника стали действовать мелкие боевые отряды Скорцени. Переодетые в чужую форму, они обрезали телефонную связь, уничтожали склады оружия, меняли указатели на дорогах или просто их блокировали. «В общем, учитывая обстоятельства, — посмеивался диверсант, — успех этих отрядов далеко превзошел мои надежды. Кстати, несколько дней спустя американское радио в Кале говорило о раскрытии огромной сети шпионажа и диверсий в тылу союзников — и эта сеть подчинялась полковнику Скорцени, „похитителю" Муссолини. Американцы даже объявили, что захватили более 250 человек из моей бригады — цифра явно преувеличенная. Позже я узнаю, что союзническая контрразведка, пылая воодушевлением, даже арестовала некоторое количество настоящих, ни в чем не повинных американских солдат и офицеров…

И это еще не все. Считая, что я способен на самые страшные злодеяния и на самые дерзкие замыслы, американская контрразведка сочла необходимым принять исключительные меры предосторожности для безопасности союзнического верховного главнокомандования. Так, генерал Эйзенхауэр очутился на несколько дней в заточении в собственной ставке. Ему пришлось разместиться в домике, охраняемом несколькими кордонами военной полиции. Вскоре генералу это надоело, и он попытался всеми способами отделаться от этого надзора. Контрразведке удалось даже найти двойника генерала. Это был штабной офицер, чье сходство с Эйзенхауэром было действительно поразительным. Каждый день ложный главнокомандующий, одетый в генеральскую форму, должен был садиться в машину своего командира и отправляться в Париж, чтобы привлечь к себе внимание „немецких шпионов".

Точно так же в течение всего арденнского наступления маршал Монтгомери рисковал, что военная полиция его арестует и примется допрашивать. Дело в том, что какой-то милый фантазер распустил слух, что один из членов „банды Скорцени" занимается шпионажем, переодевшись в форму британского маршала. Поэтому военная полиция тщательно изучала внешний вид и поведение всякого британского генерала, передвигавшегося по Бельгии».

Но основной удар группа Скорцени решила нанести 21 декабря. «Ровно в пять часов колонны пошли в атаку. Несколько минут спустя первый отряд остановила яростная канонада, и он вышел из боя, отступив на исходные позиции. А что же касается второй колонны, то вскоре я уже спрашивал себя, что с ней могло случиться. Уже больше часа от нее не было никаких вестей. Едва полностью рассвело, я отправился пешком к линии огня. С вершины холма мне открылся прекрасный вид на огромную кривую, которую описывает дорога к западу от Мальмеди; сам город был скрыт в складке местности. И вот на этом отрезке дороги я различил в подзорную трубу шесть наших танков „Пантера", которые вели беспощадную — и безнадежную — битву с явно превосходящими бронетанковыми силами противника».

Группе приходится отступить. А когда спустя три дня Скорцени получает в подкрепление тяжелую батарею, вдруг выясняется, что с боеприпасами просто беда. «28 декабря 1944 года нас сменяет пехотная дивизия. На следующий день мы устраиваемся на временных квартирах к востоку от Сен-Вита. Вскоре начинается всеобщее отступление, волны которого уносят нас обратно в Германию… Для меня, как и для всей германской армии, великое наступление в Арденнах оборачивается великим разгромом».

Гитлер был разъярен. В неудачах наступления он обвинил как раз диверсантов. Союзники входят на территорию Германии с запада, русские — с востока. Промышленности Германии практически уже не существует, хотя деятельный министр Шпеер буквально за полгода сумел перевести военные заводы под землю. Но что могут сделать эти заводы, если нет сырья и не хватает рабочих рук? По какой-то непонятной причине Гитлер отказался поставить у станков немецких женщин, это, по его мнению, нарушило бы традицию: место немецкой женщины — ее дом. Союзники начинают планомерные бомбежки немецких городов.

30 января 1945 года Гитлер в последний раз выступил на радио с последним обращением к своему народу: «Каким бы тяжелым ни был нынешний кризис, — сказал он, — мы, несмотря ни на что, в конечном счете, справимся с ним благодаря нашей непреклонной воле, благодаря нашей самоотверженности и нашему умению. Мы выдержим и эту беду». Кто-то еще ему верит. А благодаря усиленно распространяющимся Геббельсом слухам даже высокопоставленные офицеры питают надежду, что на подземных заводах создается оружие возмездия.

«Неожиданно для меня оказалось, — рассказывал Шпеер, — что вколачиваемая в последние годы вера в Гитлера не исчезла даже в этой ситуации: он, Гитлер, считали они, не может проиграть войну, у фюрера есть еще что-то в резерве, что он разыграет в последний момент. Тогда наступит великий поворот. То, что он позволяет врагам так далеко забраться на нашу территорию, это же только западня! Даже в правительстве присутствовала эта наивная вера в преднамеренно придерживаемое чудесное оружие, которое в самый последний момент уничтожит беззаботно продвинувшегося в глубь страны противника. Функ, например, в эти дни спросил меня: „Но у нас же есть особое оружие, не так ли? Оружие, которое изменит все на 180 градусов?‟ Он спросил меня, когда же фюрер применит чудесное оружие, которое решил исход войны. У него есть информация, полученная через Бормана и Геббельса из ставки фюрера, согласно которой его вот-вот должны пустить в ход. Как уже было не раз, мне пришлось объяснить и ему, что чудесное оружие не существует».

В середине января началось стремительное наступление русских в восточной Пруссии. Удар был нацелен на город, который Гитлер считал священным для Рейха, а Гиммлер — воистину магическим, Кёнигсберг. В городе царила паника. Комендантом крепости (и последним ее защитником) был назначен Отто Ляш. В день 13 января магически настроенные эсэсовцы, точно по завету Гиммлера, провели в крепости поистине средневековый обряд.

«Главные ворота Королевского замка были заблокированы солдатами, — описывает эту сцену краевед Трофимов, — а в Северную часть Королевского замка прошли в сопровождении СС тринадцать пятнадцатилетних белокурых девочек в белых гольфах и вязаных носочках. И здесь, во дворе Королевского замка, „молодые люди с непроницаемыми лицами, образцовой осанки и выправки, избранные — Черные посвященные СС‟ встали строем при свете факелов, их было много, очень много, и единым хором они произносили клятву верности своему фюреру: „Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и канцлер германского Рейха, в верности и храбрости. Я даю обет послушания до смерти тебе и тем, кого ты назначил‟. Они были одеты в черную тунику, поверх коричневой рубашки с черными пуговицами и черным галстуком, черные бриджи заправлены в высокие черные сапоги, черный пояс „Сэм Браун‟; черная фуражка из дешевой ткани и серебряная „Мертвая голова‟ — эсэсовское кольцо на руке.

Сам двор был размечен белыми внутренними кругами, ритуальными знаками, огромные каменные шары были расположены по всей длине двора; самая высокая и красивая башня Королевского замка была подсвечена снизу зеленым прожектором и казалась изумрудной. Во двор замка на цепи затащили огромного черного волка. Черный волк был гордостью черных посвященных. Если кого-либо друзья называли „Черный волк‟ — это значило, что в Рейхе нет ему равных в силе и жестокости. Волка на цепи обвели вокруг строя солдат и посадили на цепь у самой высокой башни замка Кёнигсберга.

Этой ночью 13 января 1945 года в Королевском замке Черные посвященные Кёнигсберга вручали молодым „волчатам‟ СС внешние знаки внутреннего достоинства — кольцо и кинжал.

Кольцо серебряное, с печатью „Мертвой головы" — было небольшим. Оно должно было отличать вновь принятых членов Черного ордена от ветеранов — „Черных волков", у которых было крупное кольцо. В Кёнигсберге же в самой большой стометровой башне Королевского замка, у которой приковывали черного волка, были поставлены колокола, вывезенные в Первую мировую войну из оккупированного немцами Киева (их так и называли „киевские колокола"). Черные волки из СС даже хотели поставить на стометровую башню — колокольню Королевского замкам — пушку, чтобы с высоты обстреливать русских (показать „волчьи зубы"), но потом от этой затеи отказались». Так происходило 13 января 1945 года посвящение в воины СС молодого поколения, которому выпало несчастье защищать Кёнигсберг.

Впрочем, защищали город не только части СС.

«Крушение восточного фронта привело в Кёнигсберг много разбросанных частей и отбившихся солдат, — рассказывал доктор Зауват, — которых предстояло учесть, заново снарядить и сформировать в подразделения. Патрульная служба проделала огромную работу по учету. Все имевшиеся в наличии боеспособные унтер-офицеры и солдаты направлялись в штаб Вюрдига, занимавшегося вопросами формирования. В его распоряжение были предоставлены необходимые помещения возле главного вокзала для формирования новых подразделений. Кроме того, в первое время формированием занимались еще два штаба, тоже проделавших большую работу. Подполковник Вюрдиг уже через 8 дней с начала работы своего штаба смог рапортовать о сформировании восьми полных пехотных батальонов, которые получили все необходимое из запасов арсенала… По моим подсчетам, через штаб по формированию войск на фронт было отправлено около 30 000 человек. Удивительно, что удалось собрать столько годных для фронта людей, несмотря на то, что во многих случаях остатки разбитых ранее подразделений без особого на то приказа непосредственно вливались в действующие части».

30 января русские войска взяли Кёнигсберг в кольцо. Этот день для Гитлера означал очень много, это был главный день Орденского государства Третий рейх. И в этот день был потоплен лучший корабль немецкого флота, который должен был вывезти из Кёнигсберга новые кадры подводников и мирных жителей, корабль, который Гитлер любил. В этот же день за час до полуночи замкнулось кольцо вокруг Кёнигсберга, и никто уже не мог покинуть города. Стали готовиться к осаде. В феврале 1945 года был построен бункер, а 12 марта подземный кабинет генерала Ляша, который отвечал за оборону города, был освящен магом Гансом Шуром. 19 дней гарнизон Кёнигсберга держал оборону города. Чудовищными усилиями немцам удалось прорвать блокаду. Правда, судьбы самого города это никак не изменило.

«6 апреля русские войска начали генеральное наступление такой мощи, — вспоминает Ляш, — какой мне не доводилось испытывать, несмотря на богатый опыт на Востоке и на Западе. Около 30 дивизий и два воздушных флота в течение нескольких дней беспрерывно засыпали крепость снарядами из орудий всех калибров и „сталинских органов". Волна за волной появлялись бомбардировщики противника, сбрасывая свой смертоносный груз на горящий, превратившийся в груды развалин город. Наша крепостная артиллерия, слабая и бедная снарядами, не могла ничего противопоставить этому огню, и ни один немецкий истребитель не показывался в небе. Зенитные батареи были бессильны против тучи вражеских самолетов, и к тому же им приходилось с трудом обороняться от танков противника. Все средства связи были сразу же уничтожены, и лишь пешие связные пробирались на ощупь сквозь груды развалин к своим командным пунктам или позициям. Под градом снарядов солдаты и жители города забились в подвалы домов, скопившись там в страшной тесноте… День 7 апреля начался опять с массированного артиллерийского обстрела и сильнейших воздушных налетов на крепость… Вечером русские подошли уже к основным позициям самого города… 8 апреля русским удалось форсировать Прегель с юга». Город снова оказался в кольце. Ляш запрашивал разрешения вывести из города хотя бы мирных жителей. Ответа не было. Вечером, наконец, был получен приказ: удерживать Кёнигсберг любой ценой.

Гражданское население разрешили пропускать небольшими группками. Вместе с мирными жителями должны были выйти из города партийные функционеры. Но «…партия, не согласовав своих действий с командованием крепости, назначила на 00.30 сбор гражданского населения на пути оперативной вылазки на запад. Весть о сборе передавалась из уст в уста. В результате весь путь оперативной вылазки на всю ширину был заполнен гражданским населением. Жители двигались плечом к плечу, катились повозки, все это производило сильный шум. Русские тотчас насторожились и накрыли весь этот участок плотным артиллерийским огнем».

Все, кто мог, снова бросились назад под защиту стен. 9 апреля бой шел уже в самом городе.

«К концу все чаще стали поступать сведения, что солдаты, укрывшиеся вместе с жителями в подвалах, теряют волю к сопротивлению. Кое-где отчаявшиеся женщины пытались вырывать у солдат оружие и вывешивать из окон белый флаг, чтобы положить конец ужасам войны, — писал Ляш. — В течение трех дней в городе царили смерть и разрушение, не оставалось ни малейших шансов на то, что мы сумеем выстоять своими силами или изменить безвыходное положение дальнейшим сопротивлением… К моменту принятия решения о капитуляции остатки наших войск, совершенно выдохшиеся и не имевшие какого-либо тяжелого оружия, удерживали оборону внутри города лишь на северном участке. Но больше всего на мое решение о капитуляции повлияло осознание того факта, что продолжение борьбы повлечет лишь бессмысленные жертвы и будет стоить солдатам и гражданскому населению тысяч жизней. Взять на себя такую ответственность перед Богом и собственной совестью я не мог, а потому решился прекратить борьбу и положить конец ужасам войны. Хорошо представляя себе, что крепость придется сдавать жестокому, не знающему пощады врагу, я все же был твердо уверен, что продолжение борьбы означает верную гибель всего, тогда как капитуляция дает, по крайней мере, надежду на спасение большей части человеческих жизней. Дальнейшие события показали, что я был прав».

Кенигсберг пал. Ляш сразу же был взят под стражу и отправлен в ленинградскую тюрьму. Для него война кончилась долгим и тяжелым пленом. Дорога в этот плен одним из прошедших ее была описана так: «Дома горели, чадили. Мягкая мебель, музыкальные инструменты, кухонная утварь, картины, фарфор — все это было выброшено из домов и продолжало выбрасываться. Между горящими танками стояли подбитые автомашины, кругом валялись одежда и снаряжение. Тут же бродили пьяные русские. Одни дико стреляли, куда попало, другие пытались ездить на велосипедах, но падали и оставались лежать без сознания в сточных канавах с кровоточащими ранами. В дома тащили плачущих, отбивавшихся девушек и женщин. Кричали дети, зовя родителей, мы шли все дальше и дальше. Перед нашими глазами представали картины, описать которые невозможно. Придорожные кюветы были полны трупов. Мертвые тела носили следы невообразимых зверств и изнасилований. Валялось множество мертвых детей. На деревьях болтались повешенные — с отрезанными ушами, выколотыми глазами. В разных направлениях вели немецких женщин. Пьяные русские дрались из-за медсестры. На обочине шоссе под деревом сидела старуха, обе ноги у нее были раздавлены автомашиной. Горели хутора, на дороге валялся домашний скарб, кругом бегал скот, в него стреляли, убивая без разбора. До нас доносились крики взывающих о помощи.

Помочь мы ничем не могли. Из домов, подняв в молитве руки, выходили женщины, русские гнали их назад и стреляли в них, если те уходили не сразу. Это было ужасно. Такого мы не могли даже предполагать. Сапог ни у кого уже не было, многие шли босыми. Раненые, о которых никто не заботился, стонали от боли. Почти все неимоверно мучились от голода и жажды. Со всех сторон в колонну военнопленных протискивались русские солдаты, отбирая у кого шинель, у кого фуражку или бумажник с его жалким содержимым. Каждый хотел чем-нибудь поживиться. „Уры, уры!" (часы) — кричали они. Мы были отданы на их произвол».

Но части немецких солдат, в основном молоденьких, из «Гитлерюгенда», удалось прорваться к порту Пилау. Эти защитники крепости стремились на запад, к сердцу Германии,

они еще верили в победу. Именно им выпала судьба защищать Берлин. Участь Кёнигсберга разделила и другая немецкая «крепость» — город Бреслау. О том, что Бреслау — крепость и должна остановить «большевистские орды», горожане узнали 21 января 1945 года.

До этого Бреслау был городок как городок. Теперь он стал крепостью, а крепости обороняют до последнего патрона и до последнего защитника. Руководил обороной гауляйтер Карл Ханке. Взрослых защитников в городе не хватало, поэтому оружие получили все бойцы «Гитлерюгенда» — совершенно мальчишки. Русские прорвали немецкую оборону и двигались к Берлину, обтекая Бреслау. Крепость держалась. В феврале началась блокада, поскольку теперь город находился на русской территории. Многократно русские войска штурмовали Бреслау, но взять никак не могли. А ведь количество защитников было невелико — 200 000 человек. Каждый дом, каждая улица, каждый этаж, каждая церковь стали ареной боя, когда русские все же смогли пробиться в город. Сражения шли даже на кладбище. Защитники строили укрепления из могильных плит. Солдатами в Бреслау стали все, кто мог стрелять. Мальчишки, бойцы «Гитлерюгенда», сражались наравне со взрослыми. Русская авиация практически снесла город с лица земли, но защитники не покинули развалины, теперь их крепостью были останки зданий.

20 апреля в крепости Бреслау отметили 56-летие Гитлера. Защитники обещали ему, что не сдадутся. 2 мая стало ясно, что дольше «крепость» не выдержит. Мертвых в городе было уже больше, чем живых. Но вот ведь вера мальчишек в своего вождя (они не знали, что его больше нет): когда парламентарии отправились на переговоры с советским командованием, воины «Гитлерюгенда» встали на их пути и направили на них оружие. И пропустили только тогда, когда их командир дал на это приказ. И то, пропуская парламентариев, они цедили сквозь зубы много нехороших слов о трусости и предательстве.

Город сдался 6 мая.

Рейх капитулировал 8 мая.

Вражеское кольцо вокруг Берлина смыкалось с апреля. Именно здесь, в подземном бункере находился создатель Рейха Адольф Гитлер. Отлично понимая, что сопротивление ничего не даст, Гитлер приказал уничтожать по всей стране «военные, транспортные, промышленные объекты, объекты связи и снабжения, а также материальные ценности».

Этот приказ имел название «план Нерон».

«Это был смертный приговор немецкому народу, — говорит Шпеер, — принцип „выжженной земли“ в наиболее резкой форме. Меня самого эта директива лишала полномочий, все мои приказы, направленные на сохранение промышленности, однозначно дезавуировались. Осуществление мер по уничтожению объектов теперь возлагалось на гауляйтеров. Последствия трудно было бы себе представить, на неопределенное время без электричества, газа, чистой воды; без угля, без транспорта. Все железнодорожные пути, каналы, шлюзы, доки, корабли, паровозы уничтожены. Даже если где-либо промышленные объекты и уцелели бы, они ничего не могли производить из-за недостатка электричества, газа и воды; никаких запасов, никакой телефонной связи, короче говоря, отброшенная к временам Средневековья страна». Инструкция Гитлера предписывала «уничтожение всех средств связи не только вермахта, но и имперской почты, имперской железной дороги, имперского управления водных путей, полиции и районных электростанций. Посредством „подрывных работ, поджога или механического разрушения“ должны были быть приведены в „состояние полной негодности“ все центральные телефонные и телеграфные станции и усилители, а также коммутаторы кабелей дальней связи, мачты радиостанций, антенны, принимающие и передающие устройства. Даже временное восстановление связи в оккупированных противником областях должно было стать невозможным, потому что по этому приказу полному уничтожению подлежали склады запчастей, кабеля и проводов, но и схемы разводки кабеля и инструкции по эксплуатации приборов…»

«Как бы для иллюстрации того, что должно было произойти в Германии по воле Гитлера, — пишет Шпеер, — я получил непосредственно после этой беседы телеграмму начальника транспортной службы, датированную 29 марта 1945 г.: „Цель состоит в создании „транспортной пустыни“ в оставляемых нами областях… Недостаток материалов для проведения подрывных работ делает необходимым проявление изобретательности для использования всех возможностей с целью произвести разрушения трудноустранимого характера“. Сюда относились специально перечисленные в директиве любые мосты, железнодорожные пути, централизационные посты, все технические сооружения на сортировочных станциях, депо, а также шлюзы и судоподъемники на всех наших маршрутах. Одновременно должны быть полностью уничтожены все локомотивы, пассажирские и товарные вагоны, все торговые суда и баржи. Затопив их, предполагалось создать мощные запруды на реках и каналах. Следовало использовать любые боеприпасы, прибегать к поджогу или подвергать важные детали механическому разрушению. Только специалист может определить, какая беда обрушилась бы на Германию, если бы был осуществлен этот тщательно разработанный приказ. Эта директива также показывала, с какой педантичностью претворяли в жизнь каждый общий приказ Гитлера».

Понимая, что Гитлер обрекает народ на смерть, некоторые генералы поступали разумно, отправляя все приказы в мусорную корзину. Но многие приказам следовали. Бомбежка союзников с не меньшим упорством, чем Гитлер, стирала с лица земли целые города. Так Рейх подошел к крайне малой фазе своего существования: он был теперь только внутри Берлина.

Гитлер изменился, по словам Феста, «…все, кто был очевидцем тех недель, единодушны в своих описаниях Гитлера и отмечают в первую очередь его согбенную фигуру, серое лицо с тенями под глазами и становившийся все более хриплым голос. Его обладавший раньше такой гипнотической силой взгляд был теперь опустошенным и усталым. Он все более явно переставал сдерживать себя, казалось, самопринуждение к стилизации в течение столь многих лет мстило теперь, наконец, за себя. Его китель часто был заляпан остатками еды, на впалых старческих губах виднелись крошки пирожного, а когда он, слушая доклад, брал в трясущуюся левую руку очки, то слышно было, как они постукивают по крышке стола. Иной раз, словно уличенный в чем-то, он откладывал их тогда в сторону; держался он только благодаря своей воле, а из-за дрожи в конечностях мучился не в последнюю очередь именно потому, что она противоречила его убеждению, будто железная воля может превозмочь все».

Стали появляться гораздо худшие симптомы неизбежной и скорой смерти: к мистике обратились прежде вполне нормальные люди. Фест писал: «С приближением конца склонность искать знаки и надежды вне реальности вышла за рамки литературы, заполнила все вокруг и в очередной раз продемонстрировала покрытую флером современности иррациональность национал-социализма. Лей сделался в эти первые дни апреля страстным ходатаем за некоего изобретателя „лучей смерти“, Геббельс обращался за советом к двум гороскопам, и в то время как американские войска вышли уже в предгорья Альп, отрезали Шлезвиг-Гольштейн и была сдана Вена, из противостояний планет, восходов светил и их двойных прохождений вновь мерцали надежды на великий перелом во второй половине апреля. И вот, будучи еще во власти этих параллелей и прогнозов, вернувшийся во время воздушного налета после поездки на фронт Геббельс, поднимаясь при свете пожарища по ступенькам своего министерства пропаганды, узнал, что умер американский президент Рузвельт. „Он был в экстазе“, как вспоминал потом один из офицеров, и тут же приказал соединить его с бункером фюрера: „Мой фюрер, я поздравляю вас, — кричал он в трубку— Звезды предсказывают, что вторая половина апреля принесет нам переломный момент. Сегодня — пятница, 13 апреля. Это переломный момент“».

От Гитлера стали отказываться, открещиваться: в конце марта от него отказался верный Генрих, предпочитая купить себе жизнь и (а вдруг?) свободу за тех несчастных евреев, которые имелись еще в некоторых лагерях смерти; отказался и вальяжный толстый Герман,

отказывались генералы, бросая фюрера в Берлине на произвол судьбы и исчезая на просторах опустошенной Европы, отказывались офицеры рангом пониже, потерявшие в него всякую веру, отказывались солдаты, которые устали воевать и не хотели умирать верными фюреру в апрельские дни, когда русские шли на город, осталась горстка людей в бункере и мальчишки и девчонки из «Гитлерюгенда» — их так хорошо воспитали, что они не могли отказаться от любимого вождя.

Русские бросили на Берлин 2,5 миллиона человек, 6250 танков и штурмовых орудий, 41 000 орудий и минометов, 7500 боевых самолетов. Берлин был объявлен крепостью 23 апреля 1945 года, комендантом крепости Берлин стал генерал Вейдлинг. Силы были слишком неравны: 44 000 солдат вермахта, 42 000 ополченцев и 5000 малолетних бойцов «Гитлерюгенда». Многие мальчишки и девчонки Рейха были вооружены единственным доступным оружием — фаустпатроном. Это оружие, по сути, было взрывателем, вместе с которым погибал и тот, кто его применил. Именно мальчишки еще 16 апреля встретили русских на Зееловских высотах, именно там они вели кровопролитные бои и гибли один за другим за своего фюрера. Теперь они сражались внутри городской черты. Но как бы ни складывалась обстановка вокруг Берлина, Гитлер нашел силы показать своему народу, что он еще жив. 20 апреля в день своего рождения он принял в бункере представителей от «Гитлерюгенда», вручил награды, поблагодарил за службу, посмотрел несколько минут на два десятка изможденных мальчишек, сделал знак своей собаке и удалился. Больше общаться со своим народом и своими солдатами он не выходил. В то же день, 20 апреля, решилось, уедет ли Гитлер в альпийский Оберзальцберг, чтобы оттуда вдохновлять народ на борьбу, или же останется в Берлине. Геббельс умолял его остаться с защитниками, все остальные просили ровно об обратном. Гитлер выбрал совет Геббельса. «Как смогу я призывать войска к решающей битве за Берлин, — сказал он, — если сам буду в этот момент в безопасности?!» Гиммлер, Геринг, Шпеер, Риббентроп, генералы люфтваффе — все покинули его тем же вечером.

«Последнюю свою надежду, — пишет Хене, — Гитлер возлагал на СС. Склонясь с лупой над картой, он бормотал: „Штайнер, Штайнер!‟ Дрожащий его палец уткнулся в северо-восточное предместье Берлина, где находился обергруппенфюрер и генерал войск СС Феликс Штайнер с остатками разгромленных частей». От «армейской группы Штайнера» фюрер ожидал освобождения полуокруженного Берлина.

21 апреля Гитлер приказал Штайнеру выступить из Эберсвальде на юг, прорвать фланг наступавших советских войск и восстановить оборонительные позиции на юго-востоке Берлина.

«Вот вы увидите, что русские потерпят самое крупное и кровавое поражение в своей истории у стен Берлина, — нравоучительно сказал он Штайнеру. — Отход на Запад воспрещен для всех без исключения подразделений. Офицеров, которые осмелятся не выполнить это распоряжение, арестовывать и расстреливать на месте. За исполнение этого приказа отвечаете головой!»

Весь день 22 апреля Гитлер ожидал начала контрудара Штайнера, но тот так и не отдал приказа на наступление. Атаковать с 10 тысячами солдат превосходящие силы противника было, по его мнению, безумием. Гитлер снова и снова запрашивал сведения о контрударе Штайнера, но военные, находившиеся в ставке и знавшие, что обергруппенфюрер СС никакого удара не нанесет, помалкивали. Лишь под вечер Гитлер узнал истину, которая поразила его как громом. Дико крича и топая ногами, он обвинил всех в предательстве и трусости — вначале его бросил в беде вермахт, а теперь и СС. Национал-социалистская идея погублена, и смысл жизни потерян. Берлин он, однако, не оставит, а умрет в своей столице. Окружавшие его люди ошеломленно смотрели на конвульсивные судороги фюрера, который, вскрикнув, мешком упал в кресло.

И что же?

Кто-либо предложил безумцу в качестве выхода из положения капитуляцию?

Ничего подобного.

Все пытались ему помочь и как-то подбодрить.

Гиммлер, узнавший по телефону о приступе ярости диктатора, принялся умолять его покинуть Берлин и продолжить борьбу на юге Германии. Генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Йодль, генерал Кребс поспешили на командный пункт Штайнера, чтобы просьбами, уговорами и угрозами подвигнуть его на оказание последней услуги фюреру.

«Штайнер, речь идет о вашем фюрере, который требует нанести этот удар для своего спасения!» — воскликнул генерал-полковник Хайнрики, которого в действительности волновал лишь вопрос удержания фронта.

Кейтель угрожал своим маршальским жезлом, но Штайнер остался непоколебимым, ответив: «Нет, этого я делать не буду. Контрудар — безумие и тысячи новых смертей».

Гитлер снова ждал сообщений о Штайнере, а 27 апреля, потеряв всякую надежду, отдал приказ о смещении Штайнера и замене его генерал-лейтенантом Холсте. Но и на этот раз Штайнер саботировал приказ фюрера, не став сдавать командования своими подразделениями генералу вермахта.

Через 24 часа статс-секретарь министерства иностранных дел Вернер Науман принес в бункер перехваченную радистами министерства депешу корреспондента агентства Рейтер Поля Скотта Ранкина, который сообщал из Сан-Франциско о том, что рейхсфюрер СС Гиммлер предложил западным союзникам капитуляцию Германии.

Все находившиеся в бункере словно окаменели.

В это время Наумана вызвали к телефону. Возвратившись, он доложил: радио Стокгольма в последних известиях передало, что Гиммлер ведет переговоры с англо-американским главным командованием. С губ диктатора сорвался какой-то всхлипывающий звук: налицо были подлость и мошенничество СС. Ему стало ясно, почему Штайнер не нанес контрудар, почему эсэсовские части в Венгрии не смогли добиться успеха, почему Гиммлера постигла неудача на Висле. Все это были звенья одной громадной интриги, исходившей от человека, которого он когда-то называл «верным Генрихом».

Но кровь еще пульсировала в его венах, и у него еще была сила раздавить изменников.

«Никогда предатель не станет моим преемником!» — крикнул он и, вызвав генерал-фельдмаршала фон Грайна, отдал ему распоряжение вылететь из осажденного Берлина и во что бы то ни стало арестовать Гиммлера.

Гитлер не хотел более видеть в своем окружении ни одного эсэсовца, все они казались ему членами одной большой банды предателей. Когда он услышал, что его свояк Герман Фогеляйн самовольно покинул бункер и появился в гражданской одежде, то приказал расстрелять его во дворе имперской канцелярии.

Диктатор внес в свое завещание следующие слова: «Перед своей смертью исключаю бывшего рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера из партии и снимаю со всех государственных постов… Геринг и Гиммлер вели тайные переговоры с врагом без моего согласия и против моей воли, а также пытались взять в свои руки власть в государстве, чем нанесли стране и всему народу невосполнимый ущерб, не говоря уже о предательстве по отношению к моей личности…»

«Гитлер уже понимал, что конец близок, — рассказывала секретарша Гитлера Траудль Юнге, — как-то вечером я, кто-то из охранников и Ева Браун поднялись на улицу. Все было разгромлено, повсюду рвались снаряды. Около одного из зданий Ева увидела красивую итальянскую скульптуру. Когда мы спустились назад, она спросила у фюрера: „Когда кончится война, ты мне купишь эту скульптуру?“ Это было так страшно — слушать подобные вопросы, когда судьба этих людей была предрешена. Я не помню, что ответил ей фюрер.

30 апреля Гитлер сделал Еве предложение. На следующий день стало известно, что Гитлер решил покончить с собой. Он сидел, уткнувшись взглядом в стол, и было видно, что мыслями он уже не с нами.

Неожиданно он попросил зайти меня. Сказал, что я буду печатать его политическое завещание. Я тогда подумала, что вот она, замечательная возможность понять, почему все так кончилось. Но Гитлер говорил абсолютно банальные фразы о том, что он сделал все, что мог и что должен, что будущее за нами, и так далее. Когда он начал диктовать длинный список министров, которым он намеревался завещать Германию, это было настолько неуместно… После всего этого разочарования, после всех страданий, которые мы пережили, он не произнес ни одного слова сожаления, ни намека на сострадание».

Адольф Гитлер и Ева Браун

В ночь на 30 апреля Гитлер и Ева Браун заключили брачный союз. Некогда Гитлер говорил, что никогда не женится, поскольку женат на Германии, но теперь это значения не имело: Германии больше не было. Днем 30 апреля после обеда шофер Гитлера доставил в бункер канистры с 200 литрами бензина. В 14 часов 30 минут Гитлер пригласил к себе около 20 близких людей, молча пожал им руки, а Ева Браун их крепко обняла, после чего оба удалились. Что происходило далее до 15 часов 30 минут, когда Линге и Борман вошли в комнату Гитлера, неизвестно. Линге утверждал, что фюрер сначала застрелил Еву, а потом застрелился сам. Исследователи считают, что оба отравились цианистым калием. Впрочем, каким способом Адольф Гитлер ушел из жизни — не столь и важно. Важно, что он теперь был мертв. Вскоре охрана вынесла тела в сад, облила бензином и сожгла. Своему окружению Гитлер не дал приказа следовать за ним. Напротив, он просил тех, кто желает, уйти из бункера, хотя и понимал, как трудно это будет выполнить на практике. Кто-то ушел, кто-то остался. Чета Геббельс последовала за Гитлером по его же рецепту. Вместе с собой Геббельсы захватили всех шестерых ребятишек — пятерых девочек и одного мальчика.

А Берлин не сдавался еще два дня. Защищали его дети «Гитлерюгенда». Защищали даже тогда, когда русские заняли центр города. Они знали о смерти фюрера. Они не верили в эту смерть. 1 мая радиостанция Рейха передала последнее сообщение: «Адольф Гитлер пал,

сражаясь до последнего дыхания за Германию, на своем командном посту в рейхсканцелярии». Но дети Рейха продолжали оборонять мосты и дома, в шинельках, которые были им слишком велики, эти последние защитники Рейха бесстрашно шли на смерть. Когда 2 мая город был сдан, они этому не поверили и продолжали сражаться. И только 8 мая наступила относительная тишина, разрываемая одиночными выстрелами. Рейх капитулировал.

Ускользнувшие

Рейх капитулировал, многие высокопоставленные лица этого государства были арестованы или добровольно сдались. Но были и такие, кто решил ускользнуть. Генрих Гиммлер, отлично понимая, что после неудачи с еврейским вопросом ждать пощады не стоит ни от союзников, ни от русских, поспешил радикально измениться. Для этого он переоделся в форму унтер-офицера полевой жандармерии, надел на глаз черную повязку и с документами на имя Генриха Хитцингера решил переправиться через Эльбу и прошмыгнуть через английские посты. Его сопровождали Олендорф, секретарь Брандт, Карл Гебхардт и адъютант Гротман. С капитуляции прошло уже около месяца, была ночь 20 мая 1945 года. Гиммлер надеялся, что союзники не узнают рейсфюрера в этом усталом и запыленном человеке. Но надежда была напрасной.

23 мая всю эту немецкую компанию остановил английский пост. Солдата насторожила не форма Гиммлера и не его повязка, а слишком чистые, совершенно свежие документы. Он заподозрил фальшивку, в чем и не ошибся. Прямо с контрольного поста задержанных повезли в лагерь для военнопленных. Гиммлеру еще никогда не приходилось посещать лагеря в качестве арестанта. Комендант лагеря и не подозревал, что за птицы залетели в его ведомство, он обратил внимание на спутников Гиммлера, отметив по выправке, что это явно непростые люди. Сам же рейхсфюрер был описан им как «маленький, невзрачный и убого одетый мужчина». Однако этот «маленький, невзрачный и убого одетый мужчина» вдруг распрямил плечи, снял повязку и нацепил пенсне, а потом сообщил, кто он такой, хотя комендант и так уже его узнал — благо, что портреты рейхсфюрера печатались по всей Германии.

Зачем Гиммлер это сделал — бог весть.

Может, ожидал, что комендант доложит начальству, а те сразу решат его не в тюрьме держать, а привлечь к сотрудничеству. Но Гиммлер ошибся. Начальство, конечно, тут же примчалось, но вместо разговора по душам и в хорошей компании тут же его стали обыскивать с максимальной строгостью: англичане уже знали, что нацистские шишки предпочитают травиться ядом. И — как и предполагалось — ампулу тут же и нашли. Но врач, однако, обыска не прекратил. Гиммлеру приказали открыть рот, посветили внутрь, увидали что-то черное, не похожее на зуб. Тут рейхсфюрер сообразил, что игра окончена. Рот он быстро захлопнул и челюсти сжал. Раздался хруст. Генрих Гиммлер только что раскусил потайную ампулу с цианистым калием. Спасти его, конечно, никто уже не мог. Так верный Генрих, который оказался совершенным предателем, все-таки ускользнул от союзников, пусть и ценой жизни. А вот ускользнули ли двое других — Мартин Борман и Генрих Мюллер — вопрос по-прежнему открытый.

Мартин Борман, секретарь Гитлера, в последнее время решавший, кому можно посещать Гитлера, а кому не стоит, выполнявший роль цепного пса, был приговорен к смерти заочно, поскольку никто не мог толком сказать — мертв Борман или где-то прячется. Мартину Борману удалось бежать до того, как русские войска захватили бункер Гитлера. Заканчивая свою жизнь, Гитлер назвал новым президентом Рейха Карла Деница, а своим душеприказчиком именно этого «цепного пса», Мартина Бормана. Дениц подписал акт о капитуляции, а Борман? Что делал Борман?

Последнее, что о нем достоверно известно: вечером 1 мая 1945 года он покинул бункер. Покинул — но куда направился? По одним сведениям — на встречу с Деницем. По другим — собирался скрыться и консолидировать силы для борьбы с победителями. Самое интересное:

американцы верили, что Мартин Борман скрылся и жив, его имя указано в приговоре Нюрнбергского суда, приговорившего его к смерти как отсутствующего на трибунале, но здравствующего! Он был единственным, кого судили заочно. И кого пытались разыскать.

Но были очевидцы, которые твердо говорили: Борман мертв. Якобы он пытался пробиться вместе с группой эсэсовцев и был убит. Некий повар, которого арестовала 5-я ударная армия русских, показывал, что отход Бормана прикрывал немецкий танк, повар якобы шел вместе с этой группой. Танк попал под огонь русских батарей и был подбит, повар был тяжело ранен, а всю группу, в которой он шел, разнесло буквально на куски. По другому свидетельству, некий немецкий механик и в совершенно другом месте нашел два мужских трупа без следов ранений, на одном из них было кожаное пальто, это был Борман, и дата события — 8 мая.

Спустя полгода в Баварии задержали лидера «Гитлерюгенда» Аксмана, тот имел сообщить, что накануне сдачи Берлина ушел из рейхсканцелярии вместе с Борманом, врачом Гитлера Людвигом Штумпфеггером, личным пилотом фюрера Хансом Бауром и другими людьми, решившимися покинуть бункер. Якобы несколько раз они попадали под обстрел, потом натолкнулись на русский кордон, но солдаты приняли их за ополченцев и даже угостили сигаретами. Борман был подозрительным, он постарался покинуть доброжелательных русских и быстрыми шагами ушел в темноту вместе с личным врачом Гитлера. Через некоторое время распрощались с русскими и Аксман с пилотом. По дороге они наткнулись на два трупа — и узнали с печалью своих товарищей. Аксман подумал, что, может быть, Борман еще дышит. Нет, он уже не дышал.

Обе эти версии прозвучали на Нюрнбергском процессе, но им… не поверили. Ведь получалось, что в любом случае Борман погиб и не столь уж важно, где. Нюрнбергский трибунал даже приговорил неуловимого Бормана к смерти через повешение! Но петля так и не нашла рейхс лейтера. Он исчез. Каждый год появлялись все новые и новые свидетели, которые выдвигали на роль Бормана то доктора, то землевладельца, то итальянца, то испанца, то аргентинца, то бразильца, то итальянца, то даже еврея, помещали неуловимого Мартина то в Испанию, то в Южную Америку, то в Италию, то в Англию, то в Польшу, то даже в СССР… Но и адреса оказывались не те, и «Борманы» не те. В конце концов, немецкий суд в 1954 году постановил считать смерть Бормана доказанной, а самого Бормана умершим, дата смерти 2 мая 1945 года, ровно в полночь. Но и после этого страсти все равно не утихли. Буквально через пять лет образовался новый свидетель, некий психиатр, который, оказывается, лечил Бормана где-то в Дании и всего лишь спустя пару лет после войны. Страсти вспыхнули снова. Как раз в это время МОССАД выкрал из солнечной страны Аргентины скрывавшегося под чужим именем Эйхмана.

Так жив или мертв?

Искать или не искать?

Версии, которые предлагались, были одна другой чуднее: якобы Борман работал на русскую разведку и Советы увезли его в Москву, якобы Борман работал на английскую разведку и англичане увезли его в Лондон, якобы Борман работал на ЦРУ и теперь живет где-то в США.

Бормана то хоронили, то снова воскрешали. Больше всего это волновало, конечно, не любителей сенсаций, а несчастную семью самого Бормана. Как признавался его сын, поначалу всякий раз после публикации в их доме расцветала надежда — а вдруг жив? «Я просто впадал в оцепенение: как, неужели отец спасся? — рассказывал этот уже немолодой человек уже в новом тысячелетии. — Но почему же тогда он не дает нам знать о себе? Каким образом ему удалось скрыться? Однако потом мы все привыкли: Бормана стабильно встречают в разных уголках мира в среднем 50 раз в год — даже сейчас, когда ему исполнилось бы 104 года, и он при желании не смог бы так резво передвигаться. Главное потрясение для меня случилось в 1949 году, когда бывший глава разведки штаба сухопутных войск генерал Гелен заявил, что Борман был профессиональным советским шпионом, которого Сталин заслал в окружение

фюрера. Услышав это, я вскочил на велосипед, примчался к моему дяде Альберту и закричал с порога: „Неужели это правда? Почему же я ничего не знал?!‟ Но дядя успокоил меня, сказав, что это „обычные игры спецслужб‟. Просто тогда Америке надо было оправдать себя, что она принимает на службу нацистских генералов (в том числе и самого Гелена), вот они и запустили такой слух — мол, русские-то тоже не лучше нас.

До 1946 года я думал, что он жив и скрывается… Я даже знал, куда он мог бежать… Я предполагаю, что он направлялся в Мекленбург: там у него было много деревенских друзей еще с 20-х годов, а также принадлежащие ему молочные фермы. Среди этих ферм Борман спокойно мог затеряться, выдав себя за крестьянина, отсидеться в глуши в погребе, а потом уже, получив нужные документы, бежать из страны. Артур Аксман, шеф „Гитлерюгенда‟, подтвердил в 1946 году, что видел Мартина Бормана и личного врача Гитлера Людвига Штумпфеггера, которые лежали на спине возле автобусной станции в Берлине, где шел бой. Он подполз к их лицам вплотную и ясно различил запах горького миндаля — это был цианистый калий. Мост, по которому Борман собирался бежать из Берлина, был заблокирован советскими танками, а сзади уже слышалось русское „ура‟. Отец предпочел раскусить ампулу.

Слова Аксмана подтвердились в 1972 году, когда во время рытья котлована возле автобусной станции в Берлине были найдены два скелета: один из них и идентифицировали как скелет Мартина Бормана. Но слухи не прекращались, газеты несли какой-то бред, поэтому в 1997 году я отдал свою кровь и клетки для теста ДНК. На этот раз было стопроцентно подтверждено — у станции нашли кости Бормана. Что особенно важно — в стиснутых зубах черепа сохранились остатки ампулы с цианистым калием».

Между прочим, Борман был верен Гитлеру до конца. Верен настолько, что когда он понял, что Рейх погиб, то решил уничтожить и собственную семью. «Секретарь отца, — сказал его сын, — который дал мне фальшивые документы 1 мая 1945 года, по сути, спас мне жизнь два раза. Уже через много лет я узнал, что Борман прислал ему радиограмму из горящего Берлина: моя мать должна была поступить, как семья Геббельсов, — убить себя и детей, чтобы они не попали в руки союзников. Секретарь не стал передавать этот приказ. Мне никто прямо об этом не говорил, но я все понял».

Так что Борман обрубал все концы. Он ушел из бункера только с одной целью — не даться врагам. Умереть он так же, как и Гиммлер, предпочел от собственной руки.

А Генрих Мюллер?

Если уж кому и было легко затеряться на просторах Европы, так именно Мюллеру. Внешность у него была совершенно заурядная — такой счетовод или начальник в маленькой конторе, прическа стандартного образца, рост средний, фигура обычная, даже фамилия — самая обычная. Таких Мюллеров среди немцев тысячи.

Жизнь он вел скромную, незаметную, чинов и наград не искал, к славе был равнодушен, работу исполнял четко, то есть, не окажись он в среде национал-социалистов, то закончил бы жизнь спокойно, как всякий законопослушный гражданин, вышел бы в отставку и в пенсионные годы завел бы себе домик в сельской местности, где выращивал овощи, цветы и фрукты, но не на продажу, а для собственного удовольствия. Однако за такой простой внешностью таился ум, который строил себе свое понимание мира, и мир Мюллера сильно отличался от национал-социалистического идеала. Если верить воспоминаниям Шелленберга, то Мюллер говорил такие вещи, за которые он же сам и сажал других в лагеря.

«Национал-социализм — не более чем куча отбросов на фоне безотрадной духовной пустыни. В противоположность этому, в России развивается единая и совершенно не поддающаяся на компромиссы духовная и биологическая сила. Цель коммунистов, заключающаяся в осуществлении всеобщей духовной и материальной мировой революции, представляет собой своеобразный положительный заряд, противопоставленный западному отрицанию». На это Шелленберг мог разве что пошутить: «Превосходно, господин Мюллер.

Давайте сразу начнем говорить „Хайль Сталин“, и наш маленький папа Мюллер станет главой НКВД». Но Мюллер не рассмеялся, он ухмыльнулся: «Это было бы превосходно. Тогда бы вам и вашим твердолобым друзьям буржуа пришлось бы качаться на виселице». Шелленберг добавляет: «Враждебность его особенно усилилась с конца 1943 года, когда он установил контакт с русской секретной службой, и мне приходилось считаться не просто с его личной неприязнью, но и с тем, что я объект ненависти фанатика». Но это не конец цитаты.

Далее Шелленберг сообщил нечто непостижимое о… послевоенной жизни Мюллера.

Как жизни?!

Ведь полиция совершенно точно подтвердила смерть Генриха Мюллера, было выдано свидетельство об этой смерти… извините, даже два свидетельства. Из-за этого, собственно, и пришлось признать смерть недействительной и объявить шефа гестапо в розыск (до сих пор действителен ордер на его арест!). Шелленберг же далее сказал следующее: «В 1945 году он присоединился к коммунистам, а в 1950-м — один немецкий офицер, возвратившийся из русского плена, рассказывал мне, что в 1948-м видел Мюллера в Москве. Вскоре после той встречи Мюллер умер». Однако телохранитель Гитлера Гюнше утверждал обратное: якобы 2 мая уже все было кончено, и Мюллер «решил застрелиться в Рейхсканцелярии». Но… любовница Мюллера видела его в последний раз 24 апреля. Тогда уже здание гестапо было разрушено, и Мюллер нашел пристанище в одном из бараков в Ванзее, потом перебрался в подземный бункер на Курфюнстенштрассе, а 1 мая оказался в рейхсканцелярии. Тем, кто с ним там разговаривал, он сказал, что собирается умереть. Уходившие из бункера говорили, что он там так и остался. О Мюллере после 2 мая ровным счетом ничего не было известно.

Жив?

Мертв?

Так что союзники отдали приказ проверить, что за останки находятся в могиле, которая принадлежит Мюллеру. Вскрыли. Это было в конце лета 1945 года. Нашли труп в форме СС и с документами на имя Мюллера. Перезахоронили тело, а в 1963 году, поскольку находились свидетели, которые видели Мюллера живым и невредимым, пришлось могилу проверять. Странное дело, в этой могиле оказалась уже парочка трупов, а точнее — целых три. Экспертиза подтвердила: ни один из трех скелетов Мюллеру не принадлежит!

Так где же Мюллер?

Грегори Дуглас, написавший «Вербовочные беседы», убежден, что Мюллер был спасен… нет, не русской, а *американской* разведкой. Полезный ведь человек. Столько тайн знает и все в голове держит. Но как же тогда быть со свидетельством Шелленберга? Кто обманывает — Шелленберг или Дуглас? А, может, обманывает бывший глава МВД Чехословакии Р. Барак, который как-то некстати и вдруг признался, что его ведомство вычислило Генриха Мюллера в далекой Аргентине в 1956 году и… вывезло в ЧССР (!), а из пражской тюрьмы худощавого «аргентинца» с большими залысинами передали советской разведке? «Я лично присутствовал на церемонии официальной передачи Генриха Мюллера представителям КГБ и стал свидетелем встречи, которая особенно врезалась в память, — делился воспоминаниями Барак. — Дело в том, что среди советских офицеров, принимавших Мюллера в Праге, был полковник, увидев которого, бывший шеф гестапо моментально расслабился и даже выдавил из себя улыбку. Чувствовалось, что немец давно знает этого человека. И хотя церемония проходила в сухой, подчеркнуто деловой обстановке, было заметно, что камень страха упал с души задержанного. Он довольно бодро взбежал по трапу самолета, и больше я его никогда не видел». Впрочем, куда бы ни делся Генрих Мюллер после 2 мая — сбежал (к русским, к американцам, в Южную Америку или любое иное место) или покончил с собой, он тоже ускользнул.

Но возможно ли ускользнуть от самого себя?

Вряд ли.

Заключение:
Пир победителей

Те же, кто оказался на Нюрнбергском и множестве иных процессов, никуда не ускользнули. Да им некуда было ускользать. Они как раз хорошо понимали, что обречены. Они понимали, что никто и никогда не оставит их в покое, пока они живы. Одного они никак не могли понять: в чем их вина. Приговоры ничего им не смогли доказать. Напротив, многое из озвученного на трибунале они попросту считали подтасовкой фактов и ложью. Боюсь, в этом была доля правды. Трибунал собирали как раз для того, чтобы доказать, насколько Рейх был плохим государством.

Наверно, не лучшим.

Наверно, даже очень нехорошим.

Но тем, кто хоть раз держал в руках Протоколы этого трибунала, даже в таком усеченном виде, как наш *отечественный* вариант (а иного у нас так и не издали за 60 прошедших с этого суда лет!), не может не броситься в глаза, что и судьи чего-то не договаривают, и обвиняемых резко обрывают, когда они пытаются что-то объяснить, и свидетельства кажутся подтасованными, то есть этот послевоенный суд имел исключительно политическую окраску.

Да он, наверно, и не мог быть другим. Ведь в ответ на обвинение в жестоких бомбардировках английских городов Геринг совершенно справедливо обвинял своих судей в жесточайших бомбардировках немецких городов. Или то, что сделали немцы, плохо, а то, что сделали англичане, американцы, французы и русские, — хорошо? Немцев нужно было обвинить, вот их и обвинили.

Если нужно было судить немцев, так не за то, что было названо военными преступлениями, не за способ ведения войны. Поверьте, четыре союзника вели ее столь же негуманно. Но… немцы начали первыми. За что и получили.

За уничтожение людей?

Наверно, да, это плохо.

Но тогда первым на этом трибунале стоило призвать к ответу товарища Сталина и того нашего юриста, Льва Романовича Шейнина, который отлично поднаторел на отечественных процессах и отправил в лагеря тысячи своих соотечественников, а теперь выступал на этом процессе помощником главного обвинителя от СССР.

«Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся», — говорил обвинитель от США Роберт Джексон, имея в виду лагеря, расстрелы населения и рабский труд. Но ему жали руки советские товарищи, которые занимались точно тем же, за что судили немцев, — расстреливали своих соотечественников, отправляли их в лагеря ничуть не лучше немецких и подвергали тому же рабскому труду с замечательной директивой, чтобы поменьше этих рабов выжило. Однако ни Сталин, ни Берия, ни одна эта гадина с нечеловеческим лицом не получила своей петли на Нюрнбергском трибунале. А ведь западные генералы замечательно знали, как эта волшебная страна Советов со своим победителем-Сталиным выполняет конвенцию хотя бы по правам военнопленных.

Дело в том, что после капитуляции Германии немецкими военнопленными, которым полагались вполне демократические права, были названы лишь те, кто имел гражданство Рейха. Немецкими военнопленными вовсе не считались те миллионы русских людей, которые служили в армии Рейха. Не считались, даже если они носили немецкую военную форму. Многие из них не были ни палачами, ни даже пособниками Гитлера, а мечтали о возрождении собственного отечества. Англичане, французы и американцы отлично понимали, что их толкнуло в рады немецкой армии. Англичане, французы и американцы без единого слова

против сдали миллионы этих людей, оказавшихся даже не в советской, а в английской, французской или американской зонах оккупации советским товарищам.

Как это было?

О, прочтите хотя бы страшные страницы книги Толстого о том, как сдавали казаков, которые готовы были умереть, но только не пойти в советский плен. Тех самых казаков, что уходили вместе с семьями на запад, отступали вместе с немецкой армией и теперь оказались разменной монетой в политической игре великих держав.

«28 мая в десять утра полковник Брайар из 1-го Кенсингтонского полка собрал своих офицеров на совещание в штабе батальона в Шпиттале. Объявив приказ по дивизии о репатриации казаков, он стал объяснять, какие меры следует принять, чтобы все прошло без сучка без задоринки… Заняв позиции, офицеры в нетерпении стали ожидать прибытия казаков…

Услышав о репатриации, многие в панике начали срывать знаки различия, пытались избавиться от мундиров и черкесок, выбрасывали документы, которые могли бы засвидетельствовать в НКВД их чины. Офицеры хорошо понимали, что им-то предстоят самые жестокие испытания. Понимали это и англичане — и потому приняли тщательные меры по предотвращению побегов, составили список офицеров (для рядового состава список не заводился). Пораженные обманом англичан, казаки принялись искать виновных… В 9 часов казакам пришлось отправиться на ночь в свои бараки. Но лишь немногие из них спали в ту ночь, и наверняка не сомкнул глаз генерал Доманов. Он понимал, что его ждут жестокие пытки и неминуемая смерть, но его мучило еще и сознание того, что он потерял доверие своих товарищей.

Утром в пять часов все позавтракали. После этого один из священников попросил у полковника Брайара разрешения совершить службу, для многих последнюю. Брайар согласился. Позднее он писал, что „это была замечательная служба с великолепным пением". Но долго предаваться столь христианским чувствам полковнику не пришлось: в 6.30 к воротам подошел первый грузовик, и английский офицер из охраны приказал сесть туда Доманову со штабом. Доманов отказался, добавив, что больше не властен над своими офицерами. Тогда полковник Брайар заявил, что дает 10 минут на размышления, после чего примет меры.

10 минут прошли. И поскольку ни Доманов, ни его офицеры не собирались повиноваться приказу, за дело взялся взвод английских солдат, вооруженных автоматами, винтовками с отомкнутыми штыками и заточенными кирками. Однако оказалось, что заставить казаков повиноваться — задача не из легких. Офицеры сели на землю, взявшись за руки, и когда английский сержант попытался силой оттащить одного офицера, тот укусил его в руку. Британские охранники только и ждали этого — они набросились на безоружных, среди которых были старики, вроде генерала Тихоцкого, способного передвигаться только ползком. Несколько минут английские солдаты дружно орудовали прикладами винтовок и кирками, и многие казаки были избиты до потери сознания. Некоторые из англичан не отказали себе в удовольствии подколоть лежащих на земле казаков штыком. Но в общем, как докладывал бравый полковник Брайар, „вмешательство возымело должное действие" и казачьи офицеры залезли в грузовики.

Через несколько часов глазам едущих в передовом грузовике предстала посреди лесистой долины Мура панорама Юденбурга. Река служила демаркационной линией между двумя армиями. Грузовики медленно подъехали к мосту, вдоль которого стояли английские бронемашины и пулеметы. Затем вся колонна выстроилась сбоку, грузовики один за другим переезжали мост, высаживали живой груз на советской стороне и возвращались. Наверху, на столбе, болтался как висельник кроваво-красный флаг СССР… Перейдя по мосту на другую сторону, майор Гуд стал наблюдать за ходом выдачи казаков. Но тут стоявший рядом с ним казачий офицер вытащил откуда-то бритву, полоснул себя по горлу и, окровавленный, упал в

предсмертных судорогах к ногам английского майора. Фраппированный таким поворотом событий, английский майор осведомился у русской женщины-офицера, что ожидает казаков. Она заверила его, что „старшие офицеры будут посланы на перевоспитание, а младших отправят на работы по восстановлению разрушенных советских городов‟. Впрочем, вскоре на тот же вопрос он получил совсем другой ответ: капитан Красной армии многозначительно провел ладонью по горлу».

И это совсем не самая яркая картинка в этой книге.

Она задевает вас?

Заставляет думать?

Вы удивлены и обескуражены?

Хорошо, советских товарищей вы еще можете представить в нехорошем свете, но англичане, подкалывающие упавших на землю? Это немцы подкалывали падающих.

Ох, если б так все легко и просто разложить по полочкам: здесь — черное, тут — красное, там — белое… Нет, прав был Геринг: война есть война. Она убивает жалость и сострадание. Человека так просто превратить в зверя. Так трудно вернуть его из звериного логова назад. Человека так легко поманить красивыми словами и красивыми идеями, так легко его заставить ради красивых идей делать некрасивые и неприятные вещи. Так просто сделать его в собственных глазах героем и так невыносимо сложно потом объяснить, что он палач. Пожалуй, именно в этом и есть самая оккультная тайна войн и диктаторских режимов. А все другие придуманы теми, кто так желает эту тайну от нас сокрыть. Ведь ее нужно прятать. Просто необходимо получше прятать. Иначе ведь, когда поманит вас стоящий у власти Крысолов, вы ему не поверите и спросите — а зачем? И он никогда не сможет ответить вам, зачем ради счастья сначала нужно убить счастье других и самих других, а когда придет черный час — и самих себя.

Все, стоящие у власти, отличные крысоловы.

Не верьте, никогда не верьте им!